

АНДРЭ НОРТОН

ПРИНЦ
ПРИКАЗЫВАЕТ

АНДРЭ

НОРТОН

ПРИНЦ
ПРИКАЗЫВАЕТ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

Веер с глазами из опала
Принц приказывает

романы

Издательство
«Зеленоградская книга»
Издательство
«Сигма-Пресс»
г. Москва

1995г.

ББК 84.7 США
Н49

Печатается с разрешения автора и его литературного агента.
Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом
без разрешения — запрещена.

**Всякое коммерческое использование данного издания
возможно исключительно с ведома издателя.**

Нортон Андрэ

Н49 Принц приказывает. Романы/Пер. с англ. — М.:
Зеленоградская книга, Сигма-пресс, 1995 — 416 с.
Вып. 28.

Материал подготовлен и сверстан издательством
«Зеленоградская книга».

В очередной том собрания сочинений Андрэ Нортон
включены совершенно не типичные для творчества пи-
сательницы романы. Но приключения молодых героев,
разворачивающиеся в вымышленной стране и на приду-
манном острове, не менее увлекательны, чем события
большинства ее фантастических произведений.

Н $\frac{4701000000 - 28}{\text{ОД4(03)} - 95}$ Без объявления

ISBN 5 — 85949 — 035 — 6

THE OPAL-EYED FAN
© 1977 by Andre Norton

THE PRINCE COMMANDS
© 1962 by Andre Norton

© Издательство «Сигма-пресс», 1995 г.
© Пер. с англ. «Всеп с глазами из опала» Д. Арсеньева, 1994 г.
© Пер. с англ. «Принц приказывает» Д. Арсеньева, 1994 г.
© Составление издательства «Зеленоградская книга», 1995 г.

ВЕР С ГЛАЗАМИ ИЗ ОПАЛА

*Ирис, Милдред, Кей и Джейн,
которые помогли
оживить Персис и её время,
а также сотрудникам библиотеки Винтер Парк
за усердие и благожелательность.*

Остров Исчезнувшей Леди не существует в природе, и создавая эту повесть, я объединила черты двух реально существующих островов и одного побережья, с их довольно пёстрой историей. На острове Синабел загадочный народ некогда построил город с каналами и мощными фундаментами — насыпями из раковин и утрамбованной земли, а также с дорогами из раковин. Считается, что этот народ истребили испанцы и ввезённые ими семинолы. На нём остались только следы цивилизации, каким-то образом связанной с культурой майя в Центральной Америке.

Второй остров, Каптивa, двойник Синабел, как полагают, служил тюрьмой для женщин, захваченных в пиратских набегах конца 17-го и начала 18-го веков.

А из легенд Индейского Побережья — Индиан Ки — я взяла дом с потайным ходом через черспаший садок, хозяина, отказавшегося признать власть Ки-Уэста, и врача, первым начавшего разводить тропические плодовые деревья во Флориде. Массовое истребление индейцев в середине 19-го века положило неожиданный конец этой маленькой империи: знаменитый дом, известный своей роскошью всему побережью, сгорел дотла. Плантация погрузилась в забвение, и ни разу не предпринималось попытки оживить и заново освоить её.

Андрэ Нортон

Глава первая

В комнате царили сумерки и тишина. Где же ветер, страшный рёв урагана, который поглотил весь мир, поднял на море водяные горы?

Персис Рук слегка повернула голову, хотя всё ещё не открывала глаз. Больше не чувствовалось мускусного запаха, который должен отгонять вонь застоявшейся в трюме воды. Наоборот, в воздухе витал слабый, но острый аромат. Сознание девушки казалось таким же безвольным, как и тело; боль от многочисленных ссадин и синяков заставила её поморщиться, едва она попыталась переменить позу.

Она пошевелила руками. Нашупала мягкие простыни. Это сон? Уж больно не хотелось открывать глаза, чтобы обнаружить себя в тесной каюте корабля. Персис лежала неподвижно, благодарная за тишину, за такое приятное ощущение постельного белья, и пыталась вспомнить. Наконец она медленно приоткрыла веки.

Это... настоящая комната! Не душная каюта, в которую она едва втискивалась. Она лежит в настоящей постели... Она, должно быть, в доме, на суше!

Кровать окружала сетчатая занавеска, отчего комната в утреннем свете казалась неясной и туманной. Как некогда в детстве, Персис ущипнула себя за руку. Боль успокоила её. Она не спит. Приподнявшись на широкой кровати, девушка осмотрелась. Голова у неё кружилась, но она стойко преодолевала тошноту.

Она должна вспомнить... Она была на «Стреле», когда корабль с треском налетел на риф. Потом...

Рекер*!..

* Английское слово *wreck* означает человека, занимающегося грабежом судов, потерпевших кораблекрушение. В русском языке соответствующего слова нет. (Прим. перев.).

Персис покачала головой, хотя это и вызвало новый приступ головокружения. Она ощутила жар возвращающегося гнева. Этот... этот пират! Он появился прямо из бури возле неё — она цеплялась в это время за поручень, — прокричал ей что-то непонятное и понёс её, несмотря на вопли жертвы и попытки высвободиться, и сбросил вниз в маленькую шлюпку. Волосы девушки развевались на ветру, крики заглушал ветер. Она так разозлилась на это самоуправство, что почти перестала бояться. Но потом, в шлюпке...

Персис снова закрыла глаза. Очень странно. Ей казалось, что она никогда, никогда не забудет лицо этого пирата, то, что он обращался с ней, как с тюком ткани. Но что случилось потом — она ничего не помнила.

Дядя Огастин!

Что с дядей Огастином?

Персис, совершенно придя в себя, соскользнула с кровати и откинула в сторону сетчатую занавеску. Наконец проснулось и чувство долга. Она едва взглянула на комнату: свет пробивался в помещение сквозь окна, забранные прочными ставнями. Первым делом она должна найти дядю. Перед бурей он превратился в едва похожую на себя тень. Может быть...

Девушка беспокойно огляделась: нельзя просто выбежать из комнаты в одной лишь ночной рубашке. Тут она заметила, что на ней не одна из её тонких рубашек: эта ей была велика и гораздо грубее. Где же её собственная одежда?

Хорошо хоть ветер прекратился! Но пол под её ногами по-прежнему качался, как палуба «Стрелы». Опираясь о край кровати, девушка направилась к ближайшему окну.

Открыть ставни было нелегко, хотя обычно пальцы у неё проворные. И вот Персис выглянула в спокойное утро. Вначале она не увидела ничего, кроме верхушек

пальм. Потом, посмотрев вниз с широкого подоконника, она обнаружила, что находится на втором этаже дома, который, в свою очередь, возведён на насыпи из... раковин? Неужели это простые морские ракушки? Как можно построить прочный дом на фундаменте из раковин?

Внизу блеснула вода, а рядом расположилась пристань, на которой были нагромождены ящики, бочки и... да, её собственный чемодан!

И ещё там сновали люди. Персис увидела, как три темнокожих человека провезли на тачке большой ящик к соседнему дому, от которого здесь была видна только часть крыши. Все трое носили короткие, до колен, брюки и заплатанные, поблекшие, в пятнах соли рубашки.

Рскеры, как и тот грубиян, появившийся на «Стреле».

Персис почувствовала отвращение и отчасти страх. Хотя дядя Огастин и говорил, что рекеры спасают людей и грузы, она вспомнила услышанный как-то в Нью-Йорке разговор об их жадности. Рассказывали о том, что некоторые капитаны сговариваются с людьми с побережья и нарочно сажают свои корабли на рифы. Несомненно, такие люди не очень далеко ушли от пиратов, которым раньше почти безраздельно принадлежали эти воды и у которых здесь имелось множество убежищ.

Но что всё-таки случилось с дядей Огастином?

Постепенно становилось светлее, и Персис заметила на стуле у комода пеньюар. Схватив его, девушка мельком увидела своё отражение в зеркале на стене — в богатой оправе, предназначенной для роскошной гостиной, с позолоченной рамой, хотя позолота немного потускнела. Но сама зеркальная поверхность не пострадала.

Какое же жалкое зрелище она представляла собой!

Ни аккуратного узла волос на верху тщательно сделанной причёски, ни старательно расположенных по бокам

локонов, — просто масса спутанных волос. Она теперь походила на ужасную каргу, каких рисуют в иллюстрациях к романам миссис Радклиф*.

Персис не красавица, но она никогда не позволяла себе быть неаккуратной. И теперь собственное отражение вызвало у неё отвращение. Девушка вздрогнула, услышав стук в дверь, и сказала:

— Войдите! — и тут же с облегчением добавила: — Молли!

Подбежала и обняла вошедшую. При нормальных обстоятельствах Молли никогда не позволила бы подобную вольность. Потому что она была воспитана на идее совершенной служанки, как и саму Персис воспитывали на роль образцовой хозяйки дома дяди Огастина.

— Мисс Персис, вы простудитесь до смерти! — Молли высвободилась и вытащила из связки одежды, которую принесла в собой, лёгкую накидку. Набросила её на плечи девушки. — Это настоящее чудо, что мы все не на дне морском.

— А где дядя Огастин?

— Не волнуйтесь, мисс Персис. Он устроился вполне уютно, как дитя в колыбели. Шубал покормил его супом, и дядя почти всё съел. Добрый Господь благополучно привёл нас на сушу, это большая милость...

— Но где мы?

— Это остров Исчезнувшей Леди. Так его здесь называют. А спали вы в комнате самого капитана Леверетта. Это его дом.

— А кто такой капитан Леверетт? — у Персис заболела голова. Если верный Шубал всё-таки рядом с дядей Огас-

* Анна Радклиф, популярная английская писательница конца 18-го — начала 19-го всков, автор готических романов ужасов. — (Прим. перев.).

тином, о нём можно не беспокоиться. Спокойствие Молли возымело своё действие: служанка вела себя так, словно для Персис Рук, respectable леди, нет ничего естественнее, чем проснуться в постели неизвестного капитана, причём она даже не помнит, как попала в его дом.

— Он нас спас. Это он посадил вас в шлюпку, а его люди доставили на берег. Разве вы не помните, мисс Персис?

Пират! Да, она его хорошо помнит! Персис стиснула зубы. И вряд ли сможет когда-нибудь забыть. Молли может говорить о спасении, но Персис не позволит, чтобы с ней так обращались.

— «Стрела» налетела на опасный риф, — продолжала Молли. — Но капитан Леверетт считает, что корабль удастся снять, когда его облегчат. Всю ночь с него вывозили грузы.

— Рекеры! — Персис фыркнула.

— Мы были рады их увидеть, мисс Персис. Эти рекеры спасают не только корабли, но и жизни. А капитан Леверетт, он настоящий джентльмен. Приказал вызвать врача к мистеру Огастину. Тут есть настоящий врач, хотя пациентов у него немного. Он больше интересуется растениями. Так говорит миссис Прайор. Но не забывает о том, как лечить, если нужно. Он сказал, что мистер Огастин испытал сильный шок, и купание в бурю тоже не улучшило его положения. Он и вас осмотрел, мисс Персис. Кажется, вы ударились головой, когда упали в лодку. Но он сказал, что это не страшно. После сна пройдёт.

— Я... — Персис нетерпеливо потянула спутавшиеся волосы. Последние несколько дней прошли словно в дурном сне. Сначала ужасная морская болезнь, которая заставила её всё время проводить в каюте, потом эта страшная буря... и наконец крушение...

— С вами всё будет в порядке, мисс Персис. А мисс Лидия, сестра капитана, поделилась с вами своей одеждой. Пойду принесу её. А то ваше платье совсем испорчено. Но сначала... — Молли вышла и вернулась с подносом, на котором стояла чашка, накрытая блюдцем, и рядом лежала серебряная ложка.

— У них здесь очень хорошая кухарка, — провозгласила служанка. В голосе её прозвучало глубокое удовлетворение, потому что Молли и кухарка дяди Огастина были старыми врагами; причём Персис подозревала, что вражда доставляет им обоим немало удовольствия. — Настоящий бульон. Выпейте, мисс Персис, и вам станет гораздо лучше. Вы выглядите уставшей.

Персис отвела глаза от зеркала. «Уставшая» — самое мягкое выражение для описания её внешности.

— Я ужасно выгляжу, — согласилась она, беря ложку. Бульон пах замечательно, и впервые за много дней девушка ощутила настоящий голод.

— Там мой чемодан, — показала она на окно. — Можешь принести его? Я бы предпочла носить свою одежду.

Эти платья её очень волновали. Дядя Огастин так неожиданно решил отправиться на Багамские острова, где всегда тепло, и тяжёлый шёлк и шерсть, какие носят в Нью-Йорке, там не поносишь. Осенью же, как оказалось, весьма трудно добыть муслин и лёгкий шёлк. Содержимое этого чемодана стоило больших усилий и затрат времени. К тому же приходилось осторожно подходить к ценам, потому что после катастрофического пожара пять лет назад, когда половина города погибла в огне, дела дяди Огастина пришли в упадок.

— Там все вещи нуждаются в стирке и починке, — объявила Молли. — Пока вы их носить не сможете, — она оценивающе взглянула на свою госпожу. — Мисс

Лидия полнее в талии, несмотря на все кружева, но совсем немного...

Персис вздохнула: сейчас предстоит выслушать обычные сетоания Молли на её удобу.

— Я знаю, что худа, как рельс. Но я всегда такая, Молли, сколько бы ни ела. Ну, хорошо. Ясно, что мне придётся что-то надевать, и так как мисс Левверетт настолько добра, я с благодарностью приму её предложение.

На самом-то деле она не была благодарна. Ей не хотелось носить чужую одежду. Казалось бы, ничтожная неприятность: ведь нужно быть благодарной за спасение. Но в одном она была уверена: чтобы снова отправиться в море (если «Стрелу» залатают, и они смогут продолжить путь), потребуется всё её мужество.

Однако два часа спустя она уже примирилась с собой и со всем миром. Стройная чёрная девушка принесла вёдра с горячей водой, и Молли отмыла волосы Персис от соли, просушила их и расчесала. Персис надела муслиновое платье, гораздо более роскошное и дорогое, чем одежда из её собственного чемодана. В сущности, она теперь была одета для официального чаепития.

Модные рукава платья лимонного цвета (который хорошо подходил к её каштановым волосам и желтовато-бледной коже) плотно облегли руки от плеча до локтя, а потом расширились облаком кружев. Широкий воротник тоже был обшит тонкими, как паутина, кружевами. А на вырезе воротника красовался бант. К платью прилагался передник из кисеи с отделанными рюшами краями.

Молли искусно зачесала Персис волосы, старательно уложила локоны, хотя в этом влажном климате они скорее напоминали развевающиеся космы, чем правильные кольца. И всё же Персис взглянула в зеркало не более уверенно, чем раньше. Все эти кружева ей не шли.

Слишком уж у неё худое лицо и слишком острый нос с горбинкой. Она выглядела как школьная учительница.

— Как дядя Огастин? — её снова потревожило сознание долга.

— Он ещё спит, мисс Персис. Шубал сидит рядом с ним, если ему что-то понадобится. Но вы можете на него взглянуть.

Молли открыла дверь комнаты и указала на другую дверь, напротив.

— Мисс Лидия и миссис Прайор внизу, на веранде. Спуститесь по лестнице, а потом прямо...

Персис кивнула и тихо постучала в дверь дяди. Выглянул Шубал. Его седые бакенбарды топорщились вокруг худого лица. Он пропустил девушку, но предупреждающе прижал палец к губам.

Здесь тоже стояла большая кровать под балдахином из сетки. На фоне подушек, поддерживающих голову и плечи (после болезни дяде приходилось спать почти вертикально), лицо старика казалось совсем бледным. Редкие волосы торчали хохолком, как у птиц, которых иногда привозят моряки. Рот был открыт и расслаблен. Дышал дядя поверхностно и часто. Глаза его были закрыты.

А ведь именно эти глаза делали дядю Огастина таким живым. Вопросительное выражение ярких голубых глаз — первое, что отметила Персис, когда дядя привез её к себе, завершив многолетние скитания по чужим странам. Почему-то она никогда не считала его стариком, хотя он являлся старшим членом семьи, а её отец был намного моложе брата. Девушка смотрела на это худое усталое лицо, на закрытые глаза, и внезапно её охватил страх. Она не могла представить себе будущего, в котором нет дяди Огастина, его суховатого юмора, его острого разума, всегда полного любопытства. Впрочем, он всегда держал-

ся довольно отчуждённо, и её привязанность к нему в основном была вызвана благодарностью и чувством долга, но не любовью.

Много ли людей его возраста приняли бы осиротевшую восьмилетнюю племянницу к себе в дом? Он заботился о ней, но всегда держался на расстоянии, окружив себя барьером, который Персис так и не смогла преодолеть.

Впрочем, её положение немногим отличалось от жизни Салли Мэдисон или Кэролайн Бриггс, которые вместе с ней учились в академии мисс Пикетт для юных леди и стали её ближайшими подругами. Потому что Салли и Кэролайн побаивались своих отцов и вообще со страхом относились к представителям старшего поколения.

А дядя Огастин, хоть и держался на расстоянии, всегда был рядом. Конечно, он не делился с племянницей своими делами. И она была очень удивлена, когда он впервые сообщил ей о своём решении отплыть на Багамские острова. Хотя девушка и так догадывалась, что после пожара дела «Рук и Компании» идут неважно. Именно тревога из-за состояния дел и вызвала его первый припадок.

Дядя, казалось, вполне оправился после болезни. Потом объявил, что путешествие в тёплые страны необходимо ему для поправки здоровья. Но Персис подозревала, что его беспокоит не здоровье, а состояние дел фирмы. Минстер Хог, юрист, так часто в последнее время приходил к ним.

А потом поиски на чердаке, поиски какого-то сундучка. Когда его нашли, в нём оказалась только связка старых писем. Но дядя Огастин чрезвычайно обрадовался, увидев их.

Шубал коснулся руки девушки и показал на дверь. Она кивнула и вышла, слуга за ней. Он всегда был молчалив,

как и сам дядя Огастин, но сейчас его губы дрожали, и он всё время оглядывался, что ещё больше встревожило Персис.

— Он... он плохо выглядит, — сказала она.

— Слава Богу, что не умер! — голос Шубала дрожал. — Сердце... доктор боится за него... я знаю. Хотя мне он ничего не сказал. Вы должны поговорить с ним, мисс Персис. Может, вам он скажет правду.

— Я поговорю.

Да, им нужна правда. Врач, возможно, лучший на острове. Но в Ки-Уэсте, конечно, есть ещё лучше. Далеко ли они от этого порта? Можно ли отвезти туда дядю Огастина? Или пригласить врача сюда? Персис вздрогнула, вспомнив бурю. Снова отправиться в море...

— Спасибо, мисс.

Рука Шубала, которой он коснулся дверной ручки, дрожала. Он был очень привязан к дяде Огастину, они столько лет прожили вместе. И эта его заботливость заставила девушку почувствовать себя виноватой. Ведь дядя так много ей дал. Всё, подсказала какая-то частичка сознания, всё, кроме самого себя.

— Мисс Рук...

Вздрогнув, Персис взглянула на лестницу. Наверху стояла женщина, такого же плотного телосложения, как Молли, но элегантно одетая в серый муслин. Шляпа с лентами на высокой причёске сидела так, как было модно в прежние времена. Но стиль шляпки лучше современных модных подходит к её круглому цветущему лицу. Женщина имела вид человека, привыкшего приказывать.

— Я миссис Прайор.

Вероятно, экономка, но не прислуга, даже из числа «старших», решила Персис.

Она присела, как перед матерью своей подруги.

— Пожалуйста, скажите, как мой дядя? — если с кем-то врач в этом доме и поделился, то, конечно, с этой весьма компетентной миссис Прайор.

Несколько мгновений женщина оценивающе смотрела на девушку, потом ответила:

— Он старый человек, и здоровье у него не в лучшем состоянии. Буря и кораблекрушение — всё это плохо сказалось на нём. Но я видела много неожиданных выздоровлений. Человек не умирает, пока не придёт его время, а он борется... — слова её звучали совсем не утешительно.

— Врач... он... — Персис не знала, как задать интересующий её вопрос.

— Доктор Ви́ринг — очень хороший врач. У него слабые лёгкие, и поэтому он ещё молодым человеком прожил несколько лет в Панаме. Потом приехал сюда и начал экспериментировать с растениями. Он хочет посмотреть, какие тропические растения могут вырасти так далеко на севере. Капитан Леверетт заинтересовался его проектом и отдал ему островок Верде Ки в качестве сада. Но живёт доктор на острове Исчезнувшей Леди, так что нам всем очень повезло. Поверьте, он хорошо знает своё ремесло.

— Спасибо... — Персис была слегка угнетена. Непоколебимое достоинство миссис Прайор действовало на неё так же подавляюще, как и в академии мисс Пикетт. Она превращалась в школьницу. И такое положение ей не нравилось.

— А теперь, моя дорогая мисс Рук... — домоправительница говорила так же решительно и властно, как мисс Пикетт, когда та собиралась приказать что-то делать «ради собственного блага». — Почему бы вам не спуститься на веранду. Там готова еда. А так как буря кончилась, на веранде гораздо приятней.

Внутренняя реакция Персис была такой же, как на приказы мисс Пикетт, то есть хотелось поступить наоборот. Но это глупая ребячливость. И она пошла на веранду.

Короткая прогулка по первому этажу, к удивлению Персис, показала ей, что такой дом вполне мог бы располагаться в лучшем районе Нью-Йорка. Богатая меблировка, великолепные толстые ковры. Награбленное во время кораблекрушений, с отвращением думала Персис, хотя не могла сдержать любопытства.

Её познания о том, что происходит на этих островах (владельцы кораблей, с которыми был знаком её дядя, откровенно называли их жителей пиратами), основывались на разговорах с дядей. То, что она увидела, ей не понравилось. Конечно, рескер должен иметь правительственную лицензию, он имеет право на вознаграждение за спасение судна и по закону получает часть груза. Но остаётся фактом, что он живёт на несчастьях других — и неплохо живёт, судя по обстановке этого дома.

Но теперь по крайней мере рескеры здесь действуют по американским законам, а багамцам (о которых ходят довольно тёмные слухи) доступ в эти воды запрещён. Но и об этих говорят, что они заманивают корабли на рифы, подвергая их опасности.

Персис вышла на веранду и остановилась. Она совершенно забыла о насыпи, на которой стоит дом и которую она видела из окна сверху. И теперь ей показалось, что она на вершине холма, с которого видно море зелёной растительности и белые, усыпанные ракушками пески пляжей.

У стола стояли несколько тростниковых стульев, стол был накрыт сетчатой скатертью, похожей на занавеси кроватей. За столом сидела молоденькая девушка и смотрела на Персис с выражением, близким к откровенной грубости.

В тщательно причёсанные волосы девушки, цвета очень светлого золота, были вплетены цветы. Всё тело искусно защищено от жгучего солнца юга. Тёмные брови и ресницы придавали яркость и привлекательность чертам лица, которое Персис нашла несколько дерзким. На щеках у неё почти не было краски, но маленький рот с выступающей нижней губой влажно краснел, как будто она недавно съела конфету с корицей.

Девушка улыбнулась, чуть склонила украшенную цветами голову, глаза её под опахалом тёмных ресниц сузились.

— Мне это платье никогда не нравилось. Вам цвет явно подходит больше, чем мне, — открытое признание было сделано тоном, который позволяет предполагать, что муслиновые платья лимонного цвета — самое обычное дело.

— Я должна поблагодарить вас за это платье, — ответила Персис чуть резковато. Стоило последить за языком. Но с самого первого знакомства мисс Лидия Леверетт ей не понравилась. А на неё не похоже сразу ощущать неприязнь к кому-то.

— Добро пожаловать на Исчезнувшую Леди, — Лидия указала на стул напротив себя. — Ну, по крайней мере буря кончилась. Если сядете сюда, окажетесь спиной к морю. Несомненно, вы на него уже посмотрелись.

Что-то в явном пренебрежении мисс Леверетт ко всем общественным условностям и тонкостям заставило Персис насторожиться.

— Такое странное название — Исчезнувшая Леди, — она ухватилась за первую же тему для разговора. Говорить о крушении ей не хотелось.

— Нет, если знать нашу историю. Была леди, и она исчезла. Пропала. Теперь она наш призрак. Будьте осторожны. Говорят, она приносит несчастье туземцам, которые с ней встречаются.

Сто лет назад здесь стояла пиратская крепость. Основание этого дома — часть форта, построенного Джском Сатиновая Рубашка. Но ещё до этого здесь была насыпь, сделанная Древними, — Лидия помолчала и странно взглянула на гостью. — Островитяне рассказывают о них страшные истории — о крови и жертвоприношениях. Эти Древние были гигантами, и их стрелы пробивали латы испанцев.

Но в конце концов испанцы их всех перебили. Кроме грязной старой ведьмы Аскры, если она действительно из их числа. Бог видит, она такая старая, что это вполне может быть правдой. Потом пираты под командованием Джска напали на испанцев и в свою очередь перебили всё население острова — кроме этой самой леди. Она была женой коменданта и дочерью какого-то знатного человека, и Джек взял её себе в качестве своей доли добычи. А потом его нашли мёртвым, а она исчезла...

Потом опять вернулись испанцы, и так и продолжалось. Я вас напугала, мисс Рук, всеми этими кровавыми сказками? У нас просто должны быть призраки. Ведь тут столько всякого происходило. А островитяне клянутся, что призраки существуют.

Персе улыбнулась. Если Лидия считает, что эти детские сказки её запутают, она не очень высокого мнения об уме гостыи.

— О многих старинных местах сложены такие истории, — сдержанно ответила она. — Даже в Нью-Йорке.

— Нью-Йорк! — Лидия выпрямилась. — Как бы я хотела вернуться в Нью-Йорк! Вообще отправиться куда угодно, подальше отсюда! — она резко встала и подошла к перилам веранды, хмуро глядя на зелень Исчезнувшей Леди.

Глава вторая

— Значит, вы бывали в Нью-Йорке? — Персис несколько нетерпеливо взглянула на хозяйку. Она была голодна, но невежливо начинать есть без приглашения.

Широкая юбка Лидии зашуршала при резком повороте.

— Я — в Нью-Йорке? — она сердито рассмеялась. — Я училась в школе в Чарлстауне, и в Ки-Уэсте, и это всё — с тех пор как Крю решил поселиться здесь. Но родилась я в Нью-Йорке. Хотя и не помню этого.

Она вернулась к столу и нетерпеливо дёрнула за сетку. Этот жест соответствовал её резкому тону.

— Быть заключённой здесь — от этого одного можно увидеть любых призраков. Когда скучаешь, в голову приходят самые странные фантазии.

Она съела всего лишь кусок хлеба с джемом. Зато Персис с аппетитом проглотила печенье, незнакомые фрукты и ветчину, нарезанную очень тонко и очень вкусную. На десерт подали заварной крем с непривычным вкусом. Он Персис тоже очень понравился.

Лидия поставила руки на стол, опёрлась на них подбородком и устремила взгляд на Персис.

— Расскажите мне о Нью-Йорке, — приказала она.

Но едва Персис заговорила, как её прервал резкий лающий звук. Лидия мгновенно вскочила на ноги и направилась ко входу в дом.

— Заметили корабль... — она сообщила только это и исчезла.

Заразившись возбуждением хозяйки, Персис последовала за ней. Лидия уже поднималась по лестнице, придерживая юбку обеими руками, чтобы быстрее идти.

Они поднялись по трём пролётам — третий оказался очень узким и крутым — и вышли на плоскую крышу,

ограждённую перилами. Из ящика, укреплённого у перил, Лидия достала подзорную трубу. И, прикрыв один глаз, посмотрела на море.

— Он всё-таки посмел! — голос её возбуждённо звенел. — Это «Удача бури»! — Лидия улыбалась. — О, Крю придёт в ярость! Не могу дождаться, чтобы взглянуть на его лицо, когда он увидит её здесь.

— Это корабль вашего брата? — удивилась Персис.

— Нет. Его корабль называется «Непревзойдённый». А это корабль Ральфа. Ральфа Гриллона. Он с Багамских островов.

— Но я считала, — Персис заслонила глаза, но без подзорной трубы видела только какую-то тень, — что рекеры с Багам не заходят в эти воды...

Лидия нетерпеливо фыркнула.

— Море не разгорожено, как поле. И багамцы тут плавали задолго до нас. У них есть свои права, хотя такие люди, как Крю, слишком властны, чтобы признавать это. Ральф водит «Удачу бури», куда захочет. А если какой-нибудь катер из Ки-Уэста и привяжется, он увидит только корму. К тому же, — улыбка её стала одновременно радостной и хитрой, — у Ральфа имеется особая причина появляться здесь, — и не предложив Персис подзорную трубу, она положила её назад в ящик.

— Но даже он не может сделать ветер сильнее, — чуть погода продолжила Лидия. — Пройдёт несколько часов, прежде чем... — тут она замолчала, глядя уже не на море, а на то, что находилось непосредственно перед домом. Улыбка её исчезла, сменившись мрачным выражением.

Персис проследила за её взглядом. Насыпь, на которой был воздвигнут дом, соединялась полоской земли — дамбой — с причалом, но у её основания плескалась вода и узкий канал вёл прямо в море. Выход из канала находился у самой пристани, по-прежнему загромождённой ящиками и бочонками.

По каналу от пристани двигалась небольшая лодка с двумя гребцами, и Лидия смотрела именно на неё. Сжав кулак, она ударила им по перилам.

— Джонни Мэйсон! — она словно выплонула это имя. — Услышал сигнал раковины и отправился к Крю. Вечно он вмешивается! — она пожала плечами. — Ну и пусть. Ему это не поможет. Крю тоже.

Лидия устремила к лестнице. Персис спускалась осторожно, решив, что Лидия погружена в свои мысли и забыла о ней. Но в верхнем коридоре хозяйка остановилась и оглянулась.

Выражение недовольства, пусть и слабое, исчезло. Улыбка больше не казалась ни сердитой, ни хитрой.

— Вы спрашивали об Исчезнувшей Леди, — к замешательству Персис, она совершенно оставила тему «Удачи бури» и её капитана. — У меня есть время показать вам всер — всер призрака.

Она взяла Персис за руки, словно они близкие и лучшие подруги — Персис несколько встревожилась такой быстрой сменой настроений, — и отвела гостью в спальню на втором этаже у самой лестницы.

— Сьюки, — нетерпеливо обратилась Лидия к чернокожей девушке, которая складывала бельё в ящики прекрасного резного комода, — оставь это. Скажи Мам Роз, что у нас на ужине будет гость, особый гость. Нам понадобится наполеоновский фарфор и лучшее столовое серебро. Иди!

— Да, мэм, — и Сьюки исчезла, оставив комнату в беспорядке. Персис решила, что этот беспорядок — дело рук Лидии. Хозяйка рылась в старинном морском сундуке, говоря:

— Ни один островитянин не притронется к этой вещи. Они считают, что она приносит несчастье. Крю нашёл это, — она пнула сундук носком туфли, — в песке под

скалой. Всё, что осталось от старого пиратского форта. Я упростила его отдать сундук мне. Сююки и остальные знают, что он у меня. Они считают, что я могу напустить на них несчастья. Поэтому всегда делают, что я велю. Полезная штука. А, вот он!

Она подошла к окну, неся в руках деревянную шкатулку. Достала из неё всеер, расправила и поставила под солнечный луч.

Персис приходилось видеть изящные всеера из слоновой кости, которые иногда продают китайские купцы. И всеера из сандалового дерева, которыми пользуются летом. Считается, что аромат дерева позволяет легче переносить жару. Этот же всеер был похож и в то же время не похож на другие. Чёрные дощечки, стянутые лентой, прятались под более плотными дощечками-крышками, на которых были вырезаны изображения кошек с глазами из блестящих тёмно-синих камней. А внутри девушка увидела опять-таки кошек, охотящихся в траве, спящих, сидящих.

— Эти камни называются чёрными опалами, — Лидия указала на глаза-камни. — Так сказал Крю в Ки-Уэсте один ювелир. Он считает, что им двести-триста лет, но не знает, где именно сделан всеер: в Китае или в Италии. Он волшебный. Говорят, с его помощью Исчезнувшая Леди убила Джэка Сатиновую Рубашку, потом просто взмахнула всеером, и её не стало, — Лидия рассмеялась. — Давайте, потрогайте его. Эти кошки не кусаются и не царапаются. Мне они ничего не сделали.

Персис неохотно протянула руку. Всеер был довольно необычный, хотя и прекрасный. Девушка не верила в то, что он может принести несчастье, но всё равно сё охватило какое-то странное ощущение. Персис принялась разглядывать кошек. Они — она поискала нужное слово — выглядели как-то неестественно. Но раскрыв всеер

полностью, девушка почувствовала, словно кошки оценивающе смотрят на неё. Быстро закрыла все и вернула Лидии.

— Очень необычная вещь, — сказала она. Персис видела, что Лидия внимательно наблюдает за ней. Может, желая убедиться, что она так же суеверна, как и островитяне.

— Да, — Лидия положила все назад в шкатулку, а ту уложила в сундук, не делая попыток подобрать вещи, которые разбросала во время поисков. — Но самое странное, что хотя все всегда здесь, призрак держит его в руках. Мне кажется забавной мысль о призрачном все. А теперь я должна найти миссис Прайор. Если я уговорю её, она даст нам хорошего вина... Идёмте со мной, если хотите.

Персис покачала головой.

— Я должна заглянуть к дяде. Спасибо.

Когда она постучала в дверь, Шубал сразу открыл, словно с тревогой ждал её появления.

— Мисс Персис, пожалуйста... Хозяин не спит. Он спрашивал вас.

Надо было прийти раньше. Почему она позволила Лидии помешать исполнению её долга? Персис торопливо подошла к кровати. Странно было смотреть сверху вниз в эти широко расставленные глаза. Даже в старости дядя Огастин оставался очень высоким и держался очень прямо.

— Я здесь, сэр. Простите, что не пришла раньше...

Он с большим усилием поднял руку.

— Неважно... — голос его, хоть и хриплый, сохранил прежнюю вежливую отчуждённость.

— Я должен кое-что объяснить тебе, Персис, — он говорил с паузами и тяжело дыша. Персис с тревогой прислушивалась к его дыханию. — Мы всегда тщеславимся своей силой и не думаем о слабости. Я... Вероятно,

я допустил ошибку, предприняв это путешествие. Серьёзную ошибку. Но, оглядываясь назад, не вижу возможности поступить иначе.

Ты знаешь, что неудачи «Рук и Компани» сильно подорвали наше состояние. Я мог бы восстановить эти потери, но время стало моим врагом. Я слишком стар, а это признавать нелегко.

Его прямой взгляд требовал, чтобы она не проявляла никакого сочувствия.

— Три месяца назад... — он остановился и закашлялся; Шубал едва не оттолкнул Персис, но больной поднял руку и жестом отстранил слугу, — ...я получил важное сообщение. Как и во всех семьях, у нас есть свои тайны. Ты, несомненно, никогда не слышала об Амосс Рукс, — тут он не стал ждать ответа.

У моего отца был младший брат Амос. В дни нашей революции он дружил с молодыми английскими офицерами, которые служили в армии, оккупировавшей Нью-Йорк. Другими словами, он провозгласил себя «лоялистом*». Когда английская армия вынуждена была эвакуироваться, он собрал значительную сумму, в том числе и из денег, украденных у своих сограждан. И с этими деньгами отправился в Вест-Индию.

Но часть этих денег не была получена нечестными путями. Их ему доверила его овдовевшая мать. Эти деньги она предназначала в качестве приданого сестры Амоса, а также для себя в старости.

Убегая из Нью-Йорка, Амос не представил никакого отчёта по этим средствам. Мой отец, а позже я и мой брат Джулиан содержали нашу бабушку. Мы узнали, что Амос

* Лоялистами называли американцев, которые не поддерживали отделение Соединённых Штатов от Англии. (Прим. перев.)

обосновался на Багамских островах и построил там два корабля для поисков потерпевших крушение. Со временем он женился на вдове, и у него родился сын. Но этот сын пропал в море. Поэтому у Амоса законных наследников не было. Умирая, он оставил своё состояние вдове, женщине благоразумной и бережливой. Она, а также несколько других женщин на островах получили доли в его кораблях. Но его вдова оказалась также женщиной честной.

Разбирая дела покойного мужа, она наткнулась на письма миссис бабушки, в которых та просила Амоса вернуть деньги. Кстати, на эти письма он так и не ответил. Вдова немедленно написала в Нью-Йорк и предложила выплатить нужную сумму. В то время я был по делам в Лондоне, и со мной не связались. Мой брат Джулиан, бабушка и тётя Элеанор умерли в течение двух недель от жёлтой лихорадки, которая тяжело ударила тем летом по стране. Меня вызвали домой, но письмо шло долго, и только через несколько месяцев я узнал о письме вдовы Амоса.

Однако в то время я был слишком занят делами своей компании и, поскольку долг относился к бабушке, я письменно поблагодарил миссис Рук и сообщил, что считаю долг погашенным, так как все, кого он касался, умерли. И больше много лет об этом не вспоминал.

Но незадолго до пожара, который так существенно сказался на нашем состоянии, я получил письмо от поверенного миссис Рук на островах. В письме сообщалось, что миссис Рук, дожившая до преклонного возраста, недавно умерла. Она оставила большое состояние, которое в завещании разделила в равных долях между потомками моей бабушки и благотворительными фондами. Сумма наследства оказалась очень значительной.

Тогда я собрал все письма и документы, относящиеся к этому случаю... — старик жестом указал на прикроват-

ный столик. Там лежал небольшой закрытый на замок портфель. — Документы доказывают законность наших притязаний.

Лицо его посерело, хотя говорил он по-прежнему отчётливо, как всегда, делая паузы между словами. Но вот он замолчал, и Шубал протиснулся мимо девушки и поднёс к посиневшим губам хозяина стакан. Дядя Огастин отпил, потом медленно снова поднял голову. Он не отрывал взгляда от Персис. В глазах его горела яростная решимость, которая меняла выражение осунувшегося лица.

— Ты... — частые поверхностные вздохи прерывали его речь. — Ты должна всё это запомнить!

— Запомню, дядя Огастин.

Глаза его закрылись, и Шубал молча жестом попросил её отойти. Слуга проводил девушку до двери, как будто хотел убедиться, что она ушла. Но внимание его было устремлено к человеку в постели.

Персис вернулась в свою комнату по другую сторону коридора. Итак, у этого путешествия на острова имелась реальная причина, а не просто поиск здоровья, которое дяде Огастину не суждено больше найти. Девушка остановилась у окна, которое выходило на пристань.

Ящики и тюки по-прежнему горой лежали на помосте, но людей не было видно. Наверное, склады переполнились. Мимо пролетела птица с ярким оперением и хриплым криком; она затерялась в роскошной зелени, окружающей бассейн и канал. Зато пятно в море, которое Лидия назвала «Удачей бури», приобрело более чёткие очертания.

Но ближе по каналу двигалось другое судно. Не шлюпка с корабля, а узкое каноэ, выдолбленное из одного большого ствола. В каноэ сидел одинокий гребец. Несмотря на все его усилия, судёнышко слишком медленно

приближалось к маленькой пристани, возле которой стоял дом. Ухватившись здесь за сваю, гребец — теперь стало ясно видно, что это женщина, — поднялся вверх, выпрямился и привязал верёвкой свою странную лодку.

Вокруг ног женщины болталась юбка из выделанной шкуры, голову покрывала широкополая шляпа из какого-то тростника или соломы, так что Персис сверху не могла заглянуть в лицо незнакомки. Женщина подняла завернутый в шкуру свёрток и, держа его у костлявого бедра, двинулась к дому. Она поднялась по еле заметным ступеням и исчезла за наружной стеной.

Каное лениво покачивалось у сваи. У рифа бросал якорь корабль, который привёл Лидию в такое возбуждение. На большой пристани собрались люди, наблюдая за ним. Что-то в их поведении говорило, что они не очень приветствуют появление этого корабля. Словно наоборот, обсуждают средства обороны от вторжения.

Персис вспомнила рассказы о том, что рекеры с Багам и местные не так давно были заклятыми врагами. И сейчас ещё намекают на тайные бои, которые ведутся далеко в нейтральных водах, без свидетелей.

Хотя теперь границы установлены законом и многие багамцы, чтобы не потерять средства к существованию, переселились на острова Ки, старая вражда и ненависть всё ещё тлеют под поверхностью. Лидия, несомненно, намекала на то, что капитан Леверетт недолюбливает хозяина корабля, который сейчас бросал якорь в его владениях.

Персис отошла от окна. Лидия казалась очень уверенной в себе. Она явно собиралась принять этого капитана Ральфа Гриллона как почётного гостя. Но воспоминание о последних минутах на палубе «Стрелы», когда хозяин острова бросил её в шлюпку как тук товара, заставило Персис удивиться вызывающему поведению девушки. У

ней самой сложилось представление, что с капитаном Левереттом следует считаться.

Итак, впереди, вероятно, собираются грозовые тучи несколько другого вида. Но это не её дело. Гораздо важнее прибытия этого корабля — которое не имело к ней отношения — был рассказ дяди Огастина.

Старикан, должно быть, — дыхание у Персис перехватило — почувствовал себя очень плохо. Он, который всегда был так уверен в себе, всегда был хозяином своей судьбы да и её тоже, он должен был испытывать крайнюю необходимость, чтобы пуститься в далёкий путь и потребовать деньги у незнакомых людей. А теперь он рассказал об этом и ей. Состояние, связанное с бесчестным поведением. Дядя Огастин всегда был истинно благородным человеком. Значит, он совсем разорен?

Неприятные мысли прервал стук в дверь. Персис отодвинула засов и увидела Молли, а за ней двух островитян с её чемоданом. Молли взмахом руки отослала их, её круглое лицо сердито хмурилось. После того как пришедшие с ней опустили ношу и вышли, служанка фыркнула:

— Плату требуют! — она захлопнула дверь. — Сможут говорить о плате!

— Какую плату?

Уперев руки в бёдра, с раскрасневшимся лицом, Молли посмотрела на девушку.

— Кажется, те, кого спасают эти морские паразиты, должны платить за то, что им не дали утонуть! Никогда не слышала таких нехристианских слов! Мой отец был одним из тех, кто плавал в лодках на помощь, когда у мыса Доброй Надежды корабли садились на рифы. И не было никакого разговора о плате, клянусь в этом!

Персис тоже ощутила негодование. Эти рекеры! Они спасают корабль или хотя бы его груз, а потом берут с

капитана деньгами или частью спасённых товаров. Естественно, что спасённые пассажиры тоже должны заплатить рекерам. Но она была совершенно согласна с гневными словами Молли.

— Они назвали сумму? — она всё-таки пыталась сдерживать гнев. Дядю Огастина не следовало тревожить ещё и этим. Но Персис не знала, что ей делать. Разве что попросить капитана Леверетта подождать с оплатой. Чем больше она думала об этой системе, тем более сильный гнев испытывала.

— Я не спрашивала, — ответила Молли. — Просто вселела им принести сюда ваш чемодан. Может, там внутри всё попорчено водой. Там ходит огромный ирландец, он боцман на пристани. Так он сказал, что чемодан нельзя брать, потому что это часть груза. Ну, я ему сказала всё, что думаю! Груз, как же! И об этой плате у меня есть что сказать. Они это не скоро забудут.

Я им заявила, что хозяин болен и не сможет говорить об оплате. А вас нельзя беспокоить подобными глупостями. Не думаю, — с ноткой удовлетворения закончила Молли, — что мы ещё об этом услышим. Не от этого ирландца.

Итак, они на самом деле не гости, подумала Персис. Несмотря на всю свою роскошь, дом капитана Леверетта — нечто вроде гостиницы. Миссис Прайор сможет прояснить статус невольных постояльцев. Персис считала, что под этой крышей откровенно говорить лучше всего именно с миссис Прайор. И сделать это предстояло ей.

Она понятия не имела, сколько денег осталось у дяди Огастина. Смогут ли они заплатить «выкуп», который потребует этот пират-рекер. Но если бы она хотя бы представляла себе сумму... Наверное, нужно будет заплатить и врачу. А ещё предстоит плавание в Ки-Уэст, а оттуда на Багамские острова. Она, которая никогда в

жизни не имела дела с деньгами, кроме домашних расходов, встревожилась и растерялась.

Молли занялась чемоданом. Может, Персис сумсет найти миссис Прайор и как можно быстрее решить вопрос об их статусе под этой крышей. Сказав, что у неё есть дело, Персис вышла в коридор и спустилась по передней лестнице. Её внимание привлекли голоса в задней части дома.

— Вы знаете, мисс Лидия, что бы сказал — и сделал — капитан, если бы он был дома.

— Да, но его же нет. И если он может раскрыть свой дом перед теми, кого вытащил со «Стрелы», то и я могу принять друга. Моего друга. Я не собираюсь спрашивать позволения Крю. Кстати, и не могу этого сделать, потому что его нет дома. Мам Роз и Сьюки сделают то, что я им велела: подадут лучший фарфор, и скатерти, и еду. Ральф Гриллон не морской разбойник. У него в Багамах такая же власть, как у Крю здесь. И я не хочу стыдиться этого дома, когда он придёт в гости. Я видела, как Мэйсон отправился предупредить Крю, но пройдёт много часов, прежде чем он снимет корабль с рифов и сможет вернуться. А тем временем я принимаю джентльмена и сделаю это с гостеприимством, которым мы известны... — голос её поднимался всё выше с каждым ядовитым словом.

Персис в смущении хотела бы оказаться подальше от этого невольного подслушивания. Она отступила на несколько шагов. И когда столкнулась с кем-то, кто неслышно вошёл, так вздрогнула, что едва не упала. Рука удежала её, крепкая рука; она повернулась и увидела обветренное и загорелое лицо незнакомца.

— Крепче держитесь, мэм! — смех в глазах и улыбка на губах. — Никогда не думал, что превращусь в риф, на который напорется такое хорошенькое судно.

Глаза у него были не только насмешливые, но и дерзкие. Персис напряглась. Ей не понравилось, как он подчеркнуто разглядывает её сверху донизу. Как будто она корабль, а он собирается её купить.

На нём был синий камзол с медными пуговицами, не помутневшими от морской воды, волосы кудрявые, голова обнажена, хотя в руке офицерская шляпа. Персис пришлось задрать голову, потому что ростом незнакомец не уступал дяде Огастину. Но он искрился жизнью, в нём не чувствовалось ни намёка на отчуждённость дяди.

Персис вспыхнула, поняв, что смотрит на него почти так же дерзко, как он на неё. А он, отпустив руку девушки, поклонился.

— Ральф Гриллон, к вашим услугам, мэ, — представился он. В речи его слышался лёгкий акцент. Она нашла его интересным. — К любым вашим услугам.

Персис показалось, что он подчеркнул слова «вашим» и покраснела ещё больше. В это время с криком «Ральф!» в коридор выбежала Лидия, раскрыв руки для открытого и весьма неформального приветствия.

Глава третья

Теперь у Персис пропала всякая возможность обсудить с миссис Прайор досадный вопрос о плате. Всеобщим вниманием завладел лихой капитан Гриллон. И Лидия постаралась, чтобы всё так и оставалось. Было очевидно, что она совершенно поглощена гостем. Поведение её было далеко от приличного, когда она выказывала капитану такое явное внимание. Персис, которую жизнь в доме дяди Огастина и учёба в академии мисс Пикетт приучили к сдержанным манерам, смущало поведение Лидии. К тому же девушка встревожилась и на свой счёт, так как заметила явное стремление капитана Гриллона

включить её в их общество, несмотря на недовольство Лидии.

Персис признавала, что капитан красив. Даже слишком. И находила его манеру обращаться одновременно и к ней и к Лидии всё более тревожащей. Наконец она извинилась, сказав, что ей необходимо ухаживать за дядей, и сумела уйти к себе в комнату. Тут она увидела Молли, которая качала головой над промокшим и испачканным содержимым чемодана.

— Только посмотрите на это! — служанка подняла платье из светло-зелёного муслина с оборками, всё в пятнах, оборки промокли и обвисли. — Я его выстираю и проглажу. Но, мисс Персис, оно уже никогда не будет выглядеть красивым и новым, даю вам слово!

Наверное, ещё час назад подобное ужасное состояние своего таулета Персис сочла бы катастрофой. Но сейчас, хотя она не хотела больше пользоваться милостями Лидии Леверетт, её ум занимали гораздо более важные дела.

— Молли! — она повысила голос, вложив в него всю властность. — Ты можешь устроить так, чтобы я поговорила наедине с миссис Прайор?

— Вот эта женщина с головой на плечах, — заметила служанка. — Она правит домом, что бы ни говорила мисс Лидия, будто она хозяйка. У неё в Ки-Уэсте был ломбард до того, как капитан уговорил её перебраться сюда. Она вдова человека, который...

— Молли! — голос Персис стал ещё резче. — Меня не интересует её прошлое. Я просто хочу поговорить с ней. Мисс Лидия занимает гостя, а мне не хочется искать её по всему дому...

— Да вы и не найдёте её, мисс Персис. Не сейчас. Она ушла с этой старой всдьмой, которая была на кухне. Кухарка и служанки подняли такой крик, когда она появилась, что у меня сердце остановилось. Неужели вы

не слышали, мисс Персис, как они кричали? Никто не хотел подходить к старой ведьме, но миссис Прайор просто взяла корзину, заполнила её хлебом, сыром и хорошими кусками вареного мяса. И ушла вместе с ведьмой. Ничего более странного я не видела... Миссис Прайор такая правильная и аккуратная, а эта другая... — Молли неодобрительно фыркнула.

Несмотря ни на что, Персис заинтересовалась.

— Кого ты называешь ведьмой, Молли?

— Она похожа на ведьму, мисс Персис. Лицо столетнее, нос и подбородок почти соединяются, как в щипцах для колки орехов, а глаза совсем впали. Но она не слепа, хорошо видит этими своими глазами. Не хотела бы я, чтобы она меня сглазила.

Когда они ушли, кухарка сказала мне, что эта старуха настоящая колдунья. Она индианка, но не похожа на остальных индейцев. Они тоже все её боятся. Она говорит, как добрый христианин, если хочет, и умеет лечить. Она приносит миссис Прайор листья и травы для лекарств. Миссис Прайор хорошо известна этим. До появления настоящего врача она всех лечила на острове.

А капитан, он разрешает этой ведьме приходить и даёт ей всё, что та захочет. Из-за остальных индейцев. Которые могут напасть. Пока эта Аскра относится к поместью дружески, они ничего здесь не тронут. Говорят, что её народ жил здесь когда-то и строил дома на этих насыпях. Так говорят на кухне. Конечно, похоже на срунду, но видели бы вы её глаза. Сами бы задумались.

Персис поразила этот новый аспект жизни на острове Исчезнувшей Леди. Женщина, которую она видела в каноэ, должно быть, и была та самая Аскра. И то, что очень правильная миссис Прайор может сопровождать такую женщину, это ещё один сюрприз.

— На кухне говорят о том, что приближаются беды. И

не только из-за ведьмы, — Молли любила посплетничать, но редко когда бывал у неё такой благодатный материал. — И им не нравится тот корабль, — она указала в окно. — Один из мужчин отправился предупредить капитана о нём. Кажется, капитан не хочет видеть поблизости таких, как этот Гриллон. У них полгода назад случилась стычка из-за какого-то рекерского дела. Гриллон не имеет права бывать в здешних водах, и капитан предупредил его об этом. Но мисс Лидия очарована этим человеком, и он здесь из-за неё. Гриллон теперь говорит, что ему нужна пресная вода, что у него она вся смешалась с морской во время бури. Но внизу считают, что на самом деле он пришёл, чтобы ещё подстегнуть мисс Лидию. Он знает, что капитана нет дома.

Персис вернулась к окну. Да, на полпути между «Удачей бури» и пристанью на волнах качалась шлюпка, достаточно большая, чтобы нести бочки. На островах Ки вода редка, даже в Ки-Уэст приходится привозить воду на кораблях, если там пересыхают заполняемые во время дождей цистерны. И в этом отношении остров Исчезнувшей Леди уникален (может, именно этим и объясняется, что на нем всегда жили люди): на острове есть источник пресной воды, островитяне ревностно берегут его. Об этом как-то вечером рассказывал капитан «Стрелы».

— Всё это не наше дело, Молли.

— Может быть и так, мисс Персис. Но когда капитан Леверетт вернётся, здесь поднимется большой шум, если этот Гриллон ещё будет здесь. Вы решите, что снова попали в бурю. Ну, я возьму их и посмотрю, что можно сделать, чтобы освежить, — она взяла в охапку платья, нижние юбки и бельё и вышла.

Персис села в кресло у окна. Когда вернётся капитан Леверетт. Да, она легко могла себе представить, что этот гигант, который так грубо схватил её, не обрадуется, что

его приказ не выполнен. Кстати, это его комната, и у неё нет права быть здесь. Если бы дядя Огастин был так же здоров, как когда они отплыли из Нью-Йорка! Но она знала, что сейчас его перевозить нельзя, если только ему неожиданно не станет лучше. Девушка смотрела на пристань и на приближающуюся лодку. Пальцы её нервно перебирали край передника. Что ей делать?

Жизнь в Нью-Йорке никогда не была такой сложной. Она протекала с медленным и ничем не возмущаемым достоинством (впрочем, временами бывало скучно), и дядя Огастин так строго придерживался привычного распорядка, что Персис намного вперёд знала, что ей предстоит сделать. Тогда она скучала. Теперь же ей хотелось вернуться в ту уютную безопасность, где не бывает бурь, ни природных, ни человеческих, нет ничего такого, что тревожит этот дом.

Наконец она встала, прошла к комнате дяди и негромко постучала. Дверь открылась, и она увидела Шубала, ещё более встревоженного и осунувшегося. Он держал палец у губ. Она протиснулась в узкий промежуток, который он не решился преградить. Слуга прошептал:

— Он спит, мисс Персис. Но мне не нравится, как он выглядит, совсем не нравится, — он покачал седой головой. — Хорошо бы его осмотрел доктор Лоусон. Он знает хозяина, знает всё об его болезнях...

— Мне говорили, что местный врач очень хороший. Шубал пожал плечами.

— Может быть, мисс. Но он не знает хозяина много лет, как доктор Лоусон. А хозяин... Ему всё хуже. Похоже, он собрал последние силы для этого плавания и теперь сдаёт — быстро. Больше ничего не ест. Когда я приношу поесть, он велит не беспокоить его. Но как ему сохранить силы, если он не ест?

Голос Шубала звучал ворчливо. Он сжимал пальцы рук

со взбухшими венами. Много лет провёл он с дядей Огастином, хозяин был истинным центром его жизни.

— Когда он проснётся, Шубал, я хочу поговорить с ним. Я знаю, ты делаешь всё, что можешь, но, может, он послушает меня, — Персис не испытывала в этом уверенности, но должна была ответить на мольбу в глазах старика.

— Мисс Персис, я думаю... — дрожащий голос Шубала прервался, глаза опустились. Снова Персис испытала приступ страха. Она хорошо понимала, чего боится Шубал. Этот страх, словно туманом, окружал и её сознание. А ведь для неё дядя Огастин никогда не значил так много, как для Шубала.

— Не нужно так думать, — мягко проговорила она, — нужно надеяться. Ведь после первого приступа ему было не намного лучше, Шубал. А потом он своим быстрым выздоровлением удивил даже доктора Лоусона.

— Тогда он был у себя дома, мисс Персис... и... — Шубал замолчал и отошёл к кровати.

Персис осталась у двери. Страх перешёл в панику, с которой она старалась справиться. Ей необходимо было справиться, потому что именно ей предстоит теперь принимать решения, брать на себя ответственность. А она отшатывалась от этого. Вернувшись в свою комнату, девушка снова села в кресло у широкого окна. С моря дул устойчивый ветер, освежал её покрасневшее лицо. Так она сидела и пыталась думать о будущем.

Дядя Огастин явно считает, что не доберётся до Багамских островов. Он никогда раньше не обсуждал с ней подобные дела, держал её в стороне от семейных тайн. А сейчас рассказал о причине путешествия, потому что считает, что она отныне предоставлена самой себе.

И здесь нет мистера Хога, с которым можно было бы посоветоваться. Нет никого, кроме неё самой. Шубал,

Молли, они зависят от неё, а не наоборот. Персис почувствовала себя очень юной и испуганной. Однако она была отнюдь не глупа. В глубине души её усиливалась упрямая решительность. В Ки-Уэсте есть юристы, она попросит, чтобы ей порекомендовали кого-нибудь, опытного и изобретательного.

В голову пришла мысль о возвращении в Нью-Йорк, беглая мысль, которую она тут же отбросила. Что её там ждёт? Разорённое состояние, мрачное будущее, которое заставило дядю Огастина отправиться в это плавание. А ведь он человек, который не испугался бы простой угрозы. Если состояние ждёт её на Багамах, она отправится туда и потребует своей доли.

Персис глубоко вздохнула. Ей не нравилось то, что ждёт её впереди, и ей очень хотелось с кем-нибудь посоветоваться. Но если таково будущее, она должна быть готова к нему.

Следовало принять решение. Другое дело, сможет ли она его выполнить. Она понятия не имела, какими средствами сейчас располагает дядя Огастин. Например, этот вопрос о плате рекерам.

Персис осмотрела комнату. У неё здесь даже меньше прав, чем в номере гостиницы. Было совершенно очевидно, что дядя Огастин не сможет продолжить путешествие, даже если «Стрела» снова выйдет в море. Вот если бы капитан Леверетт поплыл в Ки-Уэст... Но он может не взять их с собой. У Персис заболела голова, ей захотелось броситься на постель и забыть обо всём. Но и этого она не могла сделать.

И тут её снова заставил вздрогнуть тот странный воющий звук, который привёл Лидию в такое возбуждение и заставил броситься на крышу. Другой корабль приближался к «Буре удачи», точнее даже два корабля, один на буксире у другого. Капитан Леверетт привёл «Стрелу»?

На пристани собрались люди, один из них держал большую раковину, в которую дул, как в рог, производя эти воющие звуки. Персиэ торопливо встала. Если это действительно возвращается хозяин дома, она совсем не хотела, чтобы он застал её в своей спальне.

Девушка вышла в коридор и слышала голоса внизу. Но не смогла разобрать ни слова. Теперь, когда в гавани стоит «Удача бури», а её капитан находится в доме, неприятности, которые предвещали слуги на кухне, могли вот-вот начаться.

Персиэ нерешительно задержалась на верху лестницы. Немыслимо было оставаться в комнате капитана. Ещё хуже спуститься и, может быть, нарваться прямо на семейный скандал. Но она всё-таки начала спускаться, прислушиваясь к малейшим звукам, которые могли бы засвидетельствовать, что она невольно подслушивает.

Однако она как будто излишне встревожилась. Выходя на веранду, она услышала из-за угла голос:

— ...отличный улов, — в углу у окна стоял капитан Гриллон, держа у глаз подзорную трубу, очень похожую на ту, которой пользовалась на крыше Лидия.

— Надо отдать дьяволу должное, — продолжал капитан-багамец. — Если бы я сел здесь на рифы, мне бы хотелось, чтобы капитан Леверетт плавал поблизости. Корабль накренился, но он по-прежнему на плаву.

— Вы великодушной его, — отозвалась Лидия. Её широкие юбки соблазнительно задевали Гриллона. — О вас он то же самое не скажет.

— О, я знаю, что обо мне думает Крю Леверетт, моя дорогая, — лениво пробормотал капитан. — Но то, что мы ссоримся всякий раз, как встречаемся, совсем не значит, что я не должен восхищаться его капитанскими способностями. Он хороший рекер. Нужно отдать ему должное. Только язык у него слишком вольный. И он

когда-нибудь это поймёт, — в голосе Гриллона звучало удовлетворение. Он опустил трубу и посмотрел на Лидию. И этот взгляд вызвал у Персис тревогу.

— Ничто не встревожит Крю, — раздражённо ответила его сестра. — Он всегда поступает по-своему. И всегда поступал — как бы плохо ему ни приходилось.

— Вы тоже, моя милая? — Гриллон по-прежнему улыбался. — Не слишком ли вы на него сердитесь?

— Как вы можете так говорить, Ральф? — её лицо покраснело, руки она сжала в кулаки, словно хотела ударить собеседника. — Разве не держит он меня здесь взаперти, на этом богом забытом острове, где никогда ничего не происходит? Я просила его отвезти меня в Кли-Уэст. Марси Доу согласна, чтобы я пожила у неё. А её отец — комендант базы. Крю же считает, что они не подходящие для меня люди.

— Да, к тому же он знает, что «Удача бури» часто бросает там якорь, — рассмеялся Гриллон. — Не думаю, чтобы он очень доверял нам, моя дорогая.

Снова Персис оказалась подслушивающей. Она уже готова была незаметно отступить, когда крики со стороны пристани заставили её посмотреть туда. Не сознавая, что делает, девушка приблизилась к паре на веранде, чтобы лучше видеть.

— Узрите прибытие хозяина! — провозгласил Гриллон. Улыбка его стала чуть напряжённой. — Ну, моя дорогая, нам стоит приготовиться к бою. Может, вам лучше выйти из предела досягаемости пушек.

Но Лидия схватила его за камзол и высоко и упрямо задрала подбородок.

— Не уйду! Крю может здесь всем командовать, но не мной! Пусть только попробует!

Гриллон рассмеялся.

— Вот это моя Лидия. Но, моя дорогая, дело должно

решиться только между мной и Крю. Никаких нижних юбок, — он опустил подозрную трубу и легко положил руки на плечи девушки. — Будет только так и никак не иначе, девушка, — и отстранил Лидию, словно она ничего не весит.

— Что вы собираетесь делать? — спросила она.

— Я не собираюсь встречаться с Крю Левереттом под его собственной крышей, — ответил Гриллон. — Нам лучше встретиться с глазу на глаз в другом месте.

Персис сделала два быстрых шага назад и остановилась в дверях. Она стыдилась, что сразу не дала знать о своём присутствии, но теперь заговорила:

— Мисс Леверетт...

Лидия оглянулась через плечо. Выражение её лица нельзя было назвать приветливым.

— Я знаю, что мне дали комнату самого капитана Леверетта, — сказала Персис. — Конечно, сейчас, когда он вернулся, это невозможно...

Гриллон снова рассмеялся, откинувшись на перила веранды. Но Лидия нахмурилась ещё сильнее.

— Какое мне до этого дело? — резко спросила она.

— Разве не вы здесь хозяйка, милая? — заметил багалец. — Молодая леди справедливо ждёт вашего решения. Совершенно справедливо, я бы сказал. Ясно, что она и Крю не могут...

Лидия отскочила от него.

— Предоставьте это миссис Прайор. Её слово значит здесь больше моего. И всегда значило больше, — она повернулась спиной к Персис и посмотрела на пристань.

Гриллон подмигнул Персис и кивнул.

— Я видел миссис Прайор несколько минут назад, — сказал он, так как Лидия продолжала игнорировать Персис. — Думаю, вы сможете найти её на кухне, мисс Рук.

Персис умудрилась сказать «Спасибо» и сбежала. Не-

ужели Гриллон подозревает, что она нарочно подслушивала? Она вполне заслужила чувство вины, которое теперь испытывала.

К двери в противоположном конце коридора вели три ступеньки. За ней явно располагалась кухня, где первым делом Персис бросился в глаза большой открытый очаг со старинными вертелами и цепями. В очаге уместилась и встроенная печь для выпекания хлеба. Дверь наружу была широко раскрыта, но Персис почувствовала себя так, словно попала на сковородку.

Маленькая чёрная женщина в прилипшей к плечам промокшей сорочке и широкой юбке, частично прикрытой грязным передником, месила на доске тесто с такой энергией, словно сражалась с давним недругом. Сьюки и ещё одна служанка мыли и резали овощи.

Появление Персис вызвало неожиданное молчание, хотя кухарка продолжала энергично месить тесто. И не смотрела на девушку.

— Где миссис Прайор? — обратилась ко всем Персис. Долгое время казалось, что никто ей не ответит. Все только смотрели на неё, как на привидение, которое никто не ожидал увидеть. Потом кухарка подняла руку в муке и указала на наружную дверь. Она сказала что-то на диалекте, которого Персис не поняла.

Поэтому девушка прошла мимо стола и вышла во двор. Там она действительно увидела миссис Прайор. Та присматривала за двумя парнями, которые натягивали на вершине насыпи выстиранные простыни. Услышав скрип тufель Персис на раковинах, которые толстым слоем покрывали всю землю, она оглянулась.

— Подходящий день для просушки, мисс Рук. Ваша служанка скоро сможет всё выгладить.

— Прошу вас... — в голове Персис крутилась теперь только одна мысль. — Капитан Леверетт... он... Мне

сказали, что я в его спальне... это очень великодушно с его стороны. Но теперь он возвращается...

— Не беспокойтесь, мисс Рук. Капитан, разумеется, останется на «Непревзойдённом». Даже когда корабль в гавани, он обычно ночует на нём. Он сам отдал приказ, чтобы вам отвели его комнату.

Персис находила спокойствие этой женщины слегка раздражающим.

— Я узнала также, что возник вопрос об оплате. Так как мой дядя сейчас не в состоянии заниматься делами, я не хочу беспокоить его. Не объясните ли, чего от нас ждут?

Она увидела, как миссис Прайор поджала губы.

— Не знаю, где вы слышали подобный вздор, мисс Рук. Никакой платы не нужно. Что вы о нас подумали! Ниже по побережью есть гостиница, выстроенная по приказу капитана Левретта для экипажей разбившихся кораблей, если эти корабли не могут снова выйти в море. Там моряки живут, пока их не перевезут в Кн-Уэст. Часто у нас бывает больше пассажиров, чем мы можем разместить в своём доме. Но вы и мистер Рук — гости капитана. Пожалуйста, поймите, что он будет оскорблён, если вы подумаете что-то другое.

Персис решила, что дальше говорить на эту тему после такого энергичного заявления невозможно. Может, Молли не поняла человека на пристани или тот просто посмеялся над ней.

— Спасибо за объяснение, — виновато сказала она. — Но всё же я чувствую себя виноватой в том, что хозяин дома не может...

— Вздор! — решительно оборвала её миссис Прайор. — Он считает, что по-другому нельзя. Можете услышать это от него сами, если необходимо, — в голосе её даже прозвучала обида, которую Персис сразу заметила.

— Нет, вашего слова вполне достаточно, миссис Прайор. И я вам очень благодарна.

Женщина чуть смягчилась.

— Я уверена, вам все рады. Кстати, к концу дня заглянет доктор Виринг. Если у вас есть к нему вопросы, тогда самое время их задать.

Но вопросы задавать не пришлось. Вернувшись в дом, Персис услышала тонкий старческий голос Шубала:

— Мисс Персис, о мисс Персис!

Она побежала по лестнице, одной рукой цепляясь за перила. Старик слуга стоял в дверях комнаты дяди, его лицо побелело от страха.

— Мисс Персис... он... он...

Девушка пробежала мимо Шубала. Дядя свесился с кровати, лицо его было бледнее, чем у Шубала. Одной рукой он цеплялся за сетчатый занавес, который рвался в его пальцах. Дядя посмотрел на неё. В глазах его застыло безумие.

— Амос... предатель... Амос!..

— Я вышел за водой, — Шубал подковылял ближе. — Он лежал спокойно. Мне казалось, он спит. Но... мисс Персис... он, наверное, пытался встать... подойти к окну... видите?

Он указал на перевернутый прикроватный столик, подсвечник откатился на середину комнаты.

— Зачем ему было вставать, мисс Персис? Что он хотел?

— Не знаю. Наверное, бредил. Шубал, беги к миссис Прайор и попроси немедленно послать за врачом. Нет, сначала давай положим его в постель.

Как ни худ был дядя Огастин, потребовались совместные усилия, чтобы снова уложить его на подушки. Дышал он часто и поверхностно.

— Он их услышал, — прошептал Шубал, показывая на

окно. — Там разговаривали. Двое ссорились. Вернувшись, я услышал несколько слов. Он... он всё время говорит, что Амос вернулся.. что он пришёл убить его!

— Теперь всё в порядке, Шубал. Иди, я останусь с ним.

Персис мягко высвободила сцепившиеся в занавес пальцы и сжала их.

— Всё в порядке, дядя Огастин. Никого здесь нет. Разве вы не помните? Амос умер много лет назад. Вы ведь сами мне это сказали. Он не может быть здесь.

Но старик невидящим взглядом смотрел на неё. В углу рта выступила пена. Некоторое время он ещё пытался встать, но девушка сумела удержать его в постели.

— Амос изменник... сказал... убийство... я никого не убивал... — потом тело его расслабилось, рука разжалась. В последний раз закрылись голубые глаза.

Глава четвертая

Всю ночь за окном шептал ветер. Персис никогда не слышала такого шёпота. В открытое окно она видела только слабый свет. Должно быть, фонарь на пристани. Но она не смотрела на него. Она вспоминала.

Дядя Огастин... умер.

И, к своему тупому удивлению, она обнаружила, что эта смерть оставила в её жизни большую пустоту, чем она считала возможным. Она понимала теперь, что до сих пор всегда его воля управляла её жизнью. И теперь не могла представить себе, как будет жить без наставника.

Девушка медленно отошла от окна. В комнате горела только одна свеча. Персис ощутила глухой гнев. Почему дядя Огастин держал её в таком неведении? Она не глупа и не легкомысленна, но ей никогда не позволяли самой заботиться о себе.

Шубал совсем сдал, и у неё хватило соображения приказать ему лечь. Но пока это было всё, что она сумела сделать.

Потому что в доме распоряжался капитан Леверетт. Он действовал так же властно и бесцеремонно, как тогда, когда схватил её на палубе «Стрелы», проявив такое же нетерпение. Так ей казалось. Но хотя смерть дяди Огастина и поразила её в самое сердце, она всё же не истеричка. Впрочем, судя по тому, как он отдавал приказы, в это можно и не поверить.

И в нём не чувствовалось того безрассудства, которое прямо-таки переполняло Ральфа Гриллона. Здешний капитан, должно быть, лишь немного старше багамца, но он так уверен в себе и так же не склонен поддаваться воле или желаниям других, как и дядя Огастин.

Он...

Персис застыла. Как она могла забыть? Портфель, который передал ей дядя Огастин! Это было его последнее желание. Несколько часов назад она отправила Молли в постель и пообещала, что ляжет сама. Но сон не шёл к девушке; она продолжала вспоминать последнюю сцену, когда дядя в страхе выкрикивал имя давно умершего человека.

Что заставило его заговорить об убийстве? Персис вздрогнула и плотнее запахнулась в шаль. Что там он рассказывал о том Руке, который был торн... Может, дядя Огастин сказал не всё? Может, он знал об Амосе Руке и что-то иное? Что не вмещается в рамки легенды о семейном позоре?

Сейчас 1837 год. Дяде Огастину уже исполнилось 75 лет. Персис быстро подсчитала в уме. Во время британской оккупации Нью-Йорка ему должно было быть чуть больше двадцати. И хотя та часть семьи, которая поддерживала революцию, ещё за несколько лет до этого высохла

из города, дядя был уже достаточно большой, чтобы знать Амоса Рука, даже ненавидеть его за предательство своей семьи и страны.

Но он говорил с ней так, словно Амос Рук был ему незнаком, словно сам он никогда его не видел. Но тогда почему... почему он умер, говоря, что он, Огастин, не убийца... почему умер в страхе перед мертвецом?

Персис решительно взяла свечу и отодвинула щеколду засова. Если ответ спрятан в портфеле, который ей доверили, она должна его найти. Девушка заставила себя пройти по тёмному коридору, закрывая огонёк свечи рукой от сквозняков, но потом никак не могла решиться открыть дверь комнаты дяди. И вот, стоя перед дверью, она услышала очень слабый звук.

Застыв, она взглянула на лестницу. Ветер утих, и она слышала не шелест листвы и не скрип ветки о крышу. Но она не ошиблась: звук доносился именно с лестницы. Не шаги, что-то гораздо менее определённое. Как... как шорох юбки о перила.

Лидия... миссис Прайор?... Но зачем им ходить ночью без свечей? Служанки пользуются другой лестницей в глубине дома. И вообще они тут не должны сейчас быть, их комнаты в хижинах за насыпью. Только Молли и Шубал разместились в маленьких комнатках на третьем этаже. Эти комнаты используются, когда бывает много гостей.

Персис пыталась уловить хоть малейший скрип. Нет, она не вообразила себе это. Кто-то спускался по парадной лестнице. Держась одной рукой за стену (словно прикосновение к стене возвращало её к реальности), девушка осторожно направилась к началу лестницы.

И мгновение спустя она чуть не вскрикнула от собственной глупости. Свеча, которую она несла, выдаст её, словно бакен. Она прекрасно будет видна тому, кто украдкой идёт во мраке.

Персис остановилась. Чего она боится? У неё есть полное право взять вещи дяди, доверенные ей. Но звуки приближались...

Ничего... совсем ничего не разглядеть... Только шорох зазвучал громче. Страх охватил девушку холодным объятием. Персис откинулась назад, прижалась к стене, закрыла глаза. Она отказывалась смотреть. Не будет! Она почувствовала... Какое-то мгновение встревоженное сознание не могло даже подобрать слово, которое обозначило бы охватившее её ощущение... Она буквально ослепла и едва не оглохла от страха... но здесь ощущалось присутствие...

Персис знала, что должна открыть глаза. Если она не сделает это, страх победит и она завопит как бессмысленная тварь. Крик уже поднимался в её горле. Но она знала также — хотя как она могла это узнать? — знала, что если закричит, то погибнет безвозвратно.

В коридоре стало холодно, так холодно. Но ведь всего несколько мгновений назад она считала свою шаль даже слишком тяжёлой. Так холодно! Персис заставила себя открыть глаза. Свеча горела, но в её свете ничего не было видно. Нет, не совсем так!

Какой-то блеск, как будто свет отразился от чего-то. Этот блеск двигался, спокойно, неторопливо, покачиваясь вперёд и назад в воздухе на уровне её груди.

Если бы эти светящиеся точки находились на уровне пола, Персис убедила бы себя, что это глаза какого-то животного. Но они висели в воздухе.

Лишившись дара речи, не способная двинуться, Персис смотрела, как пролетают мимо неё эти блёстки. Темнота в другом конце коридора поглотила их. Но она же их не придумала! И девушка готова была поклясться, что кто-то невидимый прошёл по коридору.

Вздвогнув, она поняла, что снова может двигаться, и

пошла дальше, касаясь плечом стены. Чтобы добраться до своей двери, ей придётся пересечь пространство, где пролетело это... существо. Но пока она была не в состоянии заставить себя сделать это.

Свободной рукой она взялась за ручку двери дяди Огастина. По-прежнему не решаясь повернуться спиной к коридору, подняла щекотку и раскрыла дверь за собой. Вошла в комнату и из последних сил закрыла дверь.

Закрыв дверь, Персис остановилась, тяжело дыша, слыша только стук собственного сердца в ушах. Логика и здравый смысл постепенно побеждали страх. Станный холод исчез, шорох пропал, и она больше не видит этих... глаз... глаз?

Все дома обладают странными звуками, которые слышны по ночам. А что касается светящихся точек... Возможно, это светлячки, которых она часто видела ночами дома. Залетев в помещение, они в поисках свободы поднялись в воздух повыше.

Но объясняя себе происшествие, Персис сознавала, что испытала страх, какого ей в жизни не приходилось испытывать. Девушка решительно отвернулась от двери. Портфель лежал на столике у кровати. Она подняла свечу повыше. Да, он по-прежнему был здесь.

Кровать аккуратно заправили. Ничего не осталось, кроме портфеля, за которым она пришла. По обычаю юга дядя Огастин уже лежал в гробу, и закрытый гроб находился внизу в гостиной. Утром его похоронят — далеко от всего ему знакомого, на островном кладбище.

Персис, держа портфель в руке, направилась назад к двери. Но чтобы снова открыть створку, ей потребовалось призвать всю свою решительность. Растворив дверь, девушка посмотрела вверх и вниз вдоль коридора, прислушалась и решила предпринять короткий переход к собственной комнате.

Здесь она захлопнула за собой дверь, бросила портфель на кровать и придвинула к двери самое тяжёлое кресло, чтобы загородить вход. Только когда это было сделано, она, по-прежнему тяжело дыша, переложила портфель под подушку, задула свечу, легла и опустила прозрачную сетку, которая должна преградить доступ насекомым. Эту сетку, хотя и прозрачную, она теперь приветствовала, как барьер между собой и остальным домом Левереттов.

Наконец усталость одолела девушку, и она уснула беспокойным сном. Что ей снилось, она не могла потом припомнить. Разбудил Персис стук в дверь. Было светло. Кресло, которое она использовала в качестве преграды, дрожало. Кто-то нетерпеливо стучал в дверь.

— Мисс Персис!..

Молли! Что она подумает об этом кресле? Солнечный свет в окне и голос Молли изгнали последние остатки ночного страха, вернее, загнали их глубоко внутрь. Сейчас он казался чем-то неважным.

Персис выбралась из-под сетки, торопливо оттащила кресло. Но выражение лица Молли говорило, что той необходимо какое-то объяснение.

— Мисс Персис, что?..

— Мне приснился кошмар, Молли. А когда я проснулась... посреди ночи... мне показалось, что кто-то ходит по коридору.

— Вы что-то слышали? Ну, а я ничего не слышала! — Молли с решительным стуком опустила принесённый поднос. — Мисс Персис, что с вами? У вас никогда не было таких фантазий. — Девушка кивнула. — Наверное, это всё этот дом, с его историей. Я буду рада, когда мы упакуемся и уедем в приличный город, где нет никаких разговоров о ведьмах и привидениях. Если останемся здесь надолго, то и сами поверим во всё это. Выпейте

шоколад. День предстоит тяжёлый, и вам нужно подкрепиться.

Так она деликатно напомнила о похоронах.

Персис села и послушно принялась пить тёплый шоколад из чашки. А Молли решительно продолжала:

— У нас нет приличного чёрного траурного платья, так что я немного переделала ваше белое батистовое. К нему пойдут чёрный шарф и чёрные перчатки. Так подойдёт.

— Спасибо, Молли, — мысль о необходимости соблюдения приличного траура не приходила ей в голову, но Молли-то об этом не забыла. Она гордится тем, что всегда соблюдает приличия.

— Поскольку вы член семьи и женщина, — продолжала с обычной уверенностью служанка, — вам можно не показываться до службы. Сьюки принесёт вам завтрак, и капитан сказал, что если вы не возражаете, служба состоится в девять. У них здесь, кажется, нет настоящего священника, — Молли фыркнула. — Капитан сам проводит службу. Говорят, он это всегда делает, когда на берег выбрасывает утопленников. Мисс Персис...

Она перестала суетиться и пристально посмотрела в лицо хозяйке.

— Я... — она неуверенно помолчала, потом торопливо продолжила: — Шубал, бедный старик, не совсем в себе. Кажется, он решил, что ему незачем больше жить. Он ведь всегда был так близок к мистеру Огастину. Но, мисс Персис, что мы все будем делать?

Персис осторожно поставила чашку с шоколадом на блюдце. Единственное, что они могут сделать, это продолжить выполнение плана дяди Огастина и попытаться получить состояние на Багамах. Но она понятия не имела, как это сделать.

Может быть, ей поможет какой-нибудь юрист в Кн-Уэсте. Она глубоко вздохнула. Молли, Шубал, они с

самой юности в услужении у дяди Огастина. Конечно, они правы, когда обращаются к ней за указаниями. Беда в том, что она не знает, что им сказать. Пока не знает.

— Нам нужно поскорее отправиться в Ки-Уэст, — заставила она себя сказать как можно твёрже. — У меня есть документы дяди Огастина. Он объяснил мне... — и девушка кратко пересказала Молли запутанную семейную историю, которая привела их на юг.

— Амос Рук! — воскликнула Молли, прервав хозяйку на середине фразы.

— Что ты о нём знаешь? — живо спросила Персис.

Служанка поджала губы, как всегда в таких случаях.

— Ну, есть и другая старая история, мисс Персис. Вы знаете, что в 1812 году у хозяина было три капера*. Они принесли ему хорошую прибыль. Он всегда ненавидел англичан. Ведь его дед умер в английской тюрьме от лихорадки, а отец погиб на войне с англичанами. Поэтому, когда мог, он мстил им.

Говорят, что один из кораблей, захваченных его капером — тот корабль назывался «Орёл», — шёл с Багамских островов и принадлежал какому-то родственнику хозяина. И что во время взятия корабля был убит сын Амоса Рука. Это просто слухи, я не знаю никаких доказательств. И хозяин никогда об этом не говорил. Он даже долго не знал об этом. Мужчин, которые уходят на войну, часто убивают, и не его вина, что сын Амоса оказался там.

Персис удивилась. Если дядя Огастин хотя бы косвенно связан со смертью сына Амоса... Может, это объясняет его предсмертный крик, что он не убийца? Может быть, именно поэтому он не принял первое предложение вдо-

* Капер — частное судно, захватывавшее во время войны с ведома правительства грузовые и пассажирские корабли враждебной стороны. (*Прим. перев.*)

вы Амоса. Хотя это случилось много лет назад. Ну, к ней это не имеет никакого отношения, кроме того, что она тоже Рук и ей эти смерти могут принести выгоду. Тем не менее она почувствовала себя встревоженной и несчастной.

Молли как будто поняла это и быстро добавила:

— Не расстраивайтесь из-за этих денег, мисс Персис. Старая леди не завещала бы их, если бы считала виноватым хозяина. Вы должны сделать то, что хотел ваш дядя. Но насчёт плавания в Ки-Уэст...

— Знаю. Это означает снова море, — Персис считала, что понимает возражения Молли. Она и сама не хотела бы даже думать о новом плавании.

— Не в этом дело, мисс Персис. Хотя не могу сказать, что радуюсь плаванию. Но говорят, «Стрела» больше не сможет плавать. Ей нужен ремонт, который здесь сделать нельзя. А почтовый корабль приходит очень редко.

— Но ведь корабль капитана Леверетта ходит в Ки-Уэст...

— Это верно, мисс Персис. Но сейчас капитан в плохих отношениях с жителями Ки-Уэста. Так по крайней мере говорил мистер Хоккинс, когда сегодня утром зашёл на кухню перехватить чего-нибудь. Мистер Хоккинс — боцман с «Непревзойдённого» и очень знающий человек. Только подумайте, мисс Персис, оказывается, он родился на мысе Доброй Надежды, совсем недалеко от дома моих родителей. Конечно, в двенадцать лет он ушёл в море и никогда больше туда не возвращался. Как и я. Но у нас нашлось много общих знакомых.

Так вот, мистер Хоккинс говорит, что жители Ки-Уэста не очень хорошо настроены к капитану, потому что он объявил эти места своими. Он отнял у них часть добычи. Но они ничего не могут сделать. Он честно и законно купил этот остров, и у него есть лицензия на право снимать корабли с рифов. Но когда он бывает в Ки-

Уэсте, там всегда стараются причинить ему неприятности, чтобы он вышел из себя и начал драку. Поэтому он не часто туда заходит.

— Тогда придётся положиться на удачу, — покорно сказала Персис. Она затянула корсет белого платья. — Капитан Питтегрю что-то должен сделать со «Стрелой». Даже если не сможет взять нас с собой, отвезёт письмо в Ки-Уэст. Нам нужно найти там юриста.

Она достала из-под подушки портфель и с сомнением пощупала замок. Рано или поздно придёт время открыть его маленьким ключом, который дядя Огастин всегда носил на брелоке часов. Но сейчас она не могла заставить себя сделать это.

— Пожалуйста, положи это в чемодан, Молли, на самое дно. Это очень важные документы.

— Хорошо, мисс Персис.

Пришла с завтраком Сьюки, и Персис посла, сколько смогла. Что касается поведения недавно осиротевшей, она готова была подчиниться указаниям Молли. Сев в кресло у окна, девушка постаралась составить какой-нибудь план действий.

Казалось, самое лучшее — откровенно попросить хозяина о помощи, как ни неприятна была ей эта мысль. Она, Молли и Шубал не могут оставаться здесь незванными гостями, может быть, много недель. Должен же существовать способ добраться до Ки-Уэста и вообще до внешнего мира.

«Стрела» теперь стояла в защищённом месте возле причала. Но даже не моряку и женщине было ясно, что корабль в плохом состоянии, осел и сильно накренился. Рядом покачивался «Непревзойдённый». Но «Удачи бури» не было видно. Персис догадывалась, что после встречи с хозяином острова Гриллон спешно ушёл в море.

Капитан Леверетт. Ей придётся рассчитывать на его

помощь, поэтому она должна была постараться преодолеть возмущение, которое охватывало её всякий раз, как она вспоминала его грубость на борту «Стрелы». Впрочем, неохотно подумала девушка, он сделал это, чтобы спасти её жизнь.

Но он рскер, причём такой, какого (если верить Молли) не принимают даже другие рскеры. Весь этот его роскошный дом наполнен добром с погибших кораблей. Так что же за человек он на самом деле?

Персис попыталась вспомнить внешность человека, который оставил на руках девушки синяки, когда отрывал её от перил, чтобы бросить, как она тогда решила, прямо в море. Он был высокий, её голова едва доставала до его плеча. Развевавшиеся на ветру волосы были такие мокрые, что она не могла решить, светлые они или тёмные. И уже в тот раз её поразила его полная уверенность в своей власти над всем и всеми вокруг. О возрасте спасителя она даже не могла догадаться. Но в конце концов решила, что такой человек ей понравился бы, даже если бы она встретила его в более спокойных обстоятельствах.

Она видела его накануне вечером, когда он опять сразу принял на себя руководство, но из этой второй встречи запомнила совсем немного. Теперь он не кричал на неё, как в первый раз, а говорил сухим деловым голосом, который она едва слышала. Но подумала, что он похож на дядю Огастина, только манеры не такие рафинированные.

Персис вздохнула. Капитан был теперь единственный, кто мог посоветовать ей что-либо, как ей ни неприятно признавать это. Если он не захочет или не сможет сам отплыть в Ки-Уэст, то наверняка знает, как это сделать и к кому обратиться за юридической помощью. В документах дяди Огастина должно найтись завещание: он

был слишком аккуратным деловым человеком, чтобы не подумать об этом.

Персис снова вздохнула. Она чувствовала себя почти такой же уставшей и избитой, как в первый раз, когда проснулась в этой комнате, не зная, где находится. Ей было жаль дядю Огастина. Но до болезни и потери состояния он жил по-своему счастливо, в этом она была уверена. Почему-то больше она жалела Шубала и немного себя. И ещё тревожилась. Словно владеешь прочным домом, а он у тебя на глазах распадается на отдельные кирпичи.

Услышав стук в дверь, девушка выпрямилась и задышала чутьочку чаще.

— Мисс Рук?

Персис успокоилась. Это миссис Прайор. Почему она ожидала, что услышит другой, властный голос? Она вышла в коридор, где её ждала домоправительница.

— Мисс Рук... — повторение её имени прозвучало так, словно грозная миссис Прайор была чем-то озабочена.

— Знаю, — Персис набралась мужества. — Спасибо, миссис Прайор. В гостиной?

— Мисс Персис, — Молли торопливо поднималась по задней лестнице, чтобы догнать хозяйку. В руках она несла плотно связанный букетик, яркий, как тряпки, из которых она любит делать лоскутные одеяла. Персис с благодарностью приняла этот грубовато сделанный букет. Впрочем, она никогда не связывала дядю Огастина с цветами, тем более такими кричащими.

Службу она восприняла с каким-то странным чувством, так как в глубине души она была потрясена, тронута одиночеством смерти в таком далёком мире, где ничто не напоминает жизнь, знакомую дяде Огастину. Она плакала о человеке, которого никогда по-настоящему не понимала, но который по-своему был добр к ней. И

почему-то была рада, что слова, сказанные ему, относятся и к другим незнакомым ей людям, которые встретили смерть вдали от дома.

Она смотрела, как капитан Леверетт читает что-то из маленькой изношенной Библии. Да, он был высок, и теперь, когда его волосы высохли, они оказались светлыми, ещё светлее, чем у его сестры, особенно на фоне смуглой кожи. Глаза у него были пронзительного сероголубого цвета, и что-то в них напомнило ей дядю Огастина. Они словно заглядывают в глубь человека, видят его насквозь, читают мысли. Он не красавец, решила девушка, но в любом обществе был бы замечен. И она почувствовала к нему благодарность, о которой раньше не думала.

Благодарна она была и остальным собравшимся здесь. Доктору Вирингу в измятом белом льняном костюме, но с чёрным галстуком, Лидии и миссис Прайор, Шубалу и Молли, между которыми стояла.

— Аххх... — раздался вздох, похожий на стон.

Шубал, прижимавший руки к груди, пошатнулся. Персис подхватила его за плечо и попыталась удержать. К ним быстро подошёл доктор Виринг и принял на себя тяжесть худого тела старика.

— Он придёт в себя, — утешила девушку Молли. — Но сейчас ему нельзя вставать.

Доктор Виринг подал знак, и двое слуг, незаметно стоявших у входа, подошли, чтобы отнести Шубала. Персис заметила, что капитан Леверетт направляется к ней. Она заговорила, не глядя на него.

— Они были вместе с самой молодости. Я...

Мужская рука крепко взяла её пальцы.

— Ваш дядя должен был быть очень хорошим хозяином, чтобы заслужить такую преданность. Не беспокойтесь об этом человеке: Виринг позаботится о нём.

— Я... — неожиданно глаза Персис наполнились слезами. Она положила цветы Молли на гроб.

Капитан Леверетт не отошёл от неё. Пол закачался под девушкой, словно палуба «Стрелы», и она обнаружила, что отчаянно вцепилась в сильную руку капитана, как будто только она обещала безопасность. Ведь вся нормальная и безопасная жизнь теперь была отобрана у неё. Обморок Шубала заставил её окончательно понять это.

Глава пятая

Прямая жёсткая спина Персис говорила о том, как успешно мисс Пикетт выдрессировала юных леди. Руки, правильно сложенные, по-прежнему лежали на маленьком портфеле. Но она внимательно смотрела на человека у очага и не упустила из виду, что он всё сильнее хмурится.

— Я согласен, мисс Рук, что юридическая помощь в таком деле необходима. К несчастью, юриста ближе Кн-Уэста не найдёшь, а когда вы сможете туда отправиться...

— Я знаю, сэр, — твёрдо заявила она, — что иногда сюда приходит почтовое судно, — девушка гордо задрала подбородок: она не станет просить о помощи, если он ждёт от неё этого.

— Иногда — это верно. Только промежутки времени очень долги, — ответил капитан Леверетт. — К тому же на том корабле очень тесно. И если на нём уже есть пассажиры, вам откажут. Но, возможно, удастся придумать что-нибудь другое, мисс Рук. Я рассмотрю это дело.

— Спасибо, сэр.

В комнате он производил впечатление почти такое же грозное, как и на палубе «Стрелы». Она легко могла представить себе, как он сметает её с пути, если это соответствует его планам. Ей стало ясно, что она пред-

ставляет для него проблему, причём проблему нежелательную. Персис встала.

— Мы очень благодарны вам за гостеприимство, сэр. Забота о дяде, а теперь о Шубале проявлена такая, какой можно только желать, даже со стороны самых близких родственников. И Шубал в нынешнем состоянии не может уехать. Но мы не имеем права дольше оставаться в вашем доме. Мне говорили, что здесь есть гостиница для путешественников, потерпевших крушение. Может, нам лучше переехать туда...

Он нахмурился совсем мрачно.

— Конечно, нет! О, уверяю вас, гостиница неплохая. Но она не для бедн, особенно одинокой.

— Сэр, мне пора научиться самой заботиться о себе. И с Молли я не одна!

Но капитан уже был на полпути к двери, как будто не мог больше уделять ей и её заботам времени. И лишь бросил через плечо:

— Я не хочу ничего больше слышать о таких планах, мисс Рук. Вы останетесь под этой крышей, пока мы не найдём способ отправить вас в путь с удобствами.

Персис едва не ахнула. Резкость, подобная грубости, немедленно вызвала её возмущение. У этого капитана Леверетта нет над нею власти. Но он как будто ждал, что она покорно подчинится его распоряжениям. Словно он её опекун.

Девушка крепче сжала портфель. Правда, ей не хватало нескольких месяцев, чтобы по закону стать совершеннолетней. Но дядя никогда не говорил ей, что наметил для неё опекуна. Хотя, может, опекун у неё всё же есть, и ей не позволят даже добраться до островов.

Сможет ли какой-нибудь юрист в Ки-Уэсте действовать от её имени? Она не подумала об этом раньше. Хотелось бы знать, что говорит закон об её случае. Когда она ещё несовершеннолетняя и не имеет опекуна.

Девушка выглянула в окно, за которым царила после-полуденная тишина. Было очень жарко; лёгкий морской бриз совсем стих. Персис начала понимать слова Лидии о том, что остров для неё — тюрьма. Но она не позволит, чтобы её тоже заперли в эту тюрьму! Капитан Леверетт, должно быть, с таким же нетерпением хочет от неё избавиться, как и она от него.

Персис вернулась в комнату. Следовало поскорее просмотреть бумаги в портфеле, а часы с ключом от замочка на брелоке лежали на сундуке в её комнате. Устроившись поудобнее, она раскрыла портфель и вытряхнула на кровать стопку документов. Два перевязанных лентой письма она узнала: они были из сундучка с чердака. Кроме того, там находился длинный, сложенный вдвое лист с внушительной печатью. На нём почерком с завитушками было написано «Последняя воля и завещание».

Персис прежде всего принялась изучать этот документ, написанный непривычным юридическим языком. Пенсия Шубалу, пенсия Молли, сумма, завещанная миссис Робинсон, кухарке, которая заправляла кухней нью-йоркского дома. Упоминание о некоторых книгах, которые должны перейти к мистеру Хогу. Распоряжения по поводу похорон, сделанные до того, как Огастин Рук решил отправиться на юг.

И наконец последнее: «Всё оставшееся состояние и собственность завещаю моей племяннице Персис Рук». Никакого упоминания об опекунстве. Очевидно, дядя Огастин не думал, что умрёт до её совершеннолетия. Но он должен был знать, что состояние здоровья у него не лучшее. Хотя, может быть, и знал, но не признавался самому себе.

Она стала читать письма. Первым прочла более позднее. От юриста, некоего мистера Симпсона Брауна с Багамских островов. В нём содержалась просьба к дяде Огастину приехать самому или прислать доверенного

человека для решения вопроса о наследстве мадам Рук. Сумма в письме не упоминалась, но было ясно, что наследство значительное и ради него стоит потрудиться.

Перевязанные лентой письма были гораздо старше. Они даже потемнели от времени. Персис расправила первое. И чернила от времени поблекли. Она посмотрела в сторону окна. Дело было не только в том, что она не привыкла к старинному почерку: уже смеркалось. Собирались тучи, снова поднялся ветер, от порывов которого затрепетали занавески. Персис поторопилась закрыть окна. Заметив, как бьются на ветру листья пальм, она закрепила также и ставни. Неужели на подходе новая буря?

Она зажгла свечу на столе и поднесла к ней письмо, чтобы лучше стало видно.

В письме говорилось о событиях, о которых ей уже рассказал дядя Огастин. Почерк образованного человека, стиль очень чёткий, никаких отступлений. Сообщалось, что после смерти Амоса Рука найдены документы, неопровержимо свидетельствующие, что он был в долгу у своих нью-йоркских родственников. Автор письма предлагала выслать требуемую сумму. Несмотря на сдержанные выражения Персис решила, что пишущая возмущена алчностью своего покойного мужа. Письмо было подписано «Кэролайн Рук».

Но во втором письме оказалась информация, о которой дядя Огастин не упоминал. Оно было длиннее первого, написано дрожащим почерком. Хотя, сравнив даты, Персис установила, что второе письмо было отправлено всего через четыре года после первого.

— Огастину Руку, эсквайру, — прочла она шёпотом и начала разбирать дальнейшее.

«Я хочу попросить вас о большом одолжении, но для моего душевного мира это необходимо. Как вы знаете, у

моего покойного мужа был сын, рождённый во внебрачном сожительстве ещё до нашего с ним брака. Однако он открыто признал мальчика и сделал его своим законным наследником, так как было ясно, что в нашем возрасте детей у нас не будет.

К несчастью, этот мальчик, Джеймс Рук (имя, принятое после усыновления), оказался человеком страстного и своенравного темперамента. Он постоянно ссорился с отцом, связался с дурным обществом и был постоянным источником неприятностей и бесчестия для моего мужа, хотя он много раз давал Джеймсу возможность исправиться.

Когда началась новая морская война с вашей страной, Джеймс, вопреки желанию отца, отправился в плавание на капере, оснащённом на островах. Капер позже был захвачен кораблём под американским флагом. С тех пор мы ничего не слышали о Джеймсе, кроме слуха, что он был убит во время абордажного боя. Но до самой своей смерти мой муж надеялся, что его Джеймс может быть жив. Должна признаться, что я поддерживала эту надежду, так как это облегчало положение мужа во время его долгой болезни.

Я провела частное расследование и установила, что люди действительно видели, как Джеймс упал на палубе во время боя. Суд признал это достаточным доказательством его смерти, и поэтому всё состояние его отца и моего мужа перешло ко мне.

Но совсем недавно я услышала кое-что новое: Джеймс, хотя и раненый, уцелел, но потом его никто не видел. Я установила, какой корабль захватил «Цаплю». По странной иронии судьбы этот корабль оказался принадлежащим вам. Так как корабль не погиб, вы, возможно, сумеете разыскать служивших на нём. Не сможете ли сообщить мне дополнительную информацию по этому делу?

Джеймсу было двадцать лет, у него была смуглая кожа и тёмные волосы. На тыльной стороне правой руке сабельный шрам. Он обладал несдержанным буйным характером.

Ожидаю, сэр, вашего ответа, так как для меня это дело величайшей важности».

Прежде всего Персис решила, что жена Амоса, должно быть, ненавидела этого Джеймса. Было ясно, что она мирилась с ним только ради мужа. И боялась притязаний Джеймса на наследство. Ответил ли на это письмо дядя Огастин? Персис искала среди бумаг на кровати.

Ещё один юридический документ: показания под присягой, вернее, заверенная копия (потому что на обороте стояло «копия»). Показания были взяты у двоих. Первый — капитан Уиллард Оуэнс...

Да ведь она знала капитана Оуэнса! Он уже был в отставке, но дважды навещал дядю в их доме в Нью-Йорке.

Второй — Патрик Коннер. Рядом с его подписью стояло слово «боцман». Оба под присягой показали, что человек, описанный в письме, был ранен и той же ночью скончался от ран. И был погребён в море.

Итак... Персис отложила документы. У мадам Рук имелась не одна причина быть благодарной дяде Огастину. Сначала он отказался от платы, которую она предложила, а потом доказал её права на наследство. Теперь Персис гораздо лучше понимала, почему мадам Рук завещала значительную часть своего состояния старшей ветви семьи своего мужа.

Девушка аккуратно сложила письма и документы назад в портфель. Ключ от него она положила в маленькую шкатулку со своими драгоценностями. Но винил ли себя дядя Огастин в смерти Джеймса? Он умер явно с беспокойной совестью.

Укладывая портфель в чемодан, Персис слышала сильные порывы ветра. К ней отчасти вернулся страх последних часов на «Стреле». Но ведь она сейчас в безопасности на суше, а не в открытом море.

Какой-то странный вопль перекрыл рёв ветра. Она вздрогнула от этого необычного звука. В девушке зашевелился другой страх, тот, что она испытала ночью, когда была уверена в чём-то «присутствии» рядом. Задрожавшая Персис взяла свечу и подошла к двери.

По часам дяди Огастина было ещё только начало вечера. Но ночь здесь наступает очень быстро. Персис захотелось общества. Воспоминания об испытанном ужасе, когда она стояла у стены, становились всё ярче.

Она слышала шум внизу, стук ставень. Заперли также дверь на веранду. Ещё одна буря! Персис возблагодарила судьбу, что она сейчас не в море. Как ни силён ветер, как ни велики волны, на острове она в безопасности.

Из соседней комнаты тоже со свечой в руке вышла Лидия.

— Буря идёт сильная. У вас есть водонепроницаемый плащ? — спросила она.

— Нет, — Персис удивилась. Неужели Лидия предлагает выйти на этот ветер?

— Жаль. Подержите, — Лидия передала ей свою свечу и начала разворачивать свёрток, который несла под рукой. Это оказался плащ с капюшоном. Она набросила плащ на плечи и натянула на голову капюшон, не обращая внимания на беспорядок в своей сложной причёске.

— Пойду на место вперёдсмотрящего, — заявила она.

Персис подумала о крутой узкой лестнице, ведущей на крышу. О чём говорит Лидия? Да ветер запросто сорвёт её оттуда. Должно быть, ужас отразился на лице девушки, потому что Лидия рассмеялась.

— Это не опасно. Там уже Хендерсен, вперёдсмотря-

щий моего брата. Он натянул верёвки, за которые можно держаться. А Мэйсон ждёт внизу, чтобы передать сообщение, если покажутся ракеты тревоги.

— Капитан Леверетт выведет корабль в такую бурю?..

— А как иначе он добрался бы до «Стрелы»? Лицензия обязывает его это делать. «Непревзойдённый» выдерживал и ураганы. Да, Крю ждёт сигнала.

Она взяла назад свою свечу и принялась подниматься по лестнице. Персис нерешительно двинулась в противоположном направлении, медленно, ступенька за ступенькой, спустилась на тёмный первый этаж с закрытыми ставнями окнами. Выйти в хрупком корабле в самую пасть бури — да, человек, которого она видела на обмываемой волнами палубе «Стрелы», способен и на такое. Ему не откажешь в храбрости, что бы ни говорили плохого об его характере.

Миссис Прайор была занята в гостиной. Она повернулась к Персис и неожиданно задала вопрос:

— Ставни в вашей комнате хорошо закрыты, мисс Рук?

— Да. Будет сильная буря? — девушке показалось, что прочный дом начинает дрожать под сильными ударами ветра.

— Кажется. А мы некоторым образом уязвимы здесь. Хотя дом построен на сваях, которые немного сгибаются на ветру. Иначе его вообще могло бы разнести. На кухне все огни погашены. Придётся обходиться холодной едой, пока буря не пройдёт.

Ей приходилось говорить на повышенных тонах, чтобы перекрычать шум снаружи. Как Лидия может находиться там, на крыше? Персис поражалась безрассудству девушки.

— Лидия пошла на крышу, — сказала она. Она не могла руководить действиями своей хозяйки, но, наверное, миссис Прайор что-нибудь сделает.

Миссис Прайор пожала плечами.

— Она и её брат — это у них в крови. Она понимает опасность, хотя там и привязано много тросов. Что она от этого получит, кроме промокшей одежды... — домоправительница снова пожала плечами. — А капитан уже в море.

— Не понимаю, как он может... — решила Персис.

— Лучше качаться на волнах в море, чем разбиться о причал, — экономка проверила прочность последних ставень. — Только посмотрите на это! — она показала на воду, пробивавшуюся в закрытое окно. — Придётся затыкать щели, чтобы вода не добралась до ковров!

Персис покорно пошла за миссис Прайор, целеустремлённо направившейся на кухню. Мам Роз, Сьюки и другая девушка жались к очагу, словно им было холодно. В очаге ещё тлел огонь. Молли замерла у большого стола, заткнув обеими руками уши и плотно закрыв глаза, как будто не хотела ни видеть, ни слышать буйства стихии снаружи.

— Вставайте! — миссис Прайор подошла к группе у очага. — Вода просочилась в гостиную. А может, и в другие места вдоль восточной стены. Отыщите тряпки, старые полотенца и готовьтесь к уборке.

— Воды будет много, миз Прайор, — Мам Роз не сделала попытки встать, она как будто хотела спрятаться за ответом. — Воду нагонит через черепаший садок.

Миссис Прайор прошла по кухне, наклонилась и подняла крышку люка. Откинув её, домоправительница взяла штормовую лампу и опустила вниз. Мам Роз и служанки неохотно отошли от очага и принялись доставать тряпки из ларя.

— Почти доверху, верно? — спросила Мам Роз.

Персис заглянула в тёмное отверстие, которое открыла домоправительница. В свете лампы поблескивала вода.

Миссис Прайор смотрела, до какой степени лестницы она поднялась.

— Не о чём беспокоиться, — пришла она к заключению.

Худые плечи Мам Роз сгорбились.

— Я не останусь здесь, если загон сломается и большие черепахи выйдут. Не хочу, чтобы они сюда поднялись.

Миссис Прайор захлопнула люк.

— Вряд ли это произойдёт, Мам Роз. Ты и сама это знаешь.

Увидев удивление Персис, она объяснила:

— Там, внизу, цистерна с пресной водой. Часть её используется как бассейн для купания. Между цистерной и каналом — загон, обнесённый сваями. В нём мы держим черепах. Черепаховый суп великолепен, хотя, может, чересчур жирен.

— Вы хотите сказать, что под домом бассейн? — спросила Персис.

— Да. Он сделан так специально, на случай набега индейцев. Вода в него поступает из источника. Можно даже уйти в канал через черепаший садок.

Персис понимала преимущества запаса воды, хотя, наверное, когда уровень воды в канале поднимается, вода в цистерне становится солёной и непригодной для питья. Но пробираться через садок с черепахами, чтобы спастись от набега... Это звучит как самая нелепая фантазия. Однако миссис Прайор явно считала это дополнительным преимуществом дома.

— Не весь дом над водой, — должно быть, миссис Прайор уловила сё тревогу. — Только кухня. Когда капитан Леверетт строил дом, он использовал метод, принятый на островах. В насыпь вбиваются сваи. Здание может слегка наклоняться, но совсем разбить его буря не может. А лишний выход всегда удобно иметь на случай неприят-

ностей. В прошлом на островах Ки происходило немало боев, и жители научились принимать меры предосторожности. Цистерна заполняется дождевой водой. Если она переполняется, избыток уходит через канал. Когда это происходит, мы здесь заклиниваем дверь.

Персис попыталась представить себе подвал дома, любого дома, полный воды и черепах. И поняла только, что это часть варварского образа жизни рекеров, с которой она не желает иметь ничего общего. Черепахи! Она как-то видела этих чудовищ. Они лежали на спинах, вяло перебирая лапами, и ей стало жаль бедняг. С тех пор она не любила хваленый черепаший суп.

Попятившись от люка, девушка услышала громкий стук в наружную дверь кухни. Кто-то лихорадочно стучал в неё. Миссис Прайор оглянулась и поставила лампу.

— Пошли, — сказала она, поманив Персис и Молли.
— Потребуются усилия всех трёх.

Положив руку на щеколду, домохозяйка жестом вселяла встать за собой, словно боялась, что её отбросит внутрь.

— Готовы? — предупредила миссис Прайор во время недолгого затишья. Персис увидела, как напряглась Молли, и сделала то же самое. Тут дверь, освобождённая от запора, распахнулась.

Персис, насквозь промокнув от ворвавшегося дождя, громко вскрикнула. Она словно упала в цистерну вниз, промокнув от волос до туфель. И так яростно обрушились на неё вода и ветер, что девушка даже не могла дышать. Она только разевала рот, как только что выловленная рыба.

Но ярость бури внесла в кухню кого-то ещё. Персис увидела согнувшуюся фигуру, которую пронесло мимо очага. И приложила все силы, чтобы помочь миссис Прайор и Молли снова закрыть дверь.

Наконец им удалось захлопнуть створку. На полу остались лужи воды и даже сорванные листья. Затянув болты сверху и снизу, миссис Прайор постояла, отдуваясь; её круглое лицо покраснело под промокшей шляпой и растрепавшимися волосами. Молли прижимала руки к груди, которая тяжело поднималась и опускалась в такт дыханию.

Поэтому только Персис повернулась, чтобы посмотреть, кого принесла буря. И отскочила, едва сдержав крик. Эта... эта тварь, скорчившаяся у очага... она едва походила на человека!

Тонкие чёрные ноги-палки, такие же худые руки, ладони, как лапы хищной птицы. Тело туго обтягивала мокрая чёрная кожа. А болтавшаяся юбка была такая грязная, что по цвету стала почти такой же, как кожа. Но голова... вот она повернулась к девушке...

Тёмно-коричневая физиономия никак не походила на голову живого существа. Как это возможно? Большие оттопыренные уши, как у летучей мыши; глаза в глубоких ямах, так что в них не отражался даже огонь очага. В носу Персис не увидела ноздрей, а выпяченный вперёд круглый рот чудовища как будто был готов в любой момент к чему-нибудь присосаться.

Миссис Прайор отошла от двери. Она подняла с пола лампу и поставила на стол. На лице её не было и следа беспокойства.

— Плохая погода, Аскра, — заметила она.

Рваное грязное существо, принесённое бурей, неуклюже встало. Суставы его скрипели, как от ревматизма. Теперь Персис увидела путаницу седых волос на плечах. Вода стекала с них на пол.

Женщина хмыкнула, подняла птичьи лапы к затылку, порылась там немного; невероятное уродливое лицо упало и повисло на верёвке на груди, как детский нагрудник.

Под ним оказалось вполне человеческое лицо, темнокожее, но совершенно не похожее на лица других служанок. Большой орлиный нос выступал вперёд, свисая к выпяченному подбородку; лоб уходил назад, ещё больше подчёркивая выступ носа.

Персис видела индейцев ссевера, жалкие остатки некогда гордых и страшных шести народов*. Но эта очень старая женщина не походила и на них. Несмотря на рваную грязную одежду, держалась она как госпожа. Ничего не сказав, она отвела с лица волосы. Она смотрела мимо миссис Прайор, не обратив внимания на её слова, смотрела прямо на Персис.

Как ни старалась, девушка не могла отвести взгляд или повернуть голову. Старуха держала её в каком-то трансе силой своей личности, как будто была способна проникнуть в мозг пленницы и прочесть там все мысли.

— Ракеты! — резкий крик положил конец противостоянию.

В дверях, выходящих в коридор, стояла Лидия. Плащ, по которому стекали потоки воды, плотно облипал её тело.

— Мы видели ракеты! — повторила она. — Корабль налетел на рифы!

Глава шестая

Персис рассказывала взад и вперёд по коридору. Она просто не могла усидеть на месте. Воображение рисовало ей картины того, что происходит за стенами дома, дрожавшими под порывами ветра. Лидия тоже пришла в крайнее возбуждение, но даже она не решалась теперь

* Шесть объединившихся племён индейцев: пять племён ирокезов и шестое — тускарора. (*Прим. перев.*)

выйти на крышу, только говорила всё быстрее и быстрее о прошлых бурях и о том, что они приносили. Мокрый плащ она сбросила и теперь сидела на нижней ступеньке лестницы и без передыху говорила, говорила, говорила... Персис захотелось закрыть уши руками, как делала Молли.

Наконец девушка так устала от ходьбы, что вынуждена была сесть в столовой, где три свечи отбрасывали три круга света, а над плечами сидящих нависали тени, как хищные звери, готовые наброситься на добычу. Как и предупреждала миссис Прайор, еда была холодная: хлеб, джем, ломти копчёной свинины. Не было даже чая, чтобы запить еду.

Лидия по-прежнему рассуждала о призах, которые может дать море. Она как-то не думала о том, что на кораблях, оказавшихся во власти стихий, гибнут люди. И только когда люстра неожиданно задрожала, хрустальные подвески со звоном ударились друг о друга и пол вздрогнул под ногами, хозяйка дома замолчала.

Персис заметила, что она крепко сжала поверхность стола; ногти её прямо-таки впились в скатерть.

Но вслед за толчком наступило относительное спокойствие, и Персис немного расслабилась. Вошла миссис Прайор, ведя перед собой Сьюки, и по очереди осмотрела все окна в поисках протекающих щелей.

— Буря кончилась? — спросила Персис.

— Конечно, нет, мисс. Мы в самом её центре — это называется «глаз бури». Потом, когда центр пройдёт мимо, ветер снова поднимется, — было что-то успокоительное в миссис Прайор: ни потоки дождя, ни порывы ветра не могли смутить её. Как и Персис, она переоделась в сухое, восстановила свою старомодную причёску и выглядела как обычно.

Но новость, которую она принесла, не ободряла, и

Персис инстинктивно напряглась в ожидании возвращения урагана. Она утратила всякое представление о времени; иногда девушка думала, что буря длится уже целую вечность. Что сейчас? Ночь? Утро? Но как она ни устала, забраться в кровать, когда бушует стихия, казалось невозможным.

Как и предсказала домоправительница, ветер снова поднялся, и какой-то бесконечный рёв бури продолжал держать всех в напряжении. Лидия наконец замолчала. Персис её почти не слушала, когда начался второй приступ. Иногда она вообще ничего не слышала, видела только, как движутся губы. Они сидели в гостиной при свете одной-единственной свечи с дрожащим огоньком. Один или два раза слышался такой треск, что Персис была уверена: отвалилась часть дома. Но к девушке вернулась её упрямая храбрость: она ни за что не даст понять, как сильно боится.

Что с кораблями? «Стрелу» привели в гавань, чтобы оценить размеры необходимого ремонта. Но после такой бури она может оказаться в гораздо худшем состоянии. Капитан Левсретт где-то в открытом море, рискуя кораблём и жизнями, собственной и своих людей. Лидия видела ракеты. Повезёт ли тем, кто их выпустил, так же, как экипажу и пассажирам «Стрелы»?

Персис обнаружила, что Лидия внимательно наблюдает за ней, смотрит на неё тем же пристальным взглядом, каким смотрела оборванная карга, искавшая убежища у них на кухне несколько часов назад.

— Рада, что не там? — губы Лидии сложились в лёгкую улыбку. — «Стрела» такого никогда бы не пережила. Да и Крю не решился бы снимать её с рифов. Не в такую бурю. А Крю — лучший рекер на островах Ки.

Персис не хотелось думать о «Стреле»; она вообще хотела бы забыть звуки бури.

— Как он стал рексером? — спросила она.

Лидия надула губы.

— Из-за своего упрямства. Он уже в восемнадцать лет получил диплом капитана. Наш отец торговал с Китаем и с Индией. Он хотел, чтобы Крю участвовал в семейном деле, но Крю грезил только морем. И сбежал на одном из идущих в Китай клипперов. Ему было тогда только двенадцать, но характер у него был такой же, как сейчас, — Лидия рассмеялась. — Он по-прежнему горячей ада, как говорит Ральф, только лучше сдерживается. Но когда перестает сдерживаться... — она сделала жест рукой. — Ну, он прирожденный моряк и много работал. Потом он договорился с Палмером Бриггсом...

Персис вздрогнула. И была уверена, что остроглазая Лидия этого не пропустит. Палмер Бриггс хорошо известен в Нью-Йорке, слишком хорошо известен, и репутация у него самая дурная.

— О, Крю никогда не командовал кораблём работорговца, — Лидия чуть приподняла подбородок. — За такие дела берутся только подонки. Но Палмер интересовался рекерством. Флот погубил немало его работорговых кораблей, и всё, что он отправлял в море, вызывало подозрения.

Поэтому он сделал предложение Крю: заняться рекерством на островах Ки и посмотреть, что из этого выйдет. Но вскоре после этого Палмер Бриггс разорился, стал банкротом. А Крю купил корабль у попечителей, которые присматривали за ликвидацией дел Бриггса.

Потом он приплыл сюда и купил этот остров, купил у вдовы Санчо Мендозы, которому остров принадлежал по испанскому закону. Он знал, что рекеры из Ки-Уэста объединяются, чтобы избавиться от тех, кто им не нравится. И они действительно невзлюбили Крю. Он много раз опережал их в крушениях и первым заключал догово-

ры с капитанами. Этот дом... Он нанял плотников с нескольких кораблей, чтобы построить его, — она гордо осмотрелась.

Когда умер отец, Крю заставил меня пойти в школу в Чарлстоне на Каролинских островах... — тут Лидия состроила гримасу. — Не делай этого, леди так никогда не поступает, леди никогда об этом не думает и всё прочее! — тон голоса давал ясное представление, что она думает о школе. — Я упрашивала его привезти меня сюда. Какая же я была дура!

Теперь её лицо приняло напряжённое выражение.

— Понимаете, я тогда не знала, каково оказаться запертой в этой... в этой пустыне! В школе Ки-Уэста была девушка... Салли Мэтьюс... По её словам, жизнь здесь такая интересная. Но мне абсолютно нечего здесь делать. И не понимаю, как Крю собирается выдать меня замуж. За кого замуж? За доктора Виринга? Он мне в отцы годится и к тому же думает только о своих растениях. А спасённые с кораблей... они задерживаются ненадолго. Меня всё равно что похоронили.

Перси хотелось спросить, как вписывается Ральф Гриллон в картину жалкой жизни Лидии на острове Исчезнувшей Леди, но она не хотела никаких признаний.

— Вам хорошо, — Лидия снова расчётливо смотрела на гостью. — У вас есть причины отправляться в Ки-Уэст, даже на Багамы. Только не позволяйте Крю решать за вас.

— У него нет никаких причин вмешиваться в мои дела, — ответила Перси.

Лидия рассмеялась.

— Крю причины не нужны, он просто поступает по-своему, так, как считает нужным, и неожиданно вы понимаете, что оказались у него под ногтём. Так что

берегитесь! — она прикрыла рукой зевок. — Спать хочется. Ко всему привыкаешь. Даже в бурю можно спать.

Персис приняла это как намёк. Ей совсем не хотелось подниматься по лестнице в свою комнату с закрытыми ставнями. Но Лидия уже задула одну свечу и взяла другую. Персис тоже неохотно встала, прикрыла рукой огонёк последней свечи и последовала за Лидией по лестнице. Она хотела бы попросить Молли переночевать с ней, но гордость помешала ей сказать об этом.

В своей комнате она сняла только платье и туфли, надела пеньюар и легла в широкую кровать, готовая к неожиданной тревоге. Но, наверное, Лидия всё же права: можно ко всему привыкнуть, в том числе и к звукам бури. Несмотря на страх, который было так трудно скрывать, Персис погрузилась в тревожный сон.

Очень тревожный сон... Снова стояла она, прижавшись к стене в верхнем коридоре, слушала шорох, который могли производить невидимые шёлковые юбки, задевающие за пол, видела неторопливо раскачивающиеся огоньки. Но на этот раз, несмотря на все усилия высвободиться, что-то увлекло её вслед за этим бесплотным присутствием.

Потом стены коридора исчезли, исчез и дом. Она оказалась под открытым небом, хотя поблизости виднелась каменная стена. Ни следа бури. Необыкновенно тихая ночь, не слышно звуков насекомых, не шелестит ветер, только шорох обозначает невидимое присутствие.

Они подошли к дальней стороне стены. Огоньки теперь двинулись быстрее, но по-прежнему всегда держались вместе. Потом медленно, очень медленно опустились к земле. Казалось, они ушли в неё, потому что Персис больше их не видела. И как только они исчезли, девушка освободилась.

Она проснулась. Комната казалась влажной и душной.

Одежда прилипла к телу, голова болела. Но ещё какое-то время сон владел девушкой, и Персис казалось, что она не в широкой кровати, в комнате, а снаружи, во тьме ночи, в которой она не помнит ни луны, ни звёзд.

Персис села. Она пыталась благоразумно уверить себя, что на самом деле в этом сне нет ничего путающего. Ей ничего не угрожало. Но почему же она чувствует себя такой слабой, такой потрясённой, как будто убегала от преследователей, спасая жизнь. Девушка вытерла руками вспотевшее лицо. И только тогда поняла, что не слышит звуков дождя. И за ставнями было светло.

Выбравшись из постели, она направилась к ближайшему окну, внимательно прислушиваясь к звукам. Но стояла почти полная тишина, как при её первом пробуждении здесь. Она с радостью выдернула тряпки, которыми служанки заткнули возможные щели, и встретила утро, облачное, но спокойное.

Растительность выглядела весьма растрёпанной. Несколько пальм упали, и вода в канале поднялась очень высоко.

«Стрелу» как будто расколотило о причал, даже пробилось один борт. «Непревзойдённого» нигде не было видно.

Персис умылась водой из кувшина на туалетном столике, надела свежее бельё и одно из платьев, которое Молли постаралась восстановить. Но платье из розового муслина в маленьких блестящих точках всё-таки выглядело немного потрёпанным, несмотря на все усилия Молли.

Девушка почувствовала, что сильно проголодалась. Горит ли огонь на кухне? Она с удовольствием выпила бы горячего чая. Подумав об этом, Персис сразу ощутила сухость во рту. Чай с печеньем и, может, немного фруктов, которые тут составляют обязательный элемент завтрака.

Не имело смысла пытаться правильно уложить волосы. Влажный морской ветер не даёт здесь потакать этому невинному тщеславию. Поэтому она просто расчесала волосы и завязала их узлом — это всё, что она могла сделать. Потом девушка вышла в коридор. На мгновение её снова охватило то же ощущение, что и во сне. Это всего лишь сон, твёрдо сказала себе Персис. И она не позволит, чтобы её постоянно подводило слишком живое воображение.

В доме было очень тихо. Наверное, остальные ещё спали после тревог бури. Персис постояла у дверей Лидии, думая, стоит ли постучать. Лучше она пойдёт Молли, а её скорее всего можно найти на кухне.

Тишина в доме всё больше и больше тревожила девушку. У неё даже появилось странное ощущение, что она одна, а дом покинут. Пустая фантазия, и Персис сразу подавила её. Но обнаружив, что в кухне никого, огонь не горит, не видно никаких следов Мам Роз и остальных, она была потрясена.

Задняя дверь, которую они вчера прочно закрыли после появления Аскры, теперь была приоткрыта. Персис инстинктивно направилась к ней. Должно быть, Мам Роз и служанки ушли в свои хижины... вон они... и проспали. Не её дело будить прислугу, конечно, но она по крайней мере может выйти и посмотреть, какой сегодня день.

Свежий морской ветер дергал девушку за юбки и тщетно пытался развязать узел на голове. Землю усеивали оборванные листья и ветки. Персис не увидела никакой дороги в этом мусоре, никаких следов хижин, хотя прошла до самой противоположной стороны насыпи, осторожно пробираясь среди обломков.

В одном месте часть насыпи — земля и раковины вместе — осыпалась. И обнажились грубые камни, уложенные в ряд.

Ствол пальмы протискивался между двумя такими камнями. От ствола теперь остался только пенёк. Персис остановилась. Эти камни... они должны быть выше, гораздо выше! Но откуда она это знает?

Изрядно удивлённая, девушка обхватила руками подобрала юбки и проскользнула мимо обломков пальм, чтобы взглянуть на древнюю стену. Один из обломков глубоко вонзился в этом месте в насыпь, и под ним виднелось что-то... не камень.

Персис наклонилась, взяла ветку и принялась копать. Шкатулка! Из какого-то потускневшего металла. Сейчас он имел тот же цвет, что и земля, в которой лежал.

Шкатулка была узкая, примерно восемнадцать дюймов длиной. Девушка вытащила её из земли и подняла, обнаружив, что она удивительно тяжёлая. Свинец? Свинцовый ящик. Что-то давным-давно спрятанное здесь испанцами или пиратами?

Она попыталась открыть шкатулку, но вскоре вынуждена была признать, что та прочно закрыта, хотя никакого замка не было видно. Осторожно неся её, Персис вернулась в кухню, вспомнив о висевших там ножах.

— Аааа....

Персис подпрыгнула и выронила нож, которым пыталась открыть крышку.

Ведьма, которую принесло бурей, стояла, глядя на девушку пристальным оценивающим взглядом. Персис никогда никого так не боялась. Но Аскра не была похожа на знакомых ей людей.

Индianка протянула руку с пальцами-когтями, увенчанными грязными обломанными ногтями. Рука её походила на лапу птицы навряд ли стервятника. Персис несколько раз видела их в прошлом.

— Ты... нашла... вещь... призрака... — слова произносились с трудом, как будто их с большими усилиями выдавливали одно за другим из-под нависшего носа.

Персис с трудом удержалась от того, чтобы не спрятать руки за спиной. Но потом упрямство и независимость заставили её выпрямиться.

— Я нашла это... там, под камнем, — девушка указала на заднюю дверь, стараясь говорить спокойно, как обычно. Не существует ни ведьм, ни призраков. Она в этом уверена. И не собирается менять свои убеждения.

— Вещь... призрака... плохая...

Теперь Персис поняла, что имела в виду Молли, когда говорила, что под взглядом карги начинаешь верить, что ей подвластны силы, недоступные обычному человеку. Но она не собиралась поддаваться таким нелепым мыслям!

Индianка ещё сильнее вытянула руку, расправила пальцы, словно собиралась схватить ящичек. Взгляд её изменился, затуманился, веки опустились. Однако взять шкатулку она не пыталась. Но от рук старухи словно исходил жар, который девушка хорошо ощущала.

— Нет... — ведьма заговорила не по-английски. Она произносила слова, непонятные Персис. Потом: — Кровь... на нём кровь... и будет снова. Возьми.

Кончиками пальцев Аскра подтолкнула шкатулку к Персис.

— Это тебе... подарок.

— Подарок? — удивлённо повторила Персис.

— Подарок крови. Только в твои руки он пойдёт. И в твоих руках принесёт жизнь... и смерть. Она этого хочет.

— Она?..

Аскра уже направлялась к наружной двери. Она ничего не ответила и мгновение спустя вышла. По-прежнему закрытая шкатулка лежала на столе. Персис разрывалась между двумя равными по силе чувствами. Одно требовало, чтобы она вернула вещь туда, где нашла её, забросала землёй и раковинами. Но девушка внезапно поняла, что

не может сделать это. Ей вдруг очень важно стало знать... Она должна узнать!

Индианка, очевидно, хотела запутать её, вот и всё. Молли сказала, что островитяне боятся Аскры, дают ей всё, что та пожелает, и стараются не попадаться ей на пути.

Девушка медленно взяла нож, вставила в еле заметную щель и надавила. Когда-то здесь стояла крепость пиратов. Мысль о сокровище пришла в голову Пернис, но девушка отогнала от себя домыслы. Вскоре она обнаружила, что крышку удерживает свинцовая лента, и отогнув кончик, сумела снять её. И как только сделала это, крышка легко поднялась.

Пространство внутри заполняла сгнившая материя. Пернис осторожно извлекла её. И остался один предмет, тщательно завёрнутый в кусок когда-то промасленного шёлка (шёлк потрескался от старости и издавал неприятный запах).

Пернис осторожно потянула ткань. Ей не хотелось притрагиваться к ней. Обёртка медленно развернулась, и девушка увидела сложенный всер. Но...

Именно этот всер Лидия показывала ей и рассказывала его фантастическую историю! Невозможно было не узнать этих кошек с глазами из опала, столь губительно смотревших с покрытых сплошной резьбой крышек все-ра. Но когда Пернис попыталась раскрыть всер, ничего не вышло. Эта вещь походила на всер, да, но более внимательный осмотр показал, что он не раскрывается. Сплошная тяжёлая копия все-ра, который показывала Лидия. Даже с канавками по краям, куда будто бы уложены планки.

И... эта вещь была ей ненавистна!

Пернис гордилась своим разумным подходом к жизни. Рассказ Лидии о привидении она считала слепым. Ко-

нечно, это не всер Лидии, просто его копия, сделанная так, что не может раскрываться. Но Персис обнаружила, что ей не хочется прикасаться к этой вещи.

Стараясь трогать только промасленный шёлк, она быстро завернула всер и снова уложила его в гроб. Почему она выбрала именно это слово? И почему оно кажется таким подходящим, спросила часть её сознания. Но именно так оно и было: всер лежал в гробу.

Девушка торопливо сгребла назад разложившуюся ткань и захлопнула крышку. Как могла, прикрутила свинцовую ленту, загнула по краям. Но не настолько — она была уверена в этом, — чтобы помешать теперь влаге проникнуть внутрь. Однако это не играло роли. Всер — орудие зла!

Но тут собственные мысли удивили Персис. Почему какой-то предмет может вызывать мысли о зле? В наши просвещённые дни это совершенно неестественно. Персис знала, что колдуны, ведьмы, проклятия и всё такое встречаются только в романах, которыми глупые школьницы меняются, чтобы с удовольствием подрожать над воображаемыми ужасами.

Взяв шкатулку в руки, девушка решительно направилась к задней двери. Эта штука вернётся туда, где она её нашла. А слова Аскры, её предупреждение — всего лишь бред полубезумной старухи, вызванный суевериями и предрассудками, которые держат в страхе окружающих.

Персис отыскала ямку, из которой извлекла шкатулку, и постаралась уложить ящичек на прежнее место, потом забросала его землёй и раковинами, и утоптала, чтобы место это не было обнаружено снова.

И только вернувшись домой и вымыв вымазанные землёй руки, девушка почувствовала себя спокойней. Никто не найдёт этот всер. Тем не менее ей приходилось подавлять любопытство. Всер, который не всер. Для чего

он служил? Она была уверена, что рисунок на крышках обих вещей одинаковый — загадочные кошки с опаловыми глазами, которые кажутся почти живыми. Повесив полотенце, Персис услышала первый звук в молчаливом доме. Это вошла миссис Прайор, в первый раз потерявшая своё обычное невозмутимое выражение лица. Даже несколько прядок волос высвободились из причёски (Персис была уверена, что остальные волосы аккуратно приколоты) и упали на шею, и это действовало сильнее, чем если бы миссис Прайор была совсем непричёсана.

— Капитан... — она остановилась в двери, сцепила пальцы поверх передника. Лицо её казалось не таким розовым, как обычно. — Сигнал с корабля... Капитан ранен!

— Капитан Леверетт? Его привезут на берег?

— Да-да. Мы должны подготовиться...

Персис уже пошла.

— В его комнату, — решительно заявила она. — Я уберу свои вещи. Если не возражаете, я воспользуюсь комнатой дяди Огастина.

— Конечно, — но миссис Прайор, казалось, её не слышала. Она сняла с пояса связку ключей — этот знак своей власти она всегда носила с собой — и направилась к высокому шкафу слева. — Хаммонд отправился за доктором Вирингом... Ранен... Никогда раньше... — Персис решила, что женщина разговаривает сама с собой.

Девушка заторопилась по лестнице вверх. Схватила в охапку вещи, которые чинила и гладила Молли, и понесла через коридор. Бросила на кровать. Чемодан... Его должны будут принести позже. Взяла щётку, расчёску, зеркало, бутылочку туалетной воды, которая чудом пережила крушение «Стрелы», замотанная в три нижних юбки. Часы дяди Огастина с прикроватного столика...

Она оглядывалась, чтобы убедиться, что ничего не

забыла, когда появилась Сьюки с охапкой свежего постельного белья, а за ней Лидия. Очень угнетённая Лидия, без обычного выражения лёгкого злорадства на лице, которое поэтому всегда казалось недовольным.

— Не могу поверить... Крю! — выпалила она. — Плохо... — она прикусила губу. — Крю никогда не рискует... даже... нет, не Крю! — она едва не заплакала, но в это мгновение вошла миссис Прайор вместе со второй служанкой, которая тащила груды разорванных на повязки простынь и горшочки, прикрытые перевязанной промасленной бумагой.

— Не надо, мисс Лидия! — резко приказала миссис Прайор. — Доктор Виринг уже в пути.

— Крю... — Лидия вся дрожала, и Персис, поняв, чем может помочь, обняла девушку за плечи и вывела её из комнаты, полной смятения.

— Нужно верить, — говорила Персис. — Он прекрасный моряк, вы ведь знаете, — ей трудно было находить слова, и она в замешательстве принялась складывать бельё.

Лидия разгладила смятую юбку. Она не поднимала головы.

— Крю всегда... всегда был, — сказала она прерывисто. — Я на него могла положиться.

— Сможете и в будущем, — резко ответила Персис с уверенностью, которой сама не испытывала.

Глава седьмая

Но Крю Леверетт не был в хорошем состоянии. Не был он и хорошим пациентом. Дядя Огастин после приступа погрузился в молчание, он никогда вслух не жаловался, всегда оставался вежлив к тем, кто заботился о его телесных нуждах (временами тело ему совсем отка-

зывало). Капитан же, напротив, оказался требовательным и нетерпеливым. А раны его были отнюдь не лёгкими. Перелом плеча, два треснувших ребра, лёгкое сотрясение мозга — всё это он получил, пытаясь спасти голландский бриг, налеставший на рифы недалеко от того места, где пострадала «Стрела».

Первые часы доктор Виринг держал его под действием опиума, пока перевязывали плечо и вправляли рёбра. Но даже под наркотиком капитан иногда возвышал голос, отдавая резкие приказы. Очевидно, лёжа в постели, мысленно он перенёсся на палубу брига. Сохранить корабль, как «Стрелу», не сумели, хотя люди капитана под командованием его первого помощника Лана Харвери спасли половину экипажа (тех, кого не смыло за борт при первом толчке) и примерно треть груза. Теперь эти вещи грудями лежали на пристани, там же, где недавно груз со «Стрелы».

Лидия оказалась совершенно бесполезна в комнате больного. Очевидно, факт, что Крю оказался подвержен тем же опасностям, что и остальные рекеры, явился для его сестры шоком. Персис, вспоминая собственное смятение и отчаяние, которые она испытала, когда дядя Огастин из властного главы дома превратился в инвалида, понимала, что переживает девушка.

Ведь если не считать неудовлетворённого желания Лидии путешествовать, Крю явно постарался сделать жизнь сестры приятной и беззаботной. Если она и научилась чему-то по хозяйству в школе в Чарлстоне, все эти знания давно улетучились. И поэтому она оказалась совершенно бесполезной в комнате больного. Без всяких обсуждений сложилось так, что миссис Прайор в заботах о капитане помогали Персис и Молли.

Придя в себя, капитан оказался весьма трудным больным. Так как доктор Виринг не разрешил ему вставать,

он сразу начал вызывать к себе членов экипажа и островитян и отдавать приказы. Но тут доктор восстал и заявил, что капитан Леверетт может командовать в море, а здесь его, врача, капитанская рубка, и он больше не потерпит этого хождения взад и вперёд.

Персис по собственным наблюдениям знала, что у капитана лихорадка. Девушка часто заходила, приносила миссис Прайор, которая вообще почти не покидала комнаты больного, лекарства и травы. Лицо капитана покраснело, краска видна была даже сквозь смуглую обветренную загорелую кожу, и глаза его сверкали слишком ярко. Он постоянно бушевал, сердился, как будто не мог поверить, что такое в самом деле случилось с ним. И успокаивался только под действием лекарств, и это беспокоило доктора Виринга.

— Это всё рана головы, — слышала Персис, как он говорил миссис Прайор. — Постоянное возбуждение вызвано этим. Я никогда не видел Крю таким нелепым. Возможно, у него трещина в черепе. Но его нельзя тревожить — это самое главное. Ничто не должно его возбуждать.

Распределились так, чтобы кто-нибудь всегда находился с капитаном. Молли рассказывала, что он дважды приходил в себя — правда, точно слова хозяйина дома она отказывалась повторить — и требовал объяснить, что делает у его постели незнакомая женщина. И прежде чем она могла ответить, снова терял сознание.

На второй день рано утром Персис села в кресло с высокой спинкой лицом к кровати, отпустив Молли и миссис Прайор. Тем необходимо было отдохнуть. Ещё только светало, и на столе горела единственная свеча. Сетка частично мешала смотреть, но Персис обнаружила, что разглядывает лицо капитана, надеясь увидеть, что он спит естественным сном, что лихорадка его оставила.

Он лежал между подушками так, чтобы не смог повернуться набок. Но время от времени крутил головой, как будто видел неприятный сон. Лоб капитана бороздили морщины.

Подбородок, щёки и верхняя губа заросли щетиной, но спал он с закрытым ртом. И несмотря на его хмурое выражение, Персис начала понимать, что он привлекательный мужчина. Теперь он был не так напряжён, как во время их последнего разговора, и потому казался моложе.

Больной снова повернул голову, и девушка заметила, что он провёл языком по губам. Персис тихо встала и подошла к столику. Как много раз за последние два дня делала миссис Прайор, она окунула край льняного полотенца в воду и, раскрыв сетку, протёрла лицо раненого влажной тканью. И не один раз, а несколько. Он вздохнул и полуоткрыл глаза.

На столике стояла чашка с носиком — ещё одно средство первой помощи миссис Прайор. Персис поднесла её к губам капитана, и он принялся жадно пить. Девушка решилась коснуться его лба: кожа была влажная, и не только от полотенца, решила она. Кажется, кризис миновал! И тут она увидела, что его глаза открыты и он удивлённо смотрит на неё. Мрачное выражение лица исчезло.

— Вы не... Лидия... — голос его прозвучал хриплым шёпотом.

— Я Персис Рук, — ответила она и прикрыла пальцами его губы. — Я была на «Стреле». А теперь отдыхайте, капитан Леверетт. Вы были ранены, и у вас лихорадка.

Но поставив чашку на столик, снова повернувшись к кровати и задёргивая сетку, она увидела, что капитан не закрыл глаза. Его глаза, которые казались ей раньше тёмными, на самом деле были синие, светлее, чем у

Лидии, синие, как глубокий океан, хозяином которого он стал.

Девушке пришла в голову одна мысль.

— Хотите увидеть Лидию?

Впервые на губах его появилась лёгкая улыбка. И как она ни легка, Персис поразила перемена, которую та вызвала. Она видела его в гневе на борту «Стрелы», видела серьёзным, когда он исполнял обязанности священника на похоронах дяди Огастина, но никогда не видела такого светлого юношеского выражения на его лице.

— Лидия не очень хороша в уходе за раненым, — еле слышно прошептал он.

— Наверное, ей никогда не приходилось раньше этого делать, — тактично заметила Персис.

— А вам приходилось?

— Мой дядя до нашего отъезда из Нью-Йорка проболел много недель, — сдержанно ответила она. — И мог надеяться только на Молли, Шубала и на меня.

— Молли... — он слегка удивился. — А, это та женщина, которая наливает лекарства, хочешь ты того или нет. Она напомнила... мне... мою старую... нянюку...

Вски его смыкались, голос затихал, сменяясь сонным бормотанием. Тут вошла миссис Прайор с подносом, на котором громоздились чашки, бутылочки, салфетки, и с таким целеустремлённым видом, что Персис не стала снова садиться.

— Мне кажется, кризис миновал, — доложила она.

Миссис Прайор провела собственное обследование.

— Слава Господу, это так! Он просыпался?

— Только на несколько секунд. Я напоила его.

— Хорошо. Сегодня покормим его бульоном, — экономка принялась заменять вещи на ночном столике тем, что принесла с собой. Персис предложила вынести ненужные чашки и салфетки.

— Очень мило с вашей стороны, мисс Рук. После этого вам лучше лечь. У вас усталый вид, — стало очевидно, что миссис Прайор уже отпустила её.

Персис вынесла поднос и поставила на столик в коридоре. Его потом унесёт Сьюки. Сама она отправилась в свою комнату. Там её ждала Молли и два ведра воды, горячей и холодной.

— Ему лучше. Кризис миновал...

Молли кивнула.

— Он борец, этот капитан. Как мистер Огастин. Только он помоложе. Мисс Персис, вы ужасно выглядите. Оботритесь губкой и ложитесь. Я принесу вам тостов и чая, а потом вы уснёте и...

Молли пересбирала вещи в нижнем ящике комода, очевидно, в поисках свежей ночной рубашки. Неожиданно она распрямилась, держа что-то в руках.

— Мисс Персис, а это что такое? Никогда его не видела!

Персис бросила косой взгляд и не поверила глазам. Всер! Всер с глазами из опалов!

— Раскрой его, — потребовала она.

Молли покачала головой.

— Не открывается. Планки как будто слиплись и...

Это же найденный ею всер, тот самый, который она снова похоронила! Два таких не могут существовать поблизости. Неужели эта вещь преследует её?

— Он не мой, Молли, — Персис заставила себя говорить спокойно. — Положи его в нижний ящик. Должно быть, кто-то забыл его здесь. Спрошу об этом мисс Лидию.

Но всё время, протирая губкой уставшее разгорячённое тело, надевая приготовленную Молли свежую ночную рубашку, ложась в постель, она видела перед собой этот всер. Кто знал о том, что она его нашла? Только эта

индианка Аскра. И зачем ей снова откапывать веер и прятать его в комнате Персис? Девушка испугалась, так испугалась, что с нетерпением ждала возвращения Молли с обещанным чаем и печеньем. Ей вновь захотелось попросить Молли остаться. Но какую причину она назовёт? У неё нет никаких доказательств, кроме собственных слов, что она нашла этот веер в запечатанной шкатулке (интересно, что стало с ней) и снова закопала его, потому что даже простое прикосновение к нему пугало её.

Откинувшись на подушки, она смотрела на ящик комода, в котором Молли спрятала веер. Да и веер ли это был? Персис почти ожидала увидеть, как ящик приоткрывается и снова показывается чёрная резьба с опаловыми глазами.

Она решила, что при первой же возможности выбросит эту вещь в канал и постарается, чтобы её никто не увидел, особенно Аскра. Приняв такое решение, Персис чуть успокоилась.

Когда появилась Молли с подносом, девушка обнаружила, что совсем не хочет есть. Но на подносе оказалась ещё тонко нарезанная дыня с острым соусом. Она понравилась Персис гораздо больше обыкновенного чая с печеньем. Молли закрыла шторы, чтобы убрать солнце, и Персис легла, уверенная, что не сможет уснуть.

Разбудила её полуденная жара. Девушка неловко повернулась, ночная рубашка промокла и прилипла к телу, волосы тоже были влажные. Если даже с моря и дул ветер (а буря давно кончилась), ставни не пропускали его в комнату.

Снова уснуть не удастся. Персис села в огромной постели, потёрла лоб, убрала с него волосы. Осторожно облизала губы и почувствовала солёный пот. И почему-то вспомнила слова миссис Прайор, что тёмный бассейн под кухней иногда используется для купания. Но тут же

вспомнила и о черепахах. Придётся снова обойтись губкой.

Слезая с кровати, она вновь посмотрела на ящик комода. Он вроде бы был приоткрыт. Но подходить и проверять девушка не испытывала никакого желания. На комод она увидела кувшин с водой и энергично умылась, растёрла всё тело, потом обрызгалась лавандовой водой, после чего почувствовала себя лучше.

Молли приготовила чистую одежду. На острове Исчезнувшей Леди должны происходить грандиозные стирки. Ни одна женишна не может здесь на второй день надевать то же бельё. На этот раз Персис ощутила настоящий голод. Голову её заполнили мысли о ветчине, и печенье, и жареной рыбе, которую так хорошо готовит Мам Роз, и о фруктах.

Платье было её собственное — кремовый муслин с аккуратно напечатанными маленькими мускусными розами. Гораздо более консервативного покроя, чем кружева и оборки Лидии.

Лидия... Она только раз заглянула к брату. Увидев его покрасневшим от лихорадки и зовущим в бреду своих людей, она так торопливо сбегала, как будто вообще не появлялась в его комнате. Выглядела она больной и испуганной. Есть такие люди, думала Персис, тщательно расчёсывая волосы щёткой. Они просто не могут видеть болезни и раны. Персис знала, что такие люди есть, но никогда не могла понять их. Чем была занята Лидия все эти дни? Конечно, не домашним хозяйством: она всё предоставила миссис Прайор.

Дверь медленно и неслышно раскрылась. Персис, заметив движение в зеркале, ощутила лёгкий укол страха. Она не забыла странный всер, как ни старалась это сделать.

— Молли! — облегчённо выдохнула девушка.

— Мисс Персис, вы должны были позвать меня.

— Зачем? Я уже большая, и мне давно не застёгивают пуговицы. Понимашь ли ты, Молли, что пройдёт ещё несколько лет, и я стану той, о ком вы в Нью-Йорке говорите «с колючками в спине», — самой настоящей старой девой, — она рассмеялась, увидев сердитое выражение лица Молли. — Ну, согласись. Мне уже почти двадцать, и ни один мужчина ещё не сделал мне предложение. Никто не искал моего общества — помимо проявления обычной вежливости.

— А почему? — гневно взорвалась Молли. — Вы никого не видите, кроме людей, которые вам годятся в дедушки! Какой стыд! Хозяин Рук был слишком поглощён своими делами и не замечал, что вы растёте и вам нужно общество, как всякой молодой девушке!

Персис слегка удивилась гневу Молли. Служанка, казалось, всегда считала образ жизни и действия дяди Огастина самыми правильными и достойными леди, которой прислуживала.

— Да, не думаю, чтобы судья Симис когда-нибудь сделал мне предложение, хотя он очень вежлив. А мистер Хог смотрел на меня так, словно я шахматная фигура, — девушка усмехнулась. — Дядя Огастин жил по-своему, Молли, и в конце концов он дал мне хороший дом, воспитание и ещё многое, за что я ему благодарна. Он был так стар, что, наверное, я всегда казалась ему ребёнком, и его в этом нельзя винить.

Она слегка наклонилась, чтобы взглянуть на своё отражение в слишком нарядном зеркале. Конечно, с распущенными волосами она выглядит моложе. Но с тех пор, как Персис окончила школу и приняла ответственность за состояние дома дяди Огастина, она никогда не думала о себе как о девочке. Никогда не бывало у неё резких перемен настроения, как у Лидии, никогда не

позволяла она себе критиковать взрослых, никогда не была сосредоточена на себе самой.

И, конечно, нет у неё миловидности Лидии. Она не совсем понимала, почему выбрала хозяйку дома для сопоставления. Наверное, потому, что за последние два года лишь несколько раз встречалась со своими прежними школьными подругами — на чопорных чаепитиях и на трёх свадьбах. Дядя Огастин никогда не запрещал ей приглашать подруг, но она чутьём понимала, что это была бы слишком большая вольность с её стороны.

Неужели она выглядит старой? По сравнению с Лидией, наверное, да. Неудивительно, что миссис Прайор сочла её достаточно уравновешенной и серьёзной, чтобы подменять её в комнате капитана. Скорее всего, домохозяйка считает её старше.

— Посмотрите на себя, мисс Персис, — Молли отобрала у хозяйки щётку и расчёску и начала заплетать и закалывать её волосы, приводя их в приличный вид. — Девушка, которая слишком долго ходит в невестах, не пользуется вниманием. Вы, — она чуть откинулась, чтобы взглянуть на хозяйку, — вы слишком мало о себе думаете, мисс Персис.

— Ты меня очень успокаивашь, Молли. Для старой девы...

Молли покраснела.

— Никогда не говорите так о себе, мисс Персис. Как говорите, так и будет. Я много раз видела такое. Я наблюдала за вами, мисс Персис, — продолжала она. — Да, вы многим обязаны хозяину. Он вас принял и всё такое. Но и вы давали ему, что могли. И несправедливо, что у вас никогда не было возможности быть самой собой.

И тут Персис сказала фразу, которая удивила её не меньше, чем Молли.

— С собой? Молли, я не знаю, какая я.

— Тогда вам пора это узнать, — решительно ответила служанка, прикрепляя к последнему локону бант на розовой бархатной ленте. Она с вызывающим видом приколотла этот бант, как будто ожидала услышать протесты Персис по поводу такой вольности. — И больше не говорите о «колючих спинах» и старых девах, и слышать этого не хочу! Вы элегантная молодая леди, прямиком из Нью-Йорка. У мисс Лидии кружева и ленты, но у вас есть кое-что другое, — тут она сунула руку в карман и достала оттуда листок бумаги, сложенный вдвое и запечатанный красным воском. — Меня просили передать вам это. Попросил молодой джентльмен, вот так. Помните, кто вы, мисс Персис, и добивайтесь своего.

Она положила щётку и гребень и принялась прибираться в комнате. Персис удивлённо взяла письмо, распечатала и прочла несколько строк, написанных чётким разборчивым почерком.

«Мисс Рук!

Боюсь просить вас о большом одолжении, но ситуация такова, что я не могу открыто показаться в доме, а у меня есть для вас ценная информация. Во время моей последней встречи с капитаном Левереттом он запретил мне появляться в его доме и вообще на острове. Но сведения мои настолько важны, что я решил рискнуть и войти в запретные воды, чтобы передать вам тревожные вести.

Мисс Лидия рассказала мне, что вы унаследовали некую собственность на Багамских островах. Я недавно получил сообщение, касающееся ваших прав. Если позволите мне всё объяснить, приходите на площадку за разрушенной насыпью на закате. Я вас там встречу.

Ральф Гриллон»

Персис прочла письмо дважды. Сначала она решила, что благоразумие подсказывает не обращать на него внимания. С другой стороны, Ральф Гриллон действительно с Багам. Возможно, он даже знаком там с членами семьи Руков. Если он на самом деле обладает информацией, как говорит, то эти сведения могут определить планы Персис на будущее. Персис вовсе не желала отправляться на полутайное свидание и хорошо знала о яростной стычке между капитаном Левереттом и багамцем в день смерти дяди Огастина. Тогда она почти не обратила на это внимания, но, похоже, капитаны встретились вне дома, и Крю Леверетт предупредил Ральфа Гриллона самым решительным образом: сказал, что если ещё раз встретит его на острове Исчезнувшей Леди, то предпримет такие шаги, которые не позволят «Удаче бурн» когда-либо бросать здесь якорь.

Персис догадывалась, что этот запрет не понравился Ральфу Гриллому, и не удивилась его возвращению. Но она не хотела вмешиваться в отношения своего хозяина с капитаном с Багамских островов. С другой стороны, ведь когда-нибудь она должна научиться самостоятельности!

Персис знала, как легко оказаться в зависимости, как то произошло у неё с дядей Огастином. Даже сейчас её очень тревожило будущее. И если Ральф Гриллон... Он может даже знать юриста на Багамах, который сможет представлять её интересы. Ведь рекерам часто приходится иметь дело с судами и юридическими процедурами. Да, она встретится с ним.

Девушка сложила письмо и спрятала в свою маленькую сумочку. Потом подумала, стоит ли посоветоваться с Лидней. Наверное, хорошо было бы пойти вместе с ней. Но Персис, как и дядя Огастин, отнюдь не стремилась разглашать семейные тайны. История её багамского на-

следства и так способна вызвать пересуды. Даже обсуждая ситуацию с капитаном Левереттом, она не упомянула о том, что скрывается за щедрым жестом овдовевшей мадам Рук. Молли и Шубал... Но они члены семьи. Нет, она не будет разговаривать с Лидией.

Центр жизни дома снова переместился на веранду. Здесь ели и отдыхали. Лидия сидела в плетёном кресле и зевала над книгой, после того как задала несколько небрежных поверхностных вопросов о состоянии Крю. Сьюки принесла еду, и Персис с аппетитом поела. Она проснулась поздно, и поэтому назначенный Гриллоном час был уже близок. Теперь следовало найти предлог для ухода из дома.

И ей показалось, что она нашла такой предлог. Кладбище острова находилось в самой высокой точке острова, недалеко от того места, где ей назначена встреча. И хотя девушке не хотелось использовать в качестве предлога семейное горе, она сказала, что хочет нарвать свежих цветов для могилы дяди Огастина. Лидия зевнула и посоветовала подождать, пока станет прохладнее, потом отправилась разговаривать с Мам Роз: миссис Прайор всё-таки заставила её, поскольку она не дежурит у больного, выполнять кое-какие обязанности по дому.

Персис прошла по тропе через усеянную раковинами насыпь, а потом сквозь невысокие заросли незнакомых растений. По пути она нарвала ярко-красных цветов, первых, какие увидела, думая в то же время, что дядя Огастин вряд ли одобрил бы её выбор. Слишком яркие цветы были полны жизни.

Оставив цветы у деревянного креста на могиле дяди, Персис свернула в сторону и пошла по ещё более заросшей тропе. Поддерживая юбки, чтобы не зацепиться за колючки, девушка направилась на свидание с Ральфом Гриллоном.

Глава восьмая

— Здравствуйте, мисс Рук.

Персис вздрогнула: Ральф Гриллон появился неожиданно, словно из-под земли. Она обогнула большую скалу и увидела полоску песка в раковинах, омываемую волнами. Девушка по-прежнему придерживала юбки. Она не знала, хотел ли он её испугать, но смотрела на него не очень приветливо.

— Я получила вашу записку, — она резко повернулась, пытаюсь говорить так же решительно, как капитан Леверетт. Персис обнаружила, что внешность Ральфа Гриллона и его безрассудство одновременно притягивают и отталкивают её. Вероятно, больше отталкивают, потому что доверие у неё всегда ассоциировалось со спокойной отчуждённостью дяди Огастина.

— Идёмте! — он протянул руку. — Если мы присядем там, нас не увидят из дома, — он указал на бревно, полузасыпанное песком. Оно так прочно застряло, что даже буря не смогла его смыть. Разве что смост при этом и весь остров.

Персис сложила перед собой руки.

— Вы сказали, что у вас есть для меня ценная информация, — она не хотела смягчать голос. — Меня могут хватить, так как я помогаю миссис Прайор заботиться о капитане Леверетте.

Гриллон улыбнулся. Его несколько не смутил отказ девушки сесть.

— Да, наконец-то и Леверетту не повезло, — заявил он весело. — А может, и повезло. Мягкая постель на берегу, и почти все женщины острова вокруг. Но пройдёт немало времени, прежде чем он вернётся на «Непревзойдённый».

— Я пришла не для разговоров о капитане Леверетте, — резко напомнила ему Персис. Несмотря на всё обая-

ние багамца — Персис не отрицала, что он им обладает, — она решила, что несколько не завидует Лидии и тому, что у неё такой поклонник.

— Да, вы пришли за обещанной новостью, но не могу сказать, что она хорошая, мисс Рук. По всем данным, ваш дядюшка — раз уж вы хотите говорить откровенно, — испытывал серьёзные финансовые затруднения перед отплытием. Ну, так вот, завещание, на котором он основывал свои надежды, стоит не больше бумаги и воска, из которых изготовлено.

— Что вам известно о делах моего дяди? — Персис удивлённо отступила на шаг-два. Она даже с капитаном Левереттом об этом не говорила во время их единственной встречи после похорон.

— Вы бы удивились тому, как быстро расходятся новости, когда есть о чём поговорить, — возразил Гриллон. — А мистер Рук вёл любопытные разговоры с капитаном Петтигрю до того, как «Стрела» встретила свой печальный конец. Он много расспрашивал об островах, так что капитан заинтересовался. И так как фамилия Рук встречается не часто, её хорошо знают на Багамах. Когда распечатали завещание старой мадам, о нём говорили по всему городу. Но видите ли, у неё не было права распоряжаться собственностью Рука. У Джеймса Рука остался ребёнок, законнорожденный, тут всё в порядке. И у этого ребёнка гораздо больше прав на наследство, чем у Огастина Рука — и у вас, — Ральф по-прежнему с улыбкой смотрел на девушку, и она не видела в этой улыбке никакого злорадства. Она не сомневалась, что багамец говорит правду. Во всяком случае верит, что это правда.

— Но существуют документы, доказывающие, что Джеймс Рук погиб — и похоронен в море, — возразила Персис.

— Однако это не причина для того, чтобы у него не появились наследники до того, как он отплыл на том капере, верно? Даже у мадам были сложности в суде, когда она получала права на наследство, хотя она и собрала доказательства смерти Джеймса. Боюсь, Джеймс был не очень хорошим мальчиком, — Ральф Гриллон облокотился на скалу, которая скрывала их от дома. Руки он сунул за пояс и отбивал пальцами ритм по просоленной коже пояса.

— Да, Джеймс никогда не был образцовым, послушным и достойным сыном. Заплатив все его долги, старый Рук заявил, что его сын теперь может жить за счёт дьявола, поскольку решил подражать его сатанинскому величеству. И больше они не встречались.

Но я слышал, что перед смертью старик передумал и пытался найти Джеймса. Он даже оставил письмо мадам с просьбой, чтобы она продолжила поиски. Но потом ваш дядя очень своевременно прислал ей доказательства его смерти. Тем не менее у Джеймса остался ребёнок...

— А какие у вас есть доказательства? — спросила Персис.

— О, в своё время будет и доказательство. Если отправитесь на острова, мисс Рук, то встретитесь с трудностями, которые одинокой женщине не под силу. В лучшем случае получите лишь столько, чтобы вернуться на север. А дома вы вполне сможете прожить...

Персис рассматривала багамца. Он выглядел абсолютно уверенным в себе. Она должна была признать, что он хорошо знает, о чём говорит. А в Нью-Йорке её ждут хоть остатки состояния дяди Огастина. Они вместе: она, Шубал и Молли (потому что они члены семьи, и она должна думать не только о своём будущем, но и об их) — они должны будут жить очень скромно. Дом можно будет продать; дом хороший, и район считается респектабель-

ным. Она может рассчитывать и на другие небольшие суммы. И, конечно, она может стать учительницей. Хотя такая перспектива ей не очень нравилась. Тем не менее мисс Пикетт даст ей рекомендательные письма.

Однако, прежде чем сдать, она должна узнать больше и не принимать слова Ральфа Гриллона на веру. Персис постаралась собрать всю уверенность в себе, веру в дядю Огастина. Дядя не отправился бы в такое дальнее путешествие, несмотря на свою болезнь, неподготовленным. Он должен был сам провести расследование. Неужели Ральф Гриллон считает, что она покорно примет его слова и на первом же корабле вернётся в Нью-Йорк?

— Я должна показать документы дяди юристу в Ки-Уэсте, — медленно произнесла она. — Услышав его совет, я приму решение. Кстати, говоря о решении... Если вы помогаете мне, чем я могу помочь вам?

Капитан Гриллон не утратил хорошего расположения духа.

— Справедливо, но помните, юристы знают множество хитростей. И когда речь идёт о наследстве, немалая его часть прилипает к их пальцам, когда они ведут ваше дело. Так что, каким бы ни был совет юриста, сделка, которую я вам предлагаю, в ваших интересах. Без суда и помощи алчных юристов.

Теперь, когда я пояснил, что могу для вас сделать, мы, по вашему предложению, переходим к другой части сделки. Крю Леверетт предупредил меня, чтобы я не показывался на острове. Я не хочу открыто бросать ему вызов. Не стоит спорить с человеком, за сестрой которого ухаживаешь. Да, речь идёт о Лидии. Если вы хотите, чтобы я вам помог и узнал, что могу сделать для вас на островах, помогите мне здесь.

Вы знаете, у Леверетта нет права изгонять меня. Он

ненавидит всех багамцев, потому что сразу после прибытия сюда у него произошла с нами стычка. После той небольшой потасовки его корабль потребовал ремонта, а самому ему пришлось похоронить нескольких членов экипажа. Поэтому для него все островитяне — сброд. Я не говорю, что они святые. Но мы охотились на этих рифах задолго до того, как ваши Штаты с помпой развешили тут вывески «Вход воспрещён». И нам это совсем не понравилось. Почему мы должны рисковать своими кораблями и шеей, спасая потерпевших кораблекрушение, а потом суд другой страны будет устанавливать оплату? И заставлять нас платить налоги?

Персис стояла очень прямо. Она тщательно подбирала слова.

— Я весьма плохо знакома с вашими личными проблемами, капитан Гриллон, — спокойно сказала она. — Но что касается предложенной вами сделки, я нахожу её совершенно неудовлетворительной. Капитан Леверетт теперь мой хозяин, вдобавок он спас жизнь мне и моему дяде. В настоящее время он привязан к постели, так как был ранен при попытке спасти ещё несколько человек. Мне кажется, у вас очень низкое представление о моём уме и честности, если вы предлагаете мне помочь в действиях, которые он строго запретил. Нет, такую сделку я никогда не приму. Желаю вам всего хорошего, сэр.

Впервые он перестал улыбаться. На секунду-две что-то мелькнуло в его взгляде. Персис решила, что даже в моменты самого сильного гнева у капитана Леверетта не увидишь такого взгляда. Но она упорно стояла на своём и храбро ответила на его взгляд своим.

Потом он рассмеялся.

— Вы настоящая мисс, не правда ли? Интересно, способны ли вы сплетничать?

Персис бросила к его ногам записку.

— Я не стану отвечать вам на это, сэр. Но поступлю так, как наметила: отправлюсь в Ки-Уэст и посоветуюсь с юристом. После этого я смогу составить планы дальнейших действий. Но это будут мои собственные планы.

Ральф Гриллон поднял обе руки.

— Пусть так, мисс Рук. Но Лидия теперь не сможет сказать, что я не пытался. Она о вас беспокоится. Ей хорошо известно ваше положение.

— Оно никого, кроме меня, не касается, — и повернувшись к нему спиной, Персис пошла по еле заметной тропе. Итак, он разговаривал о ней с Лидией, и теперь, вероятно, пол-острова знает, что у неё нет ни пенни и её ждёт мрачное будущее. Но как он смел предложить ей играть в такую игру! Она с трудом перевела дыхание. Многие мужчины такого низкого мнения о женщинах, что считают их не способными справиться с собственными делами. Но пробовал ли мужчина управлять хозяйством дома, мирить вечно ссорящихся слуг, добиваться того, чтобы главу дома обслуживали быстро и аккуратно? Попробовали бы они хоть день этим заняться, тогда не поверили бы, что женщину можно уговорить на что угодно.

Персис покраснелась, и не только от жары и быстрой ходьбы, но и от негодования. Неужели Ральф и Лидия могли верить, что она согласится устраивать свидания сестры хозяина с человеком, которого он особенно терпеть не может? Неужели Ральф Гриллон считает, что достаточно поманить её несбыточными надеждами, и она согласится на такие действия?

Больше чем когда-либо хотела она теперь отправиться в Ки-Уэст, найти там надёжного юриста и узнать, чего стоят её права на наследство мадам Рук, права, которые выглядят теперь совсем иллюзорными. Пока не узнает этого, она не может составлять настоящие планы. А для

этого недостаточно слухов, прошедших через вторые-третьи руки и переданных человеком, который хочет воспользоваться ею в своих целях.

Персис так погрузилась в свои мысли, что взрогнула, оказавшись на кладбище острова. На том месте, где она оставила уже увядший букет, теперь виднелась фигура в чёрном. Человек руками закрывал лицо. Ошибиться было невозможно: это Шубал.

Девушка быстро подошла и коснулась плеча старика.

— Шубал, ты не должен приходить сюда. Солнце очень печёт.

Он посмотрел на Персис. Лицо его напоминало маску человека, которого она знала раньше.

— Он убил себя, — заговорил слуга. — Врач говорил ему, что для него такая дорога — смерть. Я, может быть, стар, как хозяин, но я не глух! Он действовал, как всегда, не обращая внимания на цену, когда считал, что поступает правильно. Но нехорошо, мисс Персис, нехорошо ему лежать здесь и не закончить дело. Душа его не будет спокойна...

— Я думаю, он успокоится, — медленно и отчётливо выговорила Персис, стараясь пробить стену горя, окружившую старого слугу. — Потому что мы закончим его дело, Шубал. Он это знал. Когда говорил со мной, сказал, что нужно сделать.

— Мисс Персис, но как вы всё сделаете?.. — стало совершенно очевидно, что Шубал расценивает её возможности не выше капитана Гриллона.

— Мы отправимся в Ки-Уэст, Шубал, и встретимся с юристом. У меня все документы дяди Огастина. Он передал их мне. Мы узнаем, что делать дальше.

Шубал покачал седой головой.

— Хозяин... он умел делать дела, мисс Персис. Вы никогда не видели, как он стоит перед рассерженными

противниками с одной тростью в руке. Ему не следовало приезжать сюда... — Шубал сжал кулаки и повторил: — Не следовало!

— Разве кто-нибудь мог его остановить, Шубал?

Старик всхлипнул и провёл рукой под носом.

— Наверное, нет, мисс Персис. Его никогда нельзя было удержать. Отец его погиб молодым, и хозяину пришлось рано стать взрослым. Он был агентом генерала — генерала Вашингтона. Добывал припасы, старался обеспечить поддержку... Он был солдатом, как и его отец, хотя не носил мундир.

Не было таких, как хозяин, мисс Персис... — он замолк, и на лице его появилось потерянное жалкое выражение, которое тронуло Персис больше, чем смерть человека, которого она уважала, которому была обязана, но к которому не испытывала любви. Шубал любил его и потерял, и теперь его мир разбился на куски.

— Я знаю. Но, Шубал, он завещал нам своё дело, — и добавила в своей интерпретации необходимую ноту, чтобы вернуть старика к жизни. — Он хотел, чтобы ты помог мне закончить то, что он начал. И ты можешь это сделать, Шубал. Ты больше меня знаешь о делах дяди Огастина и должен мне советовать.

Впервые он прямо взглянул на девушку, как будто только что увидел.

— Да, он мне много раз говорил: «Шубал, ты моя левая рука, она нужна мне, чтобы помогать правой». Я был с ним за морем, в самых странных и опасных местах... — Шубал гордо поднял голову. — Много раз он на меня рассчитывал. Да, я всегда носил в кармане пистолет и не отрывал от него руки, потому что он никогда не брал ничего, кроме трости. Да, он на меня рассчитывал...

— А сейчас рассчитывает ещё больше, — Персис потянула его за руку. Шубал выпрямился, лёгкая краска

жизни появилась на его измученном лице. — Ты нужен мне, Шубал, чтобы мы вместе закончили дело дяди Огастина.

— И мы закончим, мисс Персис, закончим! — в голосе его зазвучала сила, какую Персис уже несколько дней не слышала. — Сначала нужно добраться до Ки-Уэста...

— Разыщи капитана Питтегрю, — предложила она, чтобы поддержать интерес к жизни у старика. — Узнай, как он собирается отплыть с острова.

— Сделаю! — он отвернулся от могилы и пошёл твёрдым шагом.

Персис некоторое время смотрела ему вслед, потом отправилась к дому. Длинный вечер заканчивался. Ей хотелось внимательней просмотреть бумаги в портфеле. Может, она встретит имя какого-нибудь багамца, которому можно довериться. Но после предупреждения Гриллона к юристам нужно будет относиться очень осторожно. Возможно, юрист, к которому она обратится, уже служит этому загадочному новому претенденту.

К тому же оставалась ещё проблема капитана Леверетта. Она по очереди с Молли и миссис Прайор дежурила по ночам и не намерена была уклоняться от этого. В сущности, как ни странно, она с нетерпением ждала этих тихих часов, когда с затенённой свечой сидела, прислушиваясь к звукам из большой кровати, но могла размышлять и о своём.

Её собственные мысли теперь так перепутались. Жизнь Персис всегда была строго упорядоченной. Сначала школа. Потом, когда сочли, что она уже достаточно взрослая, чтобы обходиться без наставлений мисс Пикетт, нужно было вести хозяйство. Магазины, шитьё, чтение — оглядываясь назад, она находила эти дни, которые всегда казались ей такими заполненными, — находила их почти пустыми. О, конечно, она приносила пользу. К тому же

некоторые дела по дому может выполнить только хозяйка. Но как всё это было скучно!

Впервые позволила себе Персис признать это. Скучно, скучно, скучно! Повторяя про себя это слово, девушка поднималась по внутренней лестнице дома. Она приняла эту скуку, когда ей не с чем было сравнивать. Но теперь...

— Так вот вы где!

Вздвигнув и оторвавшись от своих мыслей, Персис увидела наверху Лидию. На девушке было не обычное нарядное платье, а всего лишь пеньюар из тяжёлого индийского муслина, а за ней Сьюки несла в охапке большую губку, несколько полотенец и маленькую корзинку с мылом и бутылочкой туалетной воды.

— Буря заполнила бассейн для купания, — Лидия плотнее запахнулась в пеньюар. — Можно немного охладиться.

Тёмная дыра в полу кухни! Персис удивлённо посмотрела на Лидию. Неужели она хочет спуститься туда?

— Разве миссис Прайор не говорила вам? Всё готово.

— Черепахи... — Персис сказала первое, что пришло ей в голову.

Лидия рассмеялась.

— Боже, да они заперты возле канала. Мы туда не пойдём. Но как хорошо поплескаться в такую жару!

Персис обдумала это предложение. Она решила, что Лидия не стала бы так говорить, если бы не считала дело самым обычным. А так как ветер стих, после прогулки Персис почувствовала, что ей очень жарко. Обтирания губкой, приличного леди, вероятно, недостаточно в таком климате.

— Наденьте старую сорочку, — посоветовала ей Лидия. — И не беспокойтесь о полотенцах и прочем: у Сьюки всего достаточно.

В словах Лидии слышался вызов. И Персис решила, что примет приглашение. Она была уверена, что если бы существовала какая-нибудь опасность, приглашения бы не последовало.

— Я сейчас.

Она миновала Лидию и начала расстёгиваться, ещё не закрыв за собой дверь комнаты. Это новое развлечение, часть новой жизни, которую никак не назовёшь скучной.

Она сбросила жаркие нижние юбки, расшнуровала корсет. Вот старая сорочка, вот пеньюар и туфли. Она задержалась только, чтобы отцепить от волос нелепый бант, которым Молли пыталась оживить её внешность, и присоединилась к Лидии, ждавшей её с явным нетерпением.

На кухне люк был уже открыт, и снизу пробивался свет лампы. Персис не могла колебаться: Лидия уже ступила на лестницу и начала спускаться.

Она последовала за хозяйкой по кольцам, ещё влажным от бури, и оказалась на каменной платформе, на которой две лампы давали некоторое освещение.

Лидия указала направо.

— Это цистерна. Наполняется дождевой водой и из источника. А мы нырнём здесь...

«Здесь» — это слева. Истёртые ступени вели в воду. Лидия отдала Сьюки свой пеньюар и сбросила туфли. Но, как заметила Персис, по ступенькам в воду спускалась осторожно. Вода покрыла её лодыжки, потом колени, наконец дошла до пояса. Лидия спускалась по одной ступеньке за раз и держалась за промокшую верёвку, которая служила перилами.

Остановилась она по грудь в воде. И посмотрела вверх, на Персис.

— В этой части не глубоко. Только иногда буря поднимает уровень. Сьюки, дай мне мыло.

Она искусно поймала брошенное мыло и принялась намыливать руки. Персис тоже осторожно начала спускаться. Вода была холодная, вернее, такой она казалась сначала, в отсутствие солнца и ветра. И сильно пахла морем. Но как приятно было ощущать её прикосновение к коже. Вода поднималась, и телу становилось прохладно.

Успокоенная беззаботностью Лидии, Персис присодинилась к ней.

— Можно доплыть до канала, даже выплыть в море, — держа в руке ароматное мыло, Лидия подбородком указала налево, где не видно было никакой стены. — Крю устроил здесь выход на случай нападения индейцев. В других домах тоже есть цистерны и бассейны, но только у нашего есть выход к морю.

Она набрала пригоршню воды и плеснула в лицо.

— Прохладно! Как хорошо! — и присела по самую шею. — Крю умеет плавать, но меня не научил. Он никогда не бывает так долго дома, чтобы стоило трудиться. Под водой есть ещё одна верёвка. Держитесь за неё и подтягивайтесь, если понадобится. Аххх... — она блаженно закрыла глаза.

Персис принялась намыливаться. Мыло пахло травами, и этот аромат перекрывал сильный запах моря. Вода, как самая нежная ткань, окутывала тело.

— Мисс Персис!

Персис повернулась лицом к ступеням, по которым только что спускалась с такой осторожностью. Молли отпихнула локтем служанку с острова и стояла с явно неодобрительным выражением на лице.

— Мисс Персис! — она говорила так, как разговаривала с Персис в детстве. — Немедленно выходите оттуда. Кто знает, какие ужасные рыбы или что ещё ждёт вас!

— Выход в море перекрыт сетью, — заявила Лидия,

переводя взгляд с Персис на Молли, потом назад. В глазах её стояло хитрое выражение. Она словно хотела проверить, насколько важно для Персис неодобрение Молли.

— Всё в порядке, — Персис собрала всю свою решительность. — Не волнуйся, Молли.

Служанка не стала спорить, хотя, несомненно, возражения жгли ей язык. Но она стояла у воды воплощением неодобрения, пока Персис, зная, что её ждёт дежурство у капитана Леверетта, не начала подниматься по ступеням.

С отчётливым фырканием Молли набросила ей на плечи большое полотенце, которое взяла у Сьюки.

Глава девятая

Хоть Персис и утвердила свою независимость, она обнаружила, что Молли этого не признаёт. Служанка зловеще молчала, провожая хозяйку к её комнате. Персис решила поговорить сама.

— Ты тоже должна так выкупаться, Молли. Удивительно, какая приятная вода!

Служанка фыркнула.

— Есть кое-что похуже, чем жара, мисс Персис. Если мисс Лидии нравится буйствовать, вам не следует к ней присоединяться. Как вы неприлично выглядели обе! — этот тон был знаком Персис с детства. Молли по-настоящему расстроилась.

— Но... здесь все так делают, — растерянно сказала она. — В таком жарком климате приятно найти прохладу...

— Мисс Персис, вас растили как леди. А леди не купается при всех. Я считаю, вам должно быть стыдно.

Молли поджала губы, как всегда в таких случаях, и

Персис про себя вздохнула. Когда служанка в таком праведном негодовании, ничего нельзя поделывать.

Под укоризненными взглядами Молли она оделась и подчинилась не слишком мягкому обращению со своими волосами. В зеркале она видела, что Молли, придавая ей приличную для леди внешность, не разжимала губ. Персис начала догадываться, что негодование вызвано не только её купанием, и это ощущение настолько усилилось, что она наконец спросила:

— Молли, что с тобой? Что тебя гнетёт?..

— Мисс Персис, я привыкла говорить откровенно, когда необходимо, и сейчас... — впервые она остановилась в поисках слов, потом резко продолжила: — Мисс Персис, вы ходили на берег для встречи с капитаном Гриллоном. Разве вы не знаете, что капитан, который сейчас лежит больной в постели, сказал, что этот Гриллон ничем не лучше пирата, и запретил ему появляться на острове? Теперь, когда капитан Леверетт не может помешать ему, этот парень является снова, и вы встречаетесь с ним так...

— ...так дерзко? — Персис подсказала одно из любимых словечек Молли. — Ну, хорошо, — она отвернулась на стуле от зеркала, не давая служанке возможности закрепить последнюю булавку. — Да, я встретила с Ральфом Гриллоном. Он ведь через тебя передал записку. В ней говорилось, что у него есть важные для меня новости. Они действительно важные, Молли. Капитан Гриллон приплыл с Багамских островов и знает, что там происходит. Возможно, у меня вообще нет прав на то, что мадам Рук завещала дяде Огастину. Кажется, у сына её мужа остался ребёнок... и он становится наследником.

— Мисс Персис, неужели вы поверите ему на слово?

— Не совсем, но он очень уверен в своих словах. И предложил мне сделку.

— Что за сделку? — неодобрение Молли исчезло. Она теперь внимательно слушала девушку.

— Он хотел с моей помощью связываться с мисс Лидией. А в ответ пообещал решить мои дела на Багамах с помощью своего знакомого юриста. Конечно, я ему сказала, что это невозможно. Если он хочет ухаживать за Лидией, то должен делать это открыто и с разрешения капитана Леверетта.

— Мисс Персис, я бы не поверила ему на слово, что солнце светит, даже если бы оно сияло у меня прямо над головой! Я таких видела — бродят вокруг и болтают. В день смерти хозяина ему досталось от капитана. И все просьбы мисс Лидии ни к чему не привели. Они однажды поссорились из-за потерпевшего крушение корабля, и капитан взял верх. Я бы не стала слушать этого Гриллона! Пойдите к капитану, когда ему станет лучше, и всё ему расскажите. Он вам поможет.

— Нет, Молли, я сама справлюсь со своими делами. И не стану ждать помощи от Ральфа Гриллона, это я тебе обещаю. Нам нужно отправиться в Ки-Уэст и найти там юриста. У меня все документы дяди Огастина. Юрист сможет их использовать и навести справки. Возможно, Молли, капитан Гриллоном не преувеличивает, — заключила она серьёзно. — Если есть другой наследник, я потеряю всё, что надеялся получить дядя Огастин во время этого плавания на юг.

— Если он прав! — Молли снова фыркнула. Но немного погодя смысл слов Персис дошёл до служанки и она добавила: — Но... мисс Персис, что же мы тогда будем делать?

— У нас есть дом в Нью-Йорке, — Персис подумала о первом своём достоянии. — Его можно продать. Это хороший дом, Молли, и за него дадут неплохую цену. Я могу стать учительницей. Может быть, мисс Пикетт най-

дёт для меня место. К тому же хоть дядя Огастин и обеднел, кое-какие деньги у него остались. А у вас с Шубалом есть пенсии — это прежде всего.

— Мы их не возьмём, если вам нужны деньги, мисс Персис! — Молли решительно покачала головой. — И у вас только слова этого Гриллона, так что...

Персис тоже хотела уцепиться за эту надежду, но быстро сдержала себя. Возможно, женщины и не обладают практичным умом, но она решила, что лучше рассчитывать на минимум — то, что осталось от состояния дяди Огастина, чем на максимум — на наследство.

— Молли, принеси мне портфель. Я думаю, до обеда ещё есть время, и хочу просмотреть документы. Если этот наследник существует, юрист с Багамских островов должен был предупредить дядю Огастина. Разве что он обнаружился совсем недавно.

Служанка подошла к чемодану и принялась выкладывать его содержимое, которое не успела ещё разложить по ящикам.

— Странно, — сказала она. — Я хорошо помню, что он лежал под тремя ночными рубашками. А теперь он на них.

Она вернулась к Персис, держа портфель в руке.

— А кроме меня и вас, никто чемодан не трогал. Вы доставали портфель, мисс Персис?

— Нет... — Персис взяла портфель в руки, и его клапан сдвинулся вбок. Она поднесла его к свету. Как Молли уверена, что портфель лежал внизу, так же и Персис была уверена, что закрывала его. Но сейчас он был открыт.

— Молли... моя шкатулка с драгоценностями... там есть брелок с маленьким ключиком?

Служанка быстро проверила. Драгоценности у Персис были очень скромные: коралловое ожерелье с таким же

украшением для волос, браслет, серьги, вырезанные в виде роз, две золотые цепочки, одна с медальоном, булавка слоновой кости и набор гагатов — траурное украшение по матери, которую она почти не помнит. Часы дяди Огастина были на месте, как и ключик, прикреплённый к резному тюленю, которого дядя привёз из Лондона и использовал как брелок.

Персис внимательно осмотрела замок портфеля, поднеся его к свече, которую Молли поставила на туалетный столик. Небольшие царапины! Она преисполнилась уверенности, что раньше их не было! Но поклясться в этом не могла. Если кто-то взломал замок... Но кто? и зачем?

Она быстро перелистала бумаги. Насколько она могла судить, всё осталось на месте: старые письма, завешание дяди Огастина, показания каперов. Всё. Тем не менее она была уверена, что кто-то рылся в бумагах. Хотя доказать это не смогла бы. Ральф Гриллон? Нет, он не посмел бы войти в дом, несмотря на всё своё безрассудство. Но он мог подкупить кого-нибудь из островитян.

Только она сомневалась, чтобы кто-нибудь из служанок в доме умел читать. Сьюки, конечно, не умст. А Молли бы это не сделала. Персис сложила бумаги в портфель. Она оказалась права: пытаясь закрыть замок, обнаружила, что тот сломан.

— Кто-то просматривал бумаги, — сказала она, стараясь говорить как можно спокойнее. — Молли, ты можешь спрятать портфель среди своих вещей?

— Мисс Персис, но кто в этом доме... и почему?

— Не знаю, Молли. Но замок сломан, хотя ничего не взяли. И это может быть очень важно.

— Отдайте их мне. Никто их больше не получит, мисс Персис. И как такое может случиться в уважаемом доме! — служанка даже покраснела от возмущения, как и во время купания Персис.

Мысль о том, что кто-то рылся в её вещах, действовала как удар. Угроза? Это не мог быть Ральф, а Персис не видела возможности подкупить кого-то из слуг или приказать им. Значит — Лидия? Но какое у неё право считать, что эта девушка способна на такое? Однако она покорена Гриллоном и, чтобы бросить вызов брату, готова на любое безумство, лишь чтобы доказать свою преданность человеку, которым восхищается.

— Не беспокойтесь, мисс Персис, — служанка прижала портфель к пышной груди, словно бросала вызов всем под этой крышей, кто попытается отобрать его. — Я позабочусь, чтобы до него никто не добрался.

Впервые они пообедали при свечах, втроем: миссис Прайор, которая заявила, что удовлетворена состоянием капитана Леверетта, Лидия и Персис. Лидия, как всегда, непрерывно говорила, перескакивая с темы на тему. Но Персис трудно было изображать вежливый интерес к болтовне хозяйки. Она продолжала гадать, не Лидия ли побывала в её комнате и отыскивала портфель. Может быть, записка Гриллона отчасти для того и предназначалась, чтобы дать ей возможность проделать это. Гриллон предложил ей помощь, но может быть как раз наоборот: он хочет помочь загадочному наследнику и так или иначе узнать, какие документы привёз с собой на юг дядя Огастин. Персис раньше не делала тайны из содержимого портфеля. Все знали, что в нём важные документы её дяди, хотя о подробностях этих документов она не распространялась даже в разговоре с капитаном Левереттом.

Впервые в голову ей пришла новая и неожиданная мысль. Капитан Леверетт предложил ей помощь в Ки-Уэсте. Но Гриллон сказал, что он там не может появляться, его там ждёт судебное предписание. Дядя или Шубал без её ведома могли обратиться к капитану. И всё ещё есть капитан Питтсбрю, который пока вместе с экипажем

привязан к острову. Много ли рассказал ему дядя в те долгие часы, когда она страдала в своей тесной каюте? Капитану Леверетту легко приказать кому-нибудь из слуг взять портфель и просмотреть бумаги. Миссис Прайор с удовлетворением объявила, что большую часть дня капитан проспал, но она оставила на дежурстве Сьюки с тех пор, как капитану стало лучше.

Только... она вполне могла себе представить Гриллона обыскивающим её комнату и осматривающим её вещи, но подумать, что на такое способен капитан Леверетт, Персис не могла. Что-то в таких действиях есть мелочное и... и, может быть, опасное. И хотя опасность составляет часть повседневной жизни капитана, это совсем другая опасность.

— Мисс Рук... — Персис быстро подняла голову, надеясь, что никто не заметил её задумчивости. Она даже не была уверена, удовлетворяли ли её односложные замечания Лидию, которая ложку за ложкой поедала кокосовый крем с видом человека, чьё усердие в общении не оценено должным образом.

— Капитан Леверетт выразил желание повидаться с вами, если вам это удобно, — продолжала миссис Прайор с видом лёгкого неодобрения, который с таким мастерством использовала в своих целях мисс Пикетт.

Персис догадывалась, что пока капитан был в бреду и частично не осознавал окружения, домоправительница приветствовала помощь в уходе. Но теперь он снова находился в нормальном состоянии рассудка, хотя ещё не вполне здоровый телом, и посещения комнаты больного явно не одобрялись. И в своём нынешнем настроении Персис была вполне согласна с экономкой.

— Когда будет удобно капитану Леверетту, я готова удовлетворить его желание, — ответила она с чопорностью школьных дней.

Лидия неожиданно рассмеялась.

— Вы говорите так, будто меньше всего в мире хотите видеть Крю. Неужели он такой тяжёлый пациент? Да, у него дьявольский характер — холодного саркастического дьявола! — начала она легко, но закончила с таким ядом и огнём в глазах, какие бывали у её брата в минуты величайшего гнева.

— Мужчины обычно тяжело переносят болезнь, — заметила Персис. — Дядя Огастин временами никого к себе не подпускал, кроме Шубала. Но ваш брат большую часть времени лежал без сознания, — она вспомнила короткий разговор с Крю Левереттом, но решила не распространяться о нём.

Вслед за миссис Прайор она поднялась по ступенькам, чуть запыхавшись. Словно её опять призывали предстать перед мисс Пикетт, чтобы та рассудила все допущенные ею грехи. Но что нужно от неё Крю Леверетту? Во время болезни она помогала за ним ухаживать, главным образом потому что обязана ему жизнью. Конечно, кто-нибудь из островитян мог увидеть её встречу в Ральфом Гриллоном (она первая признала бы, что неопытна в интригах), а если это так... В таком случае, приняла она быстрое решение, пока миссис Прайор стучала в дверь капитана, она расскажет обо всём, что произошло между ними. Багамцу она ничем не обязана.

В комнате горело несколько свечей, открытые окна затягивала сетка, а полог кровати был откинут, так что человека, сидевшего в постели, ничего не скрывало.

Он сбрил щетину и, хотя лицо его осунулось, а глаза казались слишком большими, определённо сделал большой шаг к тому, чтобы снова стать самим собой, каким она видела его в последний раз.

— Мисс Рук...

Девушка обнаружила, что механически выполняет с

блеском зазубренные наставления мисс Пикетт и делает книксен. Как будто — ей с трудом удалось удержать нервный смех — как будто их впервые представляют друг другу.

— Я вижу, вам лучше, сэр, — сказала она самым формальным тоном.

И впервые Персис увидела, как он широко улыбается. И от этого его лицо совершенно переменилось, стало молодым и потеряло всю властность.

— Я знаю, что обязан этим вашим усилиям, мисс Рук.

— Я умею ухаживать за больными, капитан Леверетт. Мой дядя долго болел. Но здесь я мало что делала, только помогала миссис Прайор, когда было нужно.

— Подойдите сюда! — он поманил здоровой рукой, улыбка его исчезла. Снова стало заметно неодобрительное выражение.

Персис чуть вскинула подбородок. Неужели он считает, что может и здесь распоряжаться, как у себя на палубе? Если он так обычно разговаривает с Лидией, Персис не удивляется, что его сестра строит собственные планы на будущее. Но Персис невольно сделала один-два шага к свету свечей и увидела, что капитан откровенно разглядывает её. Ей стало неудобно.

Никакой скрытности и хитрости в капитане Леверетте не чувствовалось. Она поняла это мгновение спустя, когда он без всякой вежливой оболочки заявил:

— Я знаю, что вы встречались с Гриллоном на берегу.

Должно быть, на острове Исчезнувшей Леди множество глаз, подумала Персис. Но резкость вызвала ответную реакцию. В этот момент она решила, что прощает Лидии её замыслы против этого человека.

Однако Персис давно поняла, что правда сама по себе может быть мощным оружием. Она способна обезоружить нападающего, когда тот этого не ожидает.

— Да, — спокойно ответила она.

Крю Леверетт нахмурился сильнее.

— Он посмел... Он считает меня совсем беспомощным? — в его голосе прозвучал гнев. — Что ему было нужно?

— Он предложил мне сделку.

— Сделку? — девушка сумела-таки удивить его и ощутила лёгкое удовлетворение. — Что за сделку?

— Новости за новости — что-то в этом роде. Он знает кое-что о Багамах и решил, что это может меня заинтересовать ради будущего...

— А в обмен ему потребовалась информация о том, что происходит в доме, — прервал её капитан Леверетт. — Верно?

Персис пожала плечами.

— Если вы всё знаете, к чему спрашивать меня, сэр? Вот что я вам скажу. Я ваша гостья, незваная и нежеланная, но всё же гостья. И у него не было оснований надеяться, что я пойду ему навстречу.

— Садитесь! — снова резкий приказ. Миссис Прайор пододвинула кресло, в котором Персис сидела ночью. Девушка меньше всего хотела продолжать эту встречу, но в данный момент не видела возможности бегства. — А вы, миссис Прайор, — он чуть повернул голову, — оставьте нас, пожалуйста. Но присматривайте за Лидией.

Такие резкие команды... Персис взглянула на домоправительницу, ожидая увидеть признаки гнева из-за того, что её так бесцеремонно выпроваживают. Но если женщина и испытывала какие-то эмоции, они никак не отразились на её внешности или поведении. Она взяла поднос с чашкой, ложкой и прикрытой тарелкой.

— Четверть часа, Крю, — сказала она, — но это всё. Это гораздо больше, чем позволил бы врач.

Капитан ждал, но нетерпеливо хмыкнул ещё до того, как она закрыла дверь.

— Итак, вы ему отказали, — Крю Леверетт поднял здоровую руку и почесал подбородок. — Думаю, это его разозлило. Гриллон не привык, чтобы юбки отказывали ему.

Заметив сердитое выражение Персис, капитан рассмеялся.

— Ага, вас это задело! Но вы должны рассказать больше. Что предложил Гриллон со своей стороны в этой сделке?

— Ничего, — Персис пыталась говорить нейтральным тоном. Этот человек просто невыносим. А она ещё собиралась обратиться к нему! Теперь ей хотелось только одного: сбежать в Ки-Уэст. Она не дуручка и со времён неудач дяди Огастина научилась искать помощь в нужных местах и у нужных людей. — Ничего, — повторила она, — кроме моих личных дел, касающихся поездки сюда дяди.

— Вот как? Должен вас предупредить, мисс Персис Рук. В местах, где собираются подобные Ральфу Грилло-ну, вы будете очень искушающим голубем в глазах ястреба. У него нечистые руки, и многие из нас это знают. Как и в любой профессии, у нас есть свои ренегаты, мисс Рук. Встречаются капитаны, которые заключают договор и сознательно направляют свой корабль на самый удобный риф, чтобы втайне разделить призовые деньги.

— Пираты, — она не удержалась, чтобы не произнести слово, которое всё время возникало у неё в сознании в этом доме.

Он пожал плечами и тут же сморщился от боли.

— Если хотите — пираты. Эти воды давно привлекали преступников. По всем островам лилась кровь, и не всегда это была кровь врагов. В сущности, — он помолчал, словно не решался говорить дальше, — в сущности, прямо сейчас нам угрожает опасность.

— Со стороны Ральфа Гриллона? — в это она не могла поверить.

— Вряд ли. Гриллон — просто комар. Он надоедлив, но его легко отогнать. Нет, я говорю об индейцах.

Персис оторвалась от своих тревожных мыслей и повторила:

— Об индейцах?

— Корабль, который мы спасали, — теперь он говорил откровенно, — встретил канонерку из Ки-Уэста. Она везла сообщение о бойне на Кроу Ки и должна была всех предупредить. До сих пор острову Исчезнувшей Леди не угрожали. Те, кто когда-то здесь жил, Древние, все вымерли. Но семинолы, которых испанцы призвали, чтобы истребить эту древнюю культуру, верят, что некоторые места ещё находятся под невидимой охраной. Я пытался поддержать эту веру... тут есть старуха, что-то вроде ведьмы...

— Аскра. Она приходила во время бури, — пробормотала Персис, когда он смолк.

— Да, Аскра. У неё лицо Древней. И она знает «волшебство», если хотите это так назвать. Семинолы боятся её. Она приходит сюда, потому что эти насыпи были священны для её народа, а я ей не мешаю. Так что до сих пор мы избегали набегов. Но это не значит, что так будет всегда. И сообщение я получил тревожное.

К несчастью, «Неспредвиденный», как и его капитан, пострадал во время бури, — он пошевелил ногами под покрывалом, словно ему было неудобно. — Я велел Вирингу держаться подальше от Верде и послал Макмастера за подкреплениями в Ки-Уэст...

— Вы послали корабль в Ки-Уэст! Но я могла бы...

— В рыбацкой лодке чуть побольше туземного каноэ? — спросил он. — Не думаю, чтобы вы согласились на такой транспорт.

Вероятно, он прав, мрачно подумала Персис. Ей совсем не хотелось отправляться в море, и она думала, что сумеет это сделать только на большом корабле.

— Да, у нас есть оружие, порох, пули, а этот дом и гостиница сооружены, как крепости. Но мы должны принять все меры предосторожности, мисс Рук. Больше никаких прогулок в одиночестве по берегу, никаких встреч с Гриллоном.

— Я не собираюсь делать ни того, ни другого, — холодно ответила девушка. — Но не хочу и оставаться здесь. Если я хочу выполнить желание дяди Огастина, то должна получить юридическую помощь в Ки-Уэсте.

— Как только появится возможность, — голос Крю Леверетта впервые прозвучал устало, — вас туда отправят, мисс Рук.

Персис быстро встала с кресла.

— Боюсь, вы переутомились, сэр. Пожалуйста, разрешите мне позвать миссис Прайор...

Он нахмурился.

— Зовите хоть дьявола, если хотите! — рявкнул и отвернулся.

Девушка с радостью вышла из комнаты и встретила на лестнице миссис Прайор и доктора Виринга.

Персис кивнула им обоим, но они были заняты громким разговором и почти не заметили её. А в комнате её ждала Молли, явно чем-то взволнованная.

— Мисс Персис, старая индейская ведьма... она вернулась... она разговаривала с миссис Прайор... во дворе, где их не могли подслушать. И всё время посматривала на море, как будто ждала новой бури. Думаете, она что-то знает? Говорят, они как животные. Умеют чутать бурю.

— Не знаю, — Персис вспомнила свою последнюю схватку с ветром и волнами и подумала, как могут разумные существа жить под такой угрозой. Несмотря на то,

что поздно встала, она почувствовала сонливость и с готовностью уступила ей.

Глава десятая

Персис проснулась неожиданно, словно кто-то её окликнул. Ей что-то снилось, она тяжело дышала, всё тело покрылось потом, ночная рубашка промокла. Откинув лёгкую простыню, она села и прислушалась.

Ветер не шумел. Но слышалось что-то другое. Поднимался и падал голос, произнося слова, которых она не понимает.

Лунный свет пятнами лежал на полу, настолько яркий, что затмевал свечу. Персис подползла к краю широкой кровати. Этот звук — угроза из сна, который она не могла вспомнить. Она теперь полностью проснулась. И не только проснулась, но и испытывала какое-то предчувствие. Ногой девушка коснулась туфель. Но не стала наклоняться, чтобы застегнуть их: не стоило двигаться, чтобы её заметили...

Заметили? Кто? Или что?

То же ощущение, которое охватило Персис, когда она ночью шла за портфелем, повисло в воздухе. Лунного света хватало, чтобы убедиться, что она находится в комнате одна. Но...

Страх душил её, она никогда не испытывала такого страха. Она как будто, сама не желая того, притягивала к себе этот ужас, как магнитом. Персис сжала руками край простыни, поднесла ко рту и прикусила, пытаясь сдержать страшный крик.

Девушка попробовала понять шепчущие звуки. Но поняла лишь то, что они каким-то образом действуют на неё, она раскачивается взад и вперёд в их ритме.

Персис отчаянно захотелось зажать уши руками, но

она обнаружила, что не может этого сделать. Она как будто застыла, с одной ногой, спущенной с кровати, другой подвёрнутой под себя, оглядывая комнату в поисках кого-то, потому что внутреннее чувство говорило ей, что в комнате кто-то есть. И ни зрение, ни здравый смысл не могли убедить в обратном.

Вдоль комода лежит тёмная тень. Один из ящиков приоткрыт. Портфель? Кто-то вошёл, пока она спала, и снова искал его?

Но... она же чувствует... Персис медленно повернула голову, потребовались огромная энергия и решительность, чтобы преодолеть охватившую её странную апатию. В комнате никого не было.

Персис заставила себя вытащить бесплотный кляп из рта. Просто остатки дурного сна, больше ничего!

Но никакие доводы не могли устранить страх, который по-прежнему держал её, словно в клетке. Девушка снова напряглась, вцепилась пальцами в простыню.

Огоньки, мерцание светлых искорок! Она видела это раньше! В коридоре. И холодно, так холодно. Что-то древнее, что-то такое, что она не могла и не хотела понять, оно здесь, и становится всё сильнее... сильнее... сильнее...

И впервые в жизни, с лёгким вскриком, который не смогла сдержать, Персис упала в обморок. Или её овладело нечто, нематериальное, но обладающее тёмной целью и всепоглощающим страхом.

Сон... сон ли ожидал её, как страшный зверь в укрытии? Она не смогла бы ответить. Но только её подхватило и перенесло в другое время и место.

Тело девушки (впрочем, она даже не была уверена, что обладает телом) плыло в небе. Раньше ей не снились цветные сны, но теперь она различала цвета, резкие, жестокие, угрожающие.

Она пленница какой-то силы, и эта сила приказывает ей смотреть... наблюдать...

А под ней всё настолько чуждое, что она чувствует себя совершенно потерянной.

Не день, а ночь, и высоко в небо вздымаются огни. Цвета сохраняются: красный — цвет крови, зелёный — отравленного вина, жёлтый — змей. Все сравнения, которые приходят ей на ум, говорят о зле, о чём-то неправильном. Как дым от факелов, поднимается запах дурных деяний и зловещего воображения, этот запах пропитывает её дух, как дым — воздух.

Факелов много, некоторые горят в каноэ, которые целенаправленно гребут к месту, что находится ниже Персис. Вернее, той её части, которая захвачена этим сном. Она стоит на склоне высокого холма, вершине которого придана квадратная форма; под усеянным раковинами склоном поблескивает небольшое озеро. Платформа на вершине вымощена каменными плитами.

На склоне вырублены ступени, тоже выстланные раковинами, на них стоят факелы, настоящая стена их тянется к самой вершине.

Каноэ направляются не к ступеням. Напротив, они собираются рядами по обе стороны. На платформе стоят ожидающие. Тела у них человеческие, на груди широкие ожерелья, а на головах маски, с большими, увенчанными плюмажами коронами. Маски всевозможных животных. Одна — оскалившая зубы пятнистая кошка. Другая — с мордой и клыками крокодила.

До Персис доносится далёкое смутное пенне. Она чувствует, что вот-вот узнает какую-то тайну. Но это тайна не её племени, и у неё нет желания... нет права... узнавать её.

Подходит последнее каноэ, на борту его мужчина без маски, но тоже в короне и с плюмажом. У него внеш-

ность человека, привыкшего отдавать приказы, которые немедленно исполняются. А за ним, между двумя гребцами, которые искусно маневрируют, чтобы подвести лодку к самому началу каменной лестницы, ещё одна фигура, такая закутанная, что Персис не видит ни лица её, ни рук.

Вождь в короне легко ступает на причал у основания лестницы. Поворачивается и ждёт, пока гребцы подведут каноэ ещё ближе, чтобы фигура в белом тоже смогла сойти на берег.

Персис, сама не зная как, понимает, что это женщина, молодая женщина. И страх этой женщины мощно, как морской ветер, обрушивается на Персис.

Они поднимаются вверх, ступень за ступенью. Впереди вождь, гордый, лицо его кажется Персис знакомым, она его где-то видела, с выступающим клювом-носом, с зелёным каменным кольцом в ноздре. Он не делает никаких попыток торопить спутницу или помогать ей.

Но та тоже поднимается, ступень за ступенью. И страх её поднимается вместе с ней, как зловонное дыхание разложения. Они достигают вершины. Тут два человека в звериных масках быстро встают по обе стороны от закутанной фигуры. Когда они поднимают руки, Персис видит, что на них перчатки, искусно сделанные из кожи, и прикрепленные к перчаткам когти заблестели в свете факелов.

Когти вцепляются и рвут. Белые клочки падают на раковины площадки. Теперь на ней стоит обнажённая девушка, её юное смуглое тело освещено огнём факелов. Она не делает попыток поднять руки. Лицо у неё пассивное, глаза смотрят прямо вперёд. Они опои́ли её, эти жрецы. Персис не понимает, почему она так уверена в этом. Но знает, что наркотик контролирует только тело. Сознание жертвы, заключённое в этом теле, живо, и страх пожирает его.

С ловкостью, вызванной долгой практикой, жрец в маске хищной кошки, хватает девушку за лодыжки, второй жрец, крокодил, держит её за плечи. Она не сопротивляется, и жрецы несут её вверх, на каменную площадку.

Нет... она не будет смотреть! У Персис нет глаз, которые она могла бы закрыть, нет в этом сне. Но в ней поднимается такая волна отвращения, что Персис внутренне завопила, как не кричала даже бедная жертва. Наступает тишина. Пенне, которое доносилось до Персис, неожиданно стихает.

Прочь... Персис собирает всю свою волю. Она проснётся! Проснётся!

И неожиданно находит выход из тюрьмы, засов отодвигается, дверь распаивается. Она — вырвалась!

Персис открыла глаза и увидела, что лежит на самом краю кровати (пальцы её до боли сжимали скомканную простыню) и легко могла скатиться на пол. Ещё несколько мгновений кошмар не отпускал девушку, и она оглядывалась, чтобы увидеть, где она... и когда...

Никогда прежде не видела она таких снов. Он был... реален... хотя девушка и участвовала в нём только как зритель. Персис подняла голову и удостоверилась, что далёкое пенне не слышно. Оно не было частью сна. Она слышала его ещё до того, как погрузилась в кошмар.

Аскра! Последняя из своего племени, её считают наделённой странными силами. Ей позволили вернуться на острова Ки, чтобы общаться со своими мертвецами (так говорят), потому что её боятся даже свирепые семинолы, вторгшиеся в земли её народа и захватившие эти острова.

Может, сегодня ночью Персис каким-то образом заглянула в воспоминания Аскры? Но у девушки осталось ощущение, что она стала свидетельницей того, что происходило когда-то очень давно. Насыпь, озеро — она

видела их совершенно отчётливо, и они были ухоженные, как новые. И ничего похожего на дом. Тем не менее она была уверена, что это та самая насыпь, на которой сейчас стоит дом. Что там говорила Лидия в самый первый день? Что эта пропитанная кровью земля имеет своих призраков: призраки Древних, в которых верит Аскра, призраки испанцев, пиратов, снова испанцев, а теперь людей её народа. Персис села на кровати и снова осмотрела залитую лунным светом комнату. Если в этом месте свершались злые деяния, свершались снова и снова, может быть, зло по-прежнему висит над ним тёмным облаком? И будет висеть вечно?

В комнате чем-то пахло. Девушка вобрала воздух в лёгкие. Какой-то ночной цветок? Может быть. Но ей запах не понравился. И чувствовала она себя как-то странно. Кружилась голова. Хорошо бы кто-нибудь был рядом... Молли? Нет, глупо искать служанку посреди ночи из-за дурного сна.

Однако Персис отыскала вторую туфлю и обулась. Она подойдёт к окну и убедится, что вернулась, что она здесь. Не надевая пеньюар, девушка так и поступила.

Луна освещала дамбу, соединяющую насыпь с остальным островом. Ни каноэ, ни факелов. Персис хотелось, чтобы у неё тоже было светло, хотя она понимала: глупо спать с зажжённой свечой. Но в тот момент ей казалось, что она больше не заснёт.

Подойдя к столику, она взяла огниво, высекала искру и с удовольствием наблюдала, как пламя поднимается с фитиля. Потом, сама не зная почему, взяла свечу в руки, прикрыла огонёк рукой и подошла к двери, хотя открывать её не стала.

Персис прислушалась. Обычные ночные звуки: шорох листьев, жужжание насекомых. Ничто не напоминало пение и то тревожное чувство присутствия, которое охватило её после первого пробуждения.

И только снова неохотно вернувшись на кровать, решив бороться со сном, чтобы не попасть опять в мир кошмара, Персис увидела это.

В ногах кровати лежал тёмный стержень. Кто-то словно специально отогнул сетку и положил стержень на самом виду. Персис поднесла пламя свечи ближе, едва не подожгла сетку, но тут же отдёрнула свечу.

Всеп!

Взгляд в сторону комода показал, что нижний ящик открыт. Кто-то нарочно достал из него предмет, который положила туда Молли.

Потребовалась вся решительность, чтобы взять всеп и поднести его к свету. В руке он казался тяжёлым и странно уравновешенным. Это тот, который она нашла в земле! Его нельзя раскрыть. Он лишь напоминает всеп, который злорадно показывала ей Лидия. Опаловые глаза кошек следили за ней, не зло, но отчуждённо, как всегда смотрят кошки. Как будто ждут чего-то, какого-то сё действия. Но как он здесь оказался?

Она же его закопала. Персис знала это, она до сих пор кожей ощущала землю и камни, которые набросала поверх шкапулки. А потом Молли нашла этот всеп в сё вещах. Да, он лежал в ящике, куда его положили на время. А теперь он словно нарочно, словно в насмешку оставлен на виду — чтобы доказать девушке, что она не сможет избавиться от своей находки.

Вся дрожа, Персис опустила на край кровати. Она отдала бы всё, всё состояние, которое надеялся получить дядя Огастин, чтобы снова оказаться в безопасном Нью-Йорке. Какая-то зловещая тень лежит на этом доме. Хотя, окровенно говоря, она никогда в такие вещи не верила. Но теперь, кажется, сама отчасти стала жертвой подобных верований.

Девушка осторожно поставила свечу на столик. В тот

момент ей хотелось иметь их десяток, чтобы окружить свою постель преградой из света. Но нет... Это заставило её вспомнить о факелах и стене света, созданной на вершине этой самой насыпи!

Если бы только она могла отбросить проклятый всер, выбросить его в окно, в заросли, чтобы он навсегда затерялся там. Но как ни хотелось девушке сделать это, она не могла пошевелиться. Словно снова попала в кошмар. Так ли это? Могут ли сны накладываться один на другой слоями? Как будто она только считает себя проснувшейся, а на самом деле видит другой сон?

Но в этом неожиданно пугающем мире всё было абсолютно реально: и её комната, и её кровать — и то, что она держала в руках. Персис попыталась заставить пальцы, которые так прочно сжимали всер, разжаться, отбросить...

Свободной рукой девушка начала один за другим разжимать пальцы. Потом остановилась. Помимо страха, который ядовитым облаком затопил всю комнату, появилось и что-то другое. Она... она уже сделала так, и ещё там было...

На мгновение комната за пределами света единственной свечи дрогнула, показалось другое, призрачное место. Не насыпь и не жрецы в масках. Нет, грубые стены. И она пленница, и ждёт...

Да, но у неё есть ответ, прямо в руках. Персис больше не пыталась отбросить всер. Она повернула его узким концом к себе. И из стержня выскользнула тонкая смертоносная стальная полоска. И хоть девушка этого не знала, на губах у неё заиграла лёгкая злая улыбка, а в глазах вспыхнул огонь.

Она держала в руках кинжал, смертоносный, хоть и короткий. Им вполне можно перерезать горло, даже достать сердце. Многообещающе вспыхнули на свету

опаловые кошачьи глаза. Персис опустила ножны в форме весла, прикоснулась пальцем к острому, как игла, кончику кинжала.

Это ключ к дверям отчаяния. Снова тени зашевелились в сознании девушки. Не её собственные воспоминания, а скорее неясные картины, которые приходят словно с далёкого расстояния, приходят из прошлого. Девушка, которую во сне Персис привезли на насыпь... У неё такого оружия не было, оно тогда просто не существовало.

Но была ещё одна пленница, гораздо позже. Она тоже томилась здесь совершенно вроде бы беспомощная. И это проложило ей путь к бегству. Рука Персис больше не пыталась избавиться от лезвия. Зачем ей выбрасывать своё единственное оружие?

Он скоро придёт. Она знала это так точно, словно он уже прошёл в эту призрачную дверь. Ей придётся играть с ним, выносить его прикосновения, пусть только подойдёт поближе, чтобы она могла пустить в ход сталь!

Персис тяжело дышала, быстро проводила кончиком языка по пересохшим губам.

Медленно повернула лезвие в огне свечи. От него исходило сияние, холодное и смертоносное. Девушка ошеломлённо смотрела на него. И в то же время прислушивалась. Когда он придёт? Может быть, такая жестокость сознательна: заставить её ещё ждать. Но он узнает... она взмахнула лезвием. Оно коснулось кровати сетки и легко разрезало её.

Совсем незначительное происшествие, но Персис очнулась. Что?.. кто?.. Она выронила лезвие, прижала ладони к щекам. Кожа её горела, она вся дрожала как в лихорадке. Неужели она заболела, и эти видения — часть её бреда? Девушка постаралась собраться с мыслями. Она Персис Рук! Это её комната, никаких теней здесь нет. А то, что лежит перед ней...

Вздрыгнув, она спрятала лезвие в поддельном всере. В том кошмаре, с факелами и страшной сценой на насыпи, она была только зрителем. Но сейчас она вполне сознавала, что находится в доме. Так кто же открыл ящик комода, в котором она спрятала найденный всер, кто принёс его назад? И зачем?..

Исчезнувшая леди?..

Персис заставила себя внимательно осмотреть комнату. Давно, много лет назад, здесь исчезла женщина, оставив после себя убитого ею человека. Куда она исчезла? Уйти с острова она не могла. Если убила того, кто пытался её изнасиловать... может, просто бросилась в море?

Так странно появившийся всер тревожил Персис. Она еле заставила себя снова взять его в руки, извлечь скрытое лезвие. Откуда она узнала, что нужно вот так быстро повернуть пальцами?

Выбросить его в море? Но уже беря всер в руки, девушка понимала — и сама не могла сказать, каким образом, — понимала, что этого делать нельзя. Словно защищаясь, она сжала кинжал в руке. Защищаясь? Да, она должна сохранить его у себя. Для этого есть причина. Будто тихий голос, откуда-то издали, предупредил её.

Персис встала. Всё её тело покрылось потом, ночная рубашка прилипла к плечам и бёдрам. Она двигалась неуверенно, словно долго пролежала больной и впервые встала после болезни. Девушка направилась к комоду.

Положила в ящик поддельный всер, прикрыла его одеждой. Во рту у неё пересохло. Хотелось пить. Когда Персис снова подошла к окну, у неё так дрожали руки, что никакие усилия не могли сдержать эту дрожь.

Внизу горел факел. И в его свете виднелась какая-то сторбнившаяся фигура. Что-то неправильное было в очертаниях её головы.

Голова повернулась, профиль стал отчётливо виден в свете факела. Это... это же один из жрецов! Тот самый, с головой животного, который ждал на насыпи жертву. Персис замигала.

Нет, никаких каноэ. Только один факел. И она стояла не на насыпи своего сна, а в доме, построенном на остатках этой насыпи. Факел исчез. Но она была уверена, что в его свете видела не человеческое лицо...

Ни звука, кроме далёких ударов волн и шума ветра. Персис почувствовала себя странно свободной. Всё, что она ощущала — во сне и после пробуждения, когда обнаружила подложный всер, — всё исчезло. Неожиданно девушке страшно захотелось спать. Силы словно оставили её.

Она легла. Правда, лёгкий страх по-прежнему сохранялся. Она могла снова увидеть сон. Но этого не должно произойти... она не допустит! Однако вопреки её решимости глаза закрывались сами.

Когда Персис проснулась на следующее утро, то не помнила, снилось ли ей что-нибудь. Но увидела перед собой не привычное круглое лицо Молли, а коричневую мордашку Сьюки.

Служанка с острова поставила на столлик накрытую чашку. Она не смотрела на Персис, которая сразу пришла в себя при таком изменении порядка, к которому привыкла за многие годы.

— Где Молли? — может, излишне резко спросила она. Сьюки искоса взглянула на девушку, ей как будто не хотелось здесь находиться. Персис раньше не обращала на неё внимания. Сейчас резкие черты лица служанки вызвали у неё лёгкое отвращение. Должно быть, в ней текла смешанная кровь, как и у многих островитян. Выдающийся нос, непропорционально большой по сравнению с остальным лицом, напоминал Аскру. Может,

она действительно отдалённый потомок народа, соорудившего эти насыпи. Насыпи... Персис постаралась подавить живое воспоминание о кошмаре.

— Она заболела. Лежит в постели, — голос Сьюки звучал недовольно. Наверное, ей не хотелось исполнять новые обязанности.

— Заболела! — но Молли никогда не болсит. За все годы, которые провела у них служанка, Персис прошла через множество насморков, простуд и однажды через длительную лихорадку (слава Богу, это оказалась не оспа, как опасались врачи), и всё это время присутствие Молли придавало ей силы.

Персис выбралась из кровати, сунула ноги в туфли и схватила с кресла пеньюар. Не расплетая косичек, которые накануне заплела Молли, она бросилась к двери.

Сьюки что-то сказала, но Персис не стала слушать, а сразу направилась ко второму пролёту лестницы, подхватив край пеньюара, чтобы не споткнуться.

Уже через несколько мгновений она была в комнате Молли и успела подхватить голову служанки. Ту начало рвать в подставленный таз, пот струился по её щекам, выступив крупными каплями на лбу.

Когда приступ рвоты окончился, Персис опустила голову Молли на подушку.

— Что-то не то съела... — говорила Молли, тяжело дыша. Пальцы Персис нащупали её частый пульс. — Пожалуйста, мисс Персис... мне больно...

Она прижимала к груди большие руки и смотрела на Персис в ожидании поддержки и утешения.

Глава одиннадцатая

— Сильный приступ несварения, — строгим голосом вынес свой вердикт доктор Виринг. — Такие симптомы

часто вызывают сырые фрукты у тех, кто к ним не привык. У вашего слуги тоже что-то в этом роде...

— Шубал! — прервала его Персис. — Но как...

— Миссис Прайор услышала ночью его голос. Я посоветовал бы лёгкую диету. Бульон... может быть, крем, — продолжал доктор. — Я дал обоим лекарство. Не советую кормить, пока они сами не захотят. А как вы себя чувствуете? — он внимательно посмотрел на девушку, как на незнакомое растение, которое нужно классифицировать. До сих пор Виринг не смотрел на неё так пристально. — Вы тоже не очень хорошо выглядите, мисс Рук.

— У меня был кошмар, — ответила Персис. — Но вы уверены? Насчёт Молли и Шубала? Насколько я помню, Молли никогда не болела.

Доктор Виринг пожал плечами.

— Понимаете, это совсем не гарантирует, что она никогда и не будет болеть. Но я бы сказал, что худшее позади. Ей и вашему слуге необходим отдых, а потом благоразумная диета. Предоставьте это миссис Прайор, у неё большой опыт в такого рода происшествиях.

Но когда врач вышел из комнаты, Молли повернула голову на подушке, глаза её были широко раскрыты, и в них сквозил страх.

— Он неправильно определил, мисс Рук, — голос её звучал слабо, но настойчиво. — Мы ели то же самое, что и остальные. Нас... нас сглазили!

— Сглазили? — Персис не поняла.

— Нарочно, мисс Рук. Клянусь в этом, как перед смертью.

— Яд! — Персис ошеломлённо смотрела на служанку.

— Может, недостаточно, чтобы убить, — лицо Молли выглядело истощённым, даже полные щёки опали, покрылись морщинами. — Но чтобы держать нас в постели... может быть, подальше от вас.

— Это же глупо! — Персис ответила резче, чем хотела.
— Нам ничего не грозит, Молли. Это невозможно, и не смей ничего подобного говорить миссис Прайор! Мы здесь гости, а не пленники.

Девушка встала, но служанка протянула руку и схватила её за юбку.

— Мы не можем уйти с острова без помощи. А тут ещё эта колдунья постоянно бродит вокруг. Мам Роз рассказывала, как в старину здесь убивали людей — как они говорили, посылали их вестниками к своим языческим богам. Капитан разрешил Аскре приходить сюда и молиться своим богам. Она делала это прошлой ночью. Я слышала её, мисс Персис. Откуда мы знаем, что она не хочет отправить нас куда-то... мы для неё чужаки, и никто за нас не заступится. Она знает травы... она может...

— Она была в кухне, когда готовили еду? — спросила Персис. В дикой мысли Молли была какая-то сумасшедшая логика. Девушка вспомнила собственную ужасную ночь, сны, потом факел, который держала фигура в маске, исчезнувшая в зарослях внизу.

— Я не была на кухне всё время, мисс Персис. Откуда мне знать? Но только все остальные: Мам Роз, Сьюки и все — они обходят её стороной, они её боятся. Говорят, у неё есть власть...

Разговаривая, Молли оживилась, как будто необходимость произвести впечатление на Персис придавала ей сил, которые она утратила в приступах рвоты.

— Вы болели прошлой ночью, мисс Персис?

Можно ли назвать те яркие сны болезнью, подумала Персис. Следовало сдерживать своё воображение.

— Нет. Мне просто снились дурные сны, — уверенно и коротко ответила девушка. — А теперь, Молли, ты слышала, что сказал врач? Ты ела непривычную пищу,

и это вызвало реакцию. Очевидно, у Шубала то же самое. Мы здесь недавно и не привыкли к местным фруктам.

— Нет, мисс Персис, это нарочно. Вот увидите — нарочно, — Молли опустила голову на подушку. — Будьте осторожнее. Тут происходит что-то очень странное. Не могу сказать что, но у меня дурное предчувствие насчёт этого места, мисс Персис. Нам лучше убраться отсюда побыстрее.

— Это так, — Персис вполне была согласна. Она поправила покрывало и прикрыла ставни, чтобы жаркое солнце не беспокоило Молли. — Обещаю тебе, Молли, что именно это мы и сделаем.

Нелепо думать, что кто-то сознательно отравил двух человек, на которых только и могла рассчитывать Персис под этой крышей. Она навестила Шубала и обнаружила, что слуга спит. Лицо его казалось более старым, чем обычно. Но Шубал действительно был стар, он почти ровесник дяди Огастина. Пока был жив его хозяин, это не замечалось. Как будто его постоянная сосредоточенность на желаниях и потребностях дяди Огастина отгоняла даже старость. Но теперь это занятие исчезло, ничто больше не заполняло пустоту жизни, и Шубал как-то сразу превратился лишь в оболочку человека. Ей придётся почаще обращаться к нему за помощью, доказать ему, что он ещё может быть полезен. Может быть, подумала Персис, это даст ему новую цель в жизни. По крайней мере она на это надеялась.

Спускаясь, девушка встретила миссис Прайор. Домоправительница выходила из комнаты капитана Леверетта, лицо её светилось спокойным торжеством. Она показала поднос с пустыми тарелками, ни следа пищи.

— Он хорошо позавтракал, — приветствовала она Персис. — И швырнул блюдо в слугу-мальчишку, когда

тот не помог ему встать, — очевидно, она посчитала это самым обнадеживающим признаком. — Он обрадуется обществу, если вы не возражаете, мисс Рук.

— Может, немного погодя, — но капитан Леверетт её больше не занимал. Её заботили Молли и Шубал. — Мои слуги...

— Ах, да, доктор Виринг мне сказал. Это не редкость, мисс Рук. Мне много раз приходилось наблюдать такие расстройства при смене диеты. У нас бывает много гостей после кораблекрушений, и у некоторых случались такие же приступы. Это временное состояние, уверяю вас. И у меня готов хороший бульон. Может, попозже они его выпьют. Ничто лучше не восстанавливает силы. А у вас самой никаких затруднений не было?

Персис покачала головой.

— Нет. Я просто плохо спала. Слышала странные звуки — как пение...

Миссис Прайор поджала губы.

— Да. В это время Аскра обычно проводит какую-то церемонию. Капитан разрешает ей это. Мы счастливы, что нас не трогают индейцы. И главным образом потому, что боятся Аскры. Они говорят, что победили Древних, но считают, что здесь живут их духи, и не хотят с ними встречаться. Аскра очень полезна, она поддерживает эту их веру. Для неё это абсолютная истина. Она очень странный человек и владеет знаниями других времён и других народов. И, может быть, потомки врагов её народа имеют веские основания опасаться этих знаний.

Миссис Прайор всегда такая здравомыслящая; поэтому её слова произвели на Персис особенно сильное впечатление. Как будто в этом доме, в этой насыпи, в самом острове Исчезнувшей Леди есть нечто такое, что делает невозможное возможным. Персис снова вспомнила свои ночные страхи. Но ведь это только сны. Но только...

Она надеялась, что ответила миссис Прайор вежливо, и быстро ушла к себе в комнату. Наклонилась к ящику комода и обыскала его. Вот он лежит — кинжал в виде веера. Как бы объяснила миссис Прайор его появление? Оставили его в качестве угрозы? Или предупреждения? Направлены ли эти угроза и пресупреждение на неё? Девушка быстро прикрыла всеер ночными рубашками. Почему-то ей никого не хотелось расспрашивать об этой своей находке. Нужно просто забыть о ней, словно её никогда и не было.

Но как Персис ни старалась о нём забыть, позже, когда ела вместе с миссис Прайор и Лидией, мысли её постоянно возвращались к вееру. Они не успели закончить, как резкий звук рога из раковины — девушка уже знала, что он обозначает появление корабля, — нарушил тишину, в которую они втроём погрузились. Лидия казалась полусонной, как будто провела ночь не лучше Персис, а миссис Прайор, по-видимому, глубоко задумалась над какими-то проблемами домашнего хозяйства.

Но при звуках рога Лидия сразу очнулась. И Персис подумала, что Ральф Гриллон, зная, что капитан Левретт прикован к постели, решился снова дерзко посетить острова Ки. Но тут появилась Сьюки и сообщила, что замечен почтовый корабль.

Пришла очередь Персис взволноваться. Почтовый корабль — её единственная возможность добраться до Ки-Уэста. Мгновение она лелеяла надежду на такое избавление. Но потом вспомнила о Молли и Шубале. Помня трудности плавания из Нью-Йорка, она не могла подвергнуть слуг опасностям нового морского путешествия, пока они не поправятся. А уплыть одна она не сможет.

Но если этот корабль, единственная связь с цивилизацией, пробудет здесь достаточно долго и слуги успеют

оправиться... Конец этой слабой надежде положила миссис Прайор.

— Если захотят, они примут экипаж «Стрелы». Хотя капитан Фосдик не любит тесноту. Но он по крайней мере отвезёт новость в Ки-Уэст, и владельцы пришлют другой корабль за экипажем.

— Возьмёт ли корабль письмо? — Персис ухватила за новую надежду. В ночь погребения дяди она написала мистеру Хогу, просила, если возможно, порекомендовать ей юриста в Ки-Уэсте. Хотя она не была уверена, что он знает там достойного доверия человека.

— У капитана Леверетта есть свой почтовый мешок. И ему нужно решить свои проблемы относительно «Стрелы» и её экипажа.

— Сам он скоро выйдет в море, — заявила Лидия. — А перекладывать свои дела на других он не любит, — она улыбалась, словно мысль о недовольстве брата чем-то ей была приятна.

— Я принесу своё письмо, — Персис больше не могла ждать. Даже посылка письма мистеру Хогу принесёт небольшое утешение. К тому же она хотела попросить капитана Питтегрю кое о чём расспросить в Ки-Уэсте. И если капитан уплывёт, нужно побыстрее увидеться с ним.

Извинившись, девушка ушла с свою комнату за широкополой шляпой, которая, как она обнаружила, лучше всего защищает от солнца. Там взяла со стола письмо, которое написала мистеру Хогу, собираясь отдать его капитану Леверетту, а потом сходить в «гостиницу» и поискать капитана Питтегрю.

Постучав в дверь комнаты капитана, она услышала приглушённый голос, позволяющий войти. Но когда вошла, увидела в комнате и капитана Питтегрю. Он стоял у постели капитана Леверетта, который просматривал какие-то бумаги.

— Простите... — Персис смутилась, попав, очевидно, на деловой разговор. Но капитан Лёверетт уже собрал бумаги и протянул их капитану Питтегрю.

— Я могу быть вам чем-то полезен, мисс Рук? Но боюсь, прежде всего я вас разочарую. «Анни Б.» не примет пассажирку. Я знаю капитана Фосдика и условия у него на борту. Боюсь, вам придётся ещё немного побыть у нас. Если бы это была «Ласточка», которую мы ждали...

— Я всё равно не могу уплыть — сейчас, — она так была занята своими проблемами, что не дала капитану договорить. — Заболели Молли и Шубал. Я не могу их оставить. Но я приготовила письмо, — девушка протянула письмо и кошелёк со скромной суммой, которая оставалась у неё от денег на расходы по дому. — Это нужно отправить адвокату дяди Огастина в Нью-Йорк, — она повернулась к капитану Питтегрю. — А вы отправляетесь в Кип-Уэст?

Он кивнул, мотнув своей седой просоленной бородой.

— Приходится, мисс Рук. Надо связаться с владельцем. Мы могли бы спасти «Стрелу», но этот последний удар... — он покачал головой. — Той ночью ей проломилло дно. Теперь она годится только на дрова.

— Окажите мне услугу, сэр, и я буду у вас в большом долгу. Мне говорили, что в городе есть надёжные юристы. Найдите мне такого, чтобы я точно знала, как обстоят дела с наследством дяди на островах. Мне рассказали, что могут возникнуть трудности.

Капитан неловко поклонился.

— Конечно, мисс Рук. Когда пошлём за остальным экипажем, вы получите сообщение. На «Анни Б.» есть место только для четверых. Я оставляю здесь старшим мистера Уилкинсона, своего помощника. Он будет рад помочь вам, если понадобится, — Питтегрю взглянул на

капитана Леверетта. — Уилкинсон плавал в Китай и знает, как справляться с пиратами. Если у вас есть оружие, мой экипаж поддержит вас в любых неприятностях с индейцами.

— Очень хорошо, — ответил капитан Леверетт. Он взял письмо Персис и вместе с другими сложил в мешок. — Возьмите это с собой на «Анни Б.» Лодочник привезёт назад то, что у них есть для острова.

— Подождите, — Персис торопливо расстёгивала свой кошелёк. — Почтовая плата до Нью-Йорка...

Капитан Леверетт покачал головой.

— У нас годовой контракт с почтовыми кораблями. Они получают неплохую прибыль, так что можно отправить и лишнее письмо. Сохраните свои деньги, мисс Рук.

Персис не могла спорить. Но ей не хотелось снова быть в долгу, даже по такому незначительному делу. Однако когда девушка повернулась к двери, он заговорил своим не терпящим возражений голосом:

— Будьте добры, немного подождите, мисс Рук. Что ж, Питтегрю, мы всё закончили. Передайте это требование в суд Ки-Уэста и пошлите копию владельцу. Я выражаю сожаление по поводу этого второго удара. Если бы не он, мы бы оставили ваш корабль на плаву. Здесь полное описание случившегося для суда, и я не вижу возможности для вас и вашего экипажа как-то предотвратить гибель корабля.

Капитан Питтегрю вздохнул.

— Факты таковы. Но когда дело заходит о долларах и центах, владельцы не очень прислушиваются к фактам. Вы справедливо обошлись с нами, капитан. Не ваша вина, что мы не смогли спасти корабль, который вы сняли с рифов. И вы более чем великодушны, составив нам этот документ. Мне пора идти, не нужно заставлять шлюпку ждать. А вы, мисс, — он опять неловко покло-

нился Персис, — я всё сделаю, как вы просили, и свяжусь с надёжным юристом.

— Удачи, капитан, — успела она сказать, прежде чем дверь за ним закрылась. Наступило молчание. Крю Левеллетт не торопился объяснять, зачем попросил её остаться. Он полусидел-полулежал в большой кровати, плечи его были зажаты подушками. Персис нервно добавила:

— Я, кажется, очень назойливая гостья, капитан...

— Почему? — он чуть хмурился и внимательно смотрел на неё, как будто решая какую-то собственную проблему.

— Никак не могу избавить вас от своего присутствия, хотя меня не приглашали.

— Время от времени, — медленно заговорил он, — море даёт больше, чем отнимает. Вы когда-нибудь собирали раковины на берегу, Персис?

Такая неожиданная смена темы, а также дерзкое использование её имени изумили Персис. Она начала сердиться. Почему-то он всегда вызывает в ней гнев. Неужели он снова намекает на Ральфа Гриллона? Или пытается узнать, не было ли у неё нового свидания с багамцем?

— Нет, — резко ответила она.

— Они бывают прекрасны — драгоценности океана, — капитан продолжал наблюдать за ней. — Лидия любит их собирать. Попросите её, она вам покажет. Те, кто впервые поселился на этих островах, смешивали раковины с землёй и воздвигали эти насыпи, проводили на них свои ритуалы. Да, до того, как усдете, вы должны пособирать раковины, Персис. Увидите, каким щедрым по-своему бывает море.

Девушка не могла понять причины перемены его настроения. Не понимала, на что он намекает. Не знала, что ответить, и потому промолчала.

— Что вы думаете об острове Исчезнувшей Леди, Персис? — снова сменил он тему.

— То, что я видела, — ответила она, — очень не похоже на Нью-Йорк.

Собственный ответ показался Персис неудачным, и она ожидала, что капитан тут же отправит её прочь. Решит, что эта женщина никаких мозгов не имеет. Конечно, здесь всё не так, как в Нью-Йорке. Но она не собиралась вдаваться в подробности. Рассказывать, что постоянно испытывает в этом доме тревогу, видит странные сны, боится морских бурь.

Он слегка улыбался. И Персис подумала, что верно догадалась, как он оценивает её интеллект. Это лишь подлило масла в тот огонь возмущения, который он почему-то всегда в ней разжигал.

— Да... очень не похоже на Нью-Йорк, — слова его походили на насмешку. — А вам очень нравится Нью-Йорк, Персис?

Девушка задумалась. Безопасность тамошней жизни — да, жизнь в доме дяди Огастина была безопасной. Но также — очень скучной. О жизни на острове Исчезнувшей Леди этого определённо не скажешь.

— Я ничего другого не знала, сэр, — она снова вернулась к манерам хорошо воспитанной юной леди, — пока не оказалась здесь.

— И вы вернётесь в Нью-Йорк? — настаивал капитан. Она никак не могла догадаться о причинах такой настойчивости. Что значит для него её будущее, когда она избавит его от необходимости быть гостеприимным?

— Ничего не могу сказать. Пока не узнаю, как обстоит дело с наследством на островах...

— Да, — кивнул он, — наследство на островах. Новости, которые сообщил вам Гриллон. А о чём именно он вас предупредил?

Персис колебалась. Ей так хотелось попросить у кого-нибудь совета. Молли, Шубал — они верны ей и пойдут за ней повсюду. Но никаких предложений делать не будут. А если капитан Леверетт узнает все подробности, возможно, он чем-то ей поможет. Девушка переняла привычку дяди Огастина молчать о семейных тайнах и теперь не вполне понимала, что заставляет её рассказать всю историю и посвятить капитана в стоящую перед ней дилемму.

Она постаралась объяснить как можно короче.

— Существует ещё один наследник. Капитан Гриллон узнал об этом и рассказал мне. У моего двоюродного брата, давно умершего, остался ребёнок, о котором никто не знал...

— Пока не появилась надежда получить значительное наследство, — прервал её Крю Леверетт. — И вы поверили его словам, Персис? Не кажется ли вам немного странным, что наследник появился только после того, как все связанные с наследством люди умерли?

Девушка подозрительно взглянула на него, думая, что он смеётся над ней. Но он был серьёзен.

— Я не стал бы верить Ральфу Гриллону на слово ни в одном деле, — продолжил он немного погодя. — Вы говорили, что он пытался вступить с вами в сделку. Нет причины считать, что этот наследник вообще существует. Разве что лишь в его воображении. Он...

— Ваш враг, — прервала его Персис, видя, что он считает её совсем глупой. — Я это знаю. И никому не поверю на слово, пока сама не проверю. Я не такая дуручка, какой вы, по-видимому, считаете меня, капитан Леверетт.

Он продолжал улыбаться.

— Итак, вы умете читать мысли, Персис Рук? Это очень интересно. Но боюсь, вы преувеличиваете свои

возможности. Я просто предупреждаю вас, что принимать решения нужно только на основе твёрдых фактов, а не по словам человека с не очень хорошей репутацией. Послушайте, не нужно так смотреть на меня. У меня есть не только многочисленные грехи, но и некоторые добродетели.

Персис колебалась. Как ни старалась, никакой насмешки она не почувствовала. И негодовала, что капитан оказался способен разоружить её, когда ей казалось, что она создала прочную защиту. Девушка ухватила за возможность сменить тему. Ей хотелось уйти от вопросов, касающихся лично её. Хотя и не понимала, почему.

— Капитан Леверетт, вы спросили, как мне нравится остров Исчезнувшая Леди. Лидия рассказывала мне об истории острова. Она кажется тёмной и очень жестокой.

— Наверное, у каждого места есть свои призраки, — он принял предложенную перемену. — Но здесь их больше, чем в других местах. Когда-то у народа Аскры здесь стоял город. Самый большой храм находился на насыпи, на которой теперь этот дом. Потом этих людей преследовали испанцы и натравили на них семинолов, чтобы те очистили от них землю. Потом снова жестокое владычество испанцев, которых около ста лет назад изгнали пираты. Лидия показывала вам всер с глазами из опала? Этот реликт прошлого связан с очень странной историей — о мёртвом пиратском капитане и пленной испанке, которая потом исчезла.

Потом новое правление испанцев, восстание индейцев. И наконец мы. Но самым последним завоевателем всегда остаётся море, — он слегка передвинулся на подушке, как будто у него болело плечо.

Не раздумывая, Персис вернулась к кровати и удобнее уложила подушки.

— У вас лёгкая рука, — его лицо было совсем рядом с

нею, и голубые глаза казались бассейнами морской воды. «Можно утонуть в этих глубинах», — подумала она. Такая нелепая идея заставила девушку вспыхнуть и торопливо отодвинуться. Хотя она научилась уходу за больными, заботясь о дяде Огастине, здесь всё было как-то по-другому. Она отошла к концу кровати, словно спасаясь от опасности, которую сама не понимала.

— Я ухаживала за дядей, — она старалась говорить спокойно и небрежно. — Когда нужно, быстро учишься.

— Это утверждение подходит ко всей жизни, — заметил капитан Леверетт. — И мы всё время продолжаем учиться, Персис, не забывайте об этом. Итак, вы считаете остров Исчезнувшей Леди тёмным и жестоким.

— Может, не сам остров, а его историю, — Персис была благодарна ему за возвращение к этой теме. — Да, Лидия показывала мне всер, очень необычный и красивый. Но не думаю, чтобы мне хотелось таким пользоваться.

Рассказать ли ему о втором всере, поддельном, в котором скрывается смерть? Очень хотелось, но девушка почему-то не могла найти слов.

— Наверное, вы правы. Островитяне считают, что Исчезнувшая Леди ревниво относится к своим владениям и не любит, когда они попадают в чужие руки. Говорят, она бродит по острову. Но увидеть её могут только те, кто попал в опасность, или рассердившие её островитяне. Так что берегитесь нашего призрака, Персис! — он снова улыбнулся, и на этот раз в его голосе явно прозвучала насмешливая нотка.

— Сэр... — она хотела сказать, что подобные суеверия недостойны просвещённого разума, но, помня о том, что лежит в её ящике, не решилась. — Сэр, — снова начала она, — я запомню ваше предупреждение.

— Капитан! — дверь приоткрылась и в неё заглянула миссис Прайор. — Пришёл помощник Хоккинс...

Персис воспользовалась этим предложением для бегства. Бегства от чего? Она не могла бы ответить. Но больше она не хотела думать о веере... и об Исчезнувшей Леди. И если говорить правду, то и о Крю Леверетте. Лучше вернуться к Молли, к таким знакомым и успокаивающим взаимоотношениям.

Глава двенадцатая

Молли клонило ко сну. Она сказала, что миссис Прайор дала ей снотворное.

— Принесла его мисс Лидия, — говорила Молли. — Очень любезно с её стороны.

Глаза её закрылись, как будто она больше ни секунды не могла держать их открытыми. Через одну-две секунды она начала тихонько похрапывать. Но Персис продолжала сидеть на единственном стуле. Глаза её были устремлены на потное лицо Молли, но мысли ушли совсем в другом направлении.

Даже если письмо её отправят немедленно, пройдёт немало недель, прежде чем она получит ответ. А оставаться здесь так долго они не могут. Отзовётся ли на её просьбу какой-нибудь юрист в Ки-Уэсте? И если отзовётся, сколько времени ему потребуется, чтобы узнать всю правду? Она взглянула на свои руки, лежащие на коленях.

Кошелёк, который принадлежал дяде Огастину, теперь был в её распоряжении, но сумма в нём оказалась совсем небольшой. Хватит ли этих денег, чтобы втроём прожить в Ки-Уэсте и, может, заплатить за проезд на север? Впервые Персис подумала, что слишком мало знает о делах своего дяди.

Она медленно встала и подошла к единственному маленькому окну. Эта комната, как и комната капитана,

выходила на ров и на канал. Внизу на пристани работали: «Непревзойдённый» стоял у берега, и вокруг него суетилось много людей. Рядом лежала «Стрела», её вытащили на берег. Нос разбитого корабля наклонился, и теперь резной индеец целился своей стрелой в небо.

Ещё дальше девушка увидела почтовый корабль, уже поднимающий якорь и готовящийся к отплытию. Несмотря на необходимость заниматься своими делами, Персис порадовалась, что она не на его борту. Он был совсем маленький, гораздо более убогий, чем даже «Стрела».

— Нет!..

Персис повернулась к кровати. На лице Молли появилось выражение, какого девушка никогда не видела. Глаза служанки были по-прежнему закрыты, но лицо исказила гримаса страха.

— Нет!.. — повторила спящая, словно отказываясь видеть какой-то сон.

— Молли! — вспомнив собственный кошмар, Персис быстро подошла, готовая разбудить служанку. — Молли, это только сон!

— Нет! — в этом отрицании прозвучало такое отчаяние, что Персис схватила Молли за плечи и яростно затрясла. Очевидно, Молли видела что-то ужасное.

— Молли! Проснись! — она трясла служанку, вначале легко, потом всё более энергично, потому что Молли не просыпалась.

Вместо этого женщина неожиданно подняла руку и ударила Персис.

— Отпусти... дьявол! Дьявол! — сё бормотание перешло в крик. — Нож! Нет!

Персис склонилась к ней, взяла за оба плеча, потрясла. Она должна была прервать этот сон, потому что лицо спящей женщины превратилось в отвратительную маску.

Молли ахнула, дыхание со свистом вырывалось из её губ. Потом она открыла глаза, дико огляделась.

— Дьявол...

Медленно-медленно в её взгляде появилось сознание, а потом изумление. Персис продолжала держать служанку, как якорь, привязывающий её к настоящему.

Лицо женщины вновь исказилось, и впервые за все годы Персис увидела у неё на глазах слёзы.

— Мисс Персис! — Молли схватила её руки с такой силой, что пальцы впелись в тело девушки. — Мисс Персис, отошлите её!

— Кого, Молли?

— Её. Ту самую... — служанка повернула голову на подушке, осматривая комнату. — Но она была здесь! — капли пота выступили у неё на лбу и на верхней губе. — Я её видела, ведьму, индейскую колдунью! Она хотела убить меня — ножом — хотела убить! И вокруг стояло много других, они смотрели, как она это сделает! Я видела всё так же ясно, как сейчас вас.

— Это был сон, Молли. Я всё время была с тобой. Никого в комнате нет.

Слёзы побежали по щекам Молли.

— У меня раньше никогда не было таких снов, мисс Персис. Это реальнее любого сна. Она... она была как дьявол.. на лице ужасная маска, и она шла ко мне с ножом. А я не могла убежать... — рыдания сотрясали мощное тело Молли. — Что со мной, мисс Персис? Правду говорят об этой ведьме, что она может наслать зло и погубить?

— Вздор! — прервала её Персис со всем убеждением, какое могла призвать. Стоит Молли поверить, что её прокляли или сглазили, и она по-настоящему заболеет. — Это был сон, всего лишь сон.

Но Молли по-прежнему не выпускала её руку.

— У меня никогда не было таких живых снов, — повторила она с оттенком прежнего упрямства. — Словно кто-то заставил меня видеть этот сон. Там были все эти люди, язычники в масках и перьях, и горели факелы. И все стояли и смотрели, что со мной делают. И хотели, чтобы меня убили!

— Но ведь это неправда, — терпеливо проговорила Персис. — Ты в своей постели, и я с тобой.

Её собственный сон! Однако Персис не собиралась рассказывать служанке, что они видели один и тот же ужасный сон. Потому что стоит сделать это, как Молли тут же поверит, что их обоих заставила увидеть этот сон чья-то злая воля.

Может ли сон быть навязан извне? Очень странная мысль. Персис постаралась отодвинуть её подальше. Главное было успокоить Молли и заставить её поверить, что бояться нечего.

— Я... я была там... и всё выглядело так реально...

— Иногда сны кажутся очень реальными. Но этот был совсем не реальным, Молли. Я посижу с тобой, обещаю.

Молли чуть разжала руку.

— Если посидите, мисс Персис, я буду очень рада. Мне так хочется спать, — и снова глаза служанки закрылись, хотя она и пыталась помешать этому. — Не позволяйте мне видеть снова этот сон, пожалуйста, мисс Персис.

— Не позволю! — решительно ответила девушка, не зная, правда, как она сможет этому помешать. Однако тут же вспомнила, что видела кое-что на бюро. Мягко высвободив руку, Персис взяла изношенную Библию служанки, которую та читала каждое утро и каждый вечер.

— Смотри! — она протянула книгу с измятым переплётом, чтобы Молли могла хорошо её видеть. — Положи её

под подушку. Как ты думаешь, могут тогда к тебе прийти дурные сны?

— Дайте мне её, мисс Персис. Как вы хорошо придумали! Это правда. Никакое зло теперь не подойдёт ко мне. Книга моей мамы, она меня по ней учила читать, — Молли ласково погладила книгу. — Словно мама опять со мной — когда я была маленькой и чего-нибудь боялась.

К служанке снова вернулась уверенность, и Персис благословила вдохновение, которое заставило её подумать о такой хитрости. Но хитрость ли это? Она вспомнила, что где-то читала — где именно, не могла вспомнить, — что если на какой-нибудь вещи долго сосредоточены добрые мысли, сама вещь становится преградой на пути зла. И Молли поверила, что она в безопасности. Сама её вера теперь помешает служанке видеть новые страшные сны.

Молли снова улеглась на подушки, закрыла глаза. А Персис осталась с головомолкой, которую никак не могла разрешить. Фрагменты картины, которые упоминала Молли, явно укладывались в её собственный кошмар. Но она-то не была его активной участницей, какой, очевидно, стала Молли, — только зрителем. Однако если Молли видела тот же самый кошмар, что и она, Персис не удивлялась её ужасу при пробуждении.

Неужели тёмная история дома и насыпи, на которой он стоит, способна воздействовать на спящий мозг? Персис и в прошлом видела дурные сны, но никогда к ней не приходили такие живые и варварские, как прошлой ночью. И чтобы тот же самый сон увидела Молли... Что за призрак живёт на острове Исчезнувшей Леди?

Держа своё обещание, девушка снова села. Но на этот раз Молли спала спокойно, и Персис вскоре начала испытывать нетерпение. Если бы не обещание, она бы уже ушла в соседнюю комнату к Шубалу. Но тут она

увидела, что дверь неслышно открывается. Чуть погода вошла Лидия.

— Она спит? Хорошо! — Лидия, зашуршав юбками, взяла поднос с чашкой. — Когда проснётся, ей будет гораздо лучше. Чай миссис Прайор всегда излечивает боль в животе.

— Вы очень добры, что сами принесли это, — прошептала в ответ Персис.

Лидия пожала плечами.

— Ничего. Вашему слуге тоже лучше. Но вы сами... — она внимательно посмотрела на Персис. — Нет ли у вас лихорадки? Голова не болит? — хозяйка спрашивала со странной настойчивостью.

— Нет, — Персис не собиралась вдаваться в подробности беспокойной ночи. — Но естественно, я встревожена.

— А зачем вас хотел видеть Крю? Предложил взять на себя ваши дела? — Лидия смотрела теперь очень внимательно.

— Нет, на самом деле он предложил, чтобы я поискала раковины на берегу, — ответила Персис, — и попросила вас показать мне вашу коллекцию.

Лидия долго смотрела на гостью, как будто не поверила. Потом улыбнулась, довольно несприятно.

— Что означает, разумеется, что у меня должна быть спутница, чтобы я не могла встречаться с Ральфом. Не очень умно с его стороны, — она задрала подбородок, который торчал так же решительно и упрямо, как и у её брата. — Я собираюсь в этом вопросе поступать так, как мне нравится. Если Крю считает, что может держать меня взаперти, пока не найдёт мне мужа, это его план, но не мой, — она бросила на Персис почти враждебный взгляд. — И я предложила бы вам заняться своими делами.

Взметнулись юбки, и она исчезла, закрыв за собой дверь хоть и не со стуком, но так, словно захлопнула.

Персис устало встала и снова подошла к окну. Почему-то посещение Лидии заставило её вспомнить о веере. Как будто что-то связывало девушку с этой зловещей находкой. Может, именно Лидия снова откопала веер и положила в ящик? Но зачем?

Лидия, несомненно, связалась с Ральфом Гриллоном и намерена добиваться своего, несмотря на запрет брата. Она наверняка угадала, почему он предложил поискать раковины. Персис решила, что не будет принимать никакого участия в интриге багамца и своей хозяйки. Если Крю Леверетту нужна сторожевая собака для своей сестры, ему придётся поискать кого-то другого.

— Нет...

Персис торопливо повернулась к кровати. Неужели у Молли снова кошмар?

Глаза служанки были закрыты, Персис удостоверилась, что она спит, но руки Молли беспорядочно шарили по покрывалу.

— В безопасности... в безопасности... — повторяла она, как будто успокаивала кого-то. — Наверное, уронила, когда стелила постель. Но замок... он в безопасности...

Персис подошла к кровати. Сколько тревоги в этих бессвязных словах! Она должна была узнать, что ещё встревожило Молли.

— Молли, — негромко заговорила девушка, — что в безопасности?

— Портфель, — к удивлению Персис, Молли ответила так, будто не спала и разговаривала с ней. — Он был на полу. Но теперь он в безопасности. Должно быть, упал, когда стелили постель.

Портфель! Персис почти забыла, что отдала его Молли на хранение.

Она просунула руку под перину, надеясь нащупать кожу. Пока Молли болеет, лучше взять документы себе. Пальцы её сомкнулись на уголке кожаного портфеля, и она осторожно, чтобы не потревожить спящую, вытащила его.

— В безопасности? — вновь прозвучала мольба.

Персис плотно прижала к себе портфель. Она наклонилась ближе и сказала, надеясь, что её уверенность проникнет в сознание спящей:

— В полной безопасности, Молли.

Служанка вздохнула и отвернула голову от девушки. Персис внимательно наблюдала за ней. Молли явно крепко спала, словно кошмар отнял у неё всю энергию и теперь она должна её восстановить. Персис снова просмотрела бумаги: завещание, письма, показания двоих каперов, которые засвидетельствовали смерть Джеймса Рука в бою. Всё на месте. Но она не могла поверить, что их искали только для того, чтобы прочесть...

Зачем? Насколько она знает, никто под этой крышей, кроме неё самой, Молли и Шубала, не заинтересован в делах дяди Огастина. Рассказ Ральфа Гриллона... Может, подкупленный им слуга сообщил ему о документах и дал возможность попытаться заключить с ней сделку? Фантастическая мысль, словно созданная воображением романиста. Но документы просматривались, возможно, вторично. Персис почему-то в этом не сомневалась.

Где же их спрятать? И нужно ли снова прятать? Если их просмотрели и оставили, нет смысла пытаться скрыть их теперь. Девушке очень хотелось разбудить Молли и подробней расспросить о портфеле. Но этого она не могла сделать.

Персис трудно было сидеть неподвижно. Ей всегда говорили, что самый большой недостаток её характера — это нетерпение. И вот сейчас этот недостаток проявлялся

во всей своей красе. Она жаждала деятельности. Нужно было что-то делать. Но отражение в зеркале спрашивало: «Что делать?» И ответа на это у Персис не находилось. Никого не было под этой крышей, к кому она могла бы обратиться со своими вопросами, со своим... воображением. Девушка чувствовала, что её что-то преследует. Это всё результат тревожной ночи, говорила она себе. Но всё равно ей казалось, что действуют силы, которых она не понимает.

Крю Леверетт... Странно, но она постоянно мысленно возвращалась к нему. Однако было бы крайней глупостью вываливать на него содержание двух (нет трёх, включая Молли) снов и то, что она считает, будто в её документах дважды рылись. И она не хотела никакого постороннего вмешательства.

У них всегда всё решал дядя Огастин. Теперь Персис понимала, насколько от него зависела. Конечно, и к нему она не могла бы обратиться со своими снами и фантазиями. Она представила себе, что бы он ей ответил. Но ответственность всегда лежала на нём, а теперь — на ней.

Персис до сих пор верила в свой здравый смысл и силу характера. Может быть, потому, что эти её качества раньше никогда не подвергались испытанию? Вопрос потряс девушку, но она решила не поддаваться.

Над ней довлеет долг — по отношению к дяде Огастину, который доверил его ей, пусть под влиянием обстоятельств, перед Молли и Шубалом, наконец, перед самой собой. Она должна принять решение и выполнить его.

Молли спала, лёжа спокойно и без следов тревоги. Персис, по-прежнему прижимая к себе портфель, быстро осмотрела комнату. Ей больше всего хотелось вернуться к себе. Хотелось получить возможность подумать (если

сможет привести в порядок свои мысли, нарушившие её спокойствие), подумать о будущем.

Но она пообещала остаться, а Персис привыкла выполнять свои обещания. Что если Молли опять приснится кошмар, а её рядом не будет? Что если...

Негромкий стук в дверь. Персис вздрогнула, словно опасность, которая раньше наполнила её страхом, снова приблизилась. Но дверь неслышно открыла миссис Прайор. Она подошла к кровати, положила руку на полоску лба Молли под ночным чепцом. Удовлетворённо кивнула.

— Кризис миновал, теперь она крепко спит, — заметила миссис Прайор и взглянула на девушку, словно удивляясь, что та здесь делает.

— Молли... у неё был кошмар. Я пообещала посидеть с ней... разбудить, если тот снова придёт...

Лицо миссис Прайор оставалось бесстрастным. Если она и посчитала Персис излишне заботливой и даже глупой, то никак этого не выдала. Вместо этого она сказала нечто такое, что Персис нашла в устах такой разумной женщины весьма знаменательным:

— Иногда приходят очень странные сны. Но, наверное, причина в травяном чае. Аскра рассказывала однажды, что в старину в её племенн пили гораздо более сильную смесь с такими же свойствами (так поступали их старейшины), чтобы иметь видения. Но я готовлю смесь в других пропорциях. Да, сны могут быть очень странными. Я слышала, что иногда люди во сне получают предупреждения. И если не обращают на них внимание, их ждёт несчастье.

Говоря это, она не смотрела на Персис. Но не прозвучало ли предупреждение в её словах? Персис не решилась задать этот вопрос. Тем временем миссис Прайор продолжала:

— Не беспокойтесь о том, что ей снова что-нибудь приснится. Это естественный и очень крепкий сон, не такой, который рождает тревожные фантазии, — на этот раз она пристально взглянула на девушку. — Вы и сами выглядите очень усталой. У нас в обычае отдыхать в жару днём. Я велю Сьюки принести вам что-нибудь лёгкое и вкусное и советую потом отдохнуть.

— Но Молли... — Персис разрывалась между усталостью и обещанием.

— Я возьму своё шитьё, мисс Рук, и посижу здесь. Тут прохладнее из-за морского бриза. Отдыхайте спокойно. Я позову вас, если понадобится ваше присутствие.

Весьма властный приказ. Персис явно выпроваживали. Если она начнёт возражать, то пробудит подозрительность. Персис неохотно согласилась. Действительно, Молли спокойно спала. Но девушка стояла у кровати, пока миссис Прайор не вернулась с большой сумкой в руках. Принадлежности для шитья. Домоправительница придвинула кресло к окну и удобно устроилась. Она явно собралась провести здесь немало времени.

У себя в комнате Персис обнаружила, что Сьюки — или кто-то другой — оставила на комодке накрытый поднос. Спрятав портфель под подушку, как Молли — Библию, Персис приподняла салфетку, почувствовав, что действительно проголодалась.

Несколько кусков холодного жареного цыплёнка, нарезанных очень тонко. Тарелка с хлебом с маслом и небольшая чашечка с джемом из какого-то экзотического фрукта, который доктор Виринг принёс миссис Прайор на пробу. Крем, застывший, с коричневой корочкой, именно такой способен удовлетворить самый изысканный вкус. А также небольшой кувшин. Персис решила, что в нём фруктовый сок.

Она с аппетитом поела, но выпила немного, потому

что непривычный вкус жидкости ей не понравился. Может, сладость крема заставила жидкость казаться чуть горьковатой. А в остальном она съела всё, что принесли.

Персис была уверена, что не сможет уснуть. Столько вопросов осаждало её разум. Она сняла покрывало с кровати, сбросила платье с туфлями и легла, решив подумать спокойно и рационально.

Кровать показалась необыкновенно мягкой и приятной. Девушка закрыла глаза и расслабилась, не сознавая, как была напряжена последние несколько часов. Такая мягкая постель... словно лежишь на облаке... облако большое и летучее... оно далеко от земли и её проблем.

Как приятно просто лежать... как удивительно...

Глава тринадцатая

Персис просыпалась медленно и неохотно. В комнате царили сумерки. Сколько она проспала? Постепенно начала восстанавливаться память. По крайней мере кошмаров она не видела. Или если видела, то не могла вспомнить... за что была очень благодарна сну.

Но...

Девушка села и посмотрела на правую руку. Она что-то держала. Персис опустила взгляд. И сумерки не смогли скрыть от неё увиденное. Поддельный всер!

Она быстро выпустила его, словно резное инкрустированное камнями дерево обожгло её пальцы. Кто?..

На этот раз ящик, в который она спрятала всер, был закрыт. Даже в полутьме она это видела. Она снова посмотрела на... на это невозможное.

Однако на этот раз... Персис не понимала, что ею движет. Сама она не желала ничего предпринимать, но рука её шевельнулась и снова сомкнулась вокруг псевдо-всера. И опять-таки без осознанного желания она чуть повернула ручку, высвободив лезвие.

Девушка больше не чувствовала отвращения, даже ужаса к этому оружию. Напротив. Напротив, ей хотелось держать его при себе. Оно будто несло обещание безопасности, защиты от бесформенного безымянного зла.

Фантазии... воображение!.. Персис осмотрела совершенно обычную комнату. Ничего, ничего не предвещает здесь опасности. Но дышала она ускоренно, ладони стали влажными и липкими. Пришлось отложить кинжал и вытереть руки о простыню.

Во рту оставался странный металлический привкус. Похожий на вкус напитка, который она не допила. Давно ли она лежит? Это не просто послеполуденный сон. Уже стоял вечер.

Есть... силы...

Персис огляделась, внимательно рассмотрела все углы полутёмной комнаты. Но как ни старалась рассуждать спокойно и здраво, избавиться от дурного предчувствия не могла. Приближалась какая-то беда.

Немного повернувшись, она сунула руку под подушку в поисках портфеля. Он же был там... Персис перевернула две подушки, посмотрела на пустую простыню. Портфель исчез!

Упал на пол во время сё беспокойного сна? Девушка встала и заглянула под кровать сначала с одной стороны, потом с другой. Зажгла свечу, опустилась на колени, приподняла завесу, отвела сетку. Под кроватью ничего не было.

Персис пыталась думать. Кто знал, что она взяла у Молли портфель? Миссис Прайор явно видела, как она вынесла его из комнаты служанки. Но она не могла себе представить, чтобы портфель заинтересовал домохозяйку. Если только она не работает на кого-то другого...

Хотя в комнате сохранялась влажная дневная жара и ни один ветерок не проникал в окна, Персис вздрогнула.

Ей стало холодно. Этот холод разливался у неё внутри, он не был рождён окружающим.

И дом... в нём стояла неестественная тишина... словно кто-то затаился и ждёт...

Ей требовалось общество, она должна была увидеть хоть кого-то... немедленно...

Но двигалась девушка рывками, словно тело не такое храброс, как воля, и его нужно решительно побуждать к действиям. На этот раз она пойдёт прямо к капитану Леверетту. Это был не сон, это реальная потеря, которая может на неё тяжело отразиться.

Поставив свечу, Персис торопливо набросила платье, сунула ноги в туфли. Потом, словно повинаясь чьей-то воле, вложила лезвие в поддельный всеер и спрятала его за корсаж, чувствуя, как он коснулся кожи. Никогда в жизни не испытывала она потребности в оружии с мыслью о самозащите. Но теперь...

Она уже делала это... Нет, не делала! Но всё равно какое-то смутное воспоминание преследовало девушку: когда-то она уже воспользовалась всеером, и лезвие послужило её безопасности.

Взяв свечу и направившись к двери, Персис продолжала испытывать внутренний холод. Приоткрыв дверь, девушка прислушалась. Полная тишина в таком большом доме неестественна. И это был не сон.

Потребовалась вся её сила воли, чтобы шире открыть дверь и выйти в коридор, где крошечный огонёк единственной свечи был почти поглощён мраком. Снова она остановилась и прислушалась. Даже скрипов, обычных в домах, не было слышно. Слишком тихо.

Персис пересекла коридор, прошла по ковру к двери комнаты капитана Леверетта. Снова потребовалось усилие воли, чтобы поднять руку и постучать. Ей показалось, что стук отозвался в пустом коридоре настоящим громом.

Девушка прикусила губу. Она... она должна кого-нибудь увидеть, с кем-нибудь поговорить! Должна!

Повернув голову, она посмотрела на лестницу. Света внизу не было видно. Хотя обычно в это время дня в коридоре и комнатах зажигали лампы, так что и лестница была освещена.

Она снова постучала. Но в ответ ничего не донеслось. Не в силах больше стоять в ожидании катастрофы, Персис повернула ручку. Та легко подалась, и дверь приглашающе раскрылась.

В комнате было совершенно темно. А это неправильно. Даже если капитан Леверетт спит, должен гореть ночник, как во всё время его болезни. Затаив дыхание, Персис сделала один шаг, другой, держа свечу так, чтобы освещать постель.

Она замгала: потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что постель пуста. Сетка откинута в сторону... Осталось лишь углубление на подушках, которые поддерживали раненое плечо. Но... капитан Леверетт исчез!

Персис удостоверилась в этом, прежде чем обходить комнаты. Только крайняя необходимость могла заставить капитана встать. Она сама слышала, как доктор Вирринг предупреждал его, что любое напряжение может вновь вывести его плечо из строя.

Персис повернулась и побежала. Следующая комната — Лидии. Она заколотила в дверь. От удара кулака дверь распахнулась. И здесь никого не нашлось. Почему-то она и не ожидала, что увидит девушку.

Чувство опасности так сжало горло, что Персис не смогла бы закричать, даже если бы и захотела. Закружилась голова... Пришлось постоять, держась рукой за стену.

Молли... и миссис Прайор!

Дрожа, она направилась в глубь дома, ко второй лестнице. Поднялась, не так быстро, как хотелось бы, но как

позволяло усилившееся головокружение, держа в одной руке свечу, другой придерживаясь узких перил.

На этот раз она не стала стучать в дверь. Ей было бы страшно вновь услышать этот пустой звук. Девушка даже придерживала на ходу юбки, чтобы шорох её не выдал. Выдал — кому?

Снова увидела она темноту, но на этот раз слышала тяжёлое дыхание. Облегчение было так велико, что она закричала бы, если бы не всё та же необходимость сохранять молчание.

На кровати лежала Молли. И, очевидно, всё ещё спала. Но... свеча Персис показала кое-что ещё. Миссис Прайор по-прежнему сидела в кресле. Голова в чепце упала вперёд, полный подбородок лежал на груди, она тихо похрапывала. Под рукой распластался чулок с воткнутой иглой. Другая рука вяло свисала. Как и у Молли, лицо её покраснело, рот был приоткрыт, а дышала она как-то уж очень тяжело.

— Миссис Прайор! — Персис заторопилась к домоправительнице, опустила руку на плечо женщины. Как пыталась разбудить Молли, так и сейчас затрясла плечо домоправительницы. Но почему-то уже знала, что миссис Прайор спит не естественным сном.

И когда массивное тело экономки едва не вывалилось из кресла, Персис вынуждена была поставить свечу и усадить спящую как можно удобнее. Та даже ничего не пробормотала в ответ, и Персис не знала, как разбудить её.

Она вернулась к Молли. И снова ничего не добилась. А холод внутри всё усиливался. Это не болезнь. Девушка начала подозревать, что всё это было кем-то запланировано. Их опиили? Во рту ещё чувствовался странный привкус напитка. И ведь она сама выпила его совсем немного. Девушка искала доказательств, что Молли и

миссис Прайор пили то же самое, но нашла только воду в графине на столике у кровати.

Шубал... Без особой надежды Персис пошла в соседнюю комнату. И не удивилась, увидев, что старик спит так же тяжело, как и женщины. Но почему?..

Она никак не могла понять, в чём причина странных происшествий в доме. Лидия и капитан исчезли, эти трое крепко спят, и она не может их разбудить. Что случилось?

Потребовалось всё её мужество, чтобы снова направиться к лестнице. Через каждые несколько шагов она останавливалась и прислушивалась. Тишина, подобно темноте, питала её воображение — и даже слишком хорошо. Она не смеет утратить контроль над собой, не смеет!

Шаг за шагом спускалась она в коридор, куда выходила её собственная комната. Двери комнат капитана и Лидии были по-прежнему широко раскрыты, как она их и оставила, и Персис заторопилась дальше, спускаясь в новую тёмную пещеру.

Дверь на веранду была закрыта, там темно, никого нет. Персис остановилась в нерешительности. Ей требовалось нечто большее, чем свеча. Та, что несла девушка, уже мигала и готовилась вот-вот погаснуть, оставив её в полной темноте. Она зажгла лампу, которая стояла на столике у выхода. Нести лампу труднее, зато она даёт больше света.

Персис нерешительно начала систематически осматривать комнаты и везде обнаруживала только тёмную пустоту. Гостиная с её спасённой от кораблекрушений роскошью, столовая — никаких признаков, что здесь кто-то ел, — небольшая комната, которой капитан Левретт пользовался как кабинетом.

То, что она увидела здесь, стоя на пороге и освещая помещение лампой, только усилило её страх.

Посредине комнаты лежал сейф, опустошённый, с сорванной дверцей. Бумаги со стола были сброшены на пол. Ограбление!

Но почему-то такое объяснение казалось неподходящим. Во всяком случае оно объясняло не всё. Ограбление на острове, целиком управляемом капитаном Левсреттом, когда с острова невозможно уйти, — это был бы поступок сумасшедшего. Но... где же сам капитан Левсретт? Сердце Персис дрогнуло.

Предположим, он услышал... в своём болезненном состоянии, владея только одной рукой, выбрался из кровати и увидел грабителя? Что тогда?.. Персис сдержала воображение.

Ограбление дома... и портфель исчез... и все домочадцы опосны... по крайней мере те, кого она нашла. Кто-то очень хорошо был знаком с домом... и решился на отчаянный поступок. И только один человек приходил в голову — Ральф Гриллон.

Лидия тоже исчезла...

Но как она могла согласиться ограбить собственного брата? Лидия сердилась на Крю за вмешательство в её жизнь, но Персис не могла поверить, что сестра предаст брата. Если только Ральф не имеет на неё гораздо большее влияние, чем они догадывались. Но зачем тогда он пытался использовать её, Персис, чтобы связаться с Лидией?

Она решительно закрыла дверь кабинета и направилась на кухню. Если там нет Мам Роз, Сьюки, второй служанки, придётся идти в гостиницу и поднимать постояльцев. Сохранившаяся способность составить план действий подбодрила её.

Персис открыла кухонную дверь. Вот здесь было светло, в очаге ярко горел огонь. Но девушка никого не увидела. Только...

Она застыла. Что-то шевельнулось у очага, развернулось, как змея. Поднялась голова, чужие глаза поймали её взгляд.

Аскра!

На индианке не было маски. Но двигалась она уверенно, словно знала, что её взгляд удержит Персис на месте.

Аскра медленно подняла руку, худую, как ветка, пальцы её казались корнями, выдернутыми из земли. И сделала жест; но она не подзывала к себе Персис, ночная встреча словно требовала какого-то ритуала.

Затем Аскра заговорила.

— Древние обычаи... что ты думаешь о древних обычаях, бледнолицая? — она чуть склонила голову набок, как хищная птица; её острый нос нацелился на девушку, как клюв.

— Какие древние обычаи? — Персис удалось набраться храбрости, чтобы задать этот вопрос. Но она тут же поняла — этот сон! Но откуда старуха знает, что ей снилось?

Аскра не ответила. Её презрительный взгляд показал девушке, что она знает.

— Священное место, давным-давно здесь дышали боги, — продолжала Аскра. — Но потом боги отвернули лица; они наслали дикарей, которые не были людьми. И дикари убивали, пока кровь не окрасила землю и море. Но им самим убийство не принесло ничего хорошего, потому что боги больше не смотрели и на них. Они отвечают только нам, своему народу! — старуха кулаком ударила себя в плоскую грудь. — Я могу вызвать богов, и послатели змей знают это! Могу призвать! И когда я делаю это, глаза и уши открываются. И спящие видят и слышат. Как видела и слышала ты.

Она приблизилась на шаг-два.

— В тебе скрыт ответ на старые беды и древние

обычай. Будь в тебе ещё и истинная кровь, я открыла бы перед тобой знания. Но ты не из нашего народа. И то, что я могу тебе дать, для тебя станет не даром, а тяжестью. Ты будешь видеть сны, но не сможешь ими управлять.

— Ты не... — Персис снова набралась мужества, собираясь возразить.

— Этого ты не остановишь.

Девушке показалось, что в глазах старухи промелькнуло злобное удовлетворение. Аскра как будто могла использовать и использует кошмары как оружие, направленное против племени, сменившего её народ. Но Персис требовалось не предупреждение, а информация.

— Где они? Капитан, Лидия? — она была удивлена и обрадована, что может спрашивать так решительно.

Глубоко посаженные глаза Аскры больше не удерживали её; индианка как будто растерялась.

— Тут бродило зло... — снова она сделала непонятный Персис жест. — Я услышала... и пришла... Друг в опасности.

Девушка догадалась задать вопрос:

— Капитан Леверетт?

Индианка достала из-под кофты перевязанный кожаный мешочек с торчащими из него перьями и маленькими раковинами, скреплёнными как бусы. Она сжала всё это ладонями, поднесла ко рту и подула. При этом она что-то заговорила, но так тихо, что Персис почти ничего не расслышала.

— Что с капитаном Левереттом? — снова спросила девушка, на этот раз громче, пытаясь прервать занятие старухи, получить разумный ответ.

Аскра взглянула на неё поверх мешочка. Выражение её тёмных глаз понять было невозможно. Потом она сказала:

— Он умрёт.

Слова эти были произнесены отчётливо и с такой окончательностью, что вначале даже не произвели впечатления на Персис. Потом лампа в её руке дрогнула.

— Что это значит? — она угрожающе направилась к старухе, на что не решилась бы мгновением раньше. Аскра явно что-то знала. — Что здесь произошло?

— Пришёл его враг. Двери для него были открыты. Всегда найдутся такие, кто поверит в ложь, потому что они хотят этого. Они забрали его, желая...

— Индейцы! — Персис вспомнила предупреждение, переданное канонеркой. Но разве индейцы оставили бы всех остальных: её, миссис Прайор, слуг?..

— Они боятся направлять сюда свои каноэ! — презрительно ответила Аскра. — Знают, что я могу вызвать богов и даже сейчас покончить с ними. Нет, ему следовало искать опасность в своём собственном доме. Но он был так же слеп, как великий вождь когда-то. Его предупредили, что молодая жена, которую он взял у чужеземцев, не очищена от их зла. Как предала она своего повелителя, так же был предан и капитан.

Слова Аскры звучали напевно, старуха раскачивалась, прижимая мешочек к груди.

— Аххх! Мужчины всегда глупеют, когда смотрят на женщину. Считают, что если у неё меньше силы в руках, её не стоит опасаться. Великий вождь умер по собственной глупости, и после него снова и снова смерть приходила от рук женщины, и те, кто захватывал эту землю, не получали от этого никакой выгоды. Ты несёшь с собой смерть, она лежит у тебя на груди. Я, Аскра, чувствую её. Старая смерть, старая кровь. И смерть не пришла бы к тебе, если бы ты её не позвала.

Персис отступала, пока не споткнулась о три ступеньки, ведущие от двери в кухню. Она быстро теряла контроль

над ситуацией. Старуха, с её пронзительным взглядом и ритмичной речью, казалась такой страшной, что по сравнению с ней разгневанный дядя Огастин выглядел бы запинаящимся школьником.

Смерть на груди — всер? Может, Аскра сама положила этот гибельный предмет, пока она спала?

— Она была сильна, эта испанка, — продолжала старуха, — сильна, как и её ненависть. В этом она была равна Древним. Мы умели ненавидеть. И использовать хитрость против врага. Да, мы знали это. Но нас предали, и боги отвернули от нас свои лица, потому что мы стали слишком слабым для них орудием. Но она... Может быть, боги взглянули на неё и сделали своими руками и ногами на земле. Она убила капитана морских акул и пролила его кровь на священную насыпь, как и полагается. И потом бросилась в море. А после смерти предводителя остальные стали лёгкой добычей для мстителей. Да, она знала. И ты знаешь, бледнолицая. Если бы у тебя не было истинного зрения, ты бы не стояла здесь, прижимая к груди её сокровище. Если считать годы, как делают люди, то всё меняется. Но для богов наши годы словно бусинки, которые легко скользят меж пальцев. И когда боги устают от них, бусы падают. Теперь настала пора нового изменения.

Я Аскра! — она держалась прямо и гордо. — Нскогда моя кровь говорила с вождями, указывала сделать то и сделать это. И то, что мы приказывали, чего желали, совершалось. Потому что в нас изливалась сила богов. Она согревала и обогащала нас. Но потом пришли белые, они убивали, разрушали наши священные места, надевали цепи на тех, кто не успел умереть. А те, кто спасся, кто сохранил в сердце и уме старых богов, те превратились в бродяг и разбойников.

Но мне было дано знать, что я должна вернуться,

потому что осталась здесь сила и я могу её вызвать, пусть только во снах. Ты видела сны, дочь чужаков... — старуха подошла, и лицо её теперь было всего в нескольких дюймах от Персис. — Есть в тебе что-то, что позволило войти в мои сны и вызвать этот кинжал мести. Ты не можешь теперь уйти, тебе не позволит твой внутренний дух. Разве не так?

Персис раскрыла рот, собираясь яростно возразить. Она лишь отчасти поняла сказанное. Но словно кто-то другой овладел девушкой. Невидимая сущность, которая делила с ней её тело, теперь вышла наружу.

— Это... это так! — и отрицание так и осталось непроизнесённым.

Аскра кивнула.

— Но эта сила не от моих богов, белая женщина. И я не могу тебе помочь. То, что ты должна сделать, ты сделаешь сама. Тебе предстоит встретиться со злом, и, может, в конце этой встречи тебя ждёт смерть. Но если ты действительно ищешь его, дорога перед тобой открыта.

Персис облизала губы. Из всей этой путаницы слов она поняла только, что Аскра знает, где Крю Леверетт, и что он в опасности. Она обязана ему жизнью, но не только поэтому она должна ему помочь. Вसर на груди девушки согрелся. Казалось, именно он вызывал у неё отчаянную решимость. Она и не подозревала, что способна на такое — и до такой степени. Персис вернулась к своему первому вопросу:

— Где капитан Леверетт?

Аскра отошла к очагу.

— Его увели вниз.

Отняв одну руку от мешочка, индианка указательным пальцем с длинным чёрным ногтем показала на пол у себя под ногами.

Цистерна! Персис медленно прошла вперёд, поставила лампу на длинный стол, наклонилась и взялась за кольцо крышки люка. Что это она собирается делать? Лучше поднять людей в гостинице, пусть они займутся поисками.

Не принимая сознательного решения, девушка наклонилась вперёд, крепче взялась за кольцо. Неожиданно свет погас. Удивлённая, она оглянулась через плечо. Индианка задула лампу.

— Ты хочешь, чтобы они узнали, что ты идёшь? — спросила старуха с тоном явного превосходства. Потом подняла ковёр и установила его между умирающим огнём очага и люком.

Протянув руку, она дёрнула девушку за юбку.

— В воде это нехорошо, белая женщина. Лучше сними.

Персис повозилась с пуговицами и шнурками, сбросила муслиновую юбку и две нижние. Теперь на ней оставались только панталоны и сорочка, потому что корсет с его бантами, кружевами и оборками она тоже сняла. Чувствуя себя голой, она подняла крышку люка, напрягаясь под её тяжестью, и Аскра даже не шевельнулась, чтобы ей помочь. Персис не могла бы сказать, почему она совершает такой невероятный поступок. Она словно оказалась в новом кошмаре, и не видела выхода из него. Она должна была выдержать до конца.

Глава четырнадцатая

Внизу было не совсем темно. Когда глаза немного привыкли, Персис поняла, что вода слегка светится. К тому же неподалёку слышались голоса. Девушка присела. С того места, где она стояла, поле зрения было ограничено, но она не собиралась безрассудно спускаться дальше,

пока не поймёт, что происходит в темноте, пахнувшей морем.

Как ни напрягала Персис слух, она не могла разобрать ни слова, слышала только голос, показавшийся ей мужским. Она пристально осмотрела воду внизу. Вода плескалась у каменного карниза, на котором виднелись следы более высокого уровня наводнения. Но Персис была уверена, что лампа, которая давала слабый свет, стоит не на этом карнизе.

Насколько можно доверять Аскре? Что если индианка уговорила её спуститься вниз, только чтобы захлопнуть дверь? Тогда Персис окажется в ловушке. В этот момент она усомнилась в своей храбрости. Спускаться ещё ниже во тьму... и никто, кроме Аскры, не знает, где она...

Но решимость, та часть Персис Рук, о которой она и не подозревала, продолжала исходить от всера-кинжала. Девушка всё время помнила об этом необычном оружии, оно прикасалось к ней, напоминало о себе не только физически, но и эмоционально.

Звук голоса по-прежнему доносился снизу. Возможно, их искажало расстояние. Персис пыталась вспомнить, что видела внизу, когда купалась. За цистерной открывается туннель, он ведёт мимо черепахового садка к каналу и в море.

Считая, что поступает глупо, но в то же время не в силах поступить по-другому, Персис подняла голову и посмотрела на Аскру.

— Если позвать людей из гостиницы... — проговорила она.

Рот Аскры искривился в широкой злой улыбке. Пальцем с длинным ногтем она провела у себя поперёк шеи.

— А что если смерть придёт раньше? До того, как они сюда добегут? Неужели страх — такой тесный плащ, что белая не может его сбросить?

Она чуть наклонила голову набок, глядя на Персис своими властными глазами.

— Время для богов ничего не значит. Но люди живут во власти времени.

Персис набралась решимости. Она удивлялась, почему Аскра сама ничего не делает, чтобы помочь Крю Левсретту. Ведь капитан действительно в опасности.

— Я служу только богам... — старуха выпрямилась во весь рост. — Только их приказы должна я исполнять. А белые им безразличны. Они разрушили их храмы, убили тех, кто в них верил. Если я сойду с предназначенной тропы, потеряю всю силу...

Персис поняла, что индианка верит в свои слова. Но Аскра продолжала:

— То, что могла, я уже сделала. Разве ты не здесь? Во всём доме только ты одна смогла ответить на мой призыв, — снова она изобразила в воздухе странный жест, который Персис не поняла. — Ты видишь и чувствуешь. Те, кто ушёл, могут действовать через тебя. Но это всё, что я могу дать тебе, белокожая.

Персис поняла, что согласно кивает. Здравый смысл велит звать на помощь. Но она теперь подчинялась чему-то превыше здравого смысла, которому её учили всю жизнь. Она вынуждена поступать так. И где-то в глубине сознания таилась мысль, что кто-то ею распоряжается. Как, по словам Аскры, всегда распоряжался ею. Выхода не было.

Девушка ступила на лестницу, прикосновение влажного и слизистого дерева под её руками было неприятно. Но она продолжала торопливо спускаться по ступенькам. Добравшись до карниза, она увидела, что свет исходит слева, еле заметный в туннеле для бегства.

Никого не было видно, и Персис прижалась к стене, так что коснулась её плечом. Всё то же принуждение заставило её двинуться в сторону туннеля.

— ...уютно, как жуку-долгоносику в бисквите.

Теперь слова звучали достаточно громко, чтобы она разобрала их. А в тоне сквозило злорадное веселье.

— Не беспокойтесь о нём, моя дорогая. Мы возьмём всё, что нам нужно, и ещё до того, как они проснутся и начнут поиски, будем уже в безопасности. Только взгляните на него: великий капитан Лесверетт связан, как свинья по пути на рынок.

— Ральф, Ральф... нам нужно уходить... не знаю, сколько они проспят...

Лидия! Вот только голос девушки потерял обычную уверенность. Она вот-вот расплачется.

— О, им потребуется время, чтобы отыскать своего повелителя и хозяина. А то, что у нас с собой, положит конец всем нашим затруднениям. Не думал я, что Лесверетт так глуп. Он слишком много держал наличности. А когда мы поженимся, моя дорогая, он не посмеет поднять крик. Мы объявим, что это ваше приданое.

— Но другая вещь? Этот портфель?

— Не тревожьтесь и об этом, моя дорогая. Эти бумаги стоят больше, чем то, что мы нашли в сейфе. Мы сможем поехать в Париж, любимая... что вы на это скажете? Вы ведь всегда хотели повидать мир... Ну, теперь у нас в руках ключ к этому.

— Но Персис...

— У Персис Рук, моя дорогая, теперь нет ни малейшей надежды получить то, за чем приплыл сюда старый дурак. Глупая женщина составила глупое завещание. Нарушить его, после того как исчезнут эти документы, будет так же легко, как вам окунуть пальцы в воду и потом стряхнуть капли. Как мило с его стороны... и с её тоже... держать всё это под рукой. Чтобы легче было отобрать! Мы просто-таки обязаны нарушить завещание. Эти высокомерные и богатые Руки хотят получить на-

следство Амоса. И понимаете, если бы они по-прежнему были богаты, им не потребовалось бы всё тут вынюхивать. Они бы сами ни за что сюда не явились!

Теперь в голосе его не слышалось веселья. Рука Персис инстинктивно коснулась кинжала. Голос Ральфа Гриллона оставался лёгким, но что-то в нём усилило внутренний холод, который грыз Персис с самого пробуждения в казавшемся покинутом доме.

— Ну, хорошо, девочка, мы отправляемся. Отдыхай спокойно, друг...

Послышался плеск, и Лидия вскрикнула:

— Не нужно, Ральф, вы едва не перевернули каноэ. Перестаньте!

— А вы никогда не думали, Лидия, что произойдёт, если ваш брат умрёт? Вы станете очень богатой наследницей. Что вы делаете, маленькая дурочка?

— Не надо хватать меня, Ральф. Я знаю, вы только шутите. Но вы оставляете Крю одного. Мы получили то, что нам нужно. Прекратите свои игры. Мне они не нравятся!

Ральф Гриллон рассмеялся.

— Ну, хорошо, любимая, как хотите. Я не жаден, во всяком случае, не очень жаден. Для одной ночи мы добились немало. Забирайтесь во вторую долблёнку и ложитесь. Я выведу её. На мне подходящие шляпа и тряпки. Все примут меня за краснокожую колдунью, домашнее животное Крю. Мы сможем пробраться на юг острова и пустим ракету.

— А если её заметят, Ральф?

— Не заметят. Я нашёл место между скалами, где огонь можно увидеть только с моря. А теперь — поехали!

— А что если Крю найдут до прихода вашего корабля?

— Никакой вероятности. Я всё спланировал хорошо, моя дорогая, очень хорошо. Это мой лучший шанс. Ваш

тоже, конечно. Думайте о Париже, Лидия, и лежите спокойно. Всё будет, как я обещал.

Персис услышала плеск, с какими весло опускается в воду. Свет потускнел и совсем исчез. Она крепко зажала рукой рот. Здесь карниз кончался, дальше шёл только узкий выступ, которого она в темноте не видела. Она не может идти по такому скользкому и узкому пути. Но придётся!

В конце концов она начала продвигаться дюйм за дюймом, скорчившись по-лягушачьи, опустив одну руку в воду, чтобы не потерять устойчивости. Из слов Ральфа она поняла, что Крю, беспомощного, оставили в лодке. Но привязана ли лодка или уже уплывает от неё?

И тут она ударилась рукой о дерево так сильно, что едва не закричала. Ощупала то, к чему прикоснулась: край каноэ, совсем рядом с узким выступом, на котором она стоит. Но... в каноэ вода!

Ужаснувшаяся Персис опустила дрожащую руку глубже, нащупала мокрую ткань, тело под ней. Ральф... Ральф должен был знать, что в каноэ вода... он хотел, чтобы жертва утонула!

Левой рукой девушка высвободила лезвие кинжала из ножен всера, правой ощупывая тело. Наконец её пальцы наткнулись на верёвку. Не зная, сколько у неё времени осталось, она принялась пилить кинжалом. Голова Крю лежала в воде. Может, он уже утонул?

Тело было неподвижное и холодное. Неожиданно оно шевельнулось, поднялась рука, едва не сбросив её с узкого настила.

Она обрела дар речи, увидев этот признак жизни.

— Лежите спокойно, чтобы я смогла вас освободить.

Но рука отодвинулась от неё, и послышался хриплый шёпот, словно из горла, которым не часто пользовались для речи:

— Лодка через минуту затонет: Поддержите меня...

Персис поискала в темноте, нашла мускулистое предплечье и ухватилась за него.

— Этот выступ... он очень узкий, — предупредила она.

— Знаю. Просто поддерживайте меня. Мне кажется, я сумею сам сбросить верёвку.

Плеск засвидетельствовал, что он это делает. Потом девушка услышала облегчённый вздох.

— Сделано. Но не думаю, чтобы я смог к вам подняться. Придётся уходить через канал.

— Я могу вернуться... позвать на помощь... — Персис спрятала кинжал в ножны и встала.

— Боюсь, я так долго не продержусь, — в голосе капитана, однако, не было слышно страха. — Если сумеем перевернуть каноэ, оно будет держаться на воде, а я смогу держаться за него. Но Гриллон, конечно, вернётся, чтобы убедиться, что я мёртв.

— Лидия не позволила бы ему... — начала возражать Персис.

Ей ответил из темноты смех, в котором не было ничего весёлого.

— Лидия скоро поймёт, что теперь, когда она уже послужила Ральфу Гриллону, она для него больше ничего не значит. Он придумает правдоподобную историю, чтобы успокоить её. Скажет, что в каноэ была течь, которой он не заметил. Но он жаждет моей смерти, и это так же верно, как если бы он целился в меня из пистолета.

Персис с растущей уверенностью и страхом поняла, что не может помочь Крю выбраться из воды. У неё просто не хватит для этого сил. Направив пальцы его здоровой руки к краю выступа, она почувствовала, как он вцепился в мокрый камень.

— Теперь попробуйте перевернуть лодку, — приказал он. Тон капитана был такой, словно он просит её отдёр-

нуть занавес или зажечь свечу. Персис наклонилась, провела руками вдоль края туземной лодки. Та едва выступала из воды. Девушка послушно потянула, прикладывая все силы, какие могла собрать в такой позе. Дерево, за которое она держалась, было скользкое, такое трудно удержать, но девушка дёргала изо всех сил.

Ей самой плеск казался очень громким. Она только надеялась, что Ральф уплыл далеко и не услышит.

— Он не доверится только этой небольшой хитрости, — Крю говорил в темноте задумчиво, как зритель, а не как жертва предумышленного убийства. — Он не успокоится, пока собственными глазами не убедится, что я мёртв.

Персис всё больше сердилась — не на Ральфа Грилло-на и не на Крю, а на неуклюжую лодку, которая упрямо сопротивлялась её усилиям. Она сильно дёрнула, больше не обращая внимания на своё неустойчивое положение, и каким-то чудом край лодки наконец-то покачнулся. Послышался громкий всплеск. Ценой двух сорванных ногтей и царапины на руке она перевернула каноэ вверх дном. Пальцы её нащупали две дыры в днище.

— Готово, — прошептала она, переводя дыхание. — Но разве она вскоре не затонет? Тут две дыры. Дно пробито.

— Может быть, — Крю Леверетт не казался встревоженным. — Но я думаю, что до черепашьего садка она меня продержит. Он окружён столбами ограды, и я смогу просунуть меж них голову. Так легче будет держаться. Конечно, если бы не прилив...

Персис прижала исцарапанную руку к груди.

— Прилив! — об этом она не подумала. А одно только упоминание о черепашьем садке заставило девушку вздрогнуть.

— А что если вы схватитесь за каноэ, а я подтащу его

к домашнему бассейну? Тогда я смогла бы позвать людей...

Крю снова рассмеялся. Смеялся он долго, так что её смех уже казался ненавистным.

— Не нужно недооценивать Ральфа, — сказал он наконец. — Он наверняка оставил наблюдателей за домом. Неужели вы думаете, что вам позволят добраться до вашей комнаты?

— Там Аскра, на кухне. Это она сказала мне, что они увели вас сюда...

— Аскра пальцем не шевельнёт, чтобы помочь. Зачем это ей? Для неё наш народ — захватчики и убийцы. Она живёт в прошлом, которое принадлежит только ей, и её оттуда не извлечь. К тому же я не смогу подняться по лестнице с одной рукой.

— А как вы спустились? — Персис не хотелось сдаваться. Ей казалось, что она нашла самый безопасный выход.

— Я думаю, меня спустили на верёвках. Я не очень хорошо это помню. Кажется, Лидия была занята весь день. Готовила напиток, чтобы можно было со всеми легко справиться. Маленькая дура! Надо бы позволить ей уйти. Так она скорее бы поняла, что Гриллон вовсе не герой, о котором она мечтает. Он сообщил ей свою версию происходящего и пообещал луну и все звёзды впридачу. А она достаточно слабоумна, чтобы поверить ему! — это прозвучало очень горько.

— Она не позволила ему причинить вам вред, — возразила Персис. — Я слышала...

— Лёгкие остатки порядочности, когда уже ничего нельзя изменить, — ответил Крю. — А теперь... можете пододвинуть каноэ поближе?

— Оно скользкое, вы не удержитесь! Подождите...

И прежде чем страх остановил её, девушка опустила

с карниза, держась левой рукой за перевёрнутое каноэ. Лодка опустилась глубже, плеснув ей водой в лицо. Но не утонула, и Персис обнаружила, что может держаться за неё, так что голова и плечи оставались над водой.

— Что вы делаете? — хрипло спросил Крю Леверетт.

— Держитесь.

Отталкиваясь ногами, она начала продвигать каноэ вдоль стены. И к своему удивлению и в растущей уверенности обнаружила, что её усилия не напрасны! Она смогла придвинуть почти затонувшую лодку к тому месту, где висел Крю.

— Я толкаю каноэ к вам, — объяснила она. — Вы правы, оно нас поддержит...

— Нас?! — слово это прозвучало, как пистолетный выстрел.

— Нас, — твёрдо повторила она. — С одной рукой вы не справитесь. Об этом даже думать глупо. Нет, скажите мне, когда...

Послышался удар и приглушённое восклицание. Нос или корма лодки ударили его.

— Можете воспользоваться здоровой рукой?

Она слышала плеск, бормотание, потом лодка ещё глубже осела, так что волны коснулись шеи Персис. Но по крайней мере голова оставалась над водой.

— Как вы? — с дурным предчувствием воскликнула она.

— Хорошо. Но вы... убирайтесь отсюда!

— Нет! — в это однословное отрицание Персис вложила всю свою упрямую решительность. — Один вы не справитесь и знаете это. Далеко черепаший садок?

— Не очень.

Он больше не возражал. Они двинулись очень медленно, со скоростью улитки. Судя по движениям лодки, Персис поняла, что капитан тоже использует ноги, чтобы

поддержать движение неуклюжего судна на воде. Неожиданно Персис ощутила уверенность в себе, какой в жизни не испытывала. Она сделала это, сумела! Выплюнув воду, которая неожиданно плеснула в лицо, она сосредоточилась на необходимости двигать лодку, толкать её вдоль стены туннеля.

Но вот она почувствовала, что стена, которая служила им проводником, как-то изменилась. Осмелившись отцепиться от лодки, она ощупала стену и обнаружила, что вместе с ней теперь торчат столбы, а между ними свободно протекает вода.

Садок! Она попыталась не думать о существах, которые громоздко движутся за этими столбами. Чуть позже заговорил Крю:

— Вы его нашли.

Но Персис, коснувшись столба, вдруг испугалась. Прочные столбы были сплошь вымазаны слизью. Крю не сможет держаться, да и отверстия между столбами слишком узкие. С раненым плечом ему не справиться.

— Вы не сможете удержаться здесь, — решительно заявила она. — И вернуться не сможете.

— Я и не собирался, — холодно ответил он. — Мы должны пройти через садок...

— Через садок! — ей хотелось вздрогнуть, но она боялась, что даже такое лёгкое движение нарушит их непрочное равновесие.

— Если Ральф оставил своих людей — а я не считаю его настолько глупым, чтобы он этого не предусмотрел, — они будут ожидать, что мы попытаемся уйти через канал. Наш единственный шанс — пробраться через садок и попытаться выйти на насыпь с севера.

Персис стиснула зубы. Она понятия не имела, что сделают гигантские черепахи с мягкокожими людьми в своих владениях. Но если это их единственный шанс...

— Попробуйте столбы. Их уже год не обновляли, — продолжал Крю. — Должны найтись прогнившие. Каждый год мне приходится заменять два-три.

Персис двинулась очень осторожно, одной рукой держась за каное. Пальцами другой руки она касалась столбов чуть выше уровня воды. Ей все они казались крепкими и словно сделанными из стали. Один... два... три... четыре... пять... в шестом она не была уверена. Под пальцами со сломанными ногтями поверхность показалась чуть рыхлой. Персис старалась не думать о том, что находится за этими столбами. Если Крю сказал, что это единственный выход, значит, так оно и есть. В тот момент она даже не подумала, что воспринимает его решение безоговорочно.

— Нашли? — в голосе не прозвучало нетерпения, однако что-то сё встревожило. Может быть, он устал? Она должна скорее найти выход! Если Крю потеряет сознание... Несмотря на всю свою решимость и силу, она не сможет ему помочь.

Персис нащупала кинжал. Одной рукой извлекла лезвие и принялась пилить столб, который показался самым податливым. После первоначального сопротивления дерево начало поддаваться.

Она продолжала лихорадочно пилить. Вода заливала её лицо, из-за всех приходилось напрягать шею, чтобы иметь возможность дышать. Но девушка продолжала сражаться. Держа кинжал в одной руке, другой оценила результаты своей работы. Да, этот столб вполне можно перепилить.

— Нашла... я его срезаю... — сообщила она.

Но оставалась ещё твёрдая сердцевина, которую требовалось переломить.

— Держитесь, — голос Крю подбодрил её. — Я передвинусь, и вам придётся сдать назад. Буду действовать постепенно. Раз...

Персис снова убрала кинжал в ножны. Попятилась от лодки. Чуть позже лодка под ней приподнялась. Она держалась за неё обеими руками и молилась, чтобы та не затонула окончательно. Крю двигался вдоль лодки к ограде.

— Два... — снова при счёте Персис изменила позицию, восстановила равновесие. Крю приблизился. Пришлось немного подождать, чтобы окончательно поменяться местами.

— Три... — Персис выплюнула воду, попавшую в рот. На этот раз она была уверена, что от перемещения Крю их ненадёжная опора затонет.

Она услышала хлюпающий звук в темноте и представила себе, как за столбами их ждёт гигантская черепаха. Каноз снова опасно накренилось. Девушка забила руками, опасаясь потратить свою хоть и ненадёжную, но всё же опору. Послышался новый звук — треск, и затем голос Крю:

— Открыто. Но лодку нам не протащить.

— Тогда как?..

Она ведь не умсет плавать. Да и Крю, плечо которого плотно перевязано доктором Вирингом, а рука на перевязи висит на груди, тоже не сможет.

— Двигайтесь назад ко мне, — его голос звучал всё так же уверенно и сдержанно. Она почувствовала негодование. — Держитесь за столбы. Здесь неглубоко. И у нас нет выбора.

И вот снова дюйм за дюймом двинулась она вдоль края каноз. Но на этот раз оно всплыло выше, и Персис догадалась, что Крю держится теперь за ограду. И тут рука её снова коснулась промокнутой ткани с сильным мускулистым телом под ней.

— Хорошо. Столбы здесь.

Девушка слепо вытянула руку, другой продолжая дер-

жаться за Крю, как будто даже смерть не могла оторвать её от капитана. Он двинулся вперёд, потащив её за собой.

Черепахи! Персис внутренне съёжилась, ожидая, что вот-вот мощные челюсти сомкнутся у неё на ноге или руке. Но хотя ей и послышался плеск, доносился он издалека. Может быть, черепахи так же боятся её, как она их.

Она неуклюже барахталась в воде, ощущая густой неприятный запах. Но впереди... да, впереди показался свет. Тьма, которая окружала их после ухода Лидии и Гриллона, начала рассеиваться. Может, они уже у выхода наружу?

— Вдоль стены, — скомандовал Крю, по-прежнему спокойный и уверенный, и его голос окончательно привёл девушку в себя. Снова протянув вперед руку, она нащупала твёрдую каменную поверхность. Но здесь оказались опоры для рук, она их сразу нашла.

— Вы... ваше плечо...

— У нас целых три здоровых руки, так что справимся. Тут недалеко. Двигайтесь!

И Персис подчинилась и направилась к полоске света в темноте.

Глава пятнадцатая

Крю сказал, что недалеко; Персис это перемещение в пространстве и времени показалось многодневным. Всё её тело болело от усилий. Она постоянно останавливалась у стены садка и крепче цеплялась за своего спутника. Ей хорошо было слышно его напряжённое дыхание: он словно до предела напрягал силы. Но они не разговаривали, сберегая энергию.

Однажды девушка едва не закричала, почувствовав чьё-то прикосновение в воде. Наверное, одной из пой-

манных черепах. Но постепенно успокоилась: животное не нападало, напротив, оно ушло подальше. Они продолжали путь, хотя всё чаще руки её скользили по столбам и она не могла найти опору.

Потом...

Ещё столбы, а за ними серый свет. Персис прижалась лицом к столбам и увидела впереди освещённую луной воду.

— Ворота здесь, — Крю по-прежнему был спокоен, хотя голос прозвучал слабее. — Щеколда снаружи. Слева от вас. Сможете дотянуться?

Персис перебиралась от одного столба к другому, пока не сумела просунуть наружу исцарапанную руку почти по плечо. Пощупала снаружи и действительно нашла щеколду, о которой говорил Крю. Та удерживалась штифтом — деревянным стержнем. От воды этот стержень разбух и не поддавался рывкам. Наконец Персис снова достала кинжал и принялась строгать производивший впечатление стального стержень.

Как раньше пилила она столбы, не пропускавшие их в садок, так теперь неловко обстругивала стержень. Теперь девушка черпала силы в отчаянии. Ей не требовалось предупреждение Крю: его силы тоже наверняка подходили к концу, он не сможет ещё долго держаться одной рукой.

Наконец Персис удалось глубоко всадить лезвие в верхний конец стержня, и она потянула изо всех оставшихся сил. Штифт неожиданно вылетел, ворота распахнулись, и она оказалась в мелком озере, которое с трёх сторон омывает насыпь. Персис держалась за ворота, свою единственную опору.

— Крю! — волна плеснула ей в лицо, полузаглушив этот призыв.

Капитан не ответил, и она протянула руку в открытые

ворота. Нашупала мокрую ткань. Он упал! Голова под водой! Ну почему она не научилась плавать? Девушка попыталась приподнять его голову, плечи её разрывались от боли. Мужчина никак ей не помогал, а его вес в воде оказался для неё чрезмерным.

В лунном свете Персис увидела совсем недалеко склон насыпи. Лишь бы дотащить его туда!

Она услышала вздох, и капитан чуть пошевелился.

— Крю, насыпь!

Он не ответил, но голова его поднялась над водой. Капитан протянул здоровую руку, и девушка схватила её. Дальше столбы садка... они доходят почти до самой насыпи... если она сможет двигаться вдоль них...

— Плыть... — она едва разобрала это слово. — Поверни на спину... я поплыву...

Он чуть пошевелился. Персис потребовалось какое-то время, чтобы понять смысл его слов. Не разжимая руки, она принялась переворачивать его на спину, как совсем недавно каноэ.

Когда это было сделано, девушка просунула свободную руку ему под голову, чтобы лицо оставалось над поверхностью воды и он мог дышать, и принялась подтягиваться к суше.

И снова ей казалось, что они плывут целую бесконечность. Дыхание вырывалось короткими рывками, воздух перестал заполнять лёгкие. Персис надеялась только на одно: что вот-вот почувствует под руками твёрдую землю, усеянную ракушками.

И она так устала, что когда колени её под водой задела склон насыпи, она не могла верить, что битва выиграна. Но вот и руки ударились о твёрдую землю со впрессованными в неё раковинами, и боль от удара привела её в себя быстрее любого окрика.

Персис повернула голову. Слева располагался небольшой причал. Именно к нему приставала в своём каноэ

Аскра (казалось, это было уже много лет назад). Персис поняла, что у неё не хватит сил; чтобы подняться на причал. С другой стороны круто обрывался склон насыпи. И на него она не сможет забраться и втащить Крю. Тем не менее девушка проползла вперёд, несмотря на острые края ракушек, и подтащила Крю повыше, так что голова его была теперь не в воде.

Что дальше?

Где-то должна быть тропа, по которой поднималась Аскра, когда приплывала на остров Исчезнувшей Леди. Скорее не тропа, а ряд ступенек, выбитых в земле. Может, после отдыха ей удастся подняться по ним. Но она была уверена, что Крю этого сделать не сможет. А если его оставить здесь... Начинается прилив, и вода смост его с насыпи. Крю утонет, как и планировал Ральф Гриллон.

— Значит, ты ещё жив, белокожий...

Пристань пряталась в тени от насыпи и дома. Персис никого не видела, и странный свистящий голос мог исходить даже от черспахи.

— Жив... Призывающая Мёртвых... — ответил голос Крю, едва ли громче шёпота. Персис ещё не пришла в себя от неожиданности.

— Без причины мёртвые не отзываются. Спроси у твоей женщины, какая у них причина.

Персис обрела наконец дар речи.

— Нам не нужны загадки. Аскра, позови на помощь!

И услышала в ответ хриплый смех.

— На помощь? Единственная помощь, белокожая, которую ты найдёшь сегодня ночью, отнимет у тебя жизнь.

— И ты... — на этот раз голос Крю прозвучал устойчивей, в нём слышался отголосок прежней властности. — Я справедливо обходился с тобой, Аскра...

— Я не вступаю в сделки, — ответила невидимая ведьма или жрица. — Я Аскра, и боги, которым я служу, теперь далеко. Они давно ушли.

— Может быть. Но ты-то здесь, и твоя сила с тобой, — продолжал Крю. — В нашем времени и в этом месте у тебя остаётся оружие и возможности...

Снова тот же смех.

— Ты открыл передо мной свой дом, капитан, но это не значит, что ты можешь мне приказывать. Есть силы, которые даже я не могу призвать. Спроси свою женщину: она знает. У белокожих другие силы...

— Я ничего не прошу у твоих сил. Только помоги мне подняться, чтобы я мог использовать свои силы.

Долго не слышалось никакого ответа. Персис даже подумала, что Аскра ушла в темноте.

— Я не вступаю в сделки! — наконец раздались высокомерные слова. — Луна зовёт за воды, и я должна быть со своими богами. Оставаться стоять здесь — оскорбление для них. Но... вот что я сделаю. Постарайтесь воспользоваться. И делаю я это только потому, что ты не говорил плохо о моих богах и не запрещал мне искать их. К тому же прежде чем ночь кончится, ты можешь пожалеть, что я сделала даже это!

Что-то пролетело в воздухе и упало на Персис и Крю, лежавших у основания насыпи. Персис протянула руку и нащупала верёвку.

— За твою помощь... — начал Крю, но старуха из темноты быстро прервала его.

— Я не помогаю. Прощай, — она перешла на какой-то гортанный язык, слова которого Персис перестала понимать. А Крю уже потянул за верёвку.

— Возьмитесь покрепче и подтянитесь из воды, — приказал он, и Персис подчинилась, не понимая, откуда берутся у неё силы. При помощи верёвки она смогла

продвинуться вдоль края насыпи и почти целиком выбраться из воды. Добравшись до маленького причала, она поднялась на настил. Аскры нигде не было видно. А Персис-то надеялась, что индианка поможет ей вытащить Крю наверх. Она повернулась и изо всех сил принялась тянуть сама.

Когда над краем причала показалась голова Крю, девушка не могла поверить, что это им удалось. Но когда он наконец выбрался на омытые волнами доски, она упала совсем без сил. Его фигура на фоне освещённого луной канала и озера казалась какой-то искажённой из-за плотно перевязанного плеча. Она тупо смотрела на его голые ноги, которые торчали из-под промокшей ночной рубашки. И только тут осознала свою собственную почти полную наготу.

— Как вы себя чувствуете? — как и в разговоре с Аскрой, в голосе капитана снова слышались властность и уверенность. — Вы должны понимать, что наши неприятности ещё не закончились. Гриллон, если у него есть хотя бы столько ума, сколько у придурка, — а уверяю вас, он гораздо умнее, — должен был оставить здесь охрану. Он не так глуп, чтобы являться на берег в одиночку, даже с помощью Лидии...

Персис прислушалась. Но слышала только плеск воды и собственное тяжёлое дыхание.

— Ваши люди... гостиница... — прошптала она: они лежали совсем рядом.

— Не сомневайтесь, добраться туда нам было бы дьявольски трудно, — капитан не пытался приукрасить положение. — И за главной пристанью, и за гостиницей должны наблюдать. Когда Гриллон взломал мой сейф, он сделал последний шаг, превративший его в преступника. Если я мёртв, он может попытаться захватить остров Исчезнувшей Леди.

— Они забрали и портфель дяди Огастина, — Персис опустила лоб на поднятые колени.

— Да, потеря документов вызовет юридические затруднения. А с ними у вас были очень хорошие шансы, — Крю медленно поднялся на колени, словно хотел сберечь силы.

— Но что, если я не найду документы? — спросила Персис. Она так устала, что это её почти не тревожило.

В этот момент она даже позабыла о своей частичной наготе. Панталоны прилипли к ногам, как кожа, изорванная сорочка насквозь промокла. Но всё это теперь казалось неважным. И то, что они живыми вырвались из этого кошмарного подземного путешествия, всё ещё слегка удивляло её.

Девушка продолжала лежать, слишком истощённая, чтобы думать о будущем. Но оцепенение нарушил голос Крю.

— Они будут ждать нас на большом причале...

Персис слегка повернула голову. Лампа, которая всегда по ночам горит на пристани, теперь погасла. В лунном свете всё казалось чёрно-белым, и никакого движения среди ящиков и бочек не было видно.

— Должны охраняться и склады... — он словно рассуждал вслух. — А нам нужно добраться до Джонни Мейсона...

Это имя ничего не сказалось Персис. Для неё самое главное было — держаться подальше от воды, и все силы её отняла недавняя борьба. Но капитан положил руку ей на плечо, тёплую руку на обнажённое плечо, выступавшее из-под порванной ткани.

— Идти сможете? — с прежней решительностью спросил он.

Персис глотнула. Крю Леверетт должен быть в худшем состоянии, чем она, но теперь, когда капитан оказался на берегу, в голосе его зазвучало прежнее нетерпение.

— Мы не можем оставаться здесь, — продолжал он. — Нужно добраться до помещений слуг.

— Но как? — огромная усталость заставляла девушку говорить шёпотом.

— Есть тропа по склону насыпи. Потом обогнём дом сзади. Мне нужно предупредить Мейсона...

Персис не шевельнулась.

— Идите... если можете...

— Нет! — лёгкое прикосновение к плечу сменилось крепкой хваткой. — Ральф не стал бы действовать, если бы ему помогала только Лидия. Я знаю: он говорил, что сигналом вызовет свой корабль, но я не верю, что у него нет на берегу союзников. Мы должны оба укрыться... в безопасном месте.

— Не могу, — ответила Персис. Ответила как могла решительно.

— Можете! — возразил он с такой же решительностью.

— К счастью, свет луны сюда не доходит, и мало кто пользуется тропой Аскры. Мы пойдём, даже если придётся ползти.

И так потянул девушку, что она застонала, но каким-то чудом встала на ноги. Казалось, даже ночью хозяину острова Исчезнувшей Леди не нужен проводник. Потому что он уверенно повёл её по склону насыпи. Персис шаталась и спотыкалась, но продолжала идти, хотя ей всё время хотелось закричать, когда босые ноги наступали на острые раковины.

— Сюда! — Крю оставил её и поискал дорогу там, где кончалась маленькая пристань. — Да! — он заговорил быстрее. — Вот она. Встаньте на четвереньки, если нужно, но продолжайте двигаться. Если нас увидят люди Гриллона... — он продолжал с расчётливой жестокостью, — удар по голове и бросок в канал решат все их проблемы.

Персис поверила ему, но даже страх притупился под

гнётом усталости. Она нащупывала еле заметные ступеньки на склоне насыпи. И шла очень медленно, удивляясь не тому, что обнаруживает их в темноте, а тому, что капитан, пользуясь всего одной рукой, находит в себе силы, чтобы подниматься.

Дом казался чёрным пятном на фоне неба, он закрывал луну, в окнах ни огонька свечи или лампы. Но они не стали подниматься на веранду. Напротив, Крю повернул направо, огибая насыпь. Они миновали второй угол здания и оказались на площадке, на которой миссис Прайор развешивала для просушки одежду Персис.

— Теперь вдоль дороги, — прошептал Крю. — Хижина Мейсона первая в ряду. Он достаточно хитёр, чтобы послужить нам разведчиком и узнать, что произошло.

— Крю... — Персис не прислонилась, а скорее упала на куст. — Крю... слушайте!

В подземных проходах, полных воды, она всё время слышала плеск волн, в ужасе прислушивалась к выдохам черепашек. На берегу можно было услышать шелест насекомых, раз или два крикнула ночная охотящаяся птица.

И неожиданно всё стихло, совершенно стихло. Как будто вся жизнь острова затаилась и прислушивается. Её спутник должен понять, что произошла неожиданная перемена в окружении.

Потом холод... холод, который не имел ничего общего с только что пережитым испытанием. Но она уже испытывала такой холод, он поднимался изнутри.

Наконец-то послышался и звук. Но Персис готова была поклясться, что он порождён не ветром, не шорохом травы. Звук продолжался в темноте двора. Персис подняла голову, уже зная, что увидит: сверкающие огоньки, которые мелькают взад и вперёд в правильном рисунке. Опять то же присутствие. Знает ли оно о них, как они о нём?

Персис прижала избитый и исцарапанный кулак ко рту, чтобы не закричать. Лежащий на груди кинжал словно приобрёл дополнительную ледяную силу.

Шорох... невидимые юбки... широкие, накрахмаленные... их носят с гордостью... они прошелестели мимо. Пляска огоньков не меняла ритм, продолжала своё гордое движение вперед и назад. Но... никого там не было... Глазами Персис никого не увидела.

Девушка закрыла глаза и другой рукой лихорадочно извлекла кинжал. Именно его она ищет... давно ищет?

И в её сознании возникли мысли, не её мысли, но они проникали в мозг очень легко, несмотря на всё её отвращение. В полумраке шла женщина, тёмная, но с белой кожей. И гордость окружала её, как плащом или доспехами. И никакая злая сила не способна пробить эту гордость.

Она сама сила, эта женщина. По-своему она так же велика, как Аскра. Хотя опирается на силы природы, а не на мощь давно умерших богов. И в конце пути она встретила смерть — единственную расплату за осквернение души и тела. Но не только собственную смерть.

Персис открыла глаза. Кинжал-веер в руке казался куском льда. Он более не принадлежал её миру.

Она больше не слышала шороха юбок. Но танец огоньков продолжался, вперед и назад, медленно, вяло, зачаровывая тех, кто его видит.

Персис шагнула вперед, хотя всё её существо сопротивлялось этому. Она больше не сознавала присутствия Крю. Это только между ней и той — той, что привязана к этому месту так давно.

Убийство... то, что она держит, когда-то принесло смерть. А потом, может быть, послужило и орудием самоубийства. Высокая цена, но Персис знала, что та незнакомка готова была её заплатить.

— Что с вами? — нетерпеливо спросил Крю.

Разве он ничего не видит, не чувствует? Девушка напряглась. Что с ней? Какая-то иллюзия, вызванная тяжёлым испытанием? Но такой ответ не удовлетворил её. Она облизала губы кончиком языка, ощутила вкус соли морской воды.

— Вы не видите её? — Персис хотела удостовериться, что не сошла с ума.

— Кого её?

Снова она облизала губы и заставила себя произнести слово, которое только и докажет, что она не в себе:

— Испанку...

Потому что она по-прежнему была здесь. Хотя увидеть её оказалось невозможно, только воспринять перенапряжённым сознанием. В воздухе висели медленно передвигающиеся огоньки. Конечно, это же камни весра! Того самого весра, что должен лежать в сундуке Лидии. Который она показывала как редкое сокровище гостям.

Персис ожидала, что Крю рассердится, даже скажет, что у неё бред. Но, к её изумлению, голос его оставался спокойным и ровным. Капитан даже спросил:

— Где она?

Персис каким-то образом смогла поднять руку. Она сама почти не видела испанку, хотя белизна руки сделала её заметнее. И указала на искорки.

— Вон там.

— Вы её видите? — по-прежнему спокойно поинтересовался он.

— Нет. Не на самом деле. Только с закрытыми глазами. Но веср! Она держит веср! Эти танцующие огоньки. Разве вы их не видите?

Ей так нужна была поддержка, так хотелось знать, что ум её действует, он не перенапряжён ночным испытанием.

— Не вижу...

Персис почувствовала, словно съёживается изнутри. Вот как сходят с ума, утрачивают рассудок!

— Но она никогда не показывалась мужчинам.

Мгновение Персис не могла понять, о чём он говорит. Он... он говорит так, словно верит ей! Но как это возможно? Такие суеверия рождаются только в неустойчивых, склонных к истерии умах. Девушка рассмеялась, и смех её прозвучал неожиданно громко, но тут капитан ударил её по щеке открытой ладонью. Персис подавилась смехом и овладела собой.

— Я... я не сошла с ума... — она не знала, вопрос это или утверждение.

Крю Леверетт ничего не ответил на эту её полумольбу. Держа Персис здоровой рукой, он спросил с прежней властью:

— Где она?

— Прямо впереди, за углом дома.

— Она стоит лицом к нам или от нас?

Персис не понимала, почему он спрашивает. Ведь это галлюцинация и никакого значения для него не имеет.

— Она прошла мимо нас. А сейчас... сейчас она уходит! — ей казалось, что странный шорох юбок снова заполнил воздух, а всер машет чуть быстрее.

— Хорошо... мы пойдём за ней...

— Почему?

Там же ничего нет, не может быть!

Персис попыталась высвободиться. Но если ночное испытание и ослабило мужчину, теперь к нему вернулась прежняя сила: девушка обнаружила, что вырваться не может.

— Мы пойдём за ней, — вот и всё, что он сказал. И поскольку Персис была слишком слаба, чтобы сопротивляться, она послушалась. Оба они уже шатались на ходу.

Девушка дважды вскрикивала, наступая босыми ногами на разбитые раковины. Но больше не пыталась спорить со своим спутником. Впереди показалась дверь в кухню. Персис смотрела на стену и дверь в ней. Если бы она смогла добраться до дома. Несмотря на всё происшедшее ночью, его толстые стены, казалось, обещают безопасность.

Но когда девушка попыталась высвободиться и повернуть к дому, капитан сильнее сжал её руку, пока она не застонала от боли. Казалось, меньше всего Крю Леверетт хочет оказаться в собственном доме. Напротив, он заставил её двигаться вслед за невидимыми юбками, шорох которых она продолжала слышать. Они оба сошли с ума, решила наконец Персис, и необычное спокойствие охватило её перенапряжённые нервы. Это было единственное возможное объяснение.

Глава шестнадцатая

Они, спотыкаясь, прошли по дамбе, которая соединяет дом с той частью острова, где расположены хижины слуг. Светила луна, и Крю старался использовать каждую тень. Дом, который казался Персис единственным убежищем, остался позади. В чёрно-белой ночи их мог преследовать кто угодно.

И тут — испанка исчезла!

Исчез и холод. Не стало видно мелькания опалового всера, пропал шелест юбок. Впереди тянулся ряд хижин.

— Она исчезла... — Персис шёпотом сумела произнести эти два слова.

Крю рядом с ней пошатнулся и едва не упал. Персис положила его здоровую руку на свои почти обнажённые плечи, поддерживая его. Вместе они добрались до крайней хижины.

Голос Крю звучал еле слышно.

— Постучите в дверь!

Она так устала, что ей трудно было даже поднять руку, чтобы выполнить его приказ.

За завешенными окнами хижины не появилось никакого света. Персис продолжала стучать, пока наконец из-за двери не спросили:

— Кто там?

— Мейсон...

Приглушённое восклицание изнутри. Персис слышала, как отодвигается запор. Дверь открылась внутрь, хотя они увидели только темноту.

— Капитан! Это вы?

— То, что от меня осталось, — во весь голос пробурчал Крю, как и тогда, когда он на насыпи просил помощи у Аскры. — Впустите меня, и побыстрее!

— Сейчас, капитан!

Они ввалились внутрь, и сильные руки подхватили капитана. Персис высвободилась от его тяжести и ухватилась за дверь, иначе она могла бы упасть. Тут подхватили и её и втащили внутрь, дверь захлопнулась. В темноте было хорошо слышно, как затвор поставили на место.

— Капитан, что случилось?

— Гриллон на берегу, и не знаю, сколько с ним его громил. Поищи наших людей в гостинице. Он считает меня мёртвым. А может, только надеется.

— Капитан! Сюда. Керри, зажги лампадку. Света немного, капитан, но всё же лучше, чем ничего.

В темноте послышались звуки чирканья кремня, вспыхнула искорка, а потом свет, действительно такой слабый, что едва достигал краёв грубой чашки, в которой плавал фитиль. Чашка сильно пахла рыбой. Так сильно, что Персис затошнило.

Она сидела на стуле, куда её усадили; окровавленные

и исцарапанные руки вяло лежали на коленях, каждый спянок, который она посадила в течение ночи, добавлял свою боль к боли усталого тела.

— Керри! — голос Крю доносился до девушки словно с большого расстояния. Голова у неё кружилась. Когда она пыталась на что-нибудь посмотреть, это что-то сразу начинало кружиться. — Керри, позаботься о леди.

Между нею и крошечным огоньком промелькнула тень. Персис почувствовала, что её снова поднимают на ноги, ведут в глубь хижины и укладывают на матрац. Женский голос что-то говорил на островном диалекте, которого Персис не понимала. Она закрыла глаза, чтобы прекратить ужасное головокружение, и погрузилась во тьму, гораздо более полную, чем ночь снаружи.

Если в этой тьме её и посещали какие-то сны, проснувшись, она ничего не помнила. Несколько мгновений изумлённо оглядывалась. Это же не её кровать... не её комната... Она проснулась будто в другом мире.

Стены вокруг были сложены из грубых необработанных камней. Окна неправильной формы, просто отверстия в каменных стенах. Над головой шелестели пальмовые листья на столбах. Два стула, грубый, но тщательно выскобленный стол. У стены полка, на ней два больших ножа, какими островитяне срубают захватывающую всё кругом растительность. Маты, которыми на ночь закрывали окна, были откинута, их к стенам прижимали палки.

Это... это же хижина, до которой они добрались ночью! Но она находилась в ней одна. Персис попыталась сесть. Девушка увидела, что с неё сняли изорванную сорочку и панталоны. И обрадовалась, увидев на себе приличное просторное платье с большим декольте. Попытавшись пошевелить пальцами, она обнаружила, что у неё сильно болят руки. Они были щедро смазаны каким-то густым

веществом, которое высохло и издавало острый запах. Похоже на какую-то травяную мазь, решила она.

Она помнила, что в последние моменты сознания страдала от головокружения. Оно ещё не до конца покинуло её, так что пришлось коснуться стены. Но Персис внимательно прислушивалась. Снаружи доносились обычные крики птиц и шелест насекомых. Вдобавок неподалёку несколько человек разговаривали на островном диалекте. Лидия говорила, что его может понять только туземец. Эта смесь индейских, африканских и испанских слов — отражение влияния тех народов, которые по очереди владели островами Ки.

Лидия! И Гриллон! И Крю!

Тревога вернулась к Персис, она даже поднялась на колени на матрасе. И тут увидела предмет, который положили рядом с ней во время сна, — поддельный весер со спрятанным лезвием. Девушка с готовностью схватила его, хотя пальцы, когда она сомкнула их вокруг ручки, вновь заболели и она поморщилась от боли. Кинжал хорошо послужил ей прошлой ночью. Теперь у неё под платьем не было места, куда бы его можно было спрятать, но она сохранит его при себе.

Персис увидела, что дверь приоткрыта. И когда в ней показался человек, девушка быстро прижала к себе кинжал. Но увидела темнокожую женщину, которую смутно помнила. Та стирает в доме. На женщине была просторная холщовая блузка; когда-то, должно быть, она была ярко-жёлтой, но теперь ткань избороздили блеклые полосы. Широкую юбку украшал странный рисунок из цветных ниток.

В обеих руках женщина несла чашку, от которой поднимался пар. Увидев, что Персис проснулась, она широко улыбнулась, показав два отсутствующих зуба. Её курчавые волосы прикрывал ярко-красный платок, кото-

рый оставлял только узкую полоску лба. И она внушала не большую тревогу, чем Мам Роз или Сьюки, хотя она явно не слуга в доме.

— Мисси хорошо себя чувствует? — женщина поставила чашку на стол, достала резную деревянную ложку, опустила в чашку и подала Персис. — Ешь... сшь... хорошо... сила даёт... — говорила она с остановками, как будто переводила со своего родного языка.

— Где капитан Леверетт? — Персис взяла чашку и положила кинжал рядом с собой. Она сразу заметила, что женщина быстро взглянула на кинжал и тут же отвела взгляд, как будто не хотела его видеть.

— Капитан... он делает, что нужно... — женщина смотрела, как Персис ест суп. На вкус девушки он получился слишком острый, слишком много перца и других приправ, но она была настолько голодна, что даже наслаждалась этим супом. А когда опустошила чашку, хозяйка дала ей какой-то фрукт, и он освежил рот и горло.

Интересно, что это такое нужно делает капитан Леверетт. Ему в первую очередь нужно заниматься своим плечом, которое так пострадало ночью. Но вряд ли она в силах повлиять на него или даже на эту женщину.

То, что её не вернули в дом, одновременно удивляло и тревожило Персис. Вспоминая услышанные обрывки разговора, перед тем как Ральф Гриллон оставил Крю на явную смерть, она думала, собирался ли вообще багамец покинуть остров Исчезнувшей Леди вместе с Лидией. Когда Лидия оказалась в его власти, у него появилась возможность захватить остров. Он мог посадить своих людей (как и говорил Крю ночью), и наверно, не только миссис Прайор, Молли и Шубал выпили снотворное и были беспомощны, пока он укреплялся.

Молли! Если служанка пришла в себя и обнаружила

отсутствие Персис, девушка представляла себе, какой взрыв последовал. Неужели эти трое продолжают спать в доме под стражей? А что же с оставшимся экипажем «Стрелы», с моряками с голландского корабля... с доктором Вирингом и остальными островитянами?

Может ли Крю на них рассчитывать? Здесь перемешалось много народов, их предки видели множество хозяев и привыкли философски относиться к их смене. А спасённых моряков в гостинице могли убедить, что это не их дело, всего лишь личные счёты двух рекеров.

Но где же Крю? И что он делает?

Женщина предложила ещё еды, но Персис сделала знак, что больше не может. Поставив чашку на стол, хозяйка резко повернулась к двери. И её поведение заставило Персис положить руку на кинжал.

Однако человек, который, пригнув голову, вошёл в хижину, оказался не туземцем, и Персис быстро вскочила.

— Доктор Виринг! Что случилось? Где капитан Леверетт? И...

Он, защищаясь, поднял руку.

— Не так быстро, мисс Рук. Но я понимаю ваше замешательство. Капитан Леверетт прислал мне записку. В ней он попросил меня навестить вас и узнать, как вы себя чувствуете после такого испытания. По причинам, которые он потом сам вам объяснит, он хочет, чтобы вас никто не видел. Как только стемнеет, Керри отведёт вас в дом. Вы подниметесь к себе в комнату, переоденетесь, как для званого обеда, и будете ждать...

— Не понимаю...

Доктор Виринг подошёл к девушке и взял её руки; он внимательно разглядывал их, как будто не обращая внимания на её слова.

— Да-да, превосходно. Дома можете смыть это, мисс

Рук. Я приготовлю для вас новую мазь. И посоветую, чтобы на обед вы надели перчатки. Что касается планов капитана Леверетта... я оставил его рычащим, как тигр, потому что не разрешил начинать осуществлять их ему самому. К счастью, плечо у него не очень пострадало. Но он испытал большое напряжение прошлой ночью...

— Он мог умереть! — горячо сказала Персис.

— Так он мне и сказал. И как вы, слабая женщина, к тому же не умеющая плавать, сумели... — он покачал головой. — Впрочем, я давно знаю, что о женщинах нельзя судить по наружности. Самые хрупкие женщины иногда проявляют крепость стали. Ну, ладно... Я бы посоветовал вам ещё отдохнуть, если сможете. Не могу сообщить ничего больше, потому что успех зависит от множества «если», «и» и «но». И если бы не Крю, я бы не стал ставить на выигрыш.

Если говорить коротко, он собрал группу добровольцев, в основном своих людей, которых опоили и заперли на складе. Благодаря помощи Мейсона, они на свободе, но дверь по-прежнему закрыта, а внутри время от времени кричат и стучат островные мальчишки. К экипажу капитана присоединились шестеро моряков со «Стрелы» и двое с голландца. Они должны захватить «Удачу бури» — под командованием Лена Харвери, к расстройству Крю. Хотя и ему пришлось признать, что сила духа не заменит раненое и полуизлечившееся тело.

— А где Гриллон? И Лидия? — спросила Персис.

— Гриллон охраняет южный берег, а мисс Лидию, скажем так, убедили вернуться в дом. Она верит, что Гриллон вернётся за ней. Остались караульные из его людей, но островитяне их переловили. Если команда Крю захватит «Удачу бури», Гриллон попадёт в ловушку. И к вечеру мы будем знать, что из этого вышло.

— Но как капитан Леверетт? — Персис вернулась к

тому, что больше всего занимало её мысли. После всего, что они испытали в тёмной воде, она больше никогда не сможет думать о Крю Леверетте как о чужом человеке. Как будто испытанная вместе опасность связала их, хотели они этого вначале или нет.

— Достаточно хорошо, — заверил её доктор Виринг. — У него поразительно сильный организм, и мне кажется, он не повредил срастающиеся кости. Конечно, если бы было по-моему, он сейчас лежал бы в постели и спал, даже если бы мне пришлось силой заливать лекарство ему в горло. Но в нынешнем положении я не могу с ним спорить. Вы поможете ему, если точно выполните его распоряжения и останетесь взаперти, пока Керри не проведёт вас в дом...

— А Молли, миссис Прайор, Шубал? — она произнесла эти имена вопросительно.

— Они пришли в себя после своего удивительного сна. У меня был повод заглянуть к вашему слуге Шубалу, и потому я смог осмотреть и остальных. Миссис Прайор осведомлена о ситуации и о планах капитана Леверетта. У вашей служанки снова поднялась температура, и я дал ей лекарство.

Персис взглянула на свои испачканные обесцвеченные руки.

— Доктор Виринг, удастся ли план?

Он пожал плечами.

— Я не игрок, мисс Рук. Я знаю людей, которых отобрал Крю Леверетт. Если что-то можно сделать, они это сделают. Дело более надёжное, чем многие другие, которые удавались им в прошлом. Но мы можем только ждать и надеяться на лучшее. И...

Он перевёл взгляд с Персис на кинжал рядом с ней на матраце.

— Всер с опаловыми глазами? Но как? Почему?..

Девушка покачала головой.

— Это не он. Всер у Лидии. Смотрите! — и она уже привычным движением извлекла лезвие из поддельного всера.

— Но где?..

Доктор Виринг — человек науки, он верит только в реальность. Он может счесть её свихнувшейся, но Персис нуждалась в его здравом смысле, чтобы самой убедиться, что она не находится под влиянием иллюзий.

Она как можно короче рассказала о своей находке шкатулки после второй бури, о том, каким странным путём всер вернулся к ней, даже после того как она от него отказалась.

— Но я была не права, когда боялась его, — добавила девушка. — Если бы его не было со мной прошлой ночью, капитан Леверетт утонул бы. Или даже мы погибли бы оба.

Доктор Виринг взял всер с таким видом, словно рука его действовала по собственной воле. Он извлёк кинжал и снова спрятал в ножнах быстрым ударом ладони о ручку. Потом внимательно осмотрел вырезанных кошек с их опаловыми глазами, которые в ответ смотрели на него как будто сознательно, как не может смотреть никакой предмет.

— Два всера... — проговорил он медленно. — И один из них — оружие... Смертоносное оружие. Интересно, кто придумал такую хитрость. Но теперь мне кажется, я знаю, как исчезнувшая леди спаслась от своего насильника. Очень старый кинжал, мне кажется, и смертоносный...

— Не всегда. Мне он помог, — серьёзно заметила Персис. — А леди...

Девушка помолчала. Хотя доктор Виринг не проявил никакого недоверия к её рассказу, оставалось фактом,

что она похоронила кинжал, а тот вернулся к ней, вернулся вопреки её нежеланию, когда в нём возникла необходимость. Но если она расскажет остальное, то доктор явно отнесёт её к числу истеричек, легковверных до глупости.

— Мисс Рук! — врач отставил один из стульев от стола и сел, выражение лица у него было самое серьёзное. — Вероятно, вы немного слышали о моём прошлом. Я жил среди туземцев, среди племён, у которых много странных верований... и способностей, над которыми наш мир смеётся. Я видел поглощённые джунглями развалины неизвестных городов, каменные изваяния забытых зверей, а может, богов. Они выдержали натиск стихий и были созданы раньше, чем положили один на другой камни Рима, которые так почитают наши историки.

Я видел обряды тех, кого наш мир называет «голыми дикарями». Эти обряды вызывают последствия, которые не могут объяснить наши самые учёные доктора. В мире существует гораздо большее, чем знаем мы, северяне, в своём слепом высокомерии. Иногда сила, которую мы не постигаем, начинает действовать, и нас захватывает её действие. И мы играем нам самим непонятную роль.

Этот остров знал множество народов, и каждый из них имел свои верования. Вы никогда не думали, что верования сами по себе — могучая сила? Они заставляли мужчин и женщин умирать мучительной смертью, в огне, от когтей диких зверей, на виселице, даже в пытках, потому что составляли такую важную часть их жизни, что они не могли от них отказаться. Во времена моего детства любимым воскресным чтением была «Книга мучеников» Фокса*. Боюсь, в юности я воспринимал героев

* Джон Фокс, английский писатель 16 века. (Прим. перев.)

и героинь, которыми так восхищались читатели, самодовольными фанатиками. Но теперь я думаю, они обладали верой, которую непосвящённые просто не могли понять.

Нам предстоит открыть ещё много странного и удивительного. Я считаю, что мы стоим на пороге нового века, когда человек будет исследовать не только землю, но и самого себя. Я знаю историю острова Исчезнувшей Леди, конечно. Я говорил также с тремя людьми, которые искренне верят, что видели саму леди. Земля, настолько пропитанная кровью, слезами и насилием, как этот остров, вполне может позволить наиболее восприимчивым и чувствительным заглянуть в своё прошлое. Конечно, это не то, что невежественные люди называют «призраками», а скорее «воспоминания», сны, чувства. Для тех, кто попадёт в их сеть, время ничего не значит.

Персис мигнула. Она видела, что доктор говорит искренне, что он верит в своё объяснение так же сильно, как, может быть, мученики, испытавшие страшную участь много поколений назад.

— Я видела её... дважды, — медленно заговорила девушка, на этот раз не ожидая насмешки со стороны слушателя. Нет, не видела, скорее ощущала её присутствие.

И она всё-таки осмелилась рассказать о встрече в верхнем коридоре и прошлой ночью, на насыпи.

— Но это всё же не объясняет, как он, — Персис указала на кинжал, — попал ко мне после того, как я его закопала.

— Не объясняет. Но он хорошо вам послужил. Как послужил леди в своё время. Возможно, ваша тревога и ваш страх установили линию связи между вами и этим «присутствием». Та леди обладала огромным мужеством и решительностью. Может, эти черты у вас общие. А теперь, мисс Рук, выбросьте из головы мысли, что вас

посетили фантазии, которые говорят о слабости рассудка. Думайте о том, что если бы не это, — доктор указал на веер, который снова положил рядом с ней, — одна, а может, и две достойных жизни пришли бы к концу прошлой ночью. Теперь я советую вам отдохнуть. А когда придёт Керри, сделайте так, как я сказал: пройдите к себе в комнату, наденьте лучшее платье и приходите на обед, как будто ничего не случилось. Не знаю, какую игру задумал Крю, но вы очень важны для его планов, могу вас в этом заверить.

Он встал и вышел с поклоном, оставив Персис множество тем для раздумий. Но вялая полуденная жара не располагала к размышлениям. Персис незаметно уснула, а проснулась оттого, что Керри трясла её за плечо. Вслед за туземкой она пересекла открытую площадку, всё время ожидая, несмотря на сумерки, что её окликнут их тени.

Они пришли на кухню, такую же, как всегда, так что Персис вполне могла бы поверить, что происшествия последних двадцати четырёх часов были всего лишь ночным кошмаром. Потому что Мам Роз занималась своими обычными делами, а Сьюки и вторая служанка работали под её присмотром.

Но сама Персис как будто стала невидимкой. Никто словно не заметил её появления, и прежде чем Персис успела поблагодарить Керри за убежище и уход, та тоже исчезла. Очевидно, здесь тоже действовали инструкции доктора Виринга, вернее, приказ Крю, переданный через доктора. Персис прошла вверх по второй лестнице, более узкой и используемой только слугами.

Теперь в доме горели все лампы, и вообще он внушал совсем другое ощущение. Дом был жив. Он ждал. Почему-то именно это слово пришло Персис в голову, когда она подобрала обеими руками платье и заспешила вверх

по лестнице. Её подгоняла необходимость торопиться.

Войдя, девушка сразу увидела, что её ждали. За широкой стояла полная ванна, рядом лежали полотенца. Не хватало только Молли.

Сбросив платье, Персис быстро умылась, по-настоящему оживая от травяного аромата мыла. Не было времени как следует причёсаться, поэтому девушка решила сделать простую причёску, более строгую, чем та, что она делала обычно. Хотя только время сможет убрать синяки, которые так отчётливо проступали на её коже. Она смыла мазь, нанесённую Керри, и взяла другую, из коробочки на умывальном столике.

Персис нарочно выбрала одно из своих самых ярких и нарядных платьев, розовое, с сатиновой каёмкой, с большим количеством кружев и кружевным воротником. Оно, казалось, придавало цвет лицу девушки, как бывает с любой женщиной, которая знает, что она хорошо и соответственно случаю одета.

Труднее всего было управиться с волосами. Керри, должно быть, промыла их от солёной воды и просушила. Но боковые локоны никак не желали завиваться. Она причёсывалась дважды, пока верхние локоны не стали выглядеть более-менее прилично, потом вызывающе воткнула в волосы коралловый гребень и добавила коралловые серьги, часть того же набора, чтобы замаскировать отсутствие боковых локонов.

Глядя на своё отражение в зеркале, Персис не была вполне удовлетворена. Но выглядела она прилично, насколько в её силах этого достигнуть. Она взяла носовой платок, положила его в маленькую сумочку розового сатина с затягивающимся горлышком, и в этот момент на первом этаже прозвенел гонг, который всегда извещал о времени обеда.

Последний раз бросив взгляд в зеркало, Персис гордо

приподняла подбородок. Но перед выходом из комнаты остановилась и приняла ещё одно решение. Рука её сомкнулась на поддельном всерс. Никто не заподозрит, что он не настоящий, а с ним она почувствует себя уверенней.

Глава семнадцатая

Когда Персис вышла на лестничную площадку, мелодичный звук гонга послышался вторично. Остановившись на миг, девушка собрала всё своё мужество. Она не догадывалась, какую игру задумал Крю Леверетт. Но, к своему лёгкому замешательству, обнаружила, что верит в него, как в своё время полностью принимала приказы дяди Огастина в любом положении.

Внизу она никого не видела, но оттуда доносились голоса. Она спокойно начала спускаться. Руки её укрывали белые шёлковые перчатки-митенки, и в левой руке она держала всерс-кинжал. Хотя и сомневалась, что в этот раз ей понадобится оружие.

— Мисс Рук...

Голос снизу, низкий, ясный; не узнать его было невозможно. Персис охватила волна облегчения. Она посмотрела на человека, вышедшего на свет. Он был одет в зелёно-золотой халат. Такую одежду не стыдно носить и королю. А бутор на плече и широкий рукав подсказали девушке, что он нарочно выбрал эту одежду, так как повязка не позволяла надеть камзол. Но когда капитан шагнул в сторону, она увидела также кремово-белые брюки вечерного костюма южанина и тщательно уложенную причёску. Лицо его, несмотря на один-два синяка, было совершенно бесстрастно.

— Разве вам не нужен отдых? — она поспешно преодолела оставшиеся ступени.

Его синие, как море, глаза странно сверкнули.

— Отдых? Виринг действительно хотел уложить меня в постель, чтобы я пил его помои и сходил с ума от тревоги. Нет, Персис, — он отказался от более официального обращения. — Для отдыха найдётся достаточно времени позже. Со змеей нужно покончить до того, как она ужалит. Они нас ждут — хотя сами не знают этого. Держитесь достойно, девочка: покажите им свои лучшие манеры и самый надменный вид.

Он слегка поклонился и протянул здоровую руку. Заставив себя улыбнуться, Персис присела и положила пальцы на толстую парчу халата у его запястья. Она хотела бы, чтобы капитан ей подсказал, что их ждёт, но, оказалось, на это нет времени, потому что он уже повёл её ко входу в столовую.

В проём двери струился яркий свет: в столовой горела не одна лампа. Персис слышала гул голосов, он становился всё громче, но в тот момент она слишком волновалась, чтобы разбирать отдельные слова. Затем — Крю ступил в полосу света, словно первым хотел встретиться с врагом, она — на шаг за ним.

Длинный стол был накрыт белейшей скатертью, вдоль него стояли пять канделябров. Они освещали комнату ровным светом, почти таким же ярким, как солнечный. Персис на секунду-две ослепла, ей трудно было разглядеть, кто сидит за столом.

Но мгновенная тишина, которая наступила сразу после их входа, привела девушку в себя. И хотя лицо её застыло, как маска, она надеялась, что на нём можно прочесть только вежливое ожидание обеда.

Загремел стул. Человек в конце стола вскочил, оттолкнув его от себя. Спутник Персис первым нарушил молчание.

— Лидия, дорогая, ты сегодня прекрасно выглядишь...

Светловолосая девушка тяжело дышала. Её платье, светло-голубое, со множеством кружев и бантов, резко контрастировало с лицом. Лицо же исказила гримаса страха, обычно полные губы плотно сжались, глаза стали очень широкими.

— Можно подумать, — Крю Леверетт обвёл взглядом стол, по очереди осматривая всех сидящих, которые оставались неподвижными, — можно подумать, что у нас есть повод для праздника. Не поделитесь ли с нами этим поводом?

Первоначальное оцепенение Персис прошло, она теперь различала собравшихся. Среди них оказались несколько незнакомцев. Единственная женщина — Лидия, она сидела по правую руку от так неожиданно вскочившего мужчины.

Во время их первой встречи Персис видела Ральфа Гриллона в костюме капитана корабля, которым он так гордился. Теперь на нём были превосходный тёмно-синий камзол, рубашка с оборками и сложный шейный платок; чёрные брюки были заправлены в сапоги, не предназначенные для корабельной палубы.

Его красивое лицо не покраснело, а если он и побледнел под своим густым загаром, то это не отразилось в мягком свете множества свечей. Но его глаза — раньше Персис задрожала бы, заглянув в них, — они казались оружием, нацеленным на врага.

За столом сидел и доктор Виринг. Он вертел в руках тонкий бокал с вином и переводил взгляд с Крю на сидевших рядом, потом снова на Крю, хотя лицо его тоже оставалось бесстрастным. Он походил на зрителя в театре.

Кроме него, за столом сидело ещё трое гостей. Один из них был в капитанском мундире, знаки различия которого потускнели от морской воды и ветра.

— Да, — продолжал Крю, — повод для праздника... Капитан Ван Хорн, — кивнул он незнакомцу, который встал и неуклюже поклонился, — и, естественно, Хулио Вальдес...

Мужчина по другую сторону от Гриллона оскалил зубы в улыбке, но глаза его оставались холодными и расчётливыми.

— Мы давно не встречались, Вальдес, — заметил Крю, — хотя, конечно, я знаю, что наши счёты ещё не закончены.

— Счёты... — мужчина поднял тёмные брови. — Если имеешь дело с ворами, капитан Леверетт, ожидай неприятностей.

— Вы абсолютно точны в своём предсказании, Вальдес. «Имеешь дело с ворами». Но почему вы сами не придерживаетесь этого правила?

— У Холдена не было прав на остров Исчезнувшей Леди! — Вальдес опирался ладонями на стол, он наклонился вперёд, его узкое лицо приобрело гневное выражение. — Марianne Вальдес не имела права продавать остров, который мы очистили от индейцев. Я — Хулио Вальдес. А Вальдесы владели этим островом задолго до того, как у вашей страны появилось её название.

— Совершенно верно, — заметил Крю. — Но Мартин Вальдес абсолютно законно вступил во владение унаследованным островом. После его смерти остров перешёл к его вдове, и она продала его Холдену. Если не ошибаюсь, суд полностью отверг ваши притязания вместе с угрозами и вынес вам предупреждение. Если Холден решил продать остров мне, это была полностью законная сделка, без единого намёка на нарушение законов, как бы вы ни старались доказать обратное. Со времён Джека Сатиновая Рубашка нравы изменились...

Смуглый мужчина дышал тяжело, со свистом, дыхание

его напомнило Персис шипение рассерженной змеи. Доктор Виринг продолжал с любопытством наблюдать, а голландский капитан казался совершенно растерявшимся. Персис ожидала, что теперь Крю скрестит шпагу с Ральфом Гриллоном, но тот повернулся к Лидии.

— Ты придумала этот праздник, моя дорогая?

Персис лишь понадеялась, что капитан Леверетт никогда не будет разговаривать с ней таким тоном. Но Лидия уже пришла в себя от неожиданного появления брата.

— Да, праздник, — ответила она вызывающе, холодным голосом. — По случаю моей помолвки с капитаном Гриллоном.

— Очень интересно, — заметил Крю. — А он ещё не поделился с тобой, как намерен избавиться от ныне здравствующей мадам Гриллон? Но могу поверить, что он уже изобрел весьма эффективный способ. Впрочем, его способы не всегда действуют. Доказательство тому — моё собственное присутствие здесь.

Лидия вскочила, лицо её исказилось и напоминало теперь отвратительную маску Аскры.

— Лжец! Лжец! — она заколотила по столу маленькими кулачками. Её бокал опрокинулся, вино, как свежеспролитая кровь, потекло по белой скатерти. — Ральф женится на мне...

— Поскольку двоеженство — серьёзное преступление и здесь, и на Багамах, возникает небольшая проблема, — спокойным рассудительным тоном продолжал Крю. — У него есть жена, и вполне законная! — теперь голос его звучал слегка презрительно. — Неужели ты думаешь, что я настолько глуп, что не соберу сведений о человеке, ухаживающем за моей сестрой? Но нынешняя ситуация бросает вызов даже его способностям. Как вы с ней справитесь, Гриллон? С одной стороны остров Исчез-

нувшей Леди и всё прочее, что вы собрались получить здесь, с другой — наследство, которое может перейти к вам с помощью Кэролайн Рук?

Персис вздрогнула. Кто такая Кэролайн Рук? Через одну-две секунды она догадалась. Ральф Гриллон говорил об исчезнувшем наследнике. Она всегда считала, что ребёнок Джеймса был мальчиком. Но что если это не так и её соперницей в получении наследства Руков стала женщина? Неужели Гриллон знал всё это заранее?

— Если бы вы были здоровы... — впервые заговорил Ральф Гриллон, — я бы вас вызвал...

Крю покачал головой, странная улыбка появилась на его лице.

— Не разыгрывайте джентльмена, Гриллон.

— Нет! — Лидия прижала руки ко рту, заглушила то, что собиралась сказать. — Ты меня не удержишь своей ложью! Ральф меня любит! Мы поженимся!..

— Где? — спросил её брат. — На островах или в Ки-Уэсте?

— Неважно. Он меня увезёт... он... — неожиданно она замолчала. И Персис увидела, что смотрит Лидия не на брата, а на сложенный всер, который гостя принесла с собой.

— Нет! — Лидия попятилась, задела широкой юбкой за стул, и тот с грохотом упал. Персис вздрогнула. Но брата Лидии, по-видимому, всер не интересовал.

— Ты маленькая дурочка, — проговорил он устало, отчего Персис сразу встревожилась. До сих пор он держался хорошо, а ведь половина собравшихся — его враги. — Ему нужен остров Исчезнувшей Леди. Но благодаря провидению и мужеству этой женщины первая попытка ему не удалась. Было ошибкой, Гриллон, оставить меня в море вместо того, чтобы самому сделать злос дело. Судьба капризна, как вы это хорошо знаете.

— Тебе не причинили никакого вреда! — воскликнула Лидия. — Просто оставили ненадолго, чтобы Ральф мог... мог...

— Мог легко покончить со мной, — теперь Крю говорил прямо и резко, словно чувствовал, как теряет силы, и хотел побыстрее завершить это противостояние. Персис заметила, что доктор Виринг незаметно передвинулся и встал рядом с Крю, и это усилило её тревогу. — Да, Лидия. Я был оставлен связанным, в каноэ с пробитым дном... когда ты ушла, смерть уже подступала ко мне.

Лидия отшатнулась и посмотрела на Гриллона.

— Это ложь! Скажите что-нибудь...

Но выражение лица багамца, должно быть, подсказало ей правду.

— Но почему, Ральф, почему?

— Я уже объяснил: остров Исчезнувшей Леди... — напомнил Крю. — А когда он перестал бы нуждаться в твоей помощи, ещё один несчастный случай... — капитан пожал плечами и поморщился. Доктор Виринг осторожно положил руку на его перевязанное плечо.

Персис видела, как смертельно побледнела Лидия.

— У... убить... — проговорила она так, словно ей потребовались огромные усилия, чтобы произнести это слово.

— Именно, — вторично вступил в разговор Ральф Гриллоу. Он тоже на несколько шагов отошёл от стола, вместе с ним встал Хулио Вальдес и третий, который всё время молчал. — И поскольку я теперь хозяин острова...

В руке он держал пистолет. Остальные тоже были вооружены.

Лидия закрыла лицо руками и плакала. Она быстро впадала в истерику.

— Так как остров находится в моей власти, — повторил Гриллон, — кажется, игра ещё не закончена.

На мгновение голова у Персис закружилась. Как будто она уже видела такую сцену и даже принимала в ней участие. Но только в тот раз лица участников были другие: жёсткие, грубые, как туманные маски, наложенные на лица людей в этой комнате. Персис отпустила руку Крю, нажала на ручку всера, высвободив смертоносное лезвие. Их надо убить... эти чудовища, пришедшие с моря... она...

Звук, резкий, пронзительный, вернул девушку к реальности. Она снова была Персис Рук, а не той, другой, приветствовавшей смерть, как путь к безопасности.

Ральф Гриллон откинул голову и рассмеялся, как мальчишка.

— Готово, клянусь Нептуном!

— Подождём и увидим...

Персис была уверена, что доктор Виринг поддерживает Крю гораздо сильнее, чем видно остальным. Но голос капитана звучал ровно.

— Ждать нечего: это «Удача бури»! — Ральф торжествовал. — Ваши люди благополучно заперты, я возьму то, за чем пришёл, и уйду. Хотя жаль, что вы не сыграли свою роль, как планировалось, капитан, — багамец покачал головой, лицо его стало жестоким и насмешливым. — Так было бы гораздо удобнее для всех. Я был бы здесь очень хорошим хозяином. Моя дорогая, — он поклонился Лидии, — боюсь, на этот раз нам придётся расстаться. Хотя должен поблагодарить вас за...

Лицо её пошло пятнами, щёки избородили слёзы. Выглядела Лидия, как ребёнок, которого ударил человек, которому он доверял.

— Но я пойду с...

— Ваш старший брат дьявольски прав. Моя дорогая

Кэролайн вряд ли будет приветствовать ваше появление. Ко мне она относится хорошо только потому, что я для неё — источник будущего богатства, и то благодаря вашим ловким маленьким пальчикам и способности составлять снотворное.

— Значит... значит, это правда?

— Что я женат на Кэролайн Рук? Да, это правда, хотя, как вы знаете, я тоже претендент. Конечно, в суде я бы ничего не добился, но всё же решил порыться в старых тайнах. У Амоса остался не один незаконнорожденный сын. Хотя сам Амос был уверен только в Джеймсе. Мой отец родился в результате кратковременной связи, которая легко забывается. Так что Кэролайн — моя двоюродная сестра. Как только мы поняли, что речь идёт о крупной добыче, мы решили объединить силы. Хотя, конечно, я не очень привязан к Кэролайн. У неё дьявольский характер, и когда между нами море, я думаю о ней спокойнее. Но мы оба Руки и не собираемся отдавать кому-то наследство Амоса.

Теперь же я могу уничтожить все невыгодные нам документы. Простите, сестричка Персис, — он насмешливо поклонился ей, — вы проделали утомительное, но совершенно напрасное путешествие.

Вторично прозвучал рог из раковины.

Как только в ярко освещённой комнате стих последний лающий звук, Крю спокойно сказал:

— Не советую вам слишком рассчитывать на спокойное море.

— Когда «Удача» стоит в гавани, и поблизости не найдётся никого, кроме вас, кто сказал бы мне «нет»?..

Но молчаливый мужчина из партии Гриллона отошёл к открытому окну. Окно закрывала только сетка от насекомых. Рильф Гриллон бросил на него быстрый взгляд.

— В чём дело, Граймс?

— Там что-то происходит, на пристани. И на бушприте не горит ваш сигнал!

Ральф попятился к окну.

— Прикройте их, — приказал он. И только когда его спутники направили на Крю пистолеты, багамец полностью повернулся к окну.

Теперь гудел не только рог, возвещающий появление корабля. Крики и по крайней мере один выстрел. Гриллон оскалил зубы.

— «Удача»? — он посмотрел прямо на Крю.

— Призовой экипаж, — спокойно ответил тот.

— Будьте вы прокляты! Но как... — Гриллон овладел собой с быстротой, казавшейся не свойственной его темпераменту. — Вот, значит, как. И что же мы будем делать? — но пистолет он не опустил, и глаза его снова вызвали у Персис вспышку странных и ужасающих воспоминаний — об освещённой факелами насыпи и жертве, которую ведут жрецы в масках. Они так же смотрели на добычу.

— Мы ничего не будем делать, — Крю подошёл к ближайшему стулу и опустился на него, оберегая плечо. Наклонился вперёд, словно собирался налить себе вина. — Поработать придётся вам, Гриллон. По справедливости, я бы должен отдать вас под суд за заговор, попытку убийства, даже пиратство — и определённо за воровство.

— Но, конечно, вы предложите мне альтернативу. Отчаянный человек, когда его прижмут к стенке, способен на отчаянные меры, — вмешался Гриллон. Пистолет его по-прежнему был направлен в голову Крю.

— Да, альтернатива есть. Но не от страха перед вашим оружием, в которое вы так верите. Вы лжец, мошенник и убийца, — Крю говорил размеренно, как судья, произносящий приговор. — Тем не менее я разрешу вам вернуть всё украденное и уплыть — вместе с вашими

людьми. Главным образом из-за того, что моя сестра дура. Я не хочу, чтобы она была запачкана на суде, а ведь вы с готовностью запачкаете её, чтобы спасти свою шкуру.

Ральф Гриллон неожиданно рассмеялся, потом опустил пистолет и низко поклонился Лидии.

— Конечно. Имя женщины — превыше...

— Закройте рот! — впервые Крю повысил голос, и Персис заметила, как впервые наружу прорвался гнев, который он все эти часы тщательно сдерживал. — Не испытывайте моё терпение.

Пистолет исчез под камзолом. Ральф отдал полусалют.

— Позвольте вам откровенно сказать, что вы глупец, — заявил он. — Раз позволяете мне уйти.

— Да, мне бы следовало вас убить, не так ли? — Крю снова овладел собой. — Но я сам охочусь на своих змей. И не использую других. Теперь вы скажете доктору Вирингу, где спрятали золото и бумаги, взятые в моём сейфе, а также то, что принадлежит мисс Рук. Когда всё это будет возвращено, вы сможете уйти...

От двери слышался шум. Персис оглянулась. Там стоял мистер Харверн, а за ним боцман с «Непревзойдённого» и ещё два моряка.

Гриллон снова поклонился.

— Прибыли ваши силы, я вижу. Прекрасно, Виринг. Вы найдёте всё, что нужно капитану, в расселине скалы на мысе над самым уровнем прилива. Скала, в которой расселина, самая высокая из всех.

Доктор вышел, прихватив с собой боцмана. Тот в одной руке нёс лампу, а в другой, словно для равновесия, абордажную саблю.

Персис подошла к столу, взяла пустой стакан и налила вина, не обращая внимания на брызги, которые полетели на скатерть. Потом она вложила стакан в руку Крю. Тот

с отсутствующим видом поднёс его к губам и отпил. Девушка видела напряжённое выражение его лица, сжатые губы. Сколько он ещё продержится? Ему надо лежать, а не напрягать снова и снова все свои силы. Но она инстинктивно знала, что теперь никто не сможет остановить его, пока дело не будет завершено.

Плач Лидия сменился всхлипываниями. Лицо её покраснело, она ни на кого не смотрела, сжавшись в кресле, в котором раньше казалась воплощением гордости.

— Сестричка, — нарушил молчание Гриллон, — я и вас должен поблагодарить за участие...

Но прервал его не Крю, а Лидия. Она выпрямилась и указала на Персис трясущейся рукой.

— Разве вы не видите? — голос её снова перешёл в крик. — Смотрите, что она держит! Она... Леди...

Персис почти забыла про кинжал в руке. Она взглянула на него и уронила на стол. Тот упал со стуком. Глаза наблюдающих кошек с тускло-чёрной рукоятки сверкали холодно, словно пребывали где-то далеко от этого времени и места.

— Он... он из всера... из поддельного всера, который не раскрывается, — пояснила Персис. — Но очень похожего на настоящий всер.

— Даже призраки, — завывала Лидия, — против нас!

Персис ожидала, что Гриллон или Крю высмеют эту глупость. Но вместо этого увидела, что мужчины смотрят на кинжал, как на какое-то странное и необъяснимое знамение.

— Призраки... — тихо и неуверенно прошептал Гриллон. — Может, вы и правы, моя дорогая... — затем он повернулся к Крю.

— Величайшая глупость из всех...

— А именно? — спросил Крю, когда Гриллон не закончил фразу.

— ...неправильно выбрать женщину. Этим кинжалом донья Исабелла прикончила своего злейшего врага. Так, Вальдес?

Смуглый человек, который предъявлял претензии на остров, смотрел на веер широко раскрытыми глазами. Он заметно вздрогнул.

— Когда-то рассказывали, — заговорил он, — что она слишком много знала. Знала то, чего лучше не знать. Веер был частью её приданого, она никогда не показывалась без него. Но то, что всеров было два, никто не знал. Только... говорят, она обладала мужеством, которому позавидовал бы мужчина.

— В этом она не одинока, — добавил Крю. Он протянул руку над поддельным веером, в котором скрывалось лезвие, и прежде чем Персис поняла, что он делает, она почувствовала его крепкое тёплое пожатие. И у неё не было ни сил, ни желания освободиться.

— Как я уже сказал, — Гриллон решил, что за ним должно остаться последнее слово, — следует правильно выбирать женщину, Леверетт. Ваше дьявольское везение по-прежнему с вами.

— И всегда будет, — ответил Крю с той же твёрдостью, с какой держал руку Персис. И Персис Рук впервые в жизни поняла, что поверит во что угодно. Если это скажет капитан рексера.

ПРИНЦ ПРИКАЗЫВАЕТ

Предисловие автора

Как-то раз, некоторое время тому назад, один мальчик попросил меня рассказать ему «историю». В ней должны были быть «бои на шпагах и разные невероятные события». Насколько могла, я сочинила такую историю, соединив дворцы и замки, коронованных принцев и коммунистов. Рассказ занял не дни и не недели, а целые месяцы. Однако своё обещание я выполнила.

Перед тобой, Джон, твоя «история о невероятных событиях».

Глава первая

Майкл Карл узнаёт то, что он хотел узнать

— Знаешь ли ты, — Майкл Карл ткнул в подбородок отражению в зеркале своим хлыстом для верховой езды, — знаешь ли, что ты ужасный неудачник?

Он попытался строго нахмуриться, но сумел лишь наморщить гладкий лоб и почти свести чёрные брови.

— О, я знаю, парень, ты умеешь сидеть на лошади и знаешь, с какого конца взяться за саблю. И не стану отрицать, что ты неплохо стреляешь и сумеешь заказать завтрак по-французски. Не забуду и то, что ты помнишь множество сведений из европейской истории. Но, Майкл Карл, ты, американец, ничего не знаешь об Америке, стране, в которой живёшь. И в этом отношении ты оказался трусом.

Юноша в зеркале опустил серо-зелёные глаза, и губы его сжались. Больше не глядя на него, Майкл Карл подобрал перчатки и направился к двери, шпоры его звенели, задевая за полированный пол.

— Да, — повторил он, — ты трус, ты боишься своего опекуна, а ведь он всего лишь человек, как и ты. Хотя нет, не как ты.

Майкл Карл вздохнул, подумав о своём росте и вспомнив шесть футов полковника. Полковник, этот мрачный человек, был единственным членом семьи Майкла Карла с тех пор, как его родители погибли спустя месяц после его рождения.

Он выпрямился во все свои пять футов шесть дюймов. Его постоянно огорчал собственный малый рост. Ему всегда было трудно подобрать перчатки и сапоги — руки с длинными пальцами, ноги с высоким подъёмом, — а одежду приходилось шить на заказ.

— Вспомни Наполеона, — вслух утешил он себя. — Очень многие хотели, чтобы он был ещё меньше, чем на самом деле.

Но не малый рост заставлял его побаиваться полковника, по крайней мере он так считал. Открывая переднюю дверь, Майкл Карл размышлял, в чём же причина.

Но выйдя на весёлый мартовский ветер, шевеливший аккуратные груды прошлогодних листьев — работу садовника — и рассаду цветов на клумбах, Майкл Карл утратил всю свою серьёзность. Он даже попытался пошутить, ожидая, пока конюх приведёт его кобылу.

Потому что вчера у Майкла Карла произошло приключение, и он намерен был сегодня повторить его — и без ведома полковника. А приключения — это то, о чём Майкл Карл читал, но никогда не испытывал за свои восемнадцать лет.

Герцогиня, пританцовывая, шла от конюшни, рядом с её надменной головой торопился Эванс. Кобыла имела сегодня озорной вид, и это обещало возможность позабавиться.

— Она сегодня просто полетит, сэр, — Эванс слегка запыхался. Её светлость заставила его пробежаться.

— Вижу, — Майкл Карл сел верхом. Он всегда удивлялся, как это герои романов «взлѣтают в седло». Когда-нибудь он тоже попробует.

— Пожалуйста, сэр, позвольте посахать с вами. Полковник вчера очень рассердился.

— Ты ему сказал? — спросил Майкл Карл.

— Нет, сэр. Зачем мне говорить? Но он сам видел.

Майкл Карл нервно взглянул на дом и, как он и ожидал с первых же слов Эванса, на террасе показалась застывшая, похожая на шомпол фигура полковника.

— Будьте добры, спешитесь и немедленно подойдите ко мне, — сухо проговорил наставник.

Чувствуя себя выпоротым ребёнком, Майкл Карл повиновался. Конечно, полковник ждал до последнего мгновения, прежде чем наброситься на жертву. Как и сотни раз до этого, Майкл Карл молча возмутился любимой игрой полковника в кошки и мышки.

— Сказать парню на холме, что вы не придѣте? — прошептал Эванс.

Майкл Карл кивнул и поблагодарил его улыбкой. Потом медленно пошёл к полковнику, ожидавшему в холле.

— Пожалуйста, в библиотеку, — сухо сказал джентльмен.

В библиотеке полковник сел за стол, а Майкл Карл занял своё обычное место перед столом. Он так часто стоял здесь, что иногда удивлялся тому, что ковёр ни сколько не вытерся. Полковник заставил его постоять молча, прежде чем начал; это тоже входило в обычную процедуру.

— Вы намерены стать военным?

— Да, — послушно ответил Майкл Карл. Он уже давно наизусть выучил все вопросы и ответы.

— Как же вы сможете командовать людьми, если сами не подчиняетесь приказам?

На этот вопрос ответа не поступило.

— Разве вы не получили совершенно недвусмысленный приказ не разговаривать ни с кем за пределами ворот, за исключением случаев крайней необходимости?

— Получил, сэр.

— Тогда почему вы намеренно встретились с молодым человеком на холме и долго разговаривали с ним?

— Потому что захотел, — вызываяще ответил Майкл Карл.

На худом лице полковника ничего не отразилось, хотя это было неслыханно, чтобы Майкл Карл так отвечал ему.

— Вы держите меня здесь как заключённого — нельзя то и нельзя это. И если я еду верхом, то должен брать с собой конюха, чтобы он проследил, что я ни с кем не разговариваю. Но почему?

Парень, с которым я вчера разговаривал, — руководитель отряда скаутов. Меня это заинтересовало, и я задал ему несколько вопросов. Так в чём моё преступление? Скажите, почему я должен так жить? Ещё вчера утром такая жизнь не казалась мне странной: вы всегда говорили, что так живут все богатые люди. Но я кое-что услышал от руководителя скаутов и теперь знаю, что богатые ребята не всегда живут пленниками. И почему вы никогда не упоминаете моих родителей и не отвечаете на вопросы о них? Кто я такой? — Майкл Карл осыпал вопросами человека, неподвижно сидевшего за столом.

— Смирно! — рявкнул полковник, но впервые в жизни Майкл Карл отказался подчиниться.

— Всё кончено, — отрезал он. — Я больше не повинуюсь приказам, если вы не указываете мне их причину. А теперь я собираюсь совершить поездку, которую вы приказали отменить.

— В таком случае я прикажу связать вас. Не думаю,

чтобы в вашем возрасте вы захотели бы, чтобы вас отнесли наверх слуги.

Майкл Карл вспыхнул. Полковник вполне способен отдать такой унижительный приказ.

— Вы победили, — признал юноша. — Но...

— Да?

— А, какая разница? — Майкл Карл опять потерпел поражение. Он потащился вверх по лестнице и, презирая себя, вошёл в свою комнату.

Его комната была не очень-то удобна: полковник не верит в комфорт. Койка, два стула с прямыми спинками, полка с толстыми скучными книгами, стол и лампа на нём — всё это не очень заполняет комнату. Майкл Карл швырнул на стол перчатки и хлыст и подошёл к окну. Но посмотрев в него, он кое-что вспомнил и улыбнулся.

Полковник не во всём выиграл. Майкл Карл снял с полки две толстые книги и порылся за ними. Да, это по-прежнему здесь.

Он взял синюю книгу в мягком переплёте. Во время одной из своих поездок в город — под тщательным прищелчком — он увидел её в витрине, и на следующий день Эванс был отправлен на охоту. До этого Киплинг был просто именем в библиотечном каталоге, а полковник считал литературу наименее важным предметом в образовании Майкла Карла. Но теперь Киплинг превратился в весьма реальную личность; он писал великолепные стихи о солдатах.

Майкл Карл свернулся на койке способом, который, как он знал, не понравился бы полковнику, и открыл книгу на стихотворении «Дорога на Мандалай». Он заучивал его наизусть. Пусть полковник думает, что он читает «Полевую фортификацию» или ещё какую-нибудь подобную срунду.

Не впервые проводил он часы, читая запрещённую

литературу. Эванс тайком приносил ему журналы, газеты и книги, которые, по мнению полковника, были пустой тратой времени. То, что Майкл Карл узнал об Америке за пределами поместья, — а узнал он немало, — всё это было почерпнуто из чтения.

Уже начинало темнеть, когда в дверь постучали. Майкл Карл быстро и виновато пересёк комнату и сунул книгу в тайник.

— Кто там? — спросил он.

— Полковник просит вас спуститься в библиотеку, сэр.

Юноша был удивлён. Не похоже на полковника видется с ним дважды в день. Разве что он отыскал грудку журналов в летнем доме. Майкл Карл нахмурился.

Чувствуя себя виноватым, он поправил галстук и пригладил волосы. Полковник обожествляет аккуратность, и если Майкл Карл придёт к нему со взъерошенными волосами... Полковник требует также быстроты, и юноша слетел по лестнице.

У дверей библиотеки он остановился. Полковник был не один. За дверью слышался чей-то низкий хриплый голос. Майкл Карл испытал странное ощущение, словно ему не следует стучать в дверь, а лучше убежать как можно дальше. Каким-то образом он знал, что за дверью его ждёт какая-то опасность.

Но постучал.

— Войдите, — приказал полковник, и Майкл Карл послушался.

К его удивлению, комната оказалась заполненной людьми, и ему потребовалось несколько мгновений, чтобы разобраться. Что ещё более его обескуражило, своим появлением он словно нажал скрытую пружину: все щёлкнули каблуками и согнулись в его направлении.

— Его королевское высочество! — объявил полковник.

Майкл Карл почувствовал себя так, как будто на верху лестницы пропустил ступеньку и пересчитал остальные головой.

Это он королевское высочество? Но почему?

Казалось, он один здесь в порядке. Все остальные: краснолицый толстяк в слишком тугом воротничке, мумия в чёрном и очень бледный молодой человек, — все почтительно смотрели прямо на него, Майкла Карла.

— Кресло для его королевского высочества, — приказал толстяк низким голосом, который Майкл Карл слышал из-за двери.

Бледный молодой человек подтащил кресло, и Майкл Карл неуверенно сел. Эта история с королевским высочеством его изрядно озадачила. Однако полковник выглядел так, словно проглотил что-то кислое, и это несколько улучшало положение.

— Его королевское высочество, — сухим тонким голосом проговорил полковник, — в соответствии с волей его покойного величества вырос, не зная своего истинного звания.

Майкл Карл хотел бы, чтобы они перестали говорить о нём в третьем лице. Это заставляло его чувствовать себя так, словно он здесь отсутствует.

— Совершенно верно, совершенно верно, — пророко-тал толстяк. — Теперь можете информировать его королевское высочество.

Полковник повернулся к Майклу Карлу и заговорил монотонным голосом лектора:

— Отец вашего королевского высочества был вторым сыном его величества короля Карла Морванского. Будучи в изгнании в Америке, он вступил в брак, который его величество крайне рассердил. Вскоре после рождения вашего королевского высочества принц Эрик вместе со своей супругой погиб в несчастном случае. Его величество приказал, чтобы вы получили воспитание,

соответствующее вашему званию, но что вы не должны возвращаться в Морванию без призыва.

Всю жизнь Майкла Карла учили, что джентльмен никогда не должен проявлять свои чувства. Но сейчас он не мог сдерживать удивления. Он, Майкл Карл, — принц и внук короля. Он словно оказался в кошмаре, в котором всё наизнанку.

— Год назад, — продолжал полковник, — во время посещения города Иннесбурга его величество был убит. В соответствии с законом собрался Совет Дворянства и принял на себя на год правление государством. К несчастью, принц-наследник погиб в горах ещё до конца года регентства, и таким образом трон переходит к вам, ваше королевское высочество.

Он замолчал. Все смотрели на Майкла Карла. Очевидно, он должен был что-то ответить. А что если сказать им правду? Он, Майкл Карл, совсем не хочет королевских почестей. Жизнь принца ему не нравится: ведь, по словам полковника, он и так жил как принц. Ему требовалась только свобода.

Он перевёл дыхание.

— Ничего не выйдет, — отчётливо сказал Майкл Карл. Все смотрели на него, словно не слышали.

— Могу... могу ли я спросить, что имел в виду его королевское высочество, делая такое необычное заявление? — спросил наконец толстяк.

— То, что сказал. Я в ваши игры не играю. Поищите другого короля для своей страны. Я американский гражданин (это утверждение основывалось на том, что он когда-то читал и сейчас вспомнил) и остаюсь в Америке.

Поражённое молчание нарушил полковник.

— С лицами уровня вашего королевского высочества вопрос о гражданстве не возникает. Ваше королевское высочество отплывает завтра.

Его королевское высочество настолько забылся, что заявил в ответ:

— Да неужели? И как же вы хотите вывезти меня из страны, если я этого не пожелаю?

— Существуют способы, — прорычал полковник.

Майкл Карл вздрогнул. Он кое-что знал о «способах» полковника. Возможно, лучше будет сейчас уступить и начать действовать позже, когда за ним перестанут следить. Он понятия не имел, что такое Морвания; вроде бы, это где-то на Балканах, очень далеко отсюда. Если он не сумеет сбежать до того, как они туда доберутся, что ж, он заслуживает быть принцем.

— Возможно, — вежливо предложил толстяк, — нас следует представить его королевскому высочеству.

Полковник снова ожил.

— Генерал Обердамм, — толстяк щёлкнул каблуками и поклонился. Майкл Карл сразу усомнился в боевых качествах армии, которой командует генерал. — Граф Кафнер, — мумия в чёрном со скрипом поклонилась. — И барон фон Урдлеман, адъютант вашего королевского высочества, — под конец поклонился бледный молодой человек. Майкл Карл бегло подумал, у всех ли морванийцев волосы цвета молочных тянучек.

Майкл Карл встал. Он с замешательством вспомнил о королевском «мы». А принцы тоже так говорят? Юноша решил, что нет.

— Благодарю вас, джентльмены, за помощь. Надюсь, наше путешествие пройдёт приятно, — похоже, он сказал то, что нужно. Никто не встревожился.

— Ваше королевское высочество желает переодеться? Мы выезжаем в час, — напомнил генерал Обердамм, взглянув на бриджи для верховой езды и коричневую рубашку Майкла Карла.

Юноша понял, что его вежливо выпроваживают. Конечно, генерал привык к дисциплине, думал Майкл Карл,

поднимаясь по лестнице, но его можно перехитрить. Легко будет справиться и с адъютантом. Незвестной величиной оставалась только мумия в чёрном.

Ступенька за ним скрипнула, и Майкл Карл оглянулся. По его пятам шёл барон фон Урдлеман. Так юноша впервые понял, каково жить золотым рыбкам; именно так предстояло ему прожить весь следующий месяц.

Майкл Карл переселся и со вздохом сожаления повесил в шкаф бриджи. Ну, всё-таки у него бывало и неплохое время. Герцогиня раз или два позабавила его. Например, в тот день, когда, незваная, присоединилась к охоте на лису прошлой осенью.

Барон молча стоял у двери. Майкл Карл отказался от его помощи как лакея. Он не предвидел появления мундиров, которые потребуют помощи и лакея и адъютанта, чтобы правильно упаковаться в золото и кружева.

Саквояж ждал его у двери; комната уже потеряла все следы его пребывания. Нет, осталась ещё одна вещь. Майкл Карл надел шинель с большими карманами и сунул в один из них своего любимого Киплинга.

Осмотревшись в последний раз, он вышел в коридор и на лестницу. Барон, как всегда, пристроился в двух шагах за ним. Генерал и граф с трудом надевали пальто и как будто о чём-то спорили с полковником.

— Друг мой, говорю вам ещё раз: никаких приказов о том, чтобы вы отправились с нами, не поступило. А без приказа вы не можете выехать.

Майкл Карл почувствовал, что это заявление вызывает у него радостное оживление. Без полковника путешествие начинало казаться почти привлекательным.

Поэтому, погрузившись в машину, Майкл Карл испытывал немалое удовлетворение, покидая знакомое до последнего камешка поместье. Единственное, о чём пожалел юноша, так это о том, что пришлось оставить

Герцогиню. Он пообещал себе, что как только освободится, вернётся сюда и заберёт её.

Когда они огибали по склону холм, водитель, вообще чрезвычайно осторожный (по-видимому, из-за драгоценного груза, подумал Майкл Карл), ещё более замедлил ход машины. Небольшая группа мальчишек в костюмах цвета хаки размахивала красными и белыми флажками. Учатся подавать сигналы, решил юноша. Ему хотелось выйти и удивить руководителя скаутов своими новостями, но машина прошла мимо.

— Эти бойскауты, они повсюду, — заметил генерал.

— Ваше королевское высочество являетесь главнокомандующим бойскаутов Морвании, — попутно сообщил юноше адъютант и был вознаграждён хмурым взглядом генерала, который собирался сказать то же самое.

Майкл Карл не мог придумать, что ответить, кроме «Как интересно!» Даже ему самому ответ показался неудачным.

Потом любопытство заставило спросить:

— А кто я ещё?

— Ваше королевское высочество — полковник гвардии принца, красных гусаров и горных стрелков, главнокомандующий военновоздушными силами, военный губернатор Рейна, комендант крепости святого Себастьяна, гротсмейстер ордена святого Себастьяна, защитник короны, наследственный рыцарь дворца, носитель меча святого Михаила, герцог Казанова, барон Урнт, граф Келив, рыцарь Клама...

— И это всё я? — слегка ошеломлённо спросил Майкл Карл.

— Ещё не всё, ваше королевское высочество, — ответил генерал, готовый продолжить.

— Этого вполне достаточно, — решительно прервал его Майкл Карл.

Граница и — Морвания

— Если пойдёт снег, — твёрдым голосом предупредил спутников его королевское высочество наследный принц Морванский Майкл Карл, — я, вероятно, раскричусь, — и, подумав немного, добавил: — Громко.

Его адъютант что-то вежливо ответил. Майкл Карл не обратил на это внимания, потому что уже привык не обращать внимания на адъютанта, вежливого, но исключительно скучного молодого человека.

— Да, — продолжал Майкл Карл, — я закричу, если придётся скрывать это, — он широким взмахом руки указал на расшитый золотом камзол и отлично сшитые брюки для верховой езды, которые в данный момент украшали его королевское высочество, — под этим.

Тут юноша, всем своим видом выражая отвращение, оттолкнул длинный плащ. Как ему хотелось надеть доброе американское пальто: в этих плащах очень легко споткнуться, если не будешь осторожен.

Майкл Карл прижался лбом к холодному стеклу окна королевского вагона, пытаясь разглядеть, пошёл ли снег, которым его пугали. Он был невольным пассажиром королевского поезда, направляющегося в Морванию, и он всё ещё не сбежал.

Во-первых, его никогда не оставляли одного, об этом заботился адъютант. Майкл Карл обнаружил, что у принцев столько же частной жизни, сколько у крокодила в витрине зоомагазина. И с каждой милей приближения к границе его шансы на успешный побег уменьшались. Если только не ударить адъютанта мешком с песком по голове и не совершить самоубийство, выбросившись из окна поезда, который пробирался исключительно по краю пропасти, другого способа освободиться Майкл Карл не видел.

— Сколько это будет продолжаться? — неожиданно спросил он.

Барон фон Урдлеман вытянулся — эта его привычка никогда не давала Майклу Карлу возможность забыть, что он принц, — и ответил:

— Мы достигнем столицы вашего королевского высочества города Рейн ещё до полуночи. Станция половины пути в двух часах отсюда.

— Станция половины пути?

— Там нужно будет подцепить паровоз, чтобы поезд смог продолжить подъём, ваше королевское высочество. Мы остановимся там примерно на десять минут, и нас будет ждать поезд с охраной. Эта честь предоставлена личной гвардии вашего королевского высочества.

— О! — тупо ответил Майкл Карл. Отряд его собственной гвардии. Это означает речи и прочее. Он слегка вздрогнул. Забудет ли он когда-нибудь, что произошло в морванском посольстве в Париже, когда его заставили произнести речь? И в Берлине. Но он предпочитал не думать о том, что произошло в Берлине.

В Лондоне было легче. Майкл Карл вздохнул; ему всегда хотелось посмотреть Лондон, но сейчас он мог вспомнить только грязные номера отеля и высокого худого человека, который шептался с графом Кафнером.

Юноша откинулся в своём крытом красным бархатом сидении, и локоть его ударился о предмет, который он поспешно спрятал, когда в последний раз сюда заглянул граф Кафнер. Граф оказался самым худшим соглядатаем, и Майкл Карл не доверял ему, даже когда видел перед собой.

Он осторожно взглянул на барона, но этот джентльмен, по-видимому, погрузился в дремоту, как всегда, когда коронованный хозяин не требовал его внимания. И Майкл Карл осторожно извлёк книгу Кипплинга, которая делила с ним это поразительное приключение.

Издатели оказались чрезвычайно щедрыми. Впереди тома оказались четыре чистых листа, а сзади целых восемь, и Майкл Карл отлично ими воспользовался. Ручкой или пером — что мог найти в данный момент — он записывал увиденное и услышанное о стране и её людях. Ни граф, ни генерал не были бы польщены своими портретами в книге Майкла Карла.

Юноша достал из-за голенища карандаш и записал абзац о станции на полпути. Никогда нельзя знать заранее, какие сведения окажутся полезными.

На глаза попало предложение относительно обеденных манер генерала, и он усмехнулся. Кто-то постучал в дверь купе, и Майкл Карл виновато спрятал книгу. Адъютант вскочил и открыл дверь. Он всегда двигался как-то механически, как хорошо смазанная машина.

Мимо двери прошёл граф Кафнер, и Майкл Карл устало вздохнул. Из всех своих вынужденных спутников больше всего он не любил графа. Точно мумия из музея.

— Ваше королевское высочество, — начал граф, поклонившись и щёлкнув каблуками. В длинных жёлтых пальцах он держал пурпурный футляр для драгоценностей.

— Ваше королевское высочество, — начал он снова, вроде бы смущённый холодным приёмом. Очевидно, его королевское высочество должен подыгрывать.

— Да? — не слишком сердечно спросил Майкл Карл.

— Смотрите, — граф Кафнер протянул футляр. — Ваше королевское высочество должны принять это. Вам необходимо носить свои регалии, когда вас будут приветствовать офицеры гвардии вашего королевского высочества на станции полпути.

Он раскрыл футляр, и перед ошеломлённым юношей предстали два сокровища, каких он никогда не видел. Маленькая золотая корона, усаженная рубинами, на алой ленте, а рядом, на чёрном сатине, выстлавшем футляр,

— крест из двух широких серебряных стрел, усеянных бриллиантами, которые на свету блестели и искрились, как один большой камень.

Граф передал футляр барону, а сам сухими неприятными пальцами взял корону.

— Если ваше королевское величество соизволит встать и позволит одеть на него корону... — проворковал он.

Майкл Карл поднялся. Удивительно носить такие... такие чудеса!

— Это орден короны, ваше королевское высочество. Лента должна идти через плечо... вот так, — граф расправил алую ленту на правом плече Майкла Карла и каким-то образом закрепил; корона засияла величественной золотой тусклостью на фоне позолоченных шнуров, пересекавших чёрный камзол.

— А это, ваше королевское высочество, великий крест ордена святого Себастьяна. Если позволите надеть его, ваше королевское высочество... — Майкл Карл наклонил голову, и крест присоединился к короне.

Граф забрал у барона пустой футляр и неловко поклонился.

— Благодарю вас, ваше королевское высочество, — прошелестел он сухим голосом и, пятясь и кланяясь, вышел в коридор. Майкл Карл опустился на сиденье. Думая о том, сколько тысяч долларов теперь висит на нём, он вздрогнул. Он не трус, но сейчас меньше всего ему хотелось бы встретиться с вооружённым противником.

— Есть ли разбойники в Морванни? — спросил он, не подумав.

Барон вздрогнул и странно поглядел на Майкла Карла.

— Есть один, — медленно ответил он. — Его убежище где-то в этих горах.

— А кто он?

— Его называют Чёрным Стефаном, но у крестьян

имеется для него другое имя — Оборотень. Говорят, что днём он человек, а по ночам волк, а его приспешники, как сообщают, приходят к нему с кладбищ.

— Очень приятно.

— Да. Он единственный разбойник, которому пока удаётся избежать наказания. Совсем недавно он напал на правительственный пост в горах. Крестьяне сообщают, что он ненавидит правительство, что у него какая-то вражда со всеми морванийцами из правящих классов. Мы никак не можем найти его убежище, слишком хорошо ему служат. Ни один горец или крестьянин не предаст Оборотня.

— А знаете, барон, мне начинает нравиться путешествие. Какова вероятность нашей встречи с Оборотнем?

Впервые с тех пор, как Майкл Карл его знал, барон проявил признаки эмоций.

— Надеюсь, никакой, ваше королевское высочество.

— Значит, какая-то вероятность всё же существует? — спросил юноша с загоревшимися глазами.

— Опасное место — станция на полпути, ваше королевское высочество. Если поезд в охранной опоздает...

— Будем надеяться, что он опоздает, — к удивлению барона, заявил Майкл Карл.

Барон фон Урдлеман неуверенно смотрел на него. У Майкла Карла странное чувство юмора, но, может, он говорил серьёзно. Удивлённый адъютант ничего не ответил. Американский принц часто ставил его в тупик.

Тем временем юноша смотрел на далёкие покрытые снегом горы. Там, в этих горах, некий разбойник наводит страх на правящий класс Морвании. Юноша подумал, что если большинство аристократов похожи на представленных ему придворных, то это очень даже неплохо. К нему это не относится. Наоборот, Майкл Карл с радостью заплатил бы ему за избавление страны от таких людей.

Крупная снежинка упала на оконное стекло, за ней последовала ещё одна и ещё. Майкл Карл лениво подумал, что сделает этот напыщенный адъютант, если он выполнит свою угрозу и завопит во всё горло. Но игра не стоила свеч. Он взял книгу, вписал абзац, касающийся принесённых ему драгоценностей, и подумал, что если на него повесят ещё что-нибудь, он станет похож на рождественскую ёлку.

Поезд пошёл медленнее, и барон, извинившись, подошёл к окну. Постучали, и в узкую дверь протиснулся генерал в своём роскошном мундире.

— Поезд с охраной опаздывает. Вашему королевскому высочеству лучше не выходить из купе, — отдуваясь, заявил он.

Майкл Карл коротко кивнул, и генерал выбрался обратно. Итак, поезд с охраной опаздывает. Что ж, у Чёрного Стефана появилась отличная возможность прихватить наследного принца вместе с несколькими членами кабинета министров, не говоря уже о самом королевском поезде. Жаль, что бедняга об этом не подозревает.

Барон фон Урдлеман беспокойно ёрзал на сидении. Наконец решился нарушить этикет и без приглашения обратился к Майклу Карлу:

— Мне это не нравится, ваше королевское высочество, — нервно выговорил он. — Охрана получила очень строгий приказ.

— Вы думаете, это Чёрный Стефан собирается позабыться? — с надеждой спросил Майкл Карл.

Но барон не ответил прямо. Он что-то уклончиво пробормотал и отошёл к двери, однако юноша заметил в его руке револьвер. Значит, барон именно так и думал.

И тут Майкл Карл принял решение, что никакой «защиты принца до самой смерти» не будет. Он сам выведет из строя барона. В конце концов жизнь в качес-

тве пленника рабoйника предпочтительней жизни коронованного принца Морвании, и самое плохое, что может с ним сделать Оборотень, это передать его в руки любящих подданных. Именно так считал Майкл Карл. Позже в тот же вечер мнение его решительно изменилось.

Но если принц станет пленником — а Майкл Карл почему-то был уверен, что так и произойдёт, — он не видел причины для того, чтобы королевские драгоценности оказались в немытых руках какого-то приграничного бандита. Они принадлежат не одному человеку, а всему государству.

Он развязал ленту короны, и драгоценность оказалась у него в руке. Куда бы спрятать её, чтобы не могли найти сразу?

Высоко на стене темнело отверстие вентиляции, ведущее в соседнее помещение. Майкл Карл встал на сиденье и, вытянувшись, обнаружил, что достаёт до края. Он положил в отверстие корону и прикрепил ленту к крюку, который когда-то удерживал решётку. Если у разбойников будет немного времени для поисков, корона в безопасности.

— Зачем вы это делаете, ваше королевское высочество?

— Просто мера безопасности, барон. Драгоценности на моей ответственности и... — юноша смолк, увидев, что барон понял.

Он поискал крест между шнуров мундира на груди, но прежде чем успел снять цепь с шеи, поезд остановился. Теперь найти для креста укромное местечко не удастся; придётся просто сунуть его под рубашку и надеяться на удачу. Майкл Карл расстегнул воротник и опустил крест за пазуху. Ледяное прикосновение к коже заставило его подпрыгнуть. Оставалось надеяться, что разбойники не станут очень тщательно обыскивать пленников.

Но как глупо он будет выглядеть, если нападение не состоится. Ну, значит, не повезло. Они в тревоге сидели в королевском купе, часы над головой барона показали, что прошло уже пять минут остановки. Чтобы добавить паровоз, требуется десять минут. У Чёрного Стефана оставалось ещё пять.

Оба вздрогнули, услышав приглушённый голос в коридоре. Барон открыл дверь и негромко заговорил с кем-то. Майкл Карл уловил слова «генерал» и «первое купе». Очевидно, барона куда-то вызывали.

— Ваше королевское высочество, генерал Обердамм просит меня немедленно прийти. Вашему королевскому высочеству лучше оставаться здесь, — сказал он. И колебавшись, прежде чем торопливо уйти, добавил: — Это весьма необычно. У меня же приказ никогда не оставлять его королевское высочество.

— Идите, — отпустил его Майкл Карл.

Он нервно расхаживал по купе две, три минуты. Придётся сдаваться, Чёрный Стефан не клюнул на наживку. Наверное, решил, что это какая-то ловушка. Что за страна! Ни у одного её жителя нет честолюбия, даже у бандита.

Повернувшись, юноша схватил ненавистный плащ. Можно по крайней мере подышать свежим воздухом на платформе. Выходя, он увидел книгу Киплинга и прихватил её с собой. Если оставит, этот шпион-граф обязательно найдёт её.

Дверь, ведущая на платформу, была закрыта, зато соблазнительно темнел проём двери в сторону паровоза. Майкл Карл с горечью подумал, что никакой опасности нет: Чёрный Стефан подвёл его.

Гравий меж рельсами оцарапал его блестящие сапоги, а снег лёг на меховой воротник плаща и непокрытые волосы. Юноша вздрогнул на влажном холодном ветре с гор и повернулся, собираясь вернуться в поезд. Но Май-

клу Карлу больше не суждено было сесть в королевский поезд. Из ближайшего леса послышался странный крик, за которым последовал лающий хор, и из-за деревьев показался небольшой отряд всадников в сопровождении воюющей стаи. Вначале принц решил, что это собаки. Но потом ясно увидел — волки!

Всадники и сами представляли собой сверхъестественную помесь человека с волком, верхняя часть тела у них была совершенно скрыта под косматыми серыми волчьими шкурами. Они в полном молчании скакали к поезду, слышался только вой их четвероногих спутников, которых они удерживали в повиновении с помощью длинных хлыстов.

Чёрный Стефан всё-таки пришёл! Люди-волки растянулись длинной линией. Они не ожидали сопротивления и имели для этого все основания. Как позже узнал Майкл Карл, их сообщник в поезде спрятал всё оружие и вообще всё, что могло причинить неприятности разбойникам. Он даже увёл барона из королевского купе своим ложным сообщением.

Из паровоза послышались крики: людей-волков заметили. Майкл Карл стоял как зритель в театре, следя, как четвероногие и двуногие волки сливаются с чёрным паровозом.

Чтобы видеть получше, он шагнул вперёд. Послышалось неприятное рычание, и юноше завернули руки назад.

— Пойдёшь тихо? — спросил неведомый похититель, как ни удивительно, по-английски, — или?..

Это «или» сопровождалось резким толчком в спину.

Майкл Карл почувствовал, что начинает сердиться. Он и сам хотел именно этого, однако сейчас испытал необъяснимое желание придушить парня сзади. Но получил ещё один очень убедительный толчок.

— Пойду тихо, — ответил он по-английски и торопли-

во повторил на ломаном моравийском, которому научился у барона фон Урдлемана за последний месяц.

Похититель неприятно рассмеялся.

— Я так и думал, — презрительно сказал он. — Ни у одного из вас, карманных офицеров, нет ни грамма храбрости. Лежать, Чёрный! — прикрикнул он на волка, обнюхивавшего ноги Майкла Карла. — Этот не твоё мясо — пока!

Подошёл ещё один человек-волк, ведя на поводу трёх лошадей. Принца, со связанными сзади руками, грубо посадили на одну лошадь. От паровоза возвращались двуногие и четвероногие волки.

— Нашли? — спросил человек, захвативший Майкла Карла.

Кто-то ответил отрицательно. Других пленников не было, и впервые юноша почувствовал страх. Словно прочитав неприятные мысли Майкла Карла, человек рядом с ним бросил сквозь свою волчью маску:

— С твоими друзьями ничего не случилось, малыш. Мы их просто связали и оставили. Когда вернётся команда, которая сейчас убирает бревно с рельс, их найдут. А тебя мы отведём к предводителю. Имей в виду, когда он сердится, то скармливает таких малышей, как ты, волкам, так что лучше отвечай ему всю правду, парень.

Майкл Карл сдержался. В конце концов он сам на это напросился. К тому же он знает трюк, которому его научил Эванс, старый конюх. Когда понадобится, он сумеет разыграть из себя Гудини*.

Отряд двинулся по еле заметной тропе вверх по горному склону. Стемнело, предводитель достал факел и зажг его. Это и есть, подумал Майкл Карл, то, что писатели называют приключением. Было бы гораздо интереснее, если бы он не так замёрз. Урок ему всегда брать с собой шляпу, когда выходишь вечером. Книга Киплинга, кото-

рую он сунул во внутренний карман, неприятно была по рёбрам. Юноша пытался приободриться, говоря себе, что по крайней мере избавился от речей, но потом вспомнил, что сказал человек-волк о предводителе банды. Очевидно, ему предстояла встреча с этим загадочным предводителем.

Не нравилось ему и внимание, которое начали уделять ему четвероногие спутники. Казалось, они считали забавным прыжки с боков, от которых его лошадь вздрагивала и пыталась понести. Вначале люди-волки смеялись, но потом, когда лошадь Майкла Карла стала причинять им слишком много беспокойств, они развернули свои хлысты и принялись отгонять волков.

По-видимому, волки этих хлыстов боялись. Они тут же отступили. Майкл Карл запомнил это на будущее.

Они продолжали подниматься, но теперь двигались по такой узкой тропе, что один сапог Майкла Карла задевал за стену ущёса, а другой свисал над пропастью. Юноша решил, что горы ему не нравятся.

Тропа обогнула камень, и молодой человек увидел внизу, в долине, огонёк. Казалось, он заинтересовал и людей-волков.

— Гостиница Короны, — указал один из них на далёкий свет.

Другой презрительно плюнул.

— Хозяин трус. Он бы и за мать родную не заступился.

— Да, но сейчас там живёт один, псих, как и все американцы, он даже осмеливается ходить в наши горы, — заметил предводитель.

Майкл Карл смотрел вниз на огонёк, сколько мог его видеть. Если бы он добрался до этого американца...

— Приехали, малыш, — наконец сказал его похититель, и они со стуком двинулись по мосту на выложенный камнями двор.

Принц встречается с Оборотнем

Крепость Чёрного Стефана, должно быть, когда-то была замком знатного лорда, она господствовала над длинной долиной у подножия горы и могла собирать с неё дань. И даже теперь, когда все сооружения, внешняя и внутренняя стены — всё, кроме башни самого хозяина, — были разрушены, крепость всё равно производила впечатление.

Майкла Карла стащили с лошади, и он стоял, дрожа больше от возбуждения и холода, чем от страха, в свете больших факелов из сосны, которые торчали в железных кольцах на стенах. Вокруг бродили волки, принюхиваясь к пленнику и к большой двухколёсной повозке, нагруженной сельскохозяйственной продукцией; повозка со скрипом проезжала по мосту через ров.

Никто не пытался скрываться, вести себя тихо. Повидимому, барон фон Урдлеман сказал правду: никто не смеет выдать Чёрного Стефана солдатам.

Похититель провёл его через двор, в тяжёлую дверь и в длинный зал, единственным предметом мебели в котором был огромный стол, сдвинутый в сторону. Майкл Карл представил себе, как волки, двуногие и четвероногие, рычат за уставленным яствами столом, во главе которого сидит загадочный Оборотень.

Но чуть погода, когда разгорелся огонь в очаге, он увидел за столом помост высотой в две ступени и на нём единственное кресло с высокой спинкой. Оно стояло, обрамлённое алым плащом, как трон — разбойничий трон. Чёрный Стефан, должно быть, пользуется здесь почти королевским статусом. А кто он на самом деле?

Юношу провели к очагу и усадили на скамью. Очевидно, Оборотень ещё не подготовился к встрече с ним.

Человек-волк, привязав ноги пленника к скамье, торопливо вышел.

Пошёл доложить, решил Майкл Карл.

Его заинтересовал американец в гостинице Короны. Такой человек, «псих, как все американцы», по словам человека-волка, может оказаться достаточно безрассудным, чтобы помочь ему, если он сумеет сбежать.

Юноша перестал думать об американце и попытался сбросить с плеч тяжёлый плащ. У очага стало жарко. Погрузив подбородок в меховой воротник, Майкл Карл потянул за крючок, который, к сожалению, не расстегнулся. Придётся использовать свою лучшую карту или изжариться до смерти. Ведь человек-волк может решить, что слишком свободно связал пленника.

Прижав большой палец к ладони, так что сама ладонь стала шириной в запястье, юноша понял, что маленький размер рук снова послужил ему. Он начал освобождать кисти, действуя осторожно и потеряв в этом процессе всего лишь немного кожи. Наконец путы соскользнули, он освободился.

Майкл Карл потёр горящие запястья, торопливо расстегнул и сбросил плащ и занялся ногами. Наклонившись, он почувствовал, как скользнул на груди крест. Оставалось надеяться, что его не станут обыскивать. Стоит ли объявить, кто он, или продолжать выдавать себя за адъютанта? В любом случае его ожидала неласковая встреча, если Оборотень действительно так ненавидит знатных людей, как говорил барон.

Лучше попытаться добраться до гостиницы Короны с этим американцем. Подхватив плащ, Майкл Карл повернулся. А почему не попробовать прямо сейчас?

— Надеюсь, вы нас не покидаете?

Юноша медленно повернулся. На помосте стоял высокий человек, в волчьей маске, подобно всем остальным, но в чём-то и другой. Властность окутывала его как

плащ; несмотря на грубую шкуру и косматую маску, это явно был не рядовой член банды. Сзади послышался шёпот и ворчание: стоя собиралась, чтобы насладиться зрелищем.

— Входит разбойник, — отчётливо провозгласил Майкл Карл, по-прежнему чувствуя себя словно в мелодраме. Очень похоже на кино, в которое он как-то ходил, вопреки приказу.

— Именно так, — согласился незнакомец в маске, — только боюсь, относительно личности разбойника мы разойдёмся. Разумеется, вы отвели эту роль мне, а я, напротив, избираю для этой роли вас.

— Конечно, этого следовало ожидать, — вежливо ответил Майкл Карл. — Аудитория, — он оглянулся на собравшуюся стаю, — наверняка склонна согласиться с вами, — и в отчаянии подумал, долго ли будет продолжаться такая игра.

— Вы Чёрный Стефан? — спросил он.

Предводитель в маске кивнул.

— А вы? — в голосе Черного Стефана прозвучала строгая нотка «переходим к делу».

Майклу Карлу хотелось видеть лицо противника; бороться с маской неспортивно; возможно, если бы положение не становилось напряжённым, он бы сказал об этом.

— Предоставлю вам самому искать ответ. В конце концов, вы ведь не можете рассчитывать на мою помощь.

Он будто машинально скрутил плащ и измерил расстояние между собой и дверью. Если этот тип будет говорить подольше, у него появится некоторый шанс. Майкл Карл больше не считал, что жизнь в качестве пленника Оборотня привлекает его.

— Мальчики вашего возраста, — заметил Оборотень, — обычно не носят мундиры полковника, тем более полковника гвардии принца, — принц ничего не ответил.

Он понял, что Оборотень играет с ним в кошки-мышки. Разбойник знает, кто он, он просто забавляется, делая вид, что не знает.

— Обыщите его, — неожиданно приказал Оборотень.

Плащ вырвали из рук юноши, рубашку буквально сорвали с плеч. Они действуют более грубо, чем необходимо, подумал Майкл Карл; он опасался, что кожа его последует за рубашкой.

Отлетела пуговица, шёлковая нижняя рубашка распахнулась на груди, сверкнул ледяным огнём крест. Все отступили, а Оборотень с негромким восклицанием наклонился вперёд.

— Итак, — негромко проговорил он, — мы имеем честь принимать его королевское высочество наследного принца?

— Да, — просто ответил Майкл Карл.

Человек на помосте насмешливо поклонился.

— Прошу простить за что, что вам не оказаны почести, подобающие вашему королевскому высочеству, но так давно люди вашего положения не наносили нам визита. Последний такой посетитель, — Чёрный Стефан печально покачал головой, — покинул нас так неожиданно. Вы, вероятно, слышали об Ульрихе Карле?

У Майкла Карла перехватило дыхание.

— Коронованный принц, погибший в горах.

— Совершенно верно. Ему не повезло. У меня такое ощущение, что всем членам вашей семьи в горах не везёт, ваше королевское высочество. Горный воздух не полезен вашему семейству.

— Значит, это вы убили его? — спросил юноша. Ему ничего не говорили об его двоюродном брате, кроме того, что он погиб в горах.

Рот Чёрного Стефана под волчьей маской улыбался. Улыбка была весьма неприятная.

— Скажем так: он стал помехой для некоторых горцев, которые занимались собственными спорами. В вас течёт дурная кровь, принц.

— Но я по крайней мере не убийца, — ответил Майкл Карл.

— Правда? А что сказать о людях, исчезающих в вашей Львиной башне?

Юноша был искренне озадачен.

— Не понимаю, о чём вы говорите.

— Эрих, расскажи, что ты знаешь, — приказал Чёрный Стефан.

Человек-волк, захвативший Майкла Карла, встал на нижнюю ступеньку помоста и повернулся лицом к собравшимся.

— В гвардии короля служил молодой человек, который посмел вслух сказать то, о чём другие только шепчутся. Два месяца назад он исчез в Львиной башне и больше не появлялся.

Сквозь маску глаза Эриха с ненавистью смотрели на Майкла Карла. В больших руках он держал охотничий нож.

— Пока ещё нет, друг мой, — пророкотал Чёрный Стефан. — Что скажете теперь, мой принц?

— Я не несу ответственности за то, что делал покойный король, — твёрдо ответил Майкл Карл. — Я даже ещё не был тогда в Морвании.

Зелёные глаза Оборотня впились в него.

— Морвания не изменилась со Средних веков, — заявил Оборотень. — Король никому не подотчётен, но отвечает за дела своих предков. Вы — последний представитель династии Карлофф, безумной, преступной семьи. Что мешает мне покончить с вами сегодня же? Страна обожествит меня за это.

Майкл Карл ощутил холодный ужас. Этот человек сумасшедший. Он поступит именно так, как обещает, и

улыбнётся своему поступку. Но Оборотень явно чего-то ждал. Может, хотел, чтобы юноша стал молить о пощаде; что ж, этого он не дожждётся.

— Ну, если вы так считаете, я совершенно беспомощен. А у вас целая команда убийц, если не хотите сами пачкать руки.

Кто-то схватил его за ободренные запястья, а Эрих открыто обнажил нож. Несмотря на страх, Майкл Карл испытал безумное желание расхохотаться. Это же просто невозможно. Должно быть, просто снимают кино. Такое в наши дни не может происходить даже в самой отсталой балканской стране. Он не мог удержаться от смеха.

Глядя прямо в маску Оборотня, он спросил:

— А сколько вы платите в день массовке?

Оборотень удивился.

— Вы считаете, это кино?

— Ну, в наши дни такого просто не бывает.

Чёрный Стефан улыбнулся.

— Должен сказать, что таким, как вы, не откажешь в храбрости. Но ночь в западной комнате приведёт вас в чувство. Уведите его, — приказал он.

Пленника провели к дальнему выходу и по лестнице, ступени которой вдрызг разбили сотни проходивших ног. Было страшно холодно, и Майкл Карл пожалел о своём плаще и рубашке. По какому-то чуду крест продолжал висеть у него на груди; похоже, ему оставили эту драгоценность.

На самом верху лестницы их остановил посланный вдогонку вестник. Он передал приказ на неизвестном Майклу Карлу диалекте, и юношу поспешно затолкали в ближнюю комнату. Оглядевшись, пленник первым делом подошёл к окну, под которым оказался внутренний двор, и на его глазах группа людей-волков села верхом и быстро ускакала; на камнях остались только волки, боль-

шинство их терпеливо лежало у небольшой двери в дальнем конце двора.

Терпение их было вознаграждено: из двери вышел человек-волк и принялся бросать куски мяса; он стоял, вооружённый хлыстом, разнимая дерущихся волков. Проглотив мясо, волки свернулись клубками у дальней стены.

Майкл Карл измерил окно и подошёл к койке. На ней не нашлось ни одеяла, ни простыни, но под жёсткой шкурой он с радостью обнаружил сетку из кожаных ремней. Однако узлы, старые и твёрдые, не поддавались пальцам.

После пятой попытки развязать их Майкл Карл обессиленно прилепился к стене и почувствовал какой-то укол в шею. Три звена цепи, на которой висел крест, оказались с острыми краями. Майкл Карл снял цепь через голову и принялся работать над узлами. Наконец судьба ему улыбнулась. Разрезав один узел, он обнаружил, что нужно разрезать ещё только один, и вся сетка освободится. Холод от каменного пола и незакрытого окна сделал его руки неловкими, время от времени цепь выскальзывала из посиневших пальцев, и ему приходилось на ощупь отыскивать её на полу.

Высвободив ремень, юноша как мог проверил прочность каждого фута. Будет не очень-то приятно, если ремень порвётся и Майкл Карл окажется посреди стаи волков. Койка сослужила ему один раз, сослужит и вторично. Он привязал один конец ремня к ножке.

Уже абсолютно заочневшими пальцами юноша стягивал тесные сапоги, пока не умудрился снять их и повесить на пояс, прикрепив обрывком ремня. Свернув ремень в руке, он забрался на стол и начал протискиваться в окно. Было очень тесно, и вновь он поблагодарил судьбу за свой небольшой рост и стройность. Человек

ростом с барона или Оборотня никогда не пролез бы здесь.

Юношу охватил холодный горный воздух. Тяжело дыша, Майкл Карл повис на ремне над мощёным двором. Он опускался осторожно, дюйм за дюймом, поглядывая на спящих волков.

«Если мне удастся отсюда выбраться, — молча пообещал он себе, — дальше двух кварталов от Бродвеса меня никто никогда не увидит».

Принц ничего не знал о Бродвесе, но по сравнению с Балканами там должно быть безопасно. Майкл Карл покончил с приключениями, но, к несчастью, они пока не покончили с ним.

Конечно, верёвки не хватило, и ему пришлось повиснуть, отвязаться и отвязать сапоги и прыгнуть примерно с высоты в четыре фута. Удар от приземления прозвучал тревожно громко, и, не оглядываясь на то, какой эффект он произвёл на спящих стражников, Майкл Карл скользнул к двери, которая, как он решил раньше, ведёт к конюшне. И только скрывшись за дверью, он облегчённо вздохнул.

В дальнем конце помещения тускло горела лампа, и в её слабом свете он увидел груды сена. Майкл Карл натянул сапоги, расправил голенища, так что они плотно охватили голени. Эти сапоги предназначались для походов, для переправ вброд через реки и тому подобного.

Непосредственно под лампой на стене висело несколько седел. Благодаря судьбе за то, что научился седлать лошадь, Майкл Карл схватил ближайшее седло и одеяло, висевшее рядом с ним.

В конюшне оставалось четыре лошади: поджарая серая со злыми глазами, две чалых и чёрная кобыла. Майкл Карл пожалел об отсутствии Герцогини. Уж она-то знает, как при случае показывать копыта. Он выбрал серую, оседлал и взнуздal её.

В углу стояла серой он сделал приятную находку — крестьянскую чёрную куртку, которая заменит его утраченный камзол. Надев её через голову, юноша повёл серую к выходу из конюшни. Снаружи слышалось тревожное фырканье. Волчья стая проснулась.

Думая, стоит ли рискнуть и попытаться проскакать верхом или поискать другой выход, Майкл Карл увидел у двери длинный хлыст, один из тех, что носят с собой все люди-волки. Он уже знал, что волки боятся одного вида этих хлыстов. Юноша снял хлыст и надел петлю рукоятки себе на руку.

Взобравшись в седло — хотя серая и попыталась помешать ему, — он одной рукой открыл дверь и сразу оказался в гуще волков. Один из них присел и с ворчаньем прыгнул, но Майкл Карл взмахнул хлыстом, и волк упал в середину стаи, которая молча отступила, выпустив серую с всадником во двор.

Майкл Карл ещё два раза взмахнул хлыстом и воспользовался шпорами. Серая прыгнула, стремясь уйти от шпор всадника, они пролетели через двор, прогремели по мосту и скрылись в лесу, прежде чем Майкл Карл осознал, что он действительно свободен.

Не решаясь свернуть в сторону, чтобы не заблудиться, он в рекордное для себя время проскакал по ведущей вниз тропе. И без всякого предупреждения столкнулся с теми, кого больше всего хотел бы избежать, — с людьми-волками, возвращавшимися в замок.

В темноте он почти миновал их, прежде чем они сообразили, что что-то не так. Кто-то попытался схватить за узду его лошадь, но Майкл Карл вновь воспользовался хлыстом. В свете факела промелькнули размахивающие руки и лица в масках, но беглец уже проскакал мимо и из всех сил понёсся вниз, в долину.

Серая обезумела от ужаса, и Майкл Карл больше не

справлялся с ней. Он боялся, что на него спустят волков. Неожиданно свернув, серая оставила тропу и углубилась в лес. Юноша пригнулся, вжимаясь лицом в жесткую гриву, чтобы избежать ударов ветвей, которые хлестали его по плечам и однажды глубоко оцарапали щёку.

Теперь по нему стреляли, хотя, конечно, не могли увидеть в темноте. Целились по треску, с которым серая прорывалась сквозь подлесок. Но в таком случае они были отличными стрелками. Не одна пуля пролетела слишком близко хотя бы для относительного спокойствия.

Серая рывком, от которого закружилась голова, полусоскочила-полусползла с крутого склона и поскакала по каменистому дну ручья. И тут произошло несчастье. Кобыла споткнулась, Майкл Карл перелетел через её голову и упал лицом вниз в ледяную воду.

Серая взметнула голову, восстановила равновесие и усккала, прежде чем Майкл Карл сумел ухватить свисающий повод. Оставалась надежда, что преследователи пойдут по её следу и позволят беглецу уйти незамеченным.

Он с трудом поднялся на берег в путаницу живых ветвей с набухшими почками, как раз когда на противоположном берегу появились первые люди-волки. Первый с криком направил лошадь по склону в ручей. Он был не один. За ним из-за деревьев показались ещё несколько тёмных всадников. Майкл Карл считал их, пока они с плеском переправлялись через ручей. И насчитал восемь.

Как он и надеялся, они пошли за серой, и пока они не пустят по следу волков, он в безопасности. Юноша подождал, пока шум не стих вдали, и выбрался из укрытия.

Последний бросок серой совершенно лишил его представления о направлении. Он больше не знал, в какой

стороне дорога или где гостиница Короны. Но все ручьи должны течь вниз, в долину, и скорее всего наиболее безопасно будет пойти по течению этой речушки.

Вода подсказала беглецу новую идею. Он где-то читал, что текущая вода уносит запах, и что иногда преследуемые животные, спасаясь от собак, идут по ручьям. Ни на мгновение не забывая об остром нюхе волчьей стаи, Майкл Карл ступил в быстрое, хотя и мелкое течение и двинулся вниз по ручью.

Он слышал на удалении выстрелы и крики. Очевидно, серая всё ещё благородно отвлекала внимание преследователей. Холод воды проник в сапоги и заставил тосковать о королевском купе, которое он так неразумно покинул всего несколько часов назад.

Но теперь он был свободен. Свободен ото всех. Генерал и граф решат, что его захватил Оборотень, а Оборотень решит, что принц попытается пробраться к своим сторонникам в Рейн. Ему же остаётся только затаиться и переждать, и он избавится ото всех них и, когда появится возможность, уедет из этой страны и вернётся в Америку.

Конечно, существует одно препятствие. У него нет паспорта. Но он каким-нибудь образом сумеет обойти эту преграду, даже если придётся отправляться в Америку в качестве эмигранта из Морвании.

Вода в сапогах начала беспокоить юношу, и он вернулся на берег, сразу обнаружив, что идти в промокших сапогах — самое неприятное дело на свете. Несомненно, быть принцем не больно-то сладко. Но по справедливости приходилось признать, что в своём последнем приключении виноват он сам.

Майкл Карл уже начал гадать, куда приведёт его этот ручей, когда услышал совсем близко топот и фыркание лошадей. Спрятавшись за деревом, он напрягал зрение, пытаясь разглядеть всадников.

Перед ним, не далее чем в двадцати футах, на поляну

высхал человек-волк, а сзади, непосредственно за Майклом Карлом, треснула ветка. За ним охотились по всем правилам.

И тут он сделал худшее, что только мог. Потерял голову и бросился бежать. С диким криком человек-волк устремился за ним. Майкл Карл бежал вниз, в долину, хлюпая мокрыми сапогами. Он был уверен, что если бы смог добежать до гостиницы, то оказался бы в безопасности.

Тяжело дыша, юноша выбежал на открытое место и по неровной, в колеях, дороге устремился к огню. Случайно он вышел именно на дорогу к гостинице. За ним по пятам скакали люди-волки. Опасаясь, что они каждую минуту могут его настигнуть, Майкл Карл не оглядывался и продолжал бежать.

Глава четвёртая

В гостиницу Короны и из неё

Почему-то преследователи затормозили. Возможно, собирались выкурить его, как лису из норы. Как только он показывался на фоне сутроба, кто-то из всадников стрелял, но пули, вероятно, намеренно, пролетали мимо. Майкл Карл пошатнулся на повороте дороге и из последних усилий скрылся в кустах.

Он лежал лицом вниз в полузамёрзшей грязи, слишком уставший, чтобы сделать последний рывок. Прямо перед ним стояла гостиница. Не в силах искать дверь, юноша подполз к ближайшему окну и всем телом рухнул в него.

Тупо ныло плечо. Раньше Майкл Карл не замечал этого, но, по-видимому, когда серая сбросила его, он ушиб руку.

— Конечно, я не возражаю против посетителей, —

послышался холодный голос, — но обычный путь через дверь, не правда ли?

Майкл Карл приподнялся на локте. На него сверху вниз с улыбкой смотрел молодой человек с весёлыми глазами и серыми усами. Тот самый безумный американец, который бросает вызов Оборотню, поднимаясь в его горы.

Но прежде чем юноша смог ответить, раздался звон и одно из оконных стёкол разлетелось. Американец двумя шагами пересёк комнату и захлопнул тяжёлые ставни.

— Только не говорите мне, что это революция, — попросил он.

Майкл Карл осторожно сел. Обнаружив, что покрытые волдырями ноги ещё выдерживают его, он подполз к стулу.

— Нет, — пробормотал он, — мне жаль вас разочаровывать, но это не революция, а разбойники!

— Вы разбойник? — оживившись, спросил американец.

Беглец снова покачал головой.

— Нет, это вон те друзья с хлопушками. Их там восемь человек.

— Но они преследовали вас до самой гостиницы, — возразил американец. — А где же полиция?

— В том-то и дело, — устало сказал Майкл Карл. — Здесь нет полиции. Мне говорили, что между армией и Оборотнем нелады, но до сих пор верх был на стороне Оборотня. Он правит этой частью страны.

Американец радостно рассмеялся.

— Значит, он на самом деле существует, этот Оборотень?

Юноша со стоном опустился на стул.

— Если это не так, — ответил он, — значит, мне приснился кошмар.

— Но я считал, что он только против знатных.

Майкл Карл мельком глянул на себя в зеркало. Лицо в грязи и крови; крестьянская куртка, от которой за версту несёт конюшной, порванная на плече. Неудивительно, что американец решил, что уж он-то не принадлежит к знати.

— Вы можете не поверить, — медленно ответил беглец, — но вы видите перед собой бывшего, очень бывшего капитана гвардии принца и рыцаря Морвании. К несчастью, я оказался настолько знатен, чтобы заинтересовать Оборотня.

— Вы американец, — не спросил, а заявил его собеседник.

— Да, — согласился Майкл Карл. — Американцем был и бывший наследный принц. Вот что бывает, когда помогаешь друзьям, — добавил он с жаром. — Майкл Карл Морванский был призван домой, чтобы править своей заброшенной страной, а я, как дурак, согласился стать его адъютантом. Если мне удастся отсюда выбраться, больше никогда дальше Атлантик-Сити не уеду. Я хочу вернуться, поселиться в Сент-Луисе и никогда не видеть океан, не слышать ни слова о том, что за ним.

— А что случилось? — спросил американец.

— Всё! Мы остановились на этой проклятой станции половины пути, — продолжил юноша, — чтобы добавить паровоз, и этот придурок Майкл Карл решил, что будет забавно пройтись. Забавно, клянусь Господом! Не успели мы сойти со ступенек вагона, как Оборотень набросился на нас, и я повёл вечер в его крепости.

— А что будет с принцем?

— Да как обычно. Его будут держать, пока не заплатят выкуп. Надеюсь, это произойдёт не скоро. Он впутал меня в эту историю, а потом так испугался, что даже не решился попытаться спастись и спуститься по верёвке. Ну и пусть остаётся там, пока его не выручит генерал Обердамн.

— А что вы собираетесь делать?

— Как можно быстрее уносить ноги из Морванни. Но прежде нужно проделать небольшую работу в Рейне, — Майкл Карл пощупал крест под рубашкой. Он хотел передать его властям, и тогда окончательно освободиться.

Что-то ударились о дверь внизу. Люди-волки пошли на приступ. Майкл Карл с трудом встал и, заметив на столе американца тусклый блеск металла, вооружился мощным револьвером.

Американец на цыпочках подошёл к двери и прислушался.

— Похоже, — сообщил он беглецу, — нам предстоит забава.

Майкл Карл попытался улыбнуться избитым лицом.

— Правда? — спросил он. И тут его охватила тьма. Он пошатнулся и упал на пол.

Ему стало тепло, так тепло, как не было очень давно. Юноша открыл глаза. Он лежал на перине, а американец срезал с его ног промокшие сапоги. Как хорошо было просто лежать и позволять волнам тепла окутывать промёрзшее тело, пока с него снимают эти сапоги, настоящие орудия пытки.

Он вздохнул от удовольствия, и американец поднял голову.

— Вам лучше? — спросил он.

Майкл Карл кивнул и нахмурился. Что-то он должен был вспомнить, сберечь.

— Вот и всё, — американец отбросил последнюю полоску кожи. — Что вы такое делали со своими ногами?

— Ходил, — сонно ответил Майкл Карл, — ходил мили и мили, причём по воде, — добавил он.

Американец откуда-то извлёк бинты, несколько флакончиков и миску с водой.

— Всегда ношу с собой сумку первой помощи, — объяснил он. — Никогда не знаешь, что с тобой случится.

— Как и коро... — начал было беглец и тут же торопливо поправился, — как военный.

И тут он вдруг вспомнил.

— Они вошли?

Американец рассмеялся и покачал головой.

— Я пригрозил им дядюшкой Сэмом, и они отступили. Понимают, что не стоит связываться с американцами.

Майкл Карл удивился. Он не верил, что Оборотень отпустит наследного принца, приложив лишь такие незначительные усилия для его поимки.

— Как теперь? — последний бинт был обмотан.

— Гораздо лучше. Но такое ощущение, будто ногам нужен отпуск.

— Они его получают. Вы несколько дней не сможете ходить, молодой человек. Интересно, подойдёт ли это, — и хозяин комнаты показал пижаму с поразительно длинными рукавами и штанинами.

— Вряд ли.

— Попробуем.

Прежде чем Майкл Карл смог возразить, крестьянскую куртку с него сняли, и теперь крест скрывался только под изорванной рубашкой.

— Вы словно дрались, — заметил американец.

— Меня не очень вежливо обыскивали, — признался юноша.

Бриллиантовый крест тяжело висел на груди. Майкл Карл пожалел, что не оставил его вместе с короной в тайнике в королевском поезде.

— Боже, да кто же вы? Ходячий ювелирный магазин? — сквозь дыры рубашки крест всё-таки привлёк внимание американца.

Майкл Карл сухо рассмеялся.

— Примерно. Имущество моего бывшего хозяина. Он не хотел, чтобы эта вещь попала в руки Оборотня, и так

как меня уже обыскали, передал её мне. Я должен отвезти крест в Рейн и передать властям. Эта вещь — большая помеха для меня.

Он снял крест и протянул американцу. Если продолжать играть роль откровенного парня, это лишь подтвердит его версию: он американец, ставший адъютантом принца.

— Что-то такое я уже видел, — объявил его хозяин. Глаза Майкла Карла сузились. — Вспомнил. Он был на выставке драгоценностей Короны на каком-то благотворительном мероприятии. Можно было заплатить полгрудена и осмотреть драгоценности, платье для королевы и всё остальное. А деньги шли на бедных. С этим связана какая-то легенда. Один из лучей креста должен быть полый, и в нём хранится осколок стрелы, которая сделала Себастьяна мучеником. Крест может носить только наследный принц, а на всякого другого, кто его наденет, ляжет проклятие.

— Ну, к этому-то я готов, — вздохнул Майкл Карл. — Давай, проклятие, делай своё дело, — он снова надел крест на шею и скрыл его сверканье под пижамой, которую заставил его надеть американец.

— Кстати, как вас зовут? Мне не нравится всё время говорить «вы», — заметил Майкл Карл, пряча крест.

Американец странно улыбнулся.

— Фрэнк Эриксон. А вас?

Майкл Карл был готов к ответу. Сделав выбор из запаса в семь имён, он небрежно ответил:

— Джон Стефенсон. Вот мы и познакомились.

Фрэнк Эриксон рассмеялся и пошёл отвечать на стук в дверь. Немного погодя он вернулся, усадил Майкла Карла спиной к подушке и поставил ему на колени поднос с блюдами, от которых шёл пар.

— Вот это я называю едой, — довольно промолвил

юноша, когда все блюда были открыты. — Вы и представить себе не можете, через что я прошёл за последние два месяца. Не ешь то, и не ешь это.

— Но ведь за едой приближённых его королевского высочества не должны так следить, — возразил американец.

Майкл Карл постарался исправить оплошность.

— О, мы тоже не могли есть то, что запрещено его королевскому высочеству. А запрещено было всё вкусное, — добавил юноша с горечью, хотя и с набитым ртом.

— Что вы собираетесь теперь делать? — спросил его хозяин, убирая с постели последнюю опустевшую тарелку.

— Собираюсь ускользнуть отсюда, если смогу, добраться до Рейна, отдать это, — он показал на спрятанный крест, — и уплыть на первом же пароходе

— Послушайте, — прервал его американец, — на самом деле я представляю здесь американскую газету и направлен сюда в поисках неизвестных сведений об этом Оборотне. Вы можете сообщить мне все необходимые сведения, и я больше не должен буду терять время, делая вид, что собираюсь карабкаться в горы. У меня кружится голова, когда я смотрю из окна второго этажа. Вы поедете в Рейн со мной. Вы сыграете роль моего шофёра. Мой собственный шофёр, узнав, куда я собираюсь, тут же меня покинул. Паспорт у вас есть?

Майкл Карл покачал головой.

— Это меня и тревожит, — признался он.

— Ну, я немного знаком с американским послом и смогу уладить это ваше дело.

— Но это причинит вам множество беспокойств, — с сомнением пробормотал юноша.

— Вовсе нет, — ответил американец. — А ваш рассказ будет стоить любых беспокойств. Вы ведь расскажете мне всё? — с тревогой спросил он.

— Всё, что я знаю об Оборотне, это имя, голос и место, где он живёт сейчас.

— Это уже не мало. Ну, ладно, пора спать. Если что, позовите. Я в соседней комнате.

Хозяин неслышно вышел, оставив Майкла Карла смотреть на угасающий в очаге огонь. Совсем недавно он чувствовал сильную усталость, но теперь спать совершенно не хотелось. Провидение, судьба или что иное заботящееся о нём тоже не спало.

Американец заинтересовал принца, но у него появилось странное ощущение, что Фрэнк Эриксон — имя такое же подлинное, как и Джон Стефенсон. Кстати, Джон — Иоганн — и Стефан действительно принадлежат к семи именам, которыми его наградили при рождении.

Огонь в очаге потухал, тени удлинялись. Юноша закрыл глаза. Почему-то он был очень счастлив. Может, потому что наконец-то освободился.

Послышался резкий скрип, Майкл Карл лениво повернулся, и утреннее солнце ударило ему в глаза. Американец стоял у открытого окна и выглядывал наружу.

— Неужели обязательно вставать так рано? — раздражённо спросил юноша. Плечо у него ныло, да и ноги поторопились сообщить, что они ещё с ним.

— Доброе утро! Вы наконец проснулись? Уже одиннадцатый час, — с улыбкой сообщил Фрэнк Эриксон своему гостю.

Майкл Карл виновато сел.

— Не может быть!

— Но это так. И боюсь, если вы в состоянии, нам пора в путь. Я кое-что слышал о нашем друге оттуда, — добавил хозяин, кивнув в сторону окна.

— Я знал, что он не позволит мне уйти так легко, — удовлетворённо пробормотал беглец. — Придётся мне

уходить одному. Если вы дадите мне займы пару башмаков...

— Мы выезжаем через час, — сообщил ему американец. — Я принес вашу ливрею. Помните, вы мой шофёр. Вас мне дал на время издатель ведущей газеты Рейна.

— Но это я влип в эту историю и не хочу впутывать в неё вас, — возразил Майкл Карл. — Я уйду один.

Он с трудом выбрался из постели и еле сумел устоять. Немного погодя снова сел. Не то что ходить, он и стоять-то не мог. Поэтому, хочет он того или нет, теперь юноша целиком зависел от помощи американца.

— Не говорите срунды, а лучше позавтракайте, пока я осмотрю ваши ноги.

Американец опять словно по волшебству произвёл на свет божий нагруженный едой поднос и свою сумку первой помощи.

— Пойдёт, — подытожил он, сменив последний бинт. — Сапоги Генриха вам велики на два размера, так что они не причинят вам неприятностей, пока вы выполняете приказы и не суетитесь.

— Но что скажут о шофёре, которые не только не ведёт машину, но и стоять не может? Вы сразу себя выдадите, — торжествующе заявил Майкл Карл.

Эриксон улыбнулся ему.

— Машину поведу я сам, а для публички у нас найдётся убедительное объяснение, не сомневайтесь. Вы будете делать, как вам сказано!

Юноша переварил приказ и только спросил:

— И что я должен делать?

Американец походил взад и вперёд по комнате, потягивая себя за прядь волос. Неожиданно он остановился в ногах широкой кровати.

— Мы поднимались в горы, — начал он.

— Вы недалеко от действительности, — прервал его Майкл Карл.

Эриксон взглядом заставил его умолкнуть и продолжил.

— Я поскользнулся и упал, и вы вытащили меня из пропасти, но пострадали сами. Это была моя вина, и поэтому я так тревожусь о вас и стараюсь побыстрее отвезти в Рейн. Хозяин всем будет говорить, что вы мой проводник, я это организовал, а в Рейне решат, что я нашёл вас в горах. Говорите на моравийском?

— Чуть-чуть. Только то, что усвоил за последние два месяца. Вы ведь знаете, при дворе говорят по-английски. Эриксон нахмурился.

— Ну, придётся попробовать. Помните, вы мой проводник и утали в горах. А теперь наденьте это.

Он показал тёмно-зелёные бриджи и куртку с высоким воротником того же цвета и чуть ли не силой надел их на Майкла Карла. Всё подошло относительно неплохо, кроме чёрных сапог, которые действительно оказались велики. Но это помогло надеть их поверх повязок.

— Неплохо, — заметил американец, закончив, когда Майкл Карл присел перед зеркалом. — Если прилепите несколько полосок пластыря на эти царапины, наша история станет ещё правдоподобней.

Юноша послушался и осмотрел отражение. Бледное лицо в зеркале слегка искажал пластырь на щеке, но Майкл Карл печально признал, что всякий, кто видел бывшего наследного принца, сразу его узнает. В Рейне придётся не высовываться. Как-нибудь отдать крест и потом сидеть взаперти, пока Эриксон не договорится с американским послом и не получит паспорт.

Эриксон упаковался очень простым методом, побросал все вещи в два саквояжа и сжимал края, пока сумки не закрылись. Не очень аккуратный, зато быстрый способ. Надел потёртую шинель и старую шляпу. Взял оба саквояжа и направился к двери.

— Сейчас приведу машину, — бросил он Майклу Карлу, — а потом мы с Гансом поможем вам выйти.

Юноша услышал внизу шум мотора, потом кто-то поднялся по лестнице. Ждать пришлось недолго. Ганс оказался конюхом, улыбающимся светловолосым парнем, примерно ровесником Майкла Карла. Он поклонился и застыл в ожидании приказов.

Вскоре, подобно вихрю, ворвался американец, и у беглого принца появилось ощущение, что его подхватила буря. Ганс под градом приказов сумел поставить Майкла Карла на ноги и частично провёл, частично вынес его через дверь и по лестнице.

Хозяин гостиницы, «трус», как презрительно называли его люди-волки, стоял, улыбаясь и кланяясь, его пухлые руки играли с красем не очень чистого передника. Улыбка у него была чуть напряжённая, и Майкл Карл понял, что, несмотря на изобретательность американца, хозяин подозревает, кто такой на самом деле его неожиданный гость, и очень хочет побыстрее от него избавиться.

Они вышли во двор гостиницы, и юношу осторожно усадили на сиденье небольшой серой машины. Ганс ушёл, глуповато улыбаясь и щупая серебряную монету, какой давно не видел. Очевидно, такие богатые путешественники, как этот американец, не часто останавливаются в гостинице Короны.

Американец сел за руль, и они выехали. Прощально проскрипела вывеска с плохо нарисованной короной. Майкл Карл оглянулся через плечо. Он надеялся, что больше никогда не увидит гостиницу Короны.

— Какие нелепые здесь дороги, — неожиданно заметил его спутник. — Возле Рейна они не хуже, чем в Америке, но стоит отъехать на десять миль от города, так начинается просто ужас.

Он искусно объехал несколько больших камней, беззаботно оставленных прямо посреди дороги.

— Нужно всего десять минут, чтобы выкинуть эти камни, но никто не позаботился. Бьюсь об заклад, они лежат тут не первый год. Вы думаете, об этом должно заботиться правительство. Тут есть должность дорожного инспектора, но она хорошо оплачивается, и потому её занимает какой-нибудь придворный придурок, друг кого-то из значительных лиц. И так во всём. Например, этот Оборотень. Он него можно было бы давно избавиться, но ведь для этого нужно работать.

Слова американца заставили Майкла Карла призадуматься. Если бы он принял правление, сколько мог бы он сделать, чтобы наладить дела в государстве с такими помощниками, как генерал и граф.

— Расскажите мне о Рейнсе, — неожиданно попросил он.

Глава пятая

Майкл Карл въезжает в свою столицу

Американец с готовностью описал Майклу Карлу столицу.

— Это удивительное место. Верхний город не тронут с середины восемнадцатого века. Историки и туристы там ходят с ума. Вы, конечно, знаете историю города...

— Нет, — коротко ответил юноша. — Знаю только, что город называется Рейнс и стоит на реке Лауба.

Американец пристально взглянул на него.

— Ну, это была столица герцога, когда Морвания была не королевством, а герцогством. Крепостной замок построен во времена крестоносцев, а кафедральный собор — в 1234 году. Морвания оставалась герцогством до 1810 года. Тогдашний герцог попал в милость к Наполсону, и тот отрезал два больших куска от соседних

государств, добавил их к герцогству и превратил его в королевство.

Это вызвало немало неприятностей, потому что одним из небольших городов, которые прихватил герцог, был Иннесберг; сейчас Иннесберг не меньше Рейна и главный промышленный и торговый центр королевства. Город известен как рассадник коммунизма, и у Совета с ним множество неприятностей. Последний король был убит как раз во время посещения Иннесберга. Иннесберг не так красив и стар, как Рейн, и дворянство его избегает. Это очень современный и уродливый город.

С другой стороны, Рейн похож на те невероятно прекрасные города с башнями, которые изображаются в книгах волшебных сказок. Улицы Верхнего города вымощены булыжником и обычно слишком узки для машин. На холме — крепость, и Верхний город поднимается ей навстречу.

Новый, или Нижний, город, где расположились кварталы иностранцев, посольства и торговые представительства, раскинулся на другом берегу Лаубы у подножия холма.

— А где вы живёте? — прервал его Майкл Карл.

— Друг уступил мне свой дом на Пала Хорн. Это извилистая улица, которая ведёт к Кафедральной площади. Сейчас там появились и такие, как я, разбавив представителей самого консервативного дворянства, но некогда жить здесь могли только обладатели голубой крови. Мой дом расположен прямо под крепостью, и легенда говорит, что между ними есть тайный ход, лазейка, которой в старину пользовались герцоги.

От Кафедральной площади отходит лабиринт узких улочек с причудливыми маленькими магазинами и гостиницами. Если пройти по ним до конца, окажешься в Барго — районе городских преступников. Это ужасное место.

Но в целом ситуация в стране достаточно стабильная. Это обусловлено тем, что даже если Иннесберг восстанет, Рейн способен быстро подавить восстание. Дело в том, что вода в Иннесберг поступает с гор через Рейн. Несколько бомб выведут из строя водопровод, и Иннесберг сразу смирится.

— А какая здесь авиация?

Американец нахмурился, затем его лицо прояснилось.

— А, бомбардировщики для водопровода? Скуповатый король после последних неприятностей купил какую-то развалину. Один из местных дикарей раз в неделю или когда Совет желает произвести впечатление на иностранцев «военно-воздушными силами», рискует на ней своей шеей. Нет, бомбы придётся устанавливать с повер-
хности.

Они с грохотом проехали по деревянному мосту. Горы и холмы уступили место приятным равнинам; тут и там пёстро одетые крестьяне заставляли неуклюжих быков или лошадей-тяжеловесов тащить плуг по полю. Влажные борозды казались коричневыми на фоне весенней зелёной травы, и весёлый ветерок дёргал козырёк кожаной кепки Майкла Карла. В горах ещё мог идти снег, но в низинах уже воцарилась весна.

Юноша глубоко вдохнул и пожалел, что не может пройти по этой дороге. Эриксон сочувственно улыбнулся.

— Действует, верно? Подождите, пока впервые не увидите Рейн. Мы будем спускаться с горы Харцинг, и Лауба покажется серебряной лентой, опоясывающей весь город. Ничего похожего нет на земле.

Пастух в круглой матерчатой шляпе с перьями пошвыстел собаке, и машина свернула в сторону, пока встревоженная колли лаем и рычанием не согнала своих глупых подопечных с дороги. С ленивой улыбкой пастух

коснулся шляпы и пожелал приятного дня и благополучного окончания пути.

— Половина очарования Морвании, — Фрэнк Эриксон словно рассуждал сам с собой, — заключена в её жителях. Если бы их оставили в покое, это были бы самые счастливые и довольные люди в мире. Но они слишком верны. Морвания не изменилась со средних веков. Они верны до самой смерти какому-то ни на что негодному щенку...

— Принцу Короны, — подсказал Майкл Карл.

— Вот именно. Он, вероятно, о них и не думает. Ему нужен только трон и всё, что из этого можно извлечь. Карлоффы известны тем, что всегда в первую очередь заботятся о себе. Какое ему дело до Морвании?

— А может, он никогда и не хотел править, — неуверенно предположил юноша, — может, он хотел свободно жить своей собственной жизнью.

Эриксон строго посмотрел на Майкла Карла.

— Люди с королевской кровью, — медленно ответил он, — не бывают свободны. У них есть обязанности, они всегда солдаты действительной службы. Если бы этот наследный принц был верен своему долгу, он бы явился сюда и расчистил бы всю эту клоаку бездельников и мздоимцев, которые правят страной и живут за её счет. Он стал бы королём не только по имени, но и на самом деле. Это его долг, но я не сомневаюсь, что он от него уклонится.

— Но он не хочет править, — буквально взмолился Майкл Карл. — Он никогда не хотел приезжать в Морванию, его практически силой притащили сюда.

— Я же сказал, — повторил американец, — что он недостоин своего долга. Он эгоист, как и вся его семья.

Майкл Карл напряжённо думал. Он эгоист? На самом ли деле его долг править этой страной? Станет ли он

десертиром, если уедет из Морвании по подложному паспорту и оставит страну генералу, графу и их приспешникам? Он никогда не смотрел на проблему с этой стороны.

Эриксон продолжал говорить.

— У него есть и ещё обязанности, у этого принца. Его двоюродный брат, законный правитель, умер в горах — и как?

— Чёрный Стефан, — сразу ответил Майкл Карл. Хотя в этом он был уверен. Но американец только покачал головой.

— Как вы думаете, зачем я потащился в горы? — спросил он и сам же ответил на свой вопрос: — Потому что услышал странные вещи об этом принце Ульрихе Карле. Не знаю, знакомы ли вы с законами Морвании, но вот что произошло. Если король внезапно умирает и наследник в течение семи дней не предъявляет своих претензий на трон, власть на год переходит к Совету Дворянства. К концу этого года наследник должен предъявить свои права на трон, иначе будет найден другой наследник.

— А почему Ульрих Карл не предъявил свои права?

— Ему... помешали.

— Каким образом?

— Помешали некоторые приближенные. Он охотился, когда был убит его дед, старый король. Новость дошла до принца, и он направился в Рейн. Но по пути исчез, и власть перешла к Совету Дворянства.

— Но что случилось? — спросил Майкл Карл.

Американец ответил одним словом:

— Убийство!

— Чёрный Стефан... — опять начал юноша, он был в недоумении.

— Чёрный Стефан не имеет к этому никакого отноше-

ния, — почти свирепо прорычал американец. — На самом деле... — он не закончил фразу.

— Совет... — робко предположил Майкл Карл.

— Совет, — мрачно согласился американец. — Видите ли, — объяснил он спустя некоторое время, — я был знаком с Ульрихом Карлом.

Они сшли в молчании. Майкл Карл хмуро смотрел на ветровое стекло; теперь почему-то ему не так легко было думать о том, как он оставит крест и ускользнёт в Америку. Должно быть, Ульрих Карл был неплохим человеком; почему-то Майклу Карлу казалось, что друг его нового друга должен быть хорошим человеком. А когда Фрэнк Эриксон говорит об Ульрихе Карле, хочется пойти и застрелить генерала, графа и весь остальной Совет.

Дорога снова начала подниматься, равнины остались позади. Как и обещал Эриксон, плохие дороги кончились, и теперь машина быстро шла по гладкому бетону.

— Рейн за горой, — сообщил Эриксон в начале очередного подъёма. — Вскоре мы остановимся для проверки паспортов, — добавил он немного погодя. — Не забудьте, вы тупой парень, которого я подобрал в горах.

Они остановились у белого дома на повороте дороги. При звуках мотора из дома вышел солдат в чёрной форме; к своему ужасу, Майкл Карл узнал мундир своей гвардии. А что если этот солдат видел его портрет?

Он как можно глубже забился на сиденье и был благодарен тому, что Эриксон отделяет его от инспектора.

— Ваш паспорт? — солдат приятно улыбнулся и протянул руку за пачкой документов.

— Это ваш шофёр? — он попытался лучше разглядеть Майкла Карла, но словно случайно американец в тот же момент наклонился, и солдат смог увидеть только зелёную ливрею.

Он просмотрел бумаги и вернул их.

— Лучше держите их поблизости, сэр. По пути к городу вас остановят патрули.

— А что случилось? — спросил американец.

Солдат нахмурился.

— Спрашивать запрещено, — коротко ответил он и махнул рукой, чтобы они проезжали.

— Значит, так и не сообщили, что произошло с наследным принцем, — Майкл Карл почувствовал возбуждение.

— Не смеют. Если что-то случится и с этим наследником, власть окончательно перейдёт к Совету, и этим воспользуются коммунисты. Наверняка сейчас тайком продолжают искать принца, надеясь, что найдут, прежде чем новость распространится, — объяснил американец.

Тогда у него сейчас наилучшая возможность, подумал Майкл Карл. Открыто искать его не решаются. Он хотел, чтобы Оборотня схватили. Обычно он никому не желал зла, но у него не осталось братских чувств к Оборотню после встречи с ним в зале замка в горах.

Эриксон затормозил машину и остановился на лесной поляне.

— Смотрите, — приказал он.

Далеко внизу у подножия высокого скалистого холма вилась река, в ней тысячи раз отражались шпили и башни серого города, построенного на холме сотни лет назад. Над самим городом возвышался королевский крепостной замок, и у них на глазах на вершине башни подняли разноцветный флаг; он затрепетал на ветру.

— Город Рейн, — негромко проговорил американец со странной ноткой в голосе.

Майкл Карл смотрел вниз, разглядывая каждую подробность. Он решил, что американец прав: Рейн обладает очарованием, делающим его подобным волшебным сказочным городам, о которых упоминал журналист.

— Через час мы пересечём старый мост, — сказал наконец Эрикссон, включая мотор. — Ну, что вы думаете о Рейне?

— Прекрасный город, — серьёзно ответил юноша.

Они двинулись вниз по горной дороге и впервые встретили на ней других путников. Дорога контрастов, соединяющая старый мир с новым. Маленький спортивный автомобиль новейшей модели, за рулём которого сидел смеющийся офицер, отчаянно сигналил, пока ему не уступила дорогу двухколёсная повозка, запряжённая быками; автомобиль пронёсся мимо крестьянина в алой куртке и круглой шапке, который тащил на рынок в Рейн тяжёлый мешок. Всё это крайне возбуждало.

Никакой патруль их не остановил, и быстрее, чем через час, обещанный Эрикссоном, они увидели мост. Когда машина подъехала к старинной каменной обочине, солдат на посту вытянулся.

— Он приветствует герб на дверце машины, а не нас, — сообщил американец Майклу Карлу. — Как я говорил, у этих людей средневековое мышление. Машина принадлежит моему другу, знатному землевладельцу и дворянину. А часовой, вероятно, родом из его владений.

— Посмотрите на эти цветы! — юноша даже высунулся из дверцы, чтобы разглядеть получше. Сбоку от моста вся площадь была покрыта, как радугой, синими, фиолетовыми, оранжевыми, розовыми, алыми цветами. Среди них крестьянские девушки, сами похожие на букеты в своих ярких юбках и шaliaх, деловито поправляли цветы, готовили их к продаже.

— Старый цветочный рынок, — с улыбкой пояснил Эрикссон. — Ежедневно здесь уже более ста лет торгуют цветами. Конечно, площадь и сейчас хороша, но летом это будет одно из прекраснейших мест города.

— А вообще, мне здесь всё напоминает Париж времён

трёх мушкетёров, — Эриксон указал на оштукатуренные, с высокими крышами дома. — Представьте себе, как они едут по этим улицам на встречу с гвардейцами кардинала.

— А это овощной рынок, — сказал он немного спустя, когда они выехали на заполненную народом площадь. Как и цветочный рынок, она сверкала алыми, золотыми и красными красками ранних овощей. — Сейчас не очень ярко, но месяц спустя глаз не оторвёшь. Неплохо было бы взглянуть и на птичий рынок, но туда мы не сможем проехать. Когда станете ходить, сходим.

Они миновали овощной рынок и запетляли вверх и вниз по тёмным улочкам, пока Майкл Карл окончательно не заблудился. Несоизданно они выехали на весьма впечатляющую площадь, над которой доминировал большой кафедральный собор.

— Кафедральная площадь, — провозгласил американец. — Нам обязательно нужно будет посетить его, — он указал на собор.

В глубине души Майкл Карл считал, что времени для прогулок у него не найдётся, да он и не посмеет выходить открыто. Принц посмотрел на собор. Внушительное зрелище, но, вероятно, вблизи он его никогда не увидит. Конечно, он никак не мог предвидеть Битвы на ступенях кафедрального собора.

От Кафедральной площади они двинулись по улице с массивными домами. Над каждой дверью подмигивали поблекшие геральдические чудовища; везде семейные гербы, обветрившиеся во время сильных зимних бурь. Тогда ветер дует из Нижнего города.

— Приехали.

Машина наконец остановилась у дома в глубине улицы. Как будто поджидая их появления, из двери появился, как чёртик из табакерки, круглый маленький человек с

коротко подстриженными седыми волосами и торопливо засеменил навстречу.

— Доминде, доминде! — возбуждённо восклицал он, потирая руки.

— Здравствуй, Жан, как у нас дела? — спросил Эрик-сон, быстро выходя из машины.

— Очень хорошо, доминде, — улыбнулся маленький человек.

— Отлично. Позови Брека и Канду. С моим другом произошёл несчастный случай, и ему нужно помочь войти.

— Конечно-конечно, доминде, — маленький человек закудахтал, как наседка, с жалостью взглянул на Майкла Карла и повернулся к дому. И почти сразу же вернулся, как деловитый пыхтящий буксир, за которым плыли несколько шестифутовых пароходов-слуг.

С помощью Брека и Канды Майкла Карла перенесли в библиотеку и удобно устроили у открытого огня в камине. Всё ещё несколько ошеломлённый величественным зрелищем напудренных парников и богатых ливрей слуг, роскошью помещений, в которых оказался, Майкл Карл ожидал, что будет дальше.

Показался Жан в сопровождении Канды с подносом.

— Я подумал, доминде, — робко проговорил Жан, — что с дороги вы захотите подкрепиться.

Молчаливый Канда поставил поднос на стол, слуги поклонились. Эрик-сон наклонился, рассматривая поднос.

— Кофе... и молоко. Это, должно быть, для вас. Жан никогда не посмел бы принести мне молоко, — он улыбнулся Майклу Карлу, и гость улыбнулся ему в ответ.

— Вероятно, вы рассчитываете, что я покраснею и взорвусь из-за того, что Жан считает меня настолько молодым, чтобы пить молоко. Ничего подобного. Так что вполне можете налить мне молоко, мистер Мужчина.

Майкл Карл пил молоко из высокого стакана, а американец тем временем просматривал пачку писем на столе. Делал он это очень небрежно, конверты просто бросал на пол, хотя рядом стояла корзина для бумаг. Юноша смотрел на это несколько неодобрительно.

— Что я делаю не так? — неожиданно спросил Эрик-сон. Майкл Карл покраснел, поняв, что смотрит на хозяина.

— Я просто думал, — сказал он смущённо, — что сделал бы со мной мой опекун, если бы я так разбрасывал бумаги. Хотя не отрицаю, что иногда приятно так поступать.

— Вы очень аккуратный человек, Джон Стефенсон, — заметил американец. Во взгляде его скользнула улыбка. — Но видите ли, я привык к тому, что разбрасываю вещи и кто-то всегда подбирает их. Может, если бы у меня был ваш опекун вместо... — он спохватился.

— Вам бы не понравился мой опекун... — начал Майкл Карл, чтобы прервать паузу. А сам думал, что собирался сказать Эрик-сон.

— Кстати, это кое-что напомнило мне. Вам стоит телеграфировать опекуну, что у вас всё в порядке. Он, вероятно, узнает из газет о пленении наследного принца и будет беспокоиться.

— Мой опекун, — правдиво ответил Майкл Карл, — умыл руки, когда я отправился в путь.

Эрик-сон удивлённо посмотрел на гостя.

— С трудом могу поверить, но, наверное, так оно и есть. А теперь вы ляжете в постель.

— Но ещё нет даже полудня, — возразил Майкл Карл.

— Ваши ноги должны отдохнуть.

Снова были призваны Брек и Канда, и Майкл Карл оказался в комнате, которая, по его мнению, подошла бы для железнодорожного вокзала, но была великовата для

спальни. Несмотря на все свои протесты, пятнадцать минут спустя юноша полусидел-полулежал в огромной постели, где поместился бы и небольшой паровоз. Осмотр показал, что в постели можно отгородиться от комнаты занавесками.

— Как вам здесь нравится? — спросил американец от двери. Он прошёл по комнате и положил на кровать пару книг и три самых красных яблока, каких только приходилось видеть Майклу Карлу. — Занятие для вас, — заметил он, видя, что гость разглядывает принесённое.

— Очень хорошо, — ответил юноша, оглядываясь. — Но не кажется ли вам, что тут всё чуть великовато?

— Ну, это совсем маленькая комната сравнительно с королевской спальней во дворце. Я думаю, там могли бы состояться маневры всей армии.

Из двери показалась седая голова Жана.

— Доминде, — покорным голосом позвал он, — вас просят к телефону.

— Простите. Если что-нибудь понадобится, звоните, — Эриксон показал на бархатный шнур над кроватью и торопливо вышел.

Майкл Карл взял книги. «История крепости Рейн», — прочёл он вслух. — «История династии Карлофф-Рейнских».

Он положил книги и неуверенно нахмурился. Неужели американец... о чём-то догадался? Почему он так внезапно покинул гостиницу, хотя Майкл Карл был уверен, что там они в полной безопасности? И к чему эта речь о долге королевской особы? Он словно знал, что беглый принц собирается.... дезертировать. А теперь эти книги о Рейне и Карлоффов. Майкл Карл покачал головой. Ну, он не будет беспокоиться о будущем. По крайней мере пока не будет.

Юноша откинулся на подушку, выбрал самое красное

твёрдое яблоко, раскрыл «Историю крепости Рейн» и начал читать.

Глава шестая

Случайное открытие и подземный ход

— Ну как дела?

Майкл Карл виновато оторвался от сооружения башни из апельсиновых корок.

— Думаю, — серьёзно ответил он.

Он уже два дня ходил по дому, конечно, прихрамывая. Со времени же поразительного приключения в горах прошла уже целая неделя.

— Вы всегда так мрачно хмуритесь, когда думаете? — спросил Эрикссон.

— А я хмурюсь? — удивился Майкл Карл.

— Если не верите, подойдите к зеркалу и посмотрите. А о чём вы думаете?

— Как незаметно вернуть крест.

— Вы собираетесь вернуть его?

Майкл Карл подтвердил:

— Конечно. Как же иначе?

Американец посмотрел в сторону.

— О, мне просто пришло в голову. Я подумал, что вы захотите вернуть его хозяину, когда того выкупят.

— Не хочу снова видеть наследного принца, — негромко пробормотал Майкл Карл, снова занявшись апельсиновыми корками.

— Вы уверены? — голос американца звучал странно, и юноша снова подумал, а что на самом деле знает его хозяин.

— Да, — твёрдо ответил Майкл Карл и взмахом руки разрушил свою башню.

— А что вы собираетесь делать сегодня? — немного погода спросил Эрикссон. В голосе его промелькнуло еле слышное разочарование, словно он искал что-то, надеялся найти, но не смог. Майкл Карл испытал странное ощущение вины, но он не собирался отказываться от недавно обретенной свободы, чтобы не разочаровывать своего друга. Если американец надеялся на это...

— Не знаю, — беззаботно ответил он. — Обычные дела. Я не очень многое сейчас могу.

— Я буду занят в библиотеке. Хорошо бы вам прогуляться.

Юноша покачал головой.

— Меня слишком многие знают, это рискованно. Попробую сегодня вечером, когда стемнеет. Возьму книги в библиотеке. Вас ведь сегодня нельзя там тревожить?

— Да. Знаете, Джон, из вас получился бы отличный секретарь. Я хотел бы уговорить вас остаться. Никогда не разобрался бы в материалах о моравийских ведьмах, если бы не вы.

Майкл Карл сложил салфетку и встал.

— Мой дорогой сэр, я глубоко польщен, — сказал он, отлично повторив поклон с щелканьем каблуками своего адъютанта. — А теперь за работу. Я, как обычно, буду в прихожей, если понадобится.

Американец восхищенно улыбнулся.

— Пытайтесь рашевелить старика? Торопитесь уйти от стола, надеясь, что пристыдите меня и тоже заставите заняться работой. Как-нибудь утром я откажусь вам повиноваться и просто останусь сидеть за столом и пить кофе. Интересно, когда я на вас не смотрю, вы тоже бываєте заняты?

— Загляните и увидите, — предложил юноша.

Эрикссон покачал головой.

— Не могу: скрипучие половицы всё равно вас предупредят. Просмотрите почту и ответьте, как обычно. Терпеть

не могу писать письма, а вам, кажется, это нравится, так что можете ответить и на мои. Не прерывайте меня, если только не загорится дворец или что-нибудь в этом роде. И не позволяйте Жану плакаться. Вы с ним справитесь. А о кресте лучше пока не думать.

Старый слуга поджидал юношу в кабинете.— Доброе утро, доминде, — он робко улыбнулся и попятился, низко кланяясь в ответ на приветствие Майкла Карла.

Почта была разложена на две пачки: личная и деловая, но сегодня утром интерес Майкла Карла вызвал длинный зелёный конверт. Эриксон говорил ему о таких конвертах, но юноша увидел такой впервые. Их доставляет не почта, а посыльный; их нельзя открывать, а нужно передавать американцу нераспечатанными.

Думая об этом, Майкл Карл для надёжности спрятал конверт в ящик стола и занялся остальной почтой. Как справедливо заметил хозяин, юноше нравилось писать письма, может быть, потому, что ему никогда не приходилось этого делать раньше, и у него вырабатывалось чутьё в этом трудном деле. Он, казалось, инстинктивно знал, что сказать и как.

Его часто удивлял объём почты американца. Поступало множество писем от очень странных людей. Казалось, все знают, что Эриксон собирает интересные и необычные сведения о стране и её обычаях; он как будто задумал написать путеводитель по Морвании, и все стремятся помочь ему в этом.

Конеторговец в сегодняшней утренней почте рассказывал о необычных особенностях своего дела в северных горах. Он показался образованным и наблюдательным человеком, и Майкл Карл наслаждался его письмом; прочитав, он поместил его в папку «Для хранения»; американец хранил множество папок с такими письмами и выписками.

Следующее же корявое малограмотное письмо с приложенной грубой картой рассказывало о малоизвестном проходе в горах Лауб, после тщательного изучения оно присоединилось к письму конститорговца вместе с аккуратной и грамотной копией, подколотою к оригиналу.

Несколько рекламных проспектов Майкл Карл отложил в сторону: он уже знал, что хоть американец позволяет ему отвечать почти на все письма, он не разрешает выбрасывать ни одного, пока сам его не просмотрит.

Вскоре письма были распечатаны, к каждому прикреплён черновик ответа, потому что машинка находилась в библиотеке, а до полудня входить туда было нельзя. Майкл Карл считал, что по утрам Эриксон работает над своей книгой, потому что он всегда уходил в библиотеку в девять утра и не выходил до двенадцати; всё это время дверь была заперта изнутри, и входить туда не разрешалось.

Юноша аккуратно сложил письма и перешёл к книгам. По предложению американца, он изучал горный диалект морванийского языка и каждое утро занимался с Кандой, происходившим родом с гор. К тому же он читал книги по истории Рейна. Книги, которые принёс ему тогда в постель американец, породили у Майкла Карла желание получше ознакомиться с историей древней столицы Морвании.

Он глубоко погрузился в тайны неправильных глаголов, когда в комнату нерешительно вошёл Жан.

— Доминде, доминде Эриксон ушёл. Он передал, что, если хотите, можете воспользоваться библиотекой.

Майкл Карл взглянул на часы на каминной доске.

— Но ещё только десять тридцать, — удивлённо пробормотал он. Эриксон раньше всегда оставался в библиотеке до двенадцати.

— Доминде неожиданно вызвали.

— Хорошо, — Майкл Карл отложил книгу и сложил бумаги.

В библиотеке, несмотря на тёплый майский день, в камине полыхал огонь: каменные дома, прижимавшиеся спинами к скале крепости, сохраняли сырость и холод даже летом. Юноша разложил бумаги на столе американца: какую бы неаккуратность ни проявлял Эриксон во многих отношениях, стол у него всегда был идеально чист. Впрочем, Майкл Карл подозревал, что, уходя, Эриксон просто сбрасывает с него всё в один из ящиков.

Пальцы его летали над клавиатурой машинки. Работа на машинке — одно из современных занятий, которому по какому-то капризу полковника его обучили. Вероятно, полковник сделал это, потому что только его воспитанник мог разобрать свои каракули. Часы пробили половину двенадцатого, когда он закончил последнее письмо и разложил все бумаги на столе в ожидании неразборчивой подписи Эриксона.

Оставалось уложить в нужные папки письмо конеторговца и горца и составить список писем, пришедших на этой неделе. Майкл Карл как раз занимался этим, когда Жан пригласил его на ланч. И только проходя через прихожую в столовую, юноша вспомнил о письме в зелёном конверте.

Ящик стола, вероятно, не самое надёжное место. Майкл Карл взял письмо и осмотрелся. Наверное, лучше будет взять его с собой... Сапоги! Не впервые приходилось ему что-то прятать за голенищами сапог. Он по-прежнему носил большие сапоги Генриха, но тем лучше. Юноша сунул письмо в зелёном конверте за голенище сапога для верховой езды.

На нём также по-прежнему были зелёные брюки и камзол, которые ему дали в гостинице Короны. Одежда Эриксона ему не подошла, а в этой он походил и на секретаря и на шофёра.

Сытый, полусонный и довольный миром, Майкл Карл отправился назад в библиотеку. Теперь ему никто не помешает до четырёх часов пополудни, когда явится Жан с чаем. Эриксон тогда нальёт себе чашку, хотя никогда не пьёт чай, и будет рассказывать гостю интересные вещи о своей работе. Наконец чай остынет, и Эриксон с отращением прикажет убрать его. За всё это время юноша ни разу не видел, чтобы американец пил чай.

Список недельной почты был закончен, аккуратно скопирован и лёг на стол Эриксона в ожидании его внимания. Майкл Карл освободился для своих лингвистических занятий. Юноша выработал свой метод изучения неправильных глаголов, которым и воспользовался сегодня. Он три или четыре раза произносил слово, глядя в книгу. Потом книга откладывалась. Майкл Карл смотрел на стену и пытался представить себе глагол буква за буквой, написанный на полированной поверхности.

— И-а-г... Что там дальше? — Майкл Карл устоял от искушения заглянуть в книгу и начала снова: — И-а-г...

Но глагол никак не хотел возникать перед глазами. Наверное, тень в углу панели отвлекла внимание. Странно, но у других панелей никаких теней в углах не было видно.

Майкл Карл отложил книгу и пересёк комнату. Тень на панели вызвала у него любопытство. Да ведь часть стены выдаётся вперёд! Кончиками пальцев юноша ухватился за край и потянул. Та поддалась, и вся панель бесшумно ушла в сторону, как дверь.

Должно быть, это был тот самый потайной ход, о котором ему говорил Эриксон. Не раздумывая, Майкл Карл прошёл в него. На полке за входом лежал фонарик. Значит, Эриксон или кто-то другой в доме пользуются этим ходом. И пользуются часто, если оставили здесь свет.

Майкл Карл вспомнил многие обстоятельства, удив-

лявшие его, например, прекрасное знание Эриксоном дворца и его обитателей. Он колебался. Стоит ли ему идти по проходу и узнавать его тайны? Если бы Эриксон хотел, чтобы гость что-то знал, он бы и сам рассказал.

И тут юноша вспомнил о кресте. Разве может найтись лучший способ тайно возвратить его? Майкл Карл осмотрел вход изнутри, убедившись, что сможет открыть его, и взял фонарик. Когда панель закрылась за ним, он испытал странное возбуждение. Снова начинались приключения.

Несколько ярдов проход шёл прямо, потом показались узкие ступени, ведущие вверх. Майкл Карл с сомнением посмотрел на них; ноги всё ещё могут подвести его, если их перенапрячь. Но возбуждение заставило его попытаться.

Воздух в проходе был холодный, но свежий; никакой влажности, которая в представлении Майкла Карла всегда связывалась с подземными ходами. Должно быть, он пробирался внутри самой горы, где-то между Пала Хорн и дворцовой крепостью.

Лестница неожиданно прервалась небольшой площадкой. Справа в стене была дверь, а в ней на дюйм выше уровня глаз Майкла Карла — глазок. Пришлось встать на цыпочки, чтобы заглянуть в него. Но увидел юноша только густую тьму, а далёкий шум воды заставлял думать, что эта дверь ведёт в древние темницы.

После этой двери лестницу ничто не прерывало, и наконец Майкл Карл выбрался на самый верх, в длинный узкий коридор. Светлая щёлка справа опять подсказала наличие ещё одной двери с глазком. На этот раз юноша увидел длинный коридор с мраморными ступенями и алым ковром: от такого великолепия дух захватывало. Майкл Карл решил, что коридор ведёт к тронному залу.

У двери в дальнем конце коридора замерли два напуганных лакея, далеко превосходящие Брека и Канду великолепием; взад и вперёд деревянно расхаживал часовой. Майкл Карл немного подождал, но часовой продолжал всё так же расхаживать, лакеи стояли неподвижно, поэтому принц пошёл дальше.

В следующий глазок он увидел, по-видимому, оружейную. Ему очень захотелось открыть дверь, войти на одну-две секунды и осмотреть старинные мечи и ружья в стойках, но благоразумие победило. От оружейной лестница снова повела вверх. Майкл Карл решил, что в этом тайном проходе слишком много лестниц.

Когда луч света выдал следующий глазок, юноша понятия не имел, где оказался. Потайная дверь располагалась как будто выше пола, и поле зрения частично закрывала спинка высокого кресла. И тут Майкл Карл понял, что находится в тронном зале, за самым троном.

Зал был пуст, и на этот раз любопытство победило. Майкл Карл нажал на рычаг сбоку двери, и та открылась. Он удивился, как бесшумно это произошло, пока не заметил, что рука, которой он брался за рычаг, вся в масле. Дверь недавно смазывали. Конечно, американец может сюда приходить и уходить, когда ему вздумается. Майкл Карл вошёл, оставив дверь приоткрытой; он вставил в щель складку толстого бархатного занавеса, чтобы помешать той закрыться.

Пустой трон оказался самой внушительной вещью, какую ему приходилось видеть. Огромные окна, хрустальная люстра, бархатные портьеры, резные панели, увешанные картинами из истории Морвании... Майкл Карл никогда не бывал в Зеркальном зале, но в тот момент он с гордостью решил, что никакое помещение в Версале не может превзойти тронный зал королевской крепости Рейна. Он недолго постоял перед троном. Ведь

он мог бы так стоять в бело-золотом гусарском мундире в день своей коронации, если бы пожелал. Но это, строго решил Майкл Карл, в прошлом. Вернувшись в потайной ход, он закрыл за собой дверь.

После тронного зала комната, которую он увидел в следующий глазок, показалась маленькой и убогой с её длинным столом и семью креслами с высокими спинками. Майкл Карл сразу понял, что это комната Совета. Там никого не было, и она его не заинтересовала. Юноша пошёл дальше, стараясь вспомнить, где ещё испытывал то странное ощущение власти, которое вызвал в нём тронный зал. И наконец вспомнил — покрытое плащом кресло Оборотня в разрушенном замке. Оно навевало то же ощущение королевского величия, что и золотой трон с алым навесом. Почему?

Он всё ещё рассуждал над этим «почему», когда ход неожиданно кончился. На этот раз дверь и глазок оказались впереди, а не в боковой стене.

Майкл Карл увидел большую кровать с золотым балдахинном, покрытом вышитыми золотыми нитями королевскими гербами. Итак, это конец старого герцогского потайного хода, спальня самого герцога. Конечно, во время ночной тревоги он легко мог спасти свою шкуру. А насколько юноша успел узнать историю своих предков, каждому из них не раз приходилось это делать. Они высоко ценили свою шкуру, эти старые Карлоффы.

Подобно тронному залу, спальня вызвала любопытство, с которым Майкл Карл не смог справиться. Он вошёл и прикрыл за собой дверь, оставив в щели носовой платок. Пока он ещё не знал, как открываются эти двери изнутри комнат.

Под ногами раскинулся толстый пушистый ковёр с вышитыми по углам королевскими гербами. Несколько шкафов — музейная мебель — и массивная кровать; толстое бархатное верхнее покрывало откинута, словно

ждёт королевского обитателя, видны сатиновые простыни и подушки, украшенные бесценными кружевами. Майкл Карл вздрогнул. От чего ему удалось спастись! Торжественное великолепие спальни подействовало на него удушающе.

Осмелев, он на цыпочках прошёлся по спальне и на дюйм-два приоткрыл одну из дверей. Она вела в комнату для одевания, оказавшуюся пустой. Юноша неслышно приоткрыл следующую дверь. За ней была гардеробная; ослеплённым глазам Майкла Карла показалось, что в ней сотни различных мундиров всех цветов и фасонов. Он быстро закрыл дверь. И от этого он сумел спастись.

Принц торопливо вернулся в спальню. Он обнаружил, что ещё одна дверь ведёт в приемную. В высоком окне дневной свет начинал меркнуть, и Майкл Карл испугался, что уже больше четырёх. Он вернулся к потайной двери. К облегчению юноши, она оставалась открытой: во время осмотра его постоянно преследовал страх, что та захлопнется, несмотря на платок.

Слышал ли он на самом деле какой-то шелест, когда выходил в проход? Вероятно, возбуждённые нервы подводят, решил он, торопливо спускаясь по проходу. Если что-то и было, так только крыса.

Лестница утомила юношу больше, чем он думал. Теперь он был бы рад спокойно просидеть весь вечер. За панелью в доме Эриксона Майкл Карл слушал, пока кровь не заколотила в ушах. Ему совсем не хотелось показать хозяину, что он открыл тайный проход, выйдя прямо на глаза американца. Ведь тут, к несчастью, не было глазка.

Наконец, когда уже не мог стоять, он решил рискнуть и нажал на рычаг. Дверь открылась. Майкл Карл уловил взглядом полу камзола Жана, исчезающую в двери. На столе стоял поднос с чаем, комната была пуста.

Жан решил, что он ненадолго вышел. Со вздохом

облегчения Майкл Карл стёр с плеча паутину и позволил панели закрыться. Он подошёл к столу, убрал свою дневную работу и сел с чашкой сладкого чая в одной руке и грамматикой в другой, чтобы продолжить изучение неправильных глаголов.

— Добрый день, молодой человек. Всё ещё за работой? Майкл Карл посмотрел на американца.

— Иагио, нагиар, нагиарн, — ответил он.

Эриксон протянул руку и взял книгу.

— Послушайте, — сказал он, — я не хочу, чтобы вы портили мне чай, повторяя этот вздор. Отложите ненадолго. Весь день работали?

Воображение разыгралось или действительно американец внимательно за ним наблюдает? Майкл Карл напряжённо думал.

— Конечно, — он и в самом деле был занят, но по-своему.

— Тяжёлая работа?

— Не очень. Да, кстати, — Майкл Карл вспомнил зелёный конверт. Он сунул руку за голенище. Странно, конверт лежал в самом верху. Должно быть, просто скользнул глубже. Юноша сунул пальцы глубже, но никакой жёсткой бумаги не нащупал. Зелёный конверт исчез! Он выпал где-то во время путешествия. Майкл Карл покраснел.

— Да? — спросил Эриксон.

Но Майкл Карл просто не мог ему ничего сказать. Ведь нельзя сказать человеку, который практически спас тебе жизнь: «Послушайте, вам сегодня пришло письмо, но я потерял его, осматривая ваш потайной ход». Юноша почувствовал, как комок скользнул из горла в грудь. Он уже достаточно испортил положение; единственный шанс — вернуться в проход и попытаться отыскать конверт. А тем временем нужно уйти от американца с его вопросами.

— Так что же? — переспросил американец. — Послушайте, вы не больны?

Майкл Карл побледнел.

— Голова болит. Наверное, мне нужно лечь, — с несчастным видом сказал он. Ему хотелось уйти и подумать. Хромая, он пошел по комнате. И знал, что американец смотрит ему вслед, и дорога показалась длинной в мили.

Лестница тянулась бесконечно. Добравшись к себе в комнату, юноша испытал сильное желание сесть и заплакать. А ведь он не плакал с девятилетнего возраста; тогда полковник отобрал у своего воспитанника собаку, которую он приютил.

Глава шестая

Совет за работой

Майкл Карл лежал на скомканных простынях и думал, сколько времени пройдет, прежде чем ему снова удастся попасть в потайной ход. Так как он только что лёг, а часы внизу пробили пять, ждать придется несколько часов.

В дверь постучали. Майкл Карл не ответил. Он решил сделать вид, что болен; если промолчать, тот, кто стучит, может подумать, что он уснул, и уйдет.

Но стучавший так не поступил.

— Так в чём дело, приятель? — услышал юноша голос американца. Это показало, что Эрикссон по-настоящему озабочен — он называет Майкла Карла «приятель», только когда тревожится из-за него или хочет похвалить.

— Ни в чём, — прозвучал приглушённый ответ из-под простыней. И американец, стоя рядом с кроватью, снова услышал обрывки фраз о головной боли и о том, что нужно выспаться.

Но он крепко взял своего гостя за плечо и повернул к себе, чтобы увидеть его покрасневшее лицо.

— Не глумитесь. Что-то случилось. Ещё совсем недавно вы чувствовали себя вполне нормально. Потом начали что-то говорить мне, и вдруг у вас появилась головная боль. Что произошло сегодня днём?

Майкл Карл начал понимать, что переиграл. Очень трудно лгать американцу. И вообще в глубине души он не хотел лгать.

— Ничего, — снова сказал юноша, и собственный голос показался ему пристыженным.

Американец пожал плечами.

— Ну, раз не хотите говорить, наверное, и не скажете. Но я думал...

Он не закончил предложение, и эта незаконченность действовала сильнее слов. Эриксон в нём разочаровался. Неожиданно Майкл Карл понял, что дружба американца значит для него больше всего на свете.

— Кое-что случилось, — невольно заговорил он. — Но не могу сейчас сказать...

Но американец уже ушёл. Майкл Карл повернулся на бок. Если что-то и могло сделать его ещё несчастнее, так это такой молчаливый уход. Эриксон не услышал его слов. Юноша пожалел, что вообще увидел это проклятое письмо и открыл тайну подземного хода.

Майкл Карл строго приказал себе не думать об Эриксоне. Но почему американец спрашивал, как он провёл день? Раньше он никогда этого не делал.

Допустим — у беглого принца перехватило дыхание — допустим, Эриксон знает, что он воспользовался ходом, и теперь хочет посмотреть, сознается ли он. Почему же он не сознался? Хуже, чем сейчас, не было бы, а американец получил бы своё письмо. Наверное, оно очень важное.

Юноша потянулся за шнуром от колокольчика, но

потом покачал головой. Он сам пойдёт и встретится с Эриксоном в этой несчастной библиотеке. Неловкими пальцами Майкл Карл натянул рубашку, брюки и сапоги и заторопился вниз.

Сбежал по лестнице, но библиотека оказалась пустой. Чувствуя себя неловко, юноша вызвал Жана, потянув за шнур. Он трус и теперь знает это.

— Где доминде Эриксон? — спросил он.

Маленький человек казался встревоженным.

— Доминде ушёл, — медленно ответил он, и, казалось, что-то ещё вертелось у него на языке. Майкл Карл решил, что он собирается с духом, чтобы задать вопрос. Но Жан так и не решился, поклонился и ушёл, ни о чём не спросив.

Итак, Эриксон ушёл. Появилась возможность пройти в потайной ход, отыскать письмо и вернуться до возвращения хозяина. Майкл Карл едва не побежал к стене, но на этот раз панель не выступала, и он не мог понять, как дверь открывается. Что ж, придётся установить это — и быстро.

Юноша запер изнутри дверь библиотеки. Жан и все остальные решат, что хозяин вернулся и занят.

Вернувшись к стене, Майкл Карл принялся внимательно изучать её. Дверная панель была пятая от камня и шестая от угла комнаты. Пять и шесть дают в сумме одиннадцать. Впрочем, это ничего не значит. Или всё-таки значит? Каждую панель украшала вырезанная виноградная гроздь.

Всё, что он когда-либо читал о потайных ходах и дверях, говорило и о секретных запорах. Юноша потянул за каждую ягодку, потом испробовал различные комбинации ягод и листьев, какие мог придумать, но дверь оставалась закрытой.

Тогда он обратил внимание на панели по сторонам...

когда начал их пристально разглядывать, обнаружил первый ключ. На шестой панели от угла комнаты были вырезаны по прямой линии пять ягод, а на седьмой панели таких ягод было шесть. Решив проверить свою догадку, Майкл Карл нажал на пятую и шестую ягоды. Послышался знакомый щелчок, и потайная дверь открылась.

Фонарик по-прежнему лежал на полке, где он его оставил, и юноше оставалось только взять его и медленно двинуться по проходу и вверх по лестнице, освещая все углы и каменные ступеньки. Он миновал дверь в темницы и дверь в коридор, но зелёного конверта нигде не увидел.

У входа в тронный зал он остановился и открыл дверь. Следовало поискать вокруг трона. В помещении было темно, и ему пришлось прикрыть фонарик рукой, чтобы его не заметили, и встать на колени. Но кроме нескольких комков серой пыли, свидетельствующих о том, что во дворце плохо убирают, он ничего не обнаружил.

Испуганный — он почему-то был уверен, что выронил письмо в тронном зале, — Майкл Карл выбрался назад в проход. Оставались коридор и королевская спальня. Там он должен найти письмо.

Он дошёл до конца коридора, не увидев и намёка на зелёный цвет, и остановился перед дверью в спальню. Если не найдёт конверт и здесь, что тогда делать?

Дверь при его прикосновении открылась, и он снова оказался на сером ковре. Посветил фонариком под большой кроватью и возле шкафов — безрезультатно.

— Ну что ж, есть ещё комната для одевания и гардеробная, — чтобы приободриться, он сказал это вслух.

Комната для одевания была пуста. Затаив дыхание, стоял он перед входом в гардеробную. Если не найдёт письмо там, искать больше негде. Юноша приоткрыл дверь, боясь взглянуть.

Луч фонарика поиграл на полированном полу и осветил листок зелёной бумаги. Майкл Карл радостно схватил конверт и сунул за пазуху. Теперь он вспомнил, что наклонялся, считая пары сапог у двери. Должно быть, тогда конверт и выпал.

Увидев сапоги снова, он кое-что придумал. Сегодня утром с ног сняли последний бинт, и теперь большие сапоги Генриха превратились в проблему. Должно быть, эта обувь готовилась для него заранее и по размеру. Почему бы не примерить? Майкл Карл выбрал пару походных сапог с высокими голенищами, похожих на те, что с него срезал американец, сел на стул и натянул их.

Они прекрасно подошли, но он за них заплатит. Майкл Карл извлёк из кармана пачку банкнот. Как хорошо, что американец дал ему денег взаймы. Десять груденов будут справедливой платой. Во всяком случае больше у него нет. Положив деньги на стол, юноша взял фонарик и вышел.

Миновав дверь, он снова оказался в проходе и с лёгким сердцем зашагал по нему. За пазухой приятно шуршала бумага. Теперь он может со спокойной совестью всё рассказать американцу. Хотя, подумал Майкл Карл, рассказывать будет нелегко.

Теперь у него было время заметить то, на что он не обратил внимания раньше. В комнате, которую он считал залом заседаний Совета, горел свет и за потайной дверью слышались голоса.

Встав на цыпочки, он заглянул. Все семь стульев были заняты, а на столе лежала груда бумаг, похожих на официальные документы. Старый знакомый Майкла Карла — граф — восседал во главе стола; у правого чёрного локтя графа с лицом, ещё более покрасневшим и расплывшимся, сидел генерал. Был здесь также напряжённый мужчина со смутным лицом и с выправкой военного; его кустистые брови и холодные глаза напо-

нили Майклу Карлу его детский ужас — полковника. Мужчина сидел слева от графа. Рядом с ним расположился женственный молодой человек в зелено-золотом мундире, который не соответствовал его жёлтому, лишённому подбородка лицу и глазам ящерицы. Он не обращал внимания на остальных, а полировал свои слишком длинные ногти шёлковым платком и с явным неодобрением поглядывал на своего соседа, неряшливо одетого человека, который время от времени раздувал свои неаккуратные усы в неприятном оскале.

«Наш уса́тый друг, — подумал Майкл Карл, — явно не в своей тарелке с остальной компанией. Он словно считает их детьми-хулиганами. Ручаюсь, он за действия, а остальные воздерживаются».

Слева от усатого в кресло вжималась закутанная в алый плащ маленькая фигурка, длинные белые пальцы нервно играли серебряной цепью, с которой свисал крест. Итак, в Совете у графа есть и представитель церкви.

Сосед священника наклонился вперёд, внимательно слушая, что говорит граф. У нём чувствовалась сила военного и нетерпение как у усатого, но в чём-то он и отличался. Майкл Карл подумал, что в этом обществе он не на месте. Чёрные волосы этого человека небрежно свисали на лоб. Слушая, он соглашался или возражал, резко качая головой.

А вот сидевший рядом с ним скучал, так же, как заинтересован был его сосед. Подобно молодому человеку по другую сторону стола, он тоже был в мундире, только тусклых тонов. Он смотрел поверх голов собравшихся и что-то напевал про себя. Он тоже здесь не на месте, лицо у него не казалось ни хитрым, ни жестоким, ни глупым.

Майкл Карл хотел бы знать, кто они все. Он решил, что случайно стал свидетелем заседания Совета Дворян-

ства. Но хоть и напрягал слух, слышал лишь отдельные слова, пока граф не заговорил громче, и все отвечавшие ему тоже повысили голоса.

— Это безумие, — сухо выговаривал граф. — Мы не смеем действовать, пока не найдём наследника трона.

Молодой человек оторвался от своих блестящих ногтей.

— Разве я не ближайший к трону? — холодно спросил он.

Усатый презрительно взглянул на молодого человека.

— Наш народ многое может вынести, но вас он не вынесет, маркиз.

Маркиз бросил на него взгляд, полный откровенной ненависти, так что усатый, казалось, слегка встревожился.

Снова заговорил граф.

— Герр Камп прав. Никто, кроме члена династии Карлофф, не может занять трон, каким бы близким ни было родство.

— Каковы последние сведения с гор? — спросил военный.

Граф устало ответил:

— Как обычно, то есть ничего. Мальчишка, вероятно, давно убит. В руках Оборотня у него не было ни малейшего шанса.

— Тогда нам конец, — тяжело подытожил генерал Обердамн.

— Я думаю, — нарушил молчание человек в тусклом мундире, — что могу позволить себе удовольствие сказать: «Я вас предупреждал». Нужно было сохранить Ульриха Карла.

— Вздор! — взорвался молодой человек в зелёном.

Говоривший перед ним склонился к столу.

— Сколько вы извлекли из шахт Лаубкранца, маркиз? И почему провели неделю в горах?

Маркиз вскочил. Он сильно побледнел, и Майкл Карл видел, что он сжимает кулаки, словно готовый ударить говорящего.

— Господа, господа, — уговаривал граф.

Мужчина в тусклом мундире не обратил на него внимания.

— Пришло время, — медленно сказал он, — для откровенного разговора, — он замолчал и осмотрел всех. — Если, конечно, такое здесь возможно. Вам нужны деньги, которые готова заплатить за концессию на серные шахты американская компания. Это было и останется сутью дела. И вот, так как вы знали, что Ульрих Карл не согласится на то, чтобы богатства страны перешли в собственность иностранцев, что он никогда не подпишет договор о концессии, Ульрих Карл исчез, и Совет согласно закону провозгласил себя регентом. И тогда вы узнали, что концессию вправе подписать только король. Граф Кафнер извлек американского принца, но потерял его, отдав Оборотню. И теперь, господа, мы на том же месте, с какого начали. Кто подпишет концессию и сделает её законной?

Я пообещал поддержать претендента всем своим влиянием, потому что в Морвании больше не осталось Карлоффов. И пока я жив, — он посмотрел прямо на маркиза, — на троне Морвании будет сидеть только Карлофф. Мой род несёт обязательства, которые не может нарушить даже такой человек, как я. Но потом я кое-что услышал. Граф Кафнер, отдавали вы приказ убить Ульриха Карла или нет?

Лицо генерала Обредамна приобрело пурпурный цвет, черноволосый человек с треском рвал на куски листок бумаги. Юноша облизывал губы языком, как ящерица, которую он так напоминал. Усатый скалился ещё более заметно, и даже священник заёрзал в кресле.

— Вы отдали такой приказ? — снова спросил мужчина. Только воснный оставался неподвижным.

Граф, казалось, принял решение. Наконец он заговорил.

— Да, — ответил он откровенностью на откровенность, — тогда это казалось лучшим выходом. Идеи принца стали угрожать нашим планам. Но, — он помолчал, — мой приказ не был выполнен. Кос-кто опередил нас.

— Кто?

— Оборотень. Принца остановили до того, как до него добрались мои люди.

Человек в тусклом мундире откинулся в кресле.

— Значит, вы умеете говорить правду, когда хотите, мой дорогой граф. Итак, Оборотень лишил нас обоих принцев. Ну, и что же вы собираетесь теперь делать с этой американской концессией? Опять предупреждаю вас, что без подписи короля она незаконна. И клянусь вам, — голос его прозвучал особенно чётко, — клянусь, что маркиз Кобенц никогда не сядет на трон, пока живёт хоть кто-то, носящий мою фамилию. Можете скорее отдать страну коммунистам и сразу покончить с ней.

Маркиз наклонился и посмотрел прямо в глаза мужчине.

— Не давайте клятв, герцог Иоганн, которых не сможете сдержать.

Герцог Иоганн сладко улыбнулся.

— Когда я что-то говорю, это значит, что меня поддерживают Лауб, Карнов, Каллхант, Конве и Каптан со всем, чем они располагают.

В разговор включился чёрноволосый:

— Учтите, что если с герцогом хоть что-нибудь случится, «Националист» и все остальные мои газеты напечатают всю эту историю, всё, о чём говорилось в этой комнате. Эта история попадёт в печать и в том случае, если я

утром не появлюсь в своём кабинете. И, маркиз, немалую часть досье составляют сведения о шахтах Лаубкранца.

Маркиз смертельно побледнел и как-то обмяк в кресле. Герцог Иоганн улыбнулся соседу.

— Браво, Лукранц! Если бы у нас остался хоть один Карлофф, мы могли бы выпутаться из этой неприятности.

Один из Карлоффов! Майкл Карл, стараясь не упустить ни слова, смотрел на герцога. Один из Карлоффов. Он и есть этот один. Стоит ему шагнуть в зал, и герцог сделает его королём. Пока он колебался, играя с этой мыслью, снова заговорил граф.

— У нас есть всего месяц, чтобы завершить дело, потом мы вынуждены будем уйти.

Герцог Иоганн посмотрел на него, а когда заговорил, в голосе его звучало такое презрение, что графа словно хлестнули кнутом.

— Итак, крысы думают о бегстве. Ну, я с моими сторонниками остаюсь.

Усатый наклонился вперёд.

— Вы и ваши сторонники, мой прекрасный герцог? А вот я и мои сторонники покончим с вами. Хватит с нас дворян и их деяний. Пора Югу сказать решающее слово в правительстве. Дни Карлоффов и их трусливых подхалимов окончены. Править будет народ.

Герцог глянул на него, как на какое-то странное животное.

— Править будет народ, — мягко повторил он. — Ну что ж, может, он не натворит того, что мы. Но чтобы добраться до трона, ему придётся взбираться на стену, товарищ Камп, а я считаю, что он к этому ещё не готов. Вы знаете, что это за стена?

Вместо ответа Камп что-то проворчал.

— Эта стена, — спокойным и холодным голосом

продолжал герцог, — состоит из тел всех дворян и верных людей королевства. Мы все помним Россию, Камп, где, по-видимому, у вас были кое-какие дела. А предупреждённый вооружён. Вы застанете нас готовыми.

Камп фыркнул.

— Я говорю правду. Вы ещё увидите красный флаг над крепостью.

— Уже поздно, — торопливо сказал граф.

Герцог Иоганн, Лукранц и Камп поняли намёк. Камп, бегло пожелав доброй ночи, вышел, герцог и Лукранц последовали за ним, но не так торопливо. Потом вышел маркиз, ужасно нахмурившись, и маленький человек в алом, по-прежнему сжимающий крест.

Майкл Карл уже собирался передохнуть, опустившись, но увидел, что трое оставшихся и не думают расходиться. Конечно, они поднялись из-за стола, но не вышли, а встали непосредственно под тем местом, где прятался юноша. Он понял, что потайная дверь расположена больше чем на фут над полом.

Теперь он их в глазок не видел, но продолжал слышать. Послышался звук открываемого ящика, и заговорил воснный.

— Герцог Иоганн контролирует дворянство, но Камп сказал правду: дни дворянства миновали. Герцог совсем отбился от рук. К нему следует принять меры, — закончил он с неприятным смешком.

Кто-то со свистом перевёл дыхание.

— Значит, вы считаете, что с Кампом можно договориться? — спросил генерал Обердамм.

— Никто не может договориться с Кампом. Он искренне верит в свои проповеди. Нет, если мы вручим ему ключи от сокровищницы, он не спасёт наш тонущий корабль, — это опять был воснный.

— Что же нам делать, Лаупт? — взвыл генерал. — У нас нет принца, а Совету предстоит отчитаться по счетам...

— Если вас беспокоят военные фонды, которые я, скажем, взял взаймы, не бойтесь. Ваша доля концессии всё покроет, — военный снова неприятно засмеялся.

— Но вы слышали, что сказал герцог: концессия должна быть подписана королём, а короля нет.

— Ближе всех к трону маркиз, генерал.

— Но, майор Лаупт, — вмешался граф, — никто не поддержит его притязаний.

— Никто?

— У вас есть план? — с надеждой спросил генерал.

— Может быть. Есть ли возможность на неделю выманить герцога из Рейна?

— Можно сообщить, — медленно заговорил граф, — что мы получили информацию, которая заставляет нас считать, что Ульрих Карл находится в плену и мы знаем место его заключения. Вся эта информация поступит от верного шпиона. Конечно, не очень надёжная история, но она может подействовать и увлечь герцога и всю его команду. Если Иоганн поверит, что Ульрих Карл жив, он прорвётся через ворота ада, и все дворяне с радостью помогут ему в этом.

— Тогда нужно сочинить историю уже сегодня вечером. Генерал Обердамн, вы шеф тайной полиции. Кто работает в горах?

— Никто, — голос генерала слегка дрожал. — Наш последний шпион приплыл по Лаубе с перерезанным горлом.

— А кто мог бы там побывать?

— Димк. У него неплохая репутация.

— Где он сейчас?

— Занят своей тайной охотой. Он работает без приказов, но обычно приносит именно то, что нам нужно. Хотя иногда исчезает на несколько дней.

— Иоганн поверит Димку?

— Да, Димк как-то на него работал.

— Отлично. Вот что он должен сделать...

Майкл Карл обнаружил, что если присесть и приложить ухо к двери, то лучше слышно.

— Завтра... — начал майор.

Глава седьмая

Майкл Карл слышит то, что не предназначалось для его ушей

— Завтра, — заговорил майор Лаупт, — Димк явится к вам с готовой историей. Вы, конечно, будете один, когда он придёт. Он расскажет, что Ульрих Карл не был убит год назад, что Оборотень держит его пленником в горах Лаубы... — майор рассмеялся. — Мне только что пришло в голову, что если Оборотень прикончит Иоганна и его людей, когда герцог слишком углубится в горы, то он должен поблагодарить нас за такую возможность. В общем, принц ждёт там Иоганна.

— Но у нас должно быть какое-то доказательство, к тому же мы не сможем так скоро отыскать Димка. Я даже не знаю, где он, — возразил генерал.

— Доказательство у вас будет. В поместье покойного принца есть разрушенный замок, который за последние десять лет навещали только волки и лесники. В сущности, большинство о нём просто забыли. Разве не вероятно, что Оборотень устроил там своё убежище, где держит в плену принца? Я дам вам план замка и карту окружающей местности.

— Но Иоганн наверняка захочет встретиться с Димком и сам расспросить его, — вновь возразил генерал — Иоганн не дурак.

— Конечно, это слабое место, — признал майор. — Но мы должны настаивать на том, что Димку пришлось

срочно возвращаться, чтобы следить за принцем и его похитителем.

Поверит ли Иоганн в такую историю? Он знает, что мы ненавидели Ульриха Карла, — засомневался граф.

— Он знает, что нам нужен принц, чтобы спастись от публичного отчёта. Возможно, вы деликатно намекнёте, генерал, что принц остаётся там благодаря нашим усилиям. Иоганн в это поверит с готовностью. Это поможет ему поверить и в рассказ Димка. Или ещё лучше. Вы сыграете роль труса, Обердамы: пойдёте к Иоганну тайно, откроете ему наш заговор и расскажете о принце. Заявите, что испугались Кампа и его сторонников.

— Попробую, — не очень охотно пробормотал генерал.

— Постарайтесь, Обердамы, — рявкнул граф.

— Сегодня вечером, через час, вы нанесёте визит Кампу, — продолжал майор. — Скажете, что граф Кафнер хочет видеть его завтра утром в десять. От Кампа отправитесь прямо на Пала Хорн и потребуете свидания с герцогом. Вам скажут, что его нет, он на встрече с Лукранцем в клубе журналистов. Постарайтесь выглядеть обеспокоенным. Бормочите что-нибудь, расхаживайте взад и вперёд, всячески дайте понять слугам, что глубоко встревожены чем-то, но обязательно пробудьте там до двенадцати, почти до возвращения герцога. Скажете дворецкому, что больше не можете ждать, но придёте утром. И отправляйтесь к нему как можно раньше. Помните, вам нужно хорошо сыграть свою роль. Вы должны произвести на Иоганна впечатление перетрусившего и готового всё рассказать человека. Пусть задумается.

— И когда Иоганна не будет в городе... — начал граф.

— Когда Иоганна не будет в городе, мы сможем действовать. Лукранца же нужно просто заставить молчать, это я предоставляю вам. Кампу скажем, что мы готовы встать на его точку зрения, если он поддержит

выдвижение Кобенца на трон. Он согласится, потому что подумает, что у него появится возможность поднять людей против нас, учитывая репутацию Кобенца. Да, Камп прибежит к нам, высунув язык.

В следующее воскресенье архиепископ должен прочесть очень трогательную проповедь, попросим написать её Манца, о древних Карлофых, а в конце отслужит заупокойную службу по Майклу Карлу. Это заставит народ задуматься. Потом мы предъявим тело и проведём государственные похороны. Кобенц должен участвовать в них как главный плакальщик. В глазах народа это сделает его достойным трона.

— Но Кобенца ненавидят, — возразил генерал.

— Совершенно верно. Тут на сцену выходит Камп. Он попытается организовать революцию, мы тоже. Камп поднимет красный флаг, а мы серебряный штандарт...

— За Кобенца?

— Нет, глупец, Кобенца мы свергнем. Только Камп будет верить, что он наш человек. Мы выступим за герцога: мол, в нём кровь Карлофых, и дворяне пойдут за ним.

— Он никогда не согласится сесть на трон.

— Но ведь, мой дорогой граф, его здесь не будет и он не сможет отказаться, а наше провозглашение герцога королём так всё окончательно запутает, что мы сможем благополучно выйти из дела. Мне, во всяком случае, Морвания больше не кажется подходящей для жизни страной. И я уверен, что и вы, господа, с готовностью последуете за мной через границу. Пополним же карманы в сокровищнице перед этим.

— Но чем же всё кончится? — спросил генерал.

— Какая нам разница? Мы заработаем на жизнь, а там трава не расти.

Юноша отодвинулся от двери и принялся лихорадочно размышлять. Что может разбить этот жестокий заговор?

Или кто? И вдруг в памяти всплыли волчьи морды приспешников Оборотня. Этих людей можно было бы напустить на Кампа и на прочих типов, особенно на майора Лаупта... Майкл Карл резко перевёл дыхание. Оборотень против Совета, и Оборотень победит! Это мысль.

Конечно, первым делом следует предупредить Иоганна. Они с Лукранцем должны что-нибудь предпринять, чтобы удержать прилив. Он должен поговорить с ними обоими. Юноша с трудом распрямил затёкшие ноги и чуть ли не бегом двинулся по проходу и лестницам. Бросив фонарик на полку, он с силой дёрнул рычаг. Панель отодвинулась, и он едва не выпал в комнату.

— Джон!

Майкл Карл, ослеплённый светом, смотрел прямо в лицо американца.

— Да! — юноша опирался на стол, тяжело дыша после бега. — Я узнал тайну. Скажите, как мне добраться до дома герцога Иоганна.

— А что вы хотите сказать герцогу Иоганну, молодой человек? — из-за Эриксона показался скушающий господин в тусклом мундире, которого Майкл Карл совсем недавно видел за столом Совета.

— Я хочу сказать, чтобы вы не верили Обердамну, — ответил юноша. Он больше ничему не удивлялся. Почему-то казалось вполне естественным, что герцог должен чувствовать себя здесь как дома и курить одну из длинных сигарет американца.

— Может, присядете и расскажете нам всё по порядку, — предложил герцог, пододвигая стул.

Теперь он распоряжался, а Эриксон отступил в тень; Майкл Карл не видел его лица.

И беглый принц рассказал всё: случайное открытие тайного прохода, потерю письма (тут он достал его и положил на стол перед американцем), второе путеше-

вие, и что он подслушал в комнате совета. Все молчали, когда он закончил. Герцог откинулся в кресле, выпуская одно за другим правильные кольца дыма, а Эриксон прикрыл глаза рукой.

— Итак, Обердамм — приманка, а Лаупт — западня. Ну-ну, — заметил герцог, — в конце концов проход хорошо послужил нам. А кто такой вы? — он повернулся к Майклу Карлу.

Вместо ответа принц достал с груди алмазный крест.

— Когда-то я считал, что имею право носить это.

Брови герцога высоко взлетели.

— Вы претендент?

Майкл Карл кивнул.

— Я никогда не хотел править, — проговорил он словно про себя.

— Вам и не нужно, — заверил его герцог. — Лаупт неплохо придумал, но самое забавное, что он прав. Ульрих Карл жив.

Эриксон сделал резкое движение рукой, и герцог замолчал.

— Я думаю, — неожиданно вмешался американец, — что сказано достаточно. Вот ваш паспорт, — он достал из ящика стола чёрную книжечку и подтолкнул её к Майклу Карлу. — Чем быстрее вы покинете Морванию, тем лучше для всех. Деньги на проезд внутри.

Принц потрогал книжечку.

— Значит, вы хотите избавиться от меня? — медленно спросил он.

— По вашим собственным словам, — холодно ответил американец, — вы хотите освободиться от Морвании. Вам лучше уехать прямо сейчас. Вы оказали нам большую услугу, и мы вас благодарим.

Майкл Карл взял паспорт и раскрыл его. Положил на стол толстую пачку груденов, лежащую внутри. Амери-

канец хочет его отослать. Почему-то от этого стало больно.

— Спасибо за паспорт, — сказал юноша, опустив глаза. Он словно боялся посмотреть американцу в лицо. — Деньги мне не нужны. Это тоже мне не принадлежит, — он снял крест и положил его рядом с деньгами. — Я буду вам очень благодарен, если вы вернёте его владельцу. Мне кажется, проклятие действительно действует.

Итак, американец с ним покончил. Что ж, после того, как он узнал о письме и потайном ходе, Майкл Карл и не мог ожидать ничего иного. Паковать ему было нечего, вот только надеть куртку, иначе будет холодно. И так как он отказался от денег американца, покадать Морванию придётся пешком. Юноша понуро поднялся по лестнице.

«Вот где приключения докончили тебя; мог спасти королевство, а потерял лучшего друга», — причитал Майкл Карл по дороге к себе. А потом задумался, каков же этот Ульрих Карл, и пожалел, что не познакомился с двоюродным братом. Куртка его лежала на стуле.

Когда юноша взял сё, что-то зашуршало во внутреннем кармане. Сунув туда пальцы, он нащупал листок бумаги. Это был набросок, который сделал американец, портрет самого Майкла Карла в рыцарских доспехах. Эриксон со смехом уверял своего гостя, что тот очень похож на одного из крестоносцев Карлоффов и, чтобы доказать это, нарисовал рыцаря с лицом Майкла Карла над латами. Юноша тщательно сложил рисунок и снова его спрятал.

— Майкл Карл!

Принц вздрогнул. У двери стоял американец, высокий и стройный.

— Куда вы собираетесь?

Майкл Карл пожал плечами.

— Конечно, в Америку. Я прислал оттуда.

— Почему вы не взяли деньги?

— Знаете ли, я не привык, чтобы мне платили, лишь бы я поскорее убрался оттуда, где меня не ждут.

— Вы верите в это?

Майкл Карл не ответил. Он хотел бы, чтобы американец отошёл от двери и дал ему возможность выйти.

— Вы сами знаете, что не верите в это, — на этот раз прозвучал не вопрос, но утверждение.

Майкл Карл отказывался смотреть на хозяина. Он повернулся и смотрел в окно на купол кафедрального собора.

— Вы знаете, что вы мне нужны, но не против вашей воли. Я с самого начала отгадал ваше имя и звание, но вы мне не доверились, а у меня дьявольский характер. Внизу я говорил не всерьёз. Вы нам очень нужны.

Майкл Карл отказывался верить. Ведь он скрыл находку потайного хода.

Словно читая его мысли, американец продолжил:

— Когда вы открыли ход и подслушали, что говорилось на совете, это было лучшее, что могло быть сделано для нашего дела. Останетесь? Мы мало что можем предложить, — американец коротко рассмеялся, — да и вообще всё может окончиться повязкой на глазах перед расстрелом, но то, что будет забавно до самого конца, обещаю. Думаю, не стоит впутывать вас в это...

Майкл Карл повернулся к нему.

— Конечно, я остаюсь. Я с самого начала был с вами и наслаждался каждой минутой, хотя и сам не понимал этого. Кстати, — добавил он оживлённо, — на самом деле я умею подчиняться приказам.

Американец рассмеялся.

— Поверю в это чудо, только когда увижу своими глазами. А теперь спускайтесь вниз и присоединяйтесь к нам. Герцог очень заинтересовался вами. И мы ждём ещё одного господина. Герра Лукранца.

— А, газетчик, — кивнул Майкл Карл.

Американец удивлённо посмотрел на него.

— Да есть ли хоть что-нибудь, чего вы не знаете? — спросил он.

Майкл Карл кивнул.

— Где Ульрих Карл?

— Мы и сами хотели бы знать это, — ответил Эриксон, когда они спускались по лестнице. — Люди Совета не добрались до него. Они, кажется, винят в этом Оборотня. Они даже удивляются тому, — американец заговорил медленно, подчёркивая каждое слово, — что сам Оборотень появился через месяц после исчезновения принца.

— Но Оборотень лично говорил мне... — начал Майкл Карл.

— Что? Что Ульрих Карл был убит в какой-то стычке? Если я правильно помню ваш рассказ, он только намекнул на это. Очень похоже, что Оборотню нужен мёртвый Ульрих Карл так же сильно, как нам он нужен живой.

— Совершенно верно, — герцог стоял у огня, ожидая их. — Оборотню нужно, чтобы принца считали мёртвым. Говорит ли это что-то вашему высочеству?

У Майкла Карла появилась мысль, но ему самому она показалась нелепой.

— Может быть... — нерешительно начал он, — может быть, существует какая-то связь между Оборотнем и принцем.

Герцог Иоганн улыбнулся, а американец рассмеялся.

— Вы догадались о том, о чём Иоганн не догадывался месяцами. Либо Оборотень сам — Ульрих Карл, либо кто-то очень близкий к нему. Месяц назад он впервые связался с нами. Эти загадочные зелёные письма от него, — объяснил американец.

— Вы сказали, что Кафнер и Лаупт хотят на неделю удалить меня из Рейна? — спросил герцог.

Майкл Карл кивнул.

— Я уеду — у всех на виду, так что все смогут быть

свидетелями моего отъезда. Можете выделить мне койку и место за столом на неделю? — повернулся он к американцу.

— С радостью, — ответил Эриксон. — Можете бесплатно попользоваться и потайным ходом.

Герцог лениво поднялся.

— Слишком заманчиво, чтобы отказаться. Я согласен. Завтра вскоре после наступления ночи ждите загадочного посетителя. А теперь я должен удалиться. Когда придёт Лукранц, передайте ему, что документы, касающиеся последних действий Кобенца, ждут в обычном месте. Я рад, — он улыбнулся Майклу Карлу, — что ваше высочество удалось уговорить присоединиться к нам. А теперь, господа, доброй ночи. Если завтра часов в девять утра выглянете, увидите мой отъезд в горы. Уверяю вас, на это стоит посмотреть.

— Мы спрячемся за занавесами в гостиной, — ответил Эриксон.

Герцог рассмеялся и вышел.

— Это мозг партии роялистов Рейна, — заметил американец. — Последние девять месяцев он ведёт труднейшую двойную игру. Не было ни одной минуты днём и ночью, чтобы он не был готов почувствовать удар книжала в спину. Однако, если его послушать, можно подумать, что это очень забавное и увлекательное занятие.

— Он мне нравится, — импульсивно выпалил Майкл Карл.

Эриксон кивнул.

— Сегодня вечером вы видели недостойных людей. Совет, за исключением Иоганна и Лукранца, — собрание самых отъявленных мошенников в стране.

Обердамм — ни на что не пригодный человек; он использует своё положение, чтобы обогатиться, и боится собственной тени. Кафнер стремится к власти. Он был

бы счастлив стать премьер-министром при короле-марионетке. Лаупт — просто кровожадный волк, он самый отвратительный в банде.

Архиепископ очень стар, и я думаю, он не понимает, что происходит в стране. А Кобенц — тот настоящий паук; он много времени проводит на своих шахтах Лаубкранца, но мне не хочется говорить, как он там обращается с рабами-рабочими. Дворяне не хотят иметь с ним дело, за исключением нескольких незначительных людишек его толка. Конечно, его цель — трон. В нём течёт кровь Карлоффов. И он опасен, как загнанная крыса, потому что никогда не дерётся в открытую. Его врагов находят на тёмной улице с кинжалом в спине, или же они просто исчезают.

Майкл Карл вспомнил кое-что — обвинение, которое швырнул ему в лицо Оборотень.

— Имеет ли Кобенц отношение к зданию, которое называют Львиной башней? — спросил он.

Американец вскочил и прошёлся по комнате. Когда он повернулся, чтобы ответить, голос его прозвучал странно глухо.

— Львиная башня в распоряжении военных, и пока правит Совет, она полностью подчиняется Кобенцу. Что происходит за её стенами — это один из многих вопросов, на которые ему как-нибудь предстоит ответить. А вы что знаете о Львиной башне?

— Допрашивая, Оборотень обвинил меня в том, что в ней происходит, — объяснил Майкл Карл.

— Захват башни — задача Иоганна. Тогда мы узнаем её тайны. Но мне кажется, Оборотень хотел бы встретиться с Кобенцем, — негромко пробормотал американец. — И будем надеяться, что это случится скоро.

Послышался робкий стук в дверь, и на громкое «Войдите!» Эриксона показался Жан.

— Доминде, пришёл доминде Лукранц.

— Пригласите его, — приказал американец голосом, который заставил маленького человека удалиться бегом.

Влетел Лукранц. Волосы у него были по-прежнему взъерошены, а глаза сверкали, как в комнате Совета. Он принёс с собой туго набитый дипломат, который поставил на ближайший стул.

— Добрый вечер, — кивнул он.

— Садитесь, герр Лукранц. Мы оба рады вас видеть. Это его высочество принц Майкл Карл.

При виде изумлённого выражения лица гостя Эрикссон рассмеялся.

— Да, это правда, — ответил он на вопросительный взгляд Лукранца. — Его высочество — один из нас. Похоже на общество тайных бомбистов? Нам всем следовало бы носить бороды и чёрные маски. Да, его высочество один из нас, и сегодня вечером он сообщил нам весьма интересные новости. Расскажите ещё раз, пожалуйста.

Подбодрённый таким образом, Майкл Карл снова поведал историю о тайном проходе и о том, что услышал в комнате Совета.

— Берегитесь, Лукранц, за вами идёт охота, — сказал американец, когда юноша закончил рассказ. — Иоганн сделает вид, что поверил им. Он завтра покидает город.

— Но... — собрался возразить Лукранц.

— Он вернётся, — прервал журналиста Эрикссон, чтобы успокоить его. — Я думаю, что если вы завтра заглянете к нам, то увидите его сидящим на том стуле. Подумайте лучше о своей безопасности.

Лукранц мрачно улыбнулся.

— До самого шестнадцатого числа я только и буду делать, что принимать все меры предосторожности, — он оживлённо повернулся к Эрикссону. — Вы уверены, что Ульрих Карл действительно выступит именно тогда?

— Он дал слово. Если только ничего не заставит его выступить раньше, можете готовить прокламации к шес-

тнадцатому. И к ночи Рейн будет принадлежать Ульриху Карлу.

Лукранц вздохнул.

— Мы так долго этого ждали. А теперь к делу. У меня есть нужные вам планы горных крепостей.

Он порылся в чемоданчике среди множества бумаг и нашёл два листа с какими-то непонятными линиями.

— Здорово! — захолопал Эрикссон. — С той информацией, которую я получил сегодня утром... — он повернулся к Майклу Карлу. — Будьте добры, достаньте письмо конститорговца и карту северного прохода, которые пришли утром. С этими сведениями, — продолжал он, — успех нашей партии в этой части страны обеспечен. Я пошлю их туда сегодня ночью.

Лукранц почтительно взглянул на папки.

— Столько материалов о Морвании не собирал ни один человек. Это настоящее сокровище.

— В этом преимущество писателя, собирающего материалы для своих книг. Шкаф открыт днём и ночью, и никто не поверит, если я скажу, что тут достаточно информации, чтобы стереть с карты всё королевство.

А теперь, — он расправил документы, которые положил на стол Майкл Карл, — посмотрим, в чём нуждаются наши союзники в горах.

Глава девятая

В которой двое договариваются и один действует

Майкл Карл пропустил на следующее утро грандиозный отъезд герцога Иоганна по очень простой причине. Он проспал. Так что Эрикссон мог прятаться из-за занавесями гостиной в одиночестве. Но юноша имел все основания считать, что американец был далеко в тот момент, когда машина герцога просхала по Пала Хорн.

Винновато спустившись вниз, Майкл Карл обнаружил столовую пустой и стол убраным, на нём лишь лежала записка, сделанная небрежным почерком американца.

«Жаль, но я не смогу понаблюдать за отъездом Иоганна (— прочёл Майкл Карл —). Мне предстоит подёргать за усы одного волка в его собственном логове. Если я вам срочно понадобится, отправьте посыльного на цветочный базар на мосту. В самом дальнем конце хромо́й человек продаёт рассаду. Посыльный должен спросить жёлтые розы, и продавец ответит, что таких нет. Тогда посыльный должен сказать: «Желтым розам солнце нужно». В ответ он услышит: «Солнце взойдёт шестнадцатого». Просто, не правда ли, и очень мелодраматично. Но видите ли, Майкл Карл, вы покончили с современной действительностью и очень усложнили свою жизнь, когда согласились стать претендентом на трон Морванни. И мне кажется, что указанный выше ритуал прекрасно соответствует тайным ходам и оборотням. Согласны?»

А теперь мне пора идти. Если вам станет скучно, можете позабавиться, копируя материалы из второго ящика письменного стола. Утешьте Иоганна по поводу моего отсутствия и предоставьте всё ему. Передать ваш привет Оборотню?

Ваш спешащий Ф.Э.»

Заканчивая завтрак в полном одиночестве, Майкл Карл старался запомнить формулу о солнце и жёлтых розах. Отправившись в библиотеку, чтобы заняться содержимым второго ящика, он грустно думал о том, что сейчас делает Эриксон в горах.

Но работа не помогла ему отвлечься от мыслей о тайном проходе, а календарь на стене напоминал, что сегодня четырнадцатое и что такое важное шестнадцатое

наступит всего через два дня. Он нерешительно принялся копировать один из документов, но, испортив три листа и порвав четвёртый, когда вынимал его из машинки, сдался и пошёл взглянуть в окно, из которого видна была короткая боковая улица, выходящая на Пала Хорн.

Рейн этим утром был очень тих. Даже продавцов фруктов и цветов, которые без конца бесстрашно вторгаются на Пала Хорн, расхваливая свои товары, сегодня не было видно. Майкл Карл, вспоминая варсво, которое готовилось накануне, решил, что тишина ему не нравится. Очень похоже на затишье перед бурей.

Впервые со времени своего приезда в Рейн ему захотелось выйти. Захотелось увидеть Кафедральную площадь, рынки, пройти по тёмным переулкам Барго, хоть что-нибудь сделать. Эрикссон отправился на встречу к своему странному союзнику, Иоганн обманывает Совет, Лукранц исполняет свою часть дела, связанную с газетами, а Майкл Карл сидит и ждёт. И юноша начал понимать, что это-то как раз и есть самое трудное.

Два следующих часа были самыми скучными в жизни Майкла Карла. Он снова попытался работать, беспокойно обошёл помещения первого этажа, даже поучил язык, но ничего его не занимало. Панель безудержно притягивала юношу, он даже попытался открыть её, но та не поддавалась, и он пронзительно догадался, что американец каким-то образом закрыл потайной ход, чтобы удержать Майкла Карла от вмешательства.

Он в десятый раз смотрел в окно, когда показался Жан, в отчаянии сжимая пухлые руки. За ним размахист-то шагал Лукранц.

— Где он? — спросил издатель.

— Отправился на встречу с Оборотнем, — ответил Майкл Карл, думая, что Лукранц имеет в виду американца.

— Плохо, очень плохо, — издатель сел и с тревогой на

лице посмотрел на Майкла Карла. — Мы должны как-то связаться с ним. Келлерман, на которого мы рассчитывали, выдал наш план на шестнадцатое. Если не свяжемся с горцами, с нами кончено.

— Похоже, мне всё-таки понадобятся жёлтые розы, — заметил Майкл Карл. Он открыл ящик и достал револьвер с коротким стволом, который видел раньше.

Лукранц глуповато посмотрел на него.

— Что вы хотите передать Эриксону? — спросил Майкл Карл, заряжая револьвер патронами из ящика и насыпая запасные патроны в карман.

— Просто передайте, что Келлерман предал нас и что нам нужны указания. Хотел бы я, чтобы здесь был Иоганн...

— Только назовите имя дьявола... — слышался от двери холодный голос. Там стоял высокий герцог, выглядевший, как всегда, неторопливым и ленивым.

Лукранц вскочил со стула и мгновенно подбежал к герцогу.

— Келлерман... — пронзительно начал он.

— Перебежал к Лаупту, — закончил за него герцог. — О да, я слышал об этом, и теперь уже мне не стоит покидать город, чтобы сделать приятное Кафнеру. А вы куда, ваше высочество? — резко спросил он, увидев, что Майкл Карл направляется к двери.

— Предупредить Эриксона, — ответил юноша, неправильно понявший взгляд герцога.

— Простите, ваше высочество, но я вынужден напомнить, что вы слишком важны для нас, чтобы играть роль посыльного. У нас есть несколько человек, которые легко справятся с этим делом.

«Но сделаю это я!» — хотелось ответить Майклу Карлу. Но он догадывался, что хоть он и принц, нельзя так говорить герцогу. Не было смысла спорить. Пусть решат, что он послушный мальчик и сдался.

Юноша неохотно пробурчал:

— Хорошо. Я готов сделать всё, что скажете.

— Ваше высочество очень добры, таким ответом вы доказываете свою зрелость.

— Тогда я буду ждать указаний у себя, — пробормотал Майкл Карл и быстро вышел. Однако вместо возвращения к себе он завернул в гардеробную, где выбрал свои старые пальто и шапку.

Дверь библиотекки была закрыта, когда он проходил мимо, но оттуда послышался громкий голос:

— Конечно, он попытается, Лукранц, но Беннер ждёт снаружи и не пропустит его.

Майкл Карл низко поклонился двери.

— Благодарю вас, ваша светлость, — прошептал он. — Теперь я знаю, каким путём уходить.

Он повернул в сторону и прошёл в служебные помещения. Минув узкий коридор, он в полуоткрытую дверь увидел Брека. Тот, отложив в сторону свою роскошную ливрею, полировал ножи, как самый обычный слуга. Жан беспокойно расхаживал взад и вперёд, поглядывая в печатный листок у себя в руках.

Искушающие запахи пищи подсказали, что рядом кухня, потом влажный мыльный запах сообщил о прачечной. Из прачечной был выход в квадратный двор. Майкл Карл как-то видел, как женщина с острым лицом сражается там с бельём и провисшей верёвкой.

Майкл Карл попробовал эту дверь, и та при его прикосновении легко открылась. Прачечная была тускло освещена, а наружная дверь приоткрыта, за ней виднелись камни двора. Майкл Карл надел шапку и набросил на руку пальто, надеясь, что сойдёт за шофёра, спешащего по важному поручению.

С выложенного каменными плитами двора сняя крашеная калитка вела в боковую улицу. Когда Майкл Карл

толкнул створку, сердце его упало: дверь была закрыта. Но когда он отступил, чтобы посмотреть, нельзя ли перебраться через стену, он увидел в щели между двумя свободными кирпичами стены ключ. Потребовалась одна секунда, чтобы взять ключ, открыть дверь и выйти на улицу.

Юноша закрыл за собой дверь и перебросил ключ через стену. Когда его найдут, решат, что он просто выпал из укрытия в стене. Майкл Карл слегка надвинул шапку на глаза — под таким щегольским углом их носят молодые шофёры — и быстро пошёл по пустынной улице. Приключения снова начались.

Боковая улица вывела на Пала Хорн, всего в квартале отсюда находилась Кафедральная площадь. Когда Майкл Карл вышел на неё, серебристые колокола на соборе пробили полдень. Он пересёк площадь и выбрал улицу, которая, если он правильно помнил указания Эриксона, должна была вывести его прямо на мост с цветочным рынком.

Юноша переложил пальто с правой руки на левую, чтобы револьвер во внутреннем кармане перестал колотить его по боку. Майкла Карла снова охватило какое-то безрассудство, которое уже подвело его однажды в королевском поезде.

Очевидно, весь Рейн отправился по домам на обед. На улице лишь изредка попадались идущие домой продавцы, процветающие торговцы и покупатели. На закрытых магазинах красовались аккуратные таблички. Майкл Карл решил, что там по-моравийски написано «Закрито на обед».

Он пошёл чуть быстрее. Будет плохо, если он доберётся до цветочного рынка, а хромо́й продавец уже уйдёт.

После неожиданного спуска улица повернула к старому мосту. Как и в тот первый день, мост был полон ярких

цветов. Большую корзину пурпурных фиалок обрамляли жёлтые нарциссы и какие-то бледно-розовые цветы, похожие на розы. Цветочницы заполняли широкие передники плотными пучками ярко-зелёных папоротников и маленькими причудливыми букетиками, чтобы отнести товар на верхний рынок.

Майкл Карл медленно пересёк мост, словно приглядываясь к цветам, и наконец достиг места, которое искал. Здесь весёлый парень, у которого для каждого прохожего находилось задорное приветствие, продавал кусты и даже два-три дерева, корни которых были аккуратно обмотаны мешком.

Плотный краснолицый мужчина приценивался к небольшому деревцу; ему не нравились замечания калек-продавца, которые тот подчёркивал взмахами своего костыля. Наконец покупатель достал кошелёк и тщательно пересчитал монеты, которые положил на ладонь молодого человека. Потом взял свою покупку и с важным видом удалился, а калека принялся переставлять кусты, чтобы закрыть брешь.

Майкл Карл глотнул и неуверенно подошёл к нему.

— Чем могу быть полезен, друг? — весело спросил продавец, глядя на подходящего юношу.

— У вас есть жёлтые розы? — Майкл Карл увидел, как расширились глаза продавца. Поколебавшись, тот ответил:

— Их не часто встретишь в это время года.

Майкл Карл кивнул.

— Правда. Жёлтым розам нужно солнце.

Молодой человек весело рассмеялся, словно услышал забавный анекдот.

— В таком случае солнце взойдёт шестнадцатого.

— Хорошо, — Майкл Карл подождал. Похоже, он должен будет подчиниться указаниям продавца цветов.

— У моего друга есть жёлтые розы, — задумчиво начал

тот. — Если хотите, можете обратиться к нему. Идите прямо, пока не увидите вывеску «Четыре коня». Спросите там Франца Ульмана. А у него спросите о розах.

— Значит, прямо?

— Да. Доброй охоты, друг.

— Спасибо, — Майкл Карл кивнул и пошёл по указанному маршруту, гадая, насколько важный винтик в машине Эриксона этот продавец цветов.

Теперь он находился в Новом городе и проходил мимо развевающегося Юнион Джэка* и резных львов английского посольства. По соседству виднелся звёздно-полосатый американский флаг. Давно ли ему тут выдали американский паспорт? Может быть, когда волнения кончатся, он ещё воспользуется паспортом, который лежит в ящике его прикроватного столика.

Улица изгибалась вдоль речного берега, и вскоре Майкл Карл увидел постройку, которая в своё время служила, должно быть, деревенской гостиницей. У входа висела вывеска с четырьмя дикими лошадьми; вход во двор перегородили очень большая повозка, запряжённая быками, и маленький автомобиль. У стены ободранный петух и две курицы бесстрашно рылись в сене, которое жевали распряжённые быки. Сонный пёс у входа на мгновение проснулся, чтобы отогнать надоедливую муху, когда юноша перешагнул через него.

Длинный низкий зал гостиницы пустовал. Пёстро одетый крестьянин, явно владелец повозки с быками, и ещё один посетитель болтали с полной хорошенькой девушкой за стойкой. Человек у стойки повернулся и приветливо улыбнулся Майклу Карлу.

— Жарко, верно? — спросил он, вытирая носовым платком с вышитыми головами лошадей круглую красную лысину на макушке, обрамлённую песочного цвета волосами. Это был низкорослый крепкий мужчина в

брюках для верховой езды и матерчатых гетрах. Одежда делала его ещё более широким.

— Действительно, — согласился Майкл Карл. Человек показался ему дружески настроенным. Юноша подошёл к стойке и обратился к полной девушке, которая деловито протирала стаканы.

— Где я могу найти герра Франца Ульмана? — спросил он.

Буфетчица удивлённо посмотрела на него.

— Да вот же он, — и указала пухлым, не очень чистым пальцем на человека в гетрах. — Герр Ульман, — она едва не кричала, хотя человек, к которому она обращалась, стоял в трех футах от неё, пытаясь зажечь очень большую сильно пахнущую трубку, — тут вас ищут.

Майкл Карл повернулся к Ульману.

— Я пришёл за жёлтыми розами, — сказал он. — Продавец на рынке цветов сказал, что у вас они есть.

Франц Ульман взглянул на юношу.

— Верно, есть. Пойдём со мной, парень. Моя машина снаружи. А это тебе на ленты, дорогая, — он бросил девушке монету и вышел во двор в сопровождении Майкла Карла.

— Забавная штука с этими жёлтыми розами, — говорил он, открывая перед Майклом Карлом дверцу очень маленькой машины. — Им нужно солнце. Мне говорили, что шестнадцатого ожидается очень тёплая погода. Я конюший герцога Иоганна. После войны герцог держит немного лошадей, но я выращиваю розы, и в хороший год они вырастают очень красивые. Но в прежние времена, когда правил старый король, розы были лучше. Больше было народу, и женщины покупали больше цветов. Особенно жёлтых роз. Верхом ездить уместе? — неожиданно спросил он.

— Да.

— Это хорошо. Я покажу вам несколько кобылок, и вам наверняка захочется прокатиться. Жаль, что герцог больше не участвует в бегах. В прежние времена его конюшни были одной из достопримечательностей страны, но сейчас его, как и всех, больше интересуют машины.

— Часто ли выезжает герцог? — Майкл Карл совсем не хотел, чтобы его сразу поймал герцог.

Ульман покачал головой.

— Нет, кажется, его эта страна больше не волнует. После смерти старого короля он стал в Рейне важной шишкой. А до того был в опале: поддерживал принца, который сбегал и женился на иностранке, и король в качестве наказания отправил его в ссылку в поместье. А как я слышал, принц, которого любил герцог, был лучшим из них всех: он единственный смел возражать старому Карлу, когда у того случались припадки дурного настроения. Настоящий перец был тот король.

— А принца вы когда-нибудь видели? — спросил Майкл Карл. Итак, герцог поддерживал его отца и был сослан за это в свои поместья. Да он больше узнает от этого Ульмана об истории своей семьи, чем из всех исторических книг.

Ульман с сожалением покачал головой.

— Меня здесь ещё не было, когда король заставил принца уехать за границу и прогнал от двора всех его друзей, включая герцога. Тогда-то герцог и увлёкся лошадами и послал в Англию за управляющим конюшнями. И вот тогда я приехал. Мой отец был морванец, который осел в Англии, он управлял охотничьими конюшнями лорда Вестингхэма. Там я вырос и узнал все тонкости дела. Вот как я оказался здесь. А теперь, парень, мы приехали.

Они свернули с главной дороги на узкую, с живыми изгородями по обе стороны. Ульман вышел из машины и

открыл ворота. Несколько лошадей, которые паслись поблизости, подошли и с любопытством посмотрели на них. Ульман махнул рукой в сторону луга и кони отправились восвояси.

— Красавцы! — восхищенно воскликнул конюх.

Но Майкл Карл лишь поморщился.

— Мне нужно скорее увидеть розы, — медленно говорил он.

Ульман подмигнул левым глазом.

— Розы подождут, пока мы не пообедаем, парень. Думаю, тебе понравится, как готовит Марта.

Он провёл машину по извилистой дороге во двор. Миновав стог сена, в котором рылись куры, и стаю возбуждённых собак, со всех ног бросившихся к хозяину, они подъехали к маленькому аккуратному домику со свеженакрахмаленными занавесками на окнах и роскошной клумбой роз у двери.

— Сад роз во-он в той стороне, — сообщил Ульман, — а конюшня совсем рядом, — он указал черенком трубки на длинное серое здание в поле неподалёку.

— А вот и Марта, парень.

Маленькая женщина в необыкновенно опрятном платье вышла из двери, приветствуя их.

— Франц, ты снова опоздал, — негромко упрекнула она, когда Ульман зашагал к ней по мощёной дорожке.

— У меня была причина, моя дорогая. Этот парень пришёл за жёлтыми розами, и я решил, что он пообедает с нами. Ты же так готовишь, Марта! У старого короля никогда так не ели.

Маленькая женщина улыбнулась Майклу Карлу, отчего на щеках у неё заиграли ямочки, и сказала:

— Идите оба умойтесь, а потом я, может, что-нибудь и найду для вас.

Ульман провёл юношу в солнечную спальню, где вылил в раковину кувшин холодной воды.

— Мыло и полотенца здесь, парень, — он открыл шкафчик снизу от умывальника.

— Спасибо, — Майкл Карл уже сбросил тёплую куртку и закатал рукава рубашки.

Умытый, почистившийся, насколько можно без расчёски и платяной щётки, несколько минут спустя он вошёл в крошечную гостиную и застал хозяйку, уставляющую стол дымящимися блюдами невероятно обильного обеда. Едва юноша открыл дверь, как она улыбнулась.

— Франц сейчас придёт. Хорошо, что ты навестил нас. Мы живём далеко от города, и к нам редко кто-нибудь выбирается. Франц, — попросила она вошедшего мужчину, — мальчик должен хоть немного погостить у нас.

Ульман покачал головой.

— Он ищет жёлтые розы, Марта, — просто ответил он. Марта посмотрела на Майкла Карла со страхом.

— Но ты же слишком юн для... — начала она.

— Для того, чтобы искать жёлтые розы? — подсказал ей гость. — Тем не менее я ищу их уже некоторое время. Но мало кто согласен с вами на их счёт, — он подумал о герцоге.

Ульман попробовал суп.

— Я ведь говорил тебе, парень, что Марта — лучшая повариха в мире.

Майкл Карл еле оторвался от быстро пустеющей тарелки.

— Совершенно с вами согласен.

Но даже эта похвала не заставила встревоженную Марту улыбнуться.

— Мне это не нравится, — пробормотала она, глядя на юношу.

Тот рассмеялся.

— Не бойтесь, я вернусь живым и здоровым, вернусь шестнадцатого вместе с жёлтыми розами.

Марта по-прежнему сомневалась, и лицо её не прояс-

нилось, когда Майкл Карл закончил есть и приготовился следовать за своим проводником на последней части пути к жёлтым розам.

Глава десятая

Немедленно в горы

Майкл Карл прихватил пальто и шапку и готов был идти вслед за торопившим его Ульманом, когда вновь появилась Марта. Она приготовила аккуратный пакет, завернутый в чистую салфетку.

— Здесь кой-какая еда. В горах бывает трудно, паренёк. А твоя мама разрешила тебе идти туда?

Майкл Карл серьёзно посмотрел на женщину, наклонился и поцеловал морщинистую руку.

— Большое спасибо. Видите ли, моя мама больше не может обо мне заботиться.

Он быстро прошёл по дорожке и во дворе догнал Ульмана.

— Пошли в конюшню, парень! Хорошо, что ты умеешь ездить верхом. Я дам тебе Леди Злючку, а она не очень-то приветлива с незнакомыми людьми.

Они пересекли поле по дороге к заросшей аллее, ведущей к конюшне, и нашли там конюха, чистившего грязную лошадь, да мальчишку, свистевшего сквозь зубы, разгружая тюки сена с телеги. Если не считать этих двоих, а также спящей чёрной кошки и пары толстых голубей, двор конюшни был пуст.

— Ганс! — позвал Ульман конюха.

Тот опустил щётку и повернулся.

— Приведи Леди и прихвати лёгкое верховое седло. Этот молодой человек хочет испытать сё.

Конюх отвёл лошадь в пустое стойло и исчез. Через минуту-две он вернулся, ведя в поводу грациозную чёр-

ную кобылу, которая презрительно переступала лужицы грязи маленькими копытами и фыркала.

— Вот она, герр Ульман. Молодой доминде хочет поводить её по кругу?

Ульман покачал головой.

— Нет. Он возьмёт её на весь день. Приказ его светлости. Оседлай её, Ганс.

Ульман вслед за Гансом прошёл в помещение, где висела упряжь, а мальчишка, разгружавший сено, тем временем держал Леди. Вернулся Ульман с парой седельных сумок в руке.

— Не завезёшь ли это главному пастуху, парень? Дорога в горы всё равно проходит мимо.

— Конечно, — ответил Майкл Карл, садясь верхом.

Леди настроена была покапризничать, и юноша сразу обнаружил, что нужна твёрдая рука, чтобы подчинить её.

— Поезжай по этой тропе через сад, — сказал Ульман, — а когда выедешь из него, дай кобыле свободу. До свидания и удачи тебе, парень.

— До свидания! — крикнул Майкл Карл через плечо. Он не мог дольше сдерживать танцующую Леди, и они резво поскакали по тропе через сад.

Дождь ароматных лепестков обрушился на них, застревая в короткой гриве Леди и на плечах наездника. Даже много лет спустя густой сладкий запах цветов сливы заставлял Майкла Карла вспоминать танцующую кобылу и грязную тропу, вьющуюся меж цветущих деревьев. Не менее мила тропка шла садом, и кобыла пустилась устойчивым галопом.

Майкл Карл удобнее пристроил пальто на луке седла, так, чтобы карман с пистолетом был сверху. Седельные сумки казались пустыми, и он догадался, что они должны послужить чем-то вроде пароля и охранять его в пути.

Миновав ворота, они оказались на каменистой тропе,

которая шла через лес, а потом поднималась по горному склону. Кобыла выбирала дорогу изящно, как кошка во влажный день, и, казалось, знала путь. Они въехали в лес, и Майкл Карл обрадовался тени. Полуденное солнце теперь мягко грело плечи.

В лесу стояла такая тишина, что он осмелился посвистеть песню, которую накануне услышал у уличного музыканта. Было темно, и они стояли на балконе с Эриксоном, когда тот музыкант появился на улице. Он играл на скрипке и негромко пел.

— Слушайте, — прошептал Эриксон, схватив юношу за руку, — он поёт горскую песню, которую редко услышишь в наши дни.

Мелодия была приятная и сладкая. Когда музыкант проходил мимо, они бросили ему по монете. И вот теперь Майкл Карл пытался припомнить мотив.

Постепенно лес поредел, деревья сменились кустами. Иногда попадались недавно остриженные овцы, их розовая кожа просвечивала сквозь редкую грязную шерсть. Они тупо смотрели на наездника и продолжали пастись. С вершины скалы залаяла собака со спутанной шерстью, оттуда она наблюдала за стадом хозяина.

Собачий лай словно вызвал и самого хозяина. Появился огромного роста человек, плечи которого прикрывала тяжёлая овечья шкура. Он молча стоял у скалы, ожидая Майкла Карла. Тот отвязал седельные сумки.

— Добрый день, — вежливо поздоровался он. Пастух посмотрел на юношу, потом на изношенные сумки. Медленно протянул к ним руку.

— Ты от Ульмана, — проговорил он хрипло; ему как будто редко приходилось разговаривать.

— Да, — только и ответил Майкл Карл. Кобыла нервничала, её тревожила собака, которая оставила своё место, спустилась и бегала вокруг.

— Иди прямо к той длинной вершине, — пастух указал на гору, — увидишь тропу, спускайся по ней к реке. Там скажешь часовому: «Пост Рейн».

В ответ на благодарность он лишь коротко кивнул и пошёл прочь, позвав за собой любопытного пса. Вскоре он скрылся за скалой, унося на плече седельные сумки.

Вскоре Майкл Карл спешился: склон был слишком крут, чтобы заставлять кобылу нести его. Покрепче взяв повод в руку, он начал подниматься. Прошло не меньше часа, прежде чем они добрались до длинной вершины — каменного столба, похожего на гигантскую иглу. Под ним в тени едва виднелась тропа. Должно быть, именно о ней говорил пастух, подумал юноша.

Он немного постоял, отдыхая. Отсюда хорошо были видны в долине Рейна башни крепости и шпиль кафедрального собора. Дальше перед ним расстилались охотничьи угодья загадочного Оборотня. Кобыла вздохнула и начала принюхиваться к тропе, ведущей вниз.

Сев в седло, Майкл Карл вновь послушался указаний Ульмана и предоставил кобыле свободу. Та охотно двинулась вниз. И почти сразу их поглотил лес; деревья были раз в десять гуще и толще, чем по ту сторону горы, но среди них по-прежнему вилась еле заметная тропа. Однако Майкл Карл доверился Леди, а она как будто хорошо знала дорогу. Очевидно, не в первый раз проходила по этому горному пути.

Тени удлинялись, в лесу стало прохладней. Вскоре Майкл Карл с радостью надел кожаное пальто, которое так предусмотрительно захватил с собой.

Кобыла остановилась, принюхалась и уверенно свернула в сторону. За кустами журчал холодный чистый ручей. Лошадь погрузила морду в воду. Юноша спешился и тоже напился из ладоней.

Потом нарвал жёсткой травы и растёр тонкие ноги и

бока лошади. Она спокойно стояла, поэтому он достал салфетку, которую ему дала Марта, развернул её и нашёл два толстых сэндвича. Поездка по горам на свежем воздухе придала ему аппетита.

Сунув остатки еды в карман, он взялся за повод и снова сел в седло. Вечерело, тени сгустились. Они продолжили спускаться по склону, кобыла теперь выбирала дорогу очень осторожно.

Лес постепенно редел. Однажды встретила́сь груда брёвен. Видны были следы недавней вырубкИ. На полянах ещё светило солнце, но кобыла избегала открытых мест и держалась деревьев и зарослей.

Наконец они оказались на ровном месте, и сквозь деревья Майкл Карл различил блеск реки. Он остановил кобылу и склонился с седла, чтобы подтянуть сапоги. Хорошо, что он поживился в королевском гардеробе: брод, наверное, будет глубокий.

И вот они выехали из деревьев и оказались на пологом берегу. Кобыла прошла около ста футов вниз по течению, затем осторожно ступила на покрытое галькой речное дно. Почти сразу же земля ушла у неё из-под ног, и кобыла поплыла; вода плескалась у её сильных плеч и неприятно заливала сапоги Майкла Карла.

Так же внезапно, как и потеряла дно, кобыла вскочила на ноги. Она чихнула, вышла на берег, остановилась и встряхнулась, как собака. Майкл Карл, наклонившись вперёд, снял сапоги и принялся выливать из них воду. И в этот момент кто-то на берегу негромко произнёс:

— Хорошая девочка Леди. Неплохо проделано.

Кобыла заржала, и Майкл Карл поднял голову. На берегу стоял человек в таком же тусклом мундире, что и у герцога. Но смотрел он не на всадника, а на кобылу.

Но вот он, по-видимому, вспомнил о всаднике и повёл в сторону Майкла Карла стволом ружья, удобно лежавшем на сгибе его руки. Должно быть, это и был часовой.

— Пост Рейн, — быстро сказал Майкл Карл.

— К кому? — холодно спросил человек.

— Меня интересуют жёлтые розы, — отчётливо ответил Майкл Карл, — и я хотел бы встретиться с теми, кто тоже интересуется ими.

Боже, подумал он, как похоже на объявления в журналах о поисках желающих переписываться.

— Жёлтые розы! — человек рассмеялся. — Пошли со мной, друг, и я покажу тебе такие розы, что в глазах зарядит.

Но провёл он его всего ничего, буквально за первым поворотом их ждал оборванный мальчишка, в той же тусклой форме, поверх которой у него скрещивались две патронные ленты, через плечо на ремне висело ружьё с длинным стволом.

— Посыльный к НЕМУ, — часовой указал грязным пальцем на Майкла Карла. — Отведи его.

И ни слова не говоря больше, вернулся на свой пост у реки. Мальчик подошёл и взял кобылу за повод. Он с любопытством посмотрел на юношу, но ничего не спросил.

Майкл Карл сам очень хотел спросить у него, принадлежит ли он к стае людей-волков и благополучно ли прибыл американец на встречу с Оборотнем, который может быть королём Морвании, а может и не быть им. Но проводник молча шёл впереди и не поворачивался. Почти бессознательно Майкл Карл начал насвистывать песню горцев, которая ему так понравилась.

Мальчик остановился.

— Кто ты? — резко спросил он.

Майкл Карл ответил привычной формулой:

— Тот, кто ищет жёлтые розы.

Но мальчик отказался удовлетвориться этим.

— Но это не их сигнал, это пароль для... — он не ожи-

данно смолк и заторопился вперёд, не отвечая на расспросы Майкла Карла.

Дорога отвернула от берега реки в лес. Копыта кобылы и сапоги мальчика поднимали небольшие облачка пыли. Юноша вздрогнул и плотнее запахнулся в пальто, последние тёплые лучи солнца исчезли, на западе оставалось только бледное золото заката. Майкл Карл узнавал, какой холодной может быть майская ночь в горах.

Но вот наконец-то показался лагерь. Неровным кругом стояли пять небольших хижин, они служили центром целого города из шалашей и поблекших от непогоды палаток. Перед каждой горел костёр, куда непрерывно подбрасывали дрова. Выглядело как лагерь вполне приличной по размерам армии. Очевидно, Оборотень располагает гораздо большими силами, чем считает Совет.

Почти сразу Майкла Карла и его проводника заметили. Молодой человек в чёрном мундире, с которого были спороты все знаки различия, подошёл и пошептался с мальчиком.

— Прошу вас спешиться и пройти со мной, — сказал он наконец. Майкл Карл колебался, и тогда молодой человек добавил: — Рептман присмотрит за лошадкой.

Юноша послушно слез с седла. Ноги у него затекли, и он спотыкался при ходьбе. Такова плата за несколько часов верховой езды, когда три месяца не упражняешься.

Вслед за новым проводником он направился к самой большой хижине. Стоявший у входа солдат подтянулся и ловко отдал молодому человеку честь.

В хижине было тесно, но не темно. Горели две лампы — на аккумуляторах, как Майкл Карл узнал позже. Они освещали несколько карт на столе, крупные ломти хлеба, бутылку кислого горского вина и грязную тарелку с обгрызенной ножкой цыплёнка. Человек средних лет с аккуратно причёсанными волосами и навощенными уса-

ми с отсутствующим видом жевал хлеб, слушая, как молодой человек с толстыми губами и в слишком тесном воротничке монотонно читает какой-то длинный список.

Сидевший сразу поднял голову, и Майкл Карл понял, что он очень рад случившейся помехе.

— В чём дело, Урич? — спросил он, когда сопровождавший Майкла Карла молодой человек отдал честь.

— Посыльный, полковник Хауптан.

— От кого? — полковник наклонился вперёд и удивлённо посмотрел на Майкла Карла.

— От герцога Иоганна, — ответил юноша. Хотя послал его Лукранц, но герцог Иоганн явно стоит во главе королевской партии.

— В чём дело?

— Боюсь, — почтительно проговорил Майкл Карл, — что не смогу ответить на вопрос. Я должен доставить сообщение лично министру Эриксону.

Полковник Хауптан нахмурился.

— Что это значит? Никакого министра Эриксона у нас нет.

Майкл Карл выругал себя. Весьма вероятно, что Эрикссон посещает королевские силы под каким-то другим именем.

Он начал снова:

— Моё сообщение адресовано американцу, который ведёт переговоры с Оборотнем.

Полковник медленно встал. Теперь все внимательно смотрели на Майкла Карла.

— В лагере нет никакого американца, — сказал наконец полковник.

Проводник резко бросил:

— Он говорит, что принадлежит к жёлтым розам, но использовал сигнал чёрных плащей. Что...

Полковник кивнул.

— Боюсь, мой друг, вам многое придётся объяснить.

— Но ведь Эриксон должен быть здесь. Вернее, там, где Оборотень. Он оставил указания, что если произойдёт что-то важное, мы должны связаться с ним при помощи пароля жёлтых роз.

— Повторяю: у нас нет и никогда не было никакого Эриксона.

— Может, он называет себя как-то по-другому, но он здесь, если с утра с ним ничего не случилось.

— А вы кто?

Не подумав, Майкл Карл ответил правду:

— Майкл Карл.

Полковник снова сел.

— Это ложь, — он снова взялся за хлеб и откусил кусочек.

— Знаете ли, — с достоинством объявил Майкл Карл, — я не привык к тому, чтобы меня называли лжецом, — он постарался казаться как можно более высоким. — Я хочу видеть Оборотня. Пошлите за ним.

Полковник выглядел шокированным.

— Возьмите этого... этого...

— Молодого нахала, — подсказал ему юноша.

— Молодого нахала, — послушно повторил ошеломлённый полковник, — и держите под стражей до прихода его величества.

Майкл Карл насмешливо поклонился.

— Большое спасибо. Надеюсь, моя камера будет удобной. Вероятно, стул мне не понадобится; наверное, после этой поездки я несколько месяцев не смогу сидеть. Но ужин я заслужил. Ведь я пытался ради вас спасти ваше королевство. Сообщите его величеству, что я должен немедленно увидеться с ним, но мне всё же кажется, что вы должны вызвать Оборотня.

Оставив полковника переваривать весь этот вздор, Майкл Карл вслед за своим провожатым прошёл в соседнюю, гораздо меньшую хижину. Один ящик служил в ней

стулом, другой — столом, но лучше всего выглядела брезентовая койка.

— Беру себе это, — Майкл Карл сел на койку. — И послушайте, я не собираюсь разыгрывать Отчаянного Парня, так что вполне можете не тратить силы на охрану. Скажите только, когда принесут ужин. Кстати, я не люблю хлеб с водой. Можете передать это полковнику.

Он зарылся головой в подушку и закрыл глаза. Проводник смотрел на него с раскрытым ртом, потом неуверенно сел на ящик.

Майкл Карл немного передвинулся, чтобы ему стал виден верх другого, большего ящика, служившего столом. На нём лежало что-то странно знакомое. Точно, голубой переплёт книги Киплинга, сокровища, которое отобрал у него Оборотень вместе с плащом во время их первой и последней встречи! Значит, Оборотень всё-таки здесь. Вот будет интересно, если он действительно окажется королём и двоюродным братом Майкла Карла.

Кто-то недавно читал книгу, между страницами торчала розовая закладка. Заинтересованный, позабыв о своём тюремщике, юноша сел на койке, чтобы лучше видеть. Закладкой оказался плетёный шёлковый шнурок с небольшим резным шариком слоновой кости на конце. Майкл Карл негромко присвистнул: он вспомнил, где уже видел такой шарик.

Такой ему однажды показывал американец, сказав, что это бусинка из тибетских чёток. Эриксон ещё говорил, что никогда с ней не расстанется, что это его счастливый талисман. Итак, он в хижине Эриксона, и полковник его знает.

Майкл Карл снова лёг. Он в безопасности, но то, что он ещё не сообщил свою новость, беспокоило его. Охранник по-прежнему сидел на неудобном ящике.

— А когда вернётся владелец этой хижины? — обратился к нему пленник.

Охранник неуверенно посмотрел на него.

— Это моя хижина, — ответил он.

— Да ну? — ехидно спросил Майкл Карл. — Тогда что делает здесь эта книга? — он указал на книгу Кипплинга.

— Её оставил сегодня утром его величество, — с гордостью ответил стражник.

— Ну-ну. Кстатi, она принадлежит мне, — и прежде чем охранник смог помешать, юноша встал и протянул руку к книге.

Да, он не ошибся, это была его книга, а закладка в ней принадлежит Эриксону. Майкл Карл раскрыл книгу на страницах, где вёл свой неформальный дневник. Кто-то читал его записи, рядом виднелись пометки, сделанные аккуратными печатными буквами.

Против описания столовых манер генерала стояло: «Очень верно; мне как-то пришлось сидеть с ним за столом на маневрах». Но больше Майкл Карл прочесть ничего не успел, книгу у него выхватили из рук. Он поднял голову и увидел сердитый взгляд стражника.

— Как вы смаете? — тихим голосом спросил молодой офицер.

— Простите, — ответил юноша, — но ведь это всё-таки моя книга.

Стражник не ответил, он вернулся на ящик, держа книгу в руках.

Глава одиннадцатая

Майкл Карл впервые встречается с королём

— Он здесь, ваше величество, — сквозь сон услышал Майкл Карл. Итак, король наконец-то здесь, но открыть глаза и увидеть своего двоюродного брата — для этого потребовались слишком большие усилия.

— Ленивый щенок! — кто-то тряс юношу за плечо. Он открыл глаза и увидел улыбающегося Эриксона.

— Нашлись наконец, — жалобно проворчал Майкл Карл. — Оставили меня на милость этих головорезов. Надо было сразу встретиться со мной.

— Вставайте, приятель, и попытайтесь проявить немного разума, — сказал американец. — Кстати, — добавил он с чувством, когда Майкл Карл опустил ноги на пол, стараясь прогнать остатки сна, — вы нашли единственную удобную койку во всём лагере.

Комнату зополонили незнакомые люди, хотя некоторых, вроде полковника, Майкл Карл узнал. Он сонно подумал, кто же среди них король.

— А теперь, может быть, вы будете так добры, что расскажете, почему сочли необходимым присоединиться к нам?

— Келлерман настучал, — просто ответил Майкл Карл. — И теперь они знают дату наступления.

Но тут наконец-то проснувшийся разум вспомнил услышанное обращение к американцу. Неужели Эриксон и есть его таинственный родственник? И в то же время — предводитель повстанцев? Такое тоже может быть, потому что король — Оборотень. Так ли это?

— Послушайте, — неожиданно спросил он, — вы Ульрих Карл?

Конечно. В поведении американца всегда чувствовались прирождённое достоинство и властность. Оболочка американца легко спадает с этого незнакомого двоюродного брата, обнажая личность, вызывающую уважение и привыкшую к власти.

Молодой человек улыбнулся в ответ на вопрос Майкла Карла.

— Неужели вы не догадывались до сих пор? Ведь я много раз выдавал себя. Да, я король, но, кажется, мне

недолго владеть этим титулом, если Лаупт и его романтические друзья добьются своего. Теперь, раз уж вы здесь, я вам дам работу. О, я совсем забыл. Господа, его высочество принц Майкл Карл!

Лицо полковника приобрело прекрасный малиновый цвет, а охранник тщетно старался провалиться сквозь пол. С правильностью часового механизма все в комнате защёлкали каблуками и поклонились. Майкл Карл воспользовался улыбкой «изобразить и умереть», к которой привык на приёмах в посольствах и которую надеялся больше никогда в жизни не извлекать со льда.

— Итак, Келлерман настучал, — продолжал король. — Мне нравится ваш подбор слов, Майкл Карл. Это очень похоже на крысу Келлермана. Ну, видимо, нет отдыха усталому. Можете добраться до штаба, приятель, и начать приносить пользу?

Юноша с трудом встал, мышцы его энергично протестовали. Он решил, что при первом же удобном случае попросит рассказать ему подлинную историю Оборотня.

— Кстати, вас послал Иоганн?

— Нет, — правдиво ответил принц.

Ульрих Карл вздохнул.

— Мне казалось, — усталым голосом сказал он, — вы говорили, что вместе подчиняться приказам.

Майкл Карл озорно улыбнулся.

— Я ведь не говорил, чьим приказам.

Брат посмотрел на него.

— Мне следовало отдать вас под трибунал, вы...

— Молодой нахал, — вторично за вечер подсказал Майкл Карл, посмотрев на полковника.

Ульрих Карл стал серьёзен.

— Да, я слышал, как вы обращались с моими офицерами. Не понимаю, почему вы добавились к моим заботам. Между вами у себя на руках и революцией я выбрал бы революцию.

— Чепуха! — ответил Майкл Карл, к ужасу офицеров, и вслед за братом вышел из хижины.

Лагерь ожил. Костры больше не горели, вокруг них не сустились, но в воздухе определённо ощущалась спешка и торопливая деятельность.

Предвидя вопрос брата, Ульрих Карл сказал:

— Мы выступаем в полночь. К счастью, я предвидел, что что-то такое может случиться, и заранее решил уходить отсюда в полночь. Келлерман не сможет нас остановить; мы решили рискнуть.

В это время лошадь, вся в поту и пене, прискакала на площадку утопанной земли, и всадник, шатаясь от усталости, исчез в штабной хижине.

— Что-то случилось! — воскликнул Ульрих Карл и торопливо побежал туда вместе с братом.

Офицеры внутри вскочили, но Ульрих Карл взмахом руки велел им садиться.

— Докладывайте! — приказал он отдувающемуся всаднику.

— Кафнер провозгласил Кобенца королём. Иннесберг восстал. Рейнская крепость в руках Кобенца, но герцог удерживает Новый город и северный проход. Вы должны ударить в полночь, иначе ему не продержаться. Все припасы Кобенца в крепости, а красные в Иннесберге не готовы.

— Вот как. Что ж, господа, — голос Ульриха Карла ударил, как кнутом. — Через час пройдем северным проходом. Хауптан, ровно через десять минут выступите с авангардом. Пройдёте нижней тропой и присоединитесь там к силам, которые оставил герцог. Кобенц и красные ждут, что мы разделимся и ударим одновременно на Рейн и на Иннесберг, но сегодня наша цель — только Рейн.

Гримвич, проведёте иностранный легион верхней тро-

пой и отыщите герцога. С его одобрения спуститесь к старому мосту и, когда получите сигнал, займите Барго. Там у красных траншей, и вас ждёт тяжёлый бой.

Высокий офицер с лицом в шрамах коротко кивнул.

— Мы пройдем, — со зловещей уверенностью пообещал он.

— Волчья стая пойдёт со мной, — продолжал король, — мы ударим непосредственно по крепости. Воспользуемся тайным проходом с Пала Хорн в соответствии с планом, который обсуждали прошлым вечером. Остаются чёрные плащи, — он взглянул на Майкла Карла, потом порывшись в бумагах на столе и нашёл то, что искал, — крест Себастьяна.

— Помните, господи, Майкл Карл — наследник трона. Чёрные плащи, будучи в своём праве, пойдут за ним, — и он надел серебряную цепь на шею Майклу Карлу, так что крест лёг поверх измятой формы шофёра.

— А теперь за работу, господи!

Отпустив всех, король остался наедине с Майклом Карлом.

С лёгкой улыбкой посмотрел он на своего молодого двоюродного брата.

— Вы рождены, чтобы командовать, как и все Карлоффы, поэтому не буду отдавать приказы вам, тем более, что вы им не повинуетесь. Но прошу вас быть разумно осторожным. Я надеялся, что вы останетесь с Иоганном в Рейне, пока всё это не закончится, но несколько не удивлён, что вы оказались здесь. Вы ничего не должны мне обещать, но если что-нибудь случится... я знаю, вам ненавистна сама мысль о правлении...

Майкл Карл серьёзно посмотрел на своего высокого двоюродного брата.

— Если что-нибудь случится, я исполню свой долг.

— Вы никогда не пожалуете об этом обещании, —

медленно проговорил Ульрих Карл. — А теперь общий приказ. Ваши люди представляют ваш собственный отряд — гвардию принца. Это горные стрелки, стреляют все очень метко. Попытайтесь занять Кафедральную площадь и удержать её, пока Гримвич не приведёт ко мне в крепость подкрепления. Я собираюсь провести отборных солдат через потайной проход во дворец и захватить крепость. Такой неожиданный удар в самое сердце деморализует партию Кобенца. Ктому же я надеюсь, что он отвлечёт большую часть своих людей, чтобы сразаться с Иоганном и Гримвичем в Нижнем городе. К счастью, Келлерман ничего не знает о проходе, и они не будут предупреждены.

Когда встретитесь с Иоганном, он даст более конкретные указания. Следуйте за Гримвичем по верхней тропе, а не за Хауптаном по нижней. Доброй охоты и удачи, до встречи на Кафедральной площади! Урич! — позвал он, и когда офицер, бывший стражником юноши, ответил, приказал: — Это ваш командир, Урич. Удачи!

Майкл Карл отдал честь и вышел. Чёрный плащ держал Леди и ещё двух коней. На седле Леди лежал пояс для сабли, с прикреплённой пустой кобурой. Принц взял пояс, застегнул его и сунул револьвер, который принёс с собой, в кобуру.

Они поехали во тьму. На краю поляны их ждала группа всадников, у которых за плечами щегольски торчали в небо ружья. Майкл Карл почувствовал внутреннюю дрожь. Впервые ему предстояло отдавать приказы. Всю жизнь он ждал, учился и работал с полковником в Америке ради этого момента. Урич передал ему в руки помятый охотничий рог.

— На этом отдаются приказы, ваше высочество, — пояснил адъютант.

— Не сегодня, — ответил Майкл Карл. — Передайте по линии. Мы идём за полковником Гримвичем.

— Он уже выступил, ваше высочество, — ответил голос из темноты.

— Тогда вперёд! — отдал свой первый приказ Майкл Карл.

Они неторопливой рысцой двинулись вниз. В темноте слышались звон оружия и невнятный шум.

— Это полевая артиллерия, ваше высочество, — ответил Урич на вопрос Майкла Карла.

Они с грохотом проехали по деревянному мосту, над которым с прошлого утра лихорадочно трудились инженеры, и ещё через полчаса начали подъём к проходу.

Вдоль линии всадников подскочил адъютант.

— Полковник Хауптан приветствует ваше высочество. Вы хотите пройти через его часть? Перед вами иностранный легион.

— Мы пойдём за легионом, — ответил Майкл Карл.

Рысь перешла в галоп, они миновали артиллерию и группы пехотинцев, невидимые люди приветствовали их криками. Перед ними двигался иностранный легион, его десять пулемётов везли мулы, привыкшие к извилистым горным тропам.

Наконец подъём стал так крут, что все вынуждены были спешиться и вести лошадей в поводу.

— А как здесь проведут пушки? — спросил Майкл Карл у Урича.

— Пушки пройдут ниже; там не так круто, но путь дольше, ваше высочество. Мы их опередим.

Снова появился адъютант, но на этот раз он шёл пешком, ведя свою лошадь.

— Вас приветствует полковник Гримвич. Он миновал пикеты герцога Иоганна.

— Через минуту мы присоединимся к нему, — Майкл Карл, как и все, тяжело дышал.

У костра на бревне сидел герцог, ленивый, как всегда,

рядом стоял полковник Гримвич. При появлении принца герцог неторопливо встал.

— Приветствую, ваше высочество. Значит, несмотря на все наши усилия, вы всё-таки участвуете в войне.

Майкл Карл несколько нервно рассмеялся. Он не вполне утратил страх перед герцогом. Этот господин сумел завосвать его уважение.

— Рейн выглядит очень мирно, не правда ли? — продолжал герцог, указывая вниз, в долину, где вокруг холма, как светлячки в паутине, виднелись огни города. — Да, отсюда он выглядит очень мирно, но там кипит ад.

Вы со своим легионом пойдёте к мосту, Гримвич. Час назад его удерживали мои люди, но сейчас — кто знает? В таких уличных боях всё может случиться. Когда закрепитесь, дайте сигнал зелёной ракетой. Тогда его величество сможет пройти через Западные Водяные Ворота, которые Лукранц с горстью добровольцев держит открытыми. Через пятнадцать минут после ракеты, — он повернулся к принцу, — ваше высочество направится прямо на Кафедральную площадь.

Гримвич повернулся, отдал короткий приказ и его отряд выступил к мосту.

Когда звуки иностранного легиона стихли, герцог снова обратился к Майклу Карлу.

— Вам лучше дальше идти пешком. Часы у вас есть?

Юноша покачал головой, и герцог расстегнул кожаный ремешок своих.

— Помните, через пятнадцать минут после зелёной ракеты, и пусть ничто вас не остановит.

Отдав честь, Майкл Карл продолжил путь и в сопровождении чёрных плащей начал осторожно спускаться по лесной тропе, такой узкой, что все двигались цепочкой. Их остановил окрик из куста, и юноша с облегчением понял, что они добрались до передовых постов.

От далёкого Рейна ветер иногда доносил звуки стрельбы. Очевидно, дела у Гримвича на мосту шли не очень хорошо. Майкл Карл наклонился вперёд, напрягая зрение, чтобы хоть что-нибудь разглядеть, пока рог не упёрся ему в ребра. Во рту у юноши пересохло, он облизал потрескавшиеся губы, и словно что-то ледяное проползло по спинному хребту. Чтобы занять себя, он снял кожаное пальто и тщательно повесил его на куст. В конце концов, оно может стать помехой, когда дело дойдёт до боя на узких улицах.

Стремясь и в то же время боясь увидеть зелёную вспышку, он ждал; время от времени переступали нетерпеливые лошади; в кустах шептались люди.

Неожиданно заговорил Урич:

— Рассвет!

Небо на востоке посерело, но в последние мгновения темноты в небо взметнулась и упала струя зелёного пламени. Гримвич прорвался, и теперь мост захвачен. Где-то в городе Ульрих Карл, рискуя жизнью, пытается добраться до Пала Хорн.

Майкл Карл не отрывал взгляда от часов герцога. С каждой секундой становилось светлее, уже можно было разглядеть окрестности. Стрелка, казалось, застыла. За собой он слышал щёлканье ружейных затворов: солдаты снимали ружья с плеч и готовили их к бою. Кобыла подняла голову и глубоко вдохнула, она чуть дрожала у него под коленями.

Через двенадцать минут Майкл Карл поднял руку, и Урич поднёс к его губам охотничий рог. Вокруг наступила тишина. Стрелка коснулась тринадцати, четырнадцати. Принц опустил руку, рог протрубил:

— Верхом и вперёд.

Он обнаружил, что кобылу не нужно подгонять. Без всяких усилий она держалась перед всеми. Они скакали

по недавно вспаханным полям, оставляя за собой глубокие отпечатки копыт, и, извлекая саблю и обматывая её шнур вокруг руки, Майкл Карл подумал, что же скажут фермеры, увидев, что сделали с их землёй.

Отряд выплеснулся на дорогу и повернул вниз. Чёрные плащи скакали легко, придерживая застоявшихся лошадей; они готовились к последнему броску по улицам Рейна.

Прежде чем Майкл Карл опомнился, они проскакали по мостовой Нового Рейна, и выстрелы откуда-то впереди сообщили, что у Гримвича ещё остались кой-какие незаконченные дела.

Гостиница «Четыре Коня» была закрыта, окна её прятались за ставнями, как и окна всех домов на улице. Они миновали район посольств. В окнах американского посольства виднелись головы, а с балкона под английским флагом молодой человек выкрикивал приветствия. Проскакав мимо, они слышали его возглас «Доброй охоты!»

Гримвич удерживал мост торговцев цветами, из окон ближайшего дома его пулемёты вели огонь по домам на другом берегу, где, очевидно, окопался враг. Солдат, рискуя быть подстреленным, высунулся и замахал, призывая остановиться. Рядом с лошадью Майкла Карла появился как всегда невозмутимый Гримвич.

— Его величество добился успеха. Пушки крепости смолкли. Кобенц убрал оттуда всех, кроме нескольких снайперов, — он махнул в сторону домов за мостом. — Мы последуем за вами, — выкрикнул он напоследок, чтобы быть услышанным.

Майкл Карл энергично кивнул и взмахнул саблей. Солдат на мосту отскочил в сторону, и они поскакали. Кобыла понеслась по мосту, мощная гнедая Урича держалась сразу за ней.

Чёрные плащи, не дожидаясь приказа, открыли стрель-

бу, прижимаясь к сёдлам и хладнокровно выбирая цели. Человек с головой, замотанной грязными бинтами, выстрелил в Майкла Карла, когда тот скакал мимо. Урич поднял пистолет и тоже выстрелил. Человек странно подбросил руки, упал головой в канаву и замер.

Один-единственный пулемёт попытался остановить их, но гвардейцы сняли стрелков, пулемёт замолчал, и два чёрных плаща, потерявших лошадей, повернули его и сосредоточили огонь на его бывших хозяевах. Скорость наступления упала: сильно мешали снайперы, которые вели огонь из окон. Но основные силы Кобенца отступили, и только немногие препятствовали проходу.

Майкл Карл дрожал от нетерпения. Он должен был добраться до Кафедральной площади и удерживать её до подхода Гримвича. Снизу слышалась частая ружейная стрельба и стук пулемётов.

— Гримвич вошел в Барго! — прямо в ухо Майклу Карлу закричал Урич. Юноша стиснул зубы. Несмотря на снайперов, он должен добраться до Кафедральной площади. Он крикнул Уричу, и охотничий рог отдал приказ:

— Вперёд!

Копыта лошадей высекали искры из мостовой; ценою двух опустевших сёдел они достигли улицы, которая вела к Кафедральной площади. Тут и там появлялись люди, они отчаянно стреляли, пока не падали, но по большей части чёрные плащи избежали нападения.

Кто-то подскакал к отряду. Майкл Карл оглянулся. Незнакомец в косматой шкуре человека-волка прокричал что-то, размахивая флагом; этот серебряный стяг в последний раз юноша видел на троне прямо перед собой.

— Его величество захватил крепость и большую часть вооружения Кобенца, но он нуждается в подкреплениях. Кобенц укрепился в соборе. Мы должны очистить площадь!

Майкл Карл еле-еле понял его сообщение.

— Есть ли у Кобенца пулемёты? — надрывая горло, прокричал он; человек-волк покачал головой: он не знал.

Снизу по-прежнему доносились звуки стрельбы. Гримвич не очень-то торопился, а ведь весь успех зависел от того, сумеют ли они добраться до короля раньше объединившихся Кобенца и красных.

Они были всего в ста футах от Кафедральной площади, когда улицу перегородила стена из всадников.

— Дворцовая гвардия, — указал на неё Урич.

Майкл Карл оглянулся. Каждый второй солдат обнажил саблю, а его напарник держал наготове ружьё, выискивая цель. Юноша решил, что дворцовой гвардии придётся столкнуться с неожиданной неприятностью.

Если они встретятся с противником на выходе из этой улицы, прежде чем тот построится для нападения... Урич уловил его мысль и дал сигнал к атаке. Несколько футов полёта и столкновение лошади с лошадью, вокруг ослепительно заблестела сталь. Майкл Карл ударил не глядя, и сабля его вернулась окровавленной и липкой. Толстый человек в ярком мундире что-то рывкнул, потом на лице его появилось удивлённое выражение, и он обвис в седле. Кобыла гневно заржала и укусила в шею чёрную лошадь, всадник которой нацелил сильный удар в голову юноши. Тот попытался парировать удар, но лезвие мелькнуло перед его усталыми глазами, однако потом ушло в сторону, всего лишь задев щеку.

Они прорвались. Так же быстро, как и появились, гвардейцы повернули лошадей и ускакали. Майкл Карл очень хотел отдать приказ преследовать противника, но сначала требовалось взять площадь. На тротуаре лежала лошадь и била ногами. Принц одобрительно кивнул, когда один из чёрных плащей пристрелил её.

Лицом в алой луже цвета его мундира лежал человек.

Майкл Карл, глядя на него, неожиданно испытал тошноту. Один из чёрных плащей сидел на обочине, глядя пустыми глазами на красное пятно у себя на ноге. Пятно медленно расплзлось. Рядом к стене прислонился юноша в бело-золотом мундире, прижимая к плечу окровавленный белый платок. Он мрачно взглянул на Майкла Карла.

— Ваше высочество ранены! — Урич с беспокойством оглядел его. Майкл Карл потрогал щеку, грязная рука покрылась кровью.

— Царапина. Помогите раненым, — он показал на мрачного молодого человека и сидевшего чёрного плаща.

Один из его людей спешил с чёрной сумкой в руке и принялся оказывать первую помощь товарищу и пленному. Что делать с этим единственным пленным, с беспокойством подумал Майкл Карл. Он спешил и подошёл к юноше.

— Дайте слово? — спросил он. Юноша кивнул и поморщился, когда ему стали плотно перебинтовывать плечо.

Принц расстегнул свой пояс и со стуком уронил его. Недавняя стычка показала, что бесполезно пытаться сражаться в куртке, которая тесно обтягивает плечи, как только он поднимает руки. Поэтому юноша снял её и остался в рубашке с короткими рукавами, и в этот момент солнце коснулось золотого купола собора.

Оставив раненого чёрного плаща с пленником, они снова вскочили на лошадей и повернули к площади.

Майкл Карл чувствовал себя, словно человек, попавший в фантастический сон. Всё происходящее утратило реальность. Он слышал стрельбу в Нижнем городе. Оглянулся: двадцать человек по-прежнему сидели в седлах, из них пятеро были легко ранены. И вот всего с двадцатью людьми ему предстоит взять площадь и удерживать её,

пока не подойдёт Гримвич, который движется со смертоносной медлительностью.

Глава двенадцатая

Битва на кафедральных ступенях

Кобенц хорошо использовал отпущенное ему время, как увидел Майкл Карл, когда во главе своего маленького отряда добрался до конца улицы, которая вела на площадь. На ступенях собора возвышалась баррикада из ящиков, поломанной мебели из соседних домов, тюков с алой и синей тканью из разграбленного магазина. Из-за баррикады торчали зловещие чёрные ружейные стволы.

Есть ли у них пулемёты? Майкл Карл колебался: он знал, что их успех или поражение зависят от ответа на этот вопрос. Если пулемёты у них есть, то отряд будет сметён с лица земли в мгновение ока.

Но также понимая, что медлить нельзя, юноша во внезапном порыве выхватил из рук стоявшего рядом знаменосца древко флага и жестоко ударил кобылу в бока шпорами.

Она подпрыгнула, как преследуемая, стараясь уйти от боли, причинённой сталью. И поскакала через площадь. Майкл Карл выкрикнул:

— Король! Морвания и король!

Вначале послышались крики из-за баррикады, потом он услышал за собой голоса своих людей. Пулемёты не застрекотали. Кобыла подобрала ноги и легко перескочила через преграду. Майкл Карл увидел искажённое белое лицо и ударил по нему. По ступенькам стучало теперь много копыт, а он с помощью древка штандарта отражал удары сабель. Стрелять противники не стали, опасаясь попасть в своих же, столпившихся вокруг принца и пытавшихся стащить его с седла.

Древко быстро сломалось, в руке осталось всего пять дюймов, и он едва успел отразить сильный удар растрёпанного человека, который воспользовался ружьём как дубиной. Майкл Карл пытался пробиться на самый верх ступеней, к группе ярко одетых офицеров, среди которых должен быть Кобенц.

С ужасным ржанием кобыла упала, сильный удар ложем ружья пришёлся ей меж глаз. Майкл Карл попытался высвободиться, но враги набросились на него, как собаки, и сшибли на землю. Он откатился вбок и прижался спиной к резным статуям святых сбоку от ступеней. Оказавшись лицом к баррикаде, юноша скользнул в нишу у двери, задев головой ногу святого Михаила.

Группа офицеров уже исчезла, и на ступеньках оставались только солдаты с искажёнными страхом и злостью лицами. Если его не снимут выстрелом, на какое-то время он в безопасности.

По площади скакали последние чёрные плащи, хладнокровно стреляя на скаку. Баррикада была преодолена, её защитники отступали, а лошади спешившихся чёрных плащей толпились у основания ступеней. Урич, широко размахивая саблей, приближался к Майклу Карлу. Стрельба теперь почти прекратилась, перейдя в рукопашную схватку, и чёрные плащи побеждали.

Принц, тяжело дыша, прислонился к холодному камню. На какое-то мгновение о нём забыли. Он мрачно заметил, что королевский штандарт в его руках превратился в обрывки, испещрённые тёмными пятнами. Но у него не было времени на такие мелочи.

Человек в крестьянской блузе хрипло закричал:

— Возьмите его, раньше чем они возьмут нас!

Все, кто его услышал, пять или шесть человек, подчинились и бросились к Майклу Карлу. Но наткнулись на саблю.

— Держитесь! — кричал снизу Урич. — Держитесь!

Юноша пытался, но ему всё труднее становилось поднимать руку. Сильно болела царапина на щеке, и острые края камня впивались в спину. Он больше замечал эти неудобства, чем усилия людей, пытавшихся добраться до него.

Человек снизу снова что-то крикнул, и враги с ворчаньем отступили. Их предводитель поднял руку. Майкл Карл догадался, что последует за этим, и упал, услышав, как пуля ударилась в ногу святого над ним.

С торжествующим криком его противники бросились на Урича и чёрных плащей. Урич, выйдя из себя из-за предполагаемой смерти принца, встретил их обнажённой сталью, и когда чёрные плащи поднялись на следующую ступень, сопротивления они больше не встретили.

Никто не сдавался: отчаянные защитники баррикады сражались, пока не падали под ударами сабель или пуль. Чёрные плащи очистили ступени собора, но и сами потеряли десятерых.

Майкл Карл встал на колени. Было очень тихо, и утреннее солнце зажгло крест у него на груди живым пламенем. Стрельба внизу стихала, и на краю площади показались серые мундиры иностранного легиона.

Юноша осторожно поднялся, хватаясь руками за камень. Смятый королевский штандарт лежал у его ног, и с риском потерять равновесие он наклонился и поднял его. Урич и уцелевшие чёрные плащи с тупым удивлением смотрели на него, как на воскресшего из мёртвых.

Алый ручеёк, становясь всё гуще, стекал по ступеням; он окрасил сапоги одного бойца из чёрных плащей, который сидел, тяжело дыша. На глазах у принца этот человек глубоко вздохнул, лёг и застыл.

Поблизости лежала и кобыла со шкурой, изорванной сапогами. Майкл Карл тупо смотрел на неё. Она хорошо послужила ему, и казалось невероятным, что такая гра-

ция и красота лежит неподвижно на ступенях собора, грязная и изломанная.

Подошёл Урич, он двигался медленно, как старик.

— Они всё ещё удерживают собор, ваше высочество. Но их немного, только Кобенц и его офицеры.

Так вот куда скрылась группа ярко одетых офицеров, которые исчезли, поняв, что проигрывают бой.

Майкл Карл устало прислонил голову к ногам святого. Они взяли площадь и ступени, но ещё предстояло взять собор.

— Проведите перекличку, — медленно приказал он.

Урич взглянул на чёрных плащей, ещё остававшихся на ногах.

— Нас десять, не считая вашего высочества.

— А когда начинали...

— Нас было сорок, ваше высочество.

Юноша осмотрел площадь. У большого фонтана в центре лежала лошадь головой в воде, рядом с ней распростёрся чёрный плащ. По крайней мере один раз защитники баррикады попали в цель. Мимо мёртвой лошади и сё хозяина без строя приближались солдаты иностранного легиона, и с ними, аккуратный вплоть до последней начищенной пуговицы, прямо шагал полковник Гримвич, помахивая тростью — знаком своей власти.

Чёрные плащи во главе с Майклом Карлом собрались на верху ступеней, а плоды их с таким трудом одержанной победы лежали у их ног и за баррикадой.

Гримвич остановился, увидев эти ужасные ступени, и потом, посмотрев вверх, коснулся шапки концом трости. Принц ответил на приветствие рукоятью сломанной сабли — лезвие лопнуло, когда он бросился вниз, спасаясь от пули, — и пошёл вниз навстречу полковнику.

— Вам здорово досталось, ваше высочество, — заметил полковник.

Майкл Карл кивнул.

— Кобенц ещё удерживает собор, но ваша дорога свободна. Мы его выкурим. Трудно было вниз?

Гримвич улыбнулся — впервые с тех пор, как юноша познакомился с ним.

— Пожалуй. Но мы очистили город. Теперь пойдём в крепость. Мои ребята позабавились сегодня утром. Оставить вам подкрепления?

— Если сможете выделить десяток... — нерешительно начал Майкл Карл, оглядываясь на горстку чёрных плащей на ступенях.

— Ничего нет легче, — сердечно сказал полковник. — Кортленд, десять человек его высочеству. Хауптан уже на подходе, — продолжал он, пока десять человек отделялись от серых рядов и поднимались по ступеням, — и герцог захватил водопровод. С Иннесбергом мы договоримся за два дня. Ну, нам пора. Я сообщу его величеству о том, что здесь произошло, — вторично подняв в приветствии трость, полковник со своими людьми двинулся к крепости.

Майкл Карл снова повернулся к собору. Его необходимо было взять. Но, глядя на серые каменные стены и массивную дубовую дверь, он решил, что сделать это будет нелегко.

Перехватив рукоять сломанной сабли, он заколотил ею по двери.

— Именем короля требую, чтобы вы сдались! — крикнул он.

Они подождали, но двери оставались закрытыми и тихими. Майкл Карл понимал, что это требование сдачи — формальность, и не ожидал ответа.

— В последний раз требую вашей сдачи. Пушки крепости нацелены на собор, — он надеялся, что там есть пушки. Голыми руками собор не взять.

И на этот раз пришёл ответ — глухой звук, похожий на шум моря в спирали раковины. Очевидно, внутри что-то

происходило. Кобенц трус, хотя достаточно ли он труслив, чтобы открыть дверь при такой угрозе? Но Майкл Карл не принял во внимание архиепископа.

Для маленького человека собор был всем миром, и один-единственный выстрел, задевший его камень, для него хуже святотатства. Услышав об угрозе, он набросился на осаждающих.

С глухим стуком дверь распахнулась. Майкл Карл помигал, стараясь что-нибудь рассмотреть в полутьме ослеплёнными солнцем глазами. В дверях стояла маленькая фигура в алом плаще; он видел этого человека в комнате заседаний Совета, там он держал в руках серебряный крест.

Фигура слепо смотрела вперёд, яркий свет так же ослепил архиепископа, как и Майкла Карла; сморщенный рот болезненно искривился; руки человек широко развел, защищая красоту церкви за собой. Затем, повидимому, увидев принца, он сделал шаг вперёд и положил жёлтую ладонь на руку юноши.

— Вы не причините вреда... вреда всему этому? — взмолился он, указывая на убранство собора. — Они там, берите их, — и он показал на высокий алтарь.

Послышался резкий хлопок, алая фигурка покачнулась, но, даже падая, архиепископ умоляюще смотрел в лицо Майклу Карлу.

— Вы не причините... — прошептал он.

— Мы не повредим собор, — пообещал принц.

Архиепископ Рейна ещё раз мирно вздохнул и покинул единственное место на земле, которое любил больше всего. Маленькая фигурка в алом платье неподвижно лежала у одной из прекрасных колонн собора.

Майкл Карл в сопровождении Урича и своих людей вошёл в собор. Внутри в ожидании выстрелов они разделились на две колонны и пошли по двум проходам между

сидениями. Теперь, когда глаза его привыкли к темноте, юноша хорошо видел алтарь и на ступенях возле него группу офицеров.

Один из них неожиданно закричал, и звук его голоса, сопровождаемый эхом отражений, заполнил собор:

— Святилище! Мы требуем права святилища!

Майкл Карл подумал о маленькой алой фигуре у входа. Он мрачно шёл дальше. Заметив, что на некоторых чёрных плащях действовал этот крик, он крикнул в ответ:

— Для тех, кто нарушил право святилища, его не существует. Вы убили архиепископа у его собственной двери.

Чёрные плащи вновь двинулись вперёд. Стоявшие у алтаря слышали их шаги, но не могли видеть приближавшихся.

Майкл Карл предпринял последнюю попытку предотвратить кровопролитие:

— Сдавайтесь, не стоит лить кровь за того, кто стал на путь предательства, — и приведите его с собой.

— Мы сдаёмся, и мы обезоружили Кобенца, — пришёл ответ.

Они приближались медленно — жалкая кучка людей в изорванных грязных мундирах. И среди них, прихрамывая, с руками, связанными за спиной собственным поясом, Кобенц. Его коварная усмешка исчезла, жёлтые глаза смотрели вперёд, ничего не видя, а на пурпурных губах выступила пена.

Чёрные плащи обезоружили офицеров, и вскоре, связанные и сломленные, те стояли перед Майклом Карлом. Кобенц перестал быть человеком. Он бросился на камни пола и пополз к сапогам принца, издавая нечленораздельные звуки, подобно животному.

— Сжальтесь, сжальтесь! — кричал он.

Майкл Карл отвернулся.

В проходе раздался звон шпор, и юноша оторвал взгляд от этой твари, пожелавшей стать королём. Приближался один из людей-волков. Он отдал честь Майклу Карлу.

— Его величество сообщает, что город в наших руках. Он будет здесь через пять минут.

Принц поблагодарил его. Неожиданно он почувствовал себя страшно усталым и больным. Мозаичный пол покачнулся. Когда он попытался повернуть голову, щеку прорезала боль. Майкл Карл решил, что война ему не нравится.

С площади слышались приветственные крики. Это наверняка шёл Ульрих Карл. Юноша повернулся и неуверенно двинулся к двери. Следовало расчистить ступени.

Но прежде чем он достиг двери и сё несчастного охранника, кто-то вошёл.

У Майкла Карла перехватило дыхание. Этот человек не мог быть американцем. Высокая величественная фигура в алом плаще и в украшенной драгоценностями шляпе. Юноша взглянул на себя, на собственную изорванную рубашку, на которой качался алмазный крест, на забрызганные кровью брюки. Потом посмотрел в улыбающееся лицо короля, почувствовал, как тот обнял его за плечи, и услышал его голос:

— Брат, ты ранен?

— Не думаю, — ответил Майкл Карл и сразу почувствовал себя вновь молодым. Огромный груз ответственности свалился с его худых плеч.

— Ну, приятель, если ты и не ранен, то выглядишь как раз таким, — в голосе короля прозвучало облегчение. — Посмотрел бы ты на своё лицо.

— Что у нас здесь? — чуть погодя спросил он, по-прежнему обнимая юношу за плечи, когда они подошли к пленным. — А, Кобенц и компания. Тебе удалось взять их всех. Ну, на время избавимся от них.

Он отрядил людей-волков в качестве охраны пленных, потом обратился к чёрным плащам.

— Мне не нужны слова, друзья, но вы увидите, что дела этого дня будут вознаграждены. Вы спасли королевство, и король этого никогда не забудет.

Майкл Карл ещё видел, как Урнч подскочил к нему, но уже утратил всякий интерес к королям и королевствам. Сильные руки подняли его и как будто понесли по лестницам и коридорам. Кто-то продолжал звать его по имени, но он уже уснул.

Что-то тяжёлое лежало на груди юноши; он сонно поднял руки, чтобы оттолкнуть тяжесть. Пальцы его коснулись мягкого бархата. Он повернулся и открыл глаза. Очаг, достаточно большой, чтобы вместить целое бревно, стул с высокой спинкой и выцветшим гербом на этой спинке. Майкл Карл сонно смотрел на всё это, потом поднял голову.

Над высокой каминной доской висела картина. Стройный юноша со смеющимися глазами и взъерошенными волосами держит поводья живой чёрной лошади; у его испачканных грязью сапог развалились две собаки, высунив языки; они словно только что с охоты. Белые брюки их хозяина тоже в грязи, охотничья куртка порвана на плече, но рука его сжимает хвост желанной добычи.

Майкл Карл разглядывал юношу. Знакомое лицо... Может, офицер, которого он видел на улице или в соборе? Нет, не похоже. Такой парень не стал бы связываться с бандой Кобенца. Наверное, он видел его в горном лагере Ульриха Карла.

Кстати, а где он сейчас? Майкл Карл откинулся на спинку и стал разглядывать зелёный полог над головой. Последнее, что он отчётливо помнил, это как он стоит в соборе, король обнимает его за плечи, и вдруг колонны как-то странно завертелись.

Майкл Карл посмотрел на зелёный бархатный полог

между резными кроватными столбиками. Прямо перед ним стоял другой стул, а в нём спал человек-волк. Свою волчью маску он сбросил, голову положил на руки. Принц посмотрел на него: ему стало ясно, что тот ещё долго не сможет сидеть и вообще какое-то время будет неинтересным компаньоном.

Юноша с трудом повернул голову. Половина лица сильно болела; потрогав щеку, он обнаружил, что та плотно забинтована.

В другой части комнаты оказались ещё два таких же стула, длинный стол с резной сценой охоты вдоль всего края и тяжёлый сундук. Над столом, уравновешивая юношу-охотника, висела другая картина в тяжёлой раме. С неё на принца смотрел тоже юноша, но в его высокомерном взгляде не было улыбки, не улыбались и тонкие губы.

— Весьма неприятная личность, — проговорил Майкл Карл вслух, разглядывая портрет.

— Таким он и был, приятель. Я хорошо был с ним знаком, — в ногах кровати стоял король, человек-волк продолжал спать.

Майкл Карл без удивления посмотрел на своего двоюродного брата. Он уже привык к таким неожиданным появлениям.

— Кто он такой?

— Наш дед, покойный король. Хотелось бы найти хоть одного человека, которому бы он нравился. А это, — он кивнул на картину с юношей-охотником, — принц Эрик, твой отец. Ты удивительно похож на него. Вполне мог бы послужить твоим портретом. Как себя чувствуешь после завоевания города?

— Хорошо. Послушайте, я хочу встать.

— Всему своё время. Ты нас испугал, молодой человек, когда решил так картинно потерять сознание в соборе.

Урич ужасно рассердился на меня за то, что я не послал подкреплений раньше. Ты привлёк на свою сторону множество поклонников, приятель. Мне следует как можно быстрее взять у тебя клятву верности: если ты решишь восстать, я окажусь побеждённым, прежде чем пойму, что случилось. Как тебе нравится быть героем?

— Чушь! Что вы сделаете с Кобенцем и остальными?

Глаза Ульриха Карла перестали смеяться, подбородок его, казалось, заострился.

— Кобенца будут судить за измену и убийство архиепископа. В любом случае мы с ним покончили. Остальные, вероятно, отправятся в изгнание.

— А Иннесберг?

— Сдался сегодня утром. Угроза прекратить подачу воды заставила их пойти на переговоры. После того, как при взятии крепости был убит Камп, у них не осталось настоящего предводителя. Конечно, неприятности не юге не закончены, но это можно предоставить Иоганну. Он неожиданно продемонстрировал железную руку в наведении порядка, чем вызвал большое уважение и благоразумный страх.

Дворцовую гвардию я распускаю. Моей личной гвардией будет волчья стая, а иностранный легион разместится в крепости. На него я вполне могу положиться.

Кстати, часть твоей гвардии, оставшаяся верной Совету, просит пощады и мира. Я ответил, что это решать тебе.

— А что с Лауптом и Кафнером?

Гладкий лоб короля прорезала лёгкая морщина.

— Мы не можем их найти. Я знаю, что они не покинули страну. Они меня тревожат. Лаупт был мозговым центром всего дела, и я не усну спокойно, пока он не будет под замком в Львиной башне.

— Вы его найдёте, — заверил брата Майкл Карл.

После взятия Рейна он твёрдо верил, что этот высокий молодой человек, без всякого чванства сидящий на его кровати, может сделать всё, что захочет.

— А теперь расскажите, как вы взяли крепость, — попросил он.

Глава тринадцатая

Кто владеет Рейном, тот владеет Морванией

— Нет, — тут же поправился юноша, — лучше расскажите, как вы так быстро изменились: из Оборотня в американца, из американца в короля. Я не люблю историй, которые начинаются с середины, и...

— Хочешь знать начало и конец? — подсказал брат. — Ну, всё это результат неверных решений покойного, но не оплакиваемого короля, нашего не вызывающего симпатий деда. Он был настоящим тираном и брал пример с отца, Фредерика Великого. Не стану говорить, что он швырял тарелки в принцев крови или рвал на них одежду, но он сделал всё, чтобы превратить крепость в ад для своих близких.

Он довёл до смерти жену и взялся за сыновей. Однажды утром явился завтракать и набросился на принца Эрика, твоего отца. Эрик, конечно, был младшим сыном и вообще не хотел садиться на трон, поэтому он подождал, пока старик замолчит, чтобы перевести дыхание, и ответил ему, закончив заявлением, что отправляется в Америку и хочет посмотреть, как отец попробует остановить его.

Король сидел молча, он был ошеломлён, как кошка, избитая мышкой, с которой она думала поиграть. Принц Эрик хладнокровно закончил завтрак и сказал, что идёт паковать. Отец не пытался удержать его, может, почув-

ствовал уважение к единственному члену семьи, который посмел ответить ему, а может, просто от шока временно не был способен действовать.

Эрик попрощался со всеми, включая брата, коронного принца Стефана. Последнее, что он сказал Стефану: посоветовал убраться отсюда, пока ещё возможно. Однако у Стефана были здесь определённые привязанности, не последняя из которых — твой покорный слуга, который в то время поднимал ужасный шум в королевской детской.

Принц Эрик успел перейти границу, когда на пограничный пост прибыл офицер с приказом арестовать его. Я думаю, Карл собирался дать Эрику отведать Львиной башни, когда наконец сделал попытку схватить его.

Старый Карл кипел от гнева. Он не бил посуду, но похоже было, что начнёт в любую минуту, и у всех выработалась привычка ходить на цыпочках и выглядеть как статуи, когда Карл обращал на них внимание. Ужасное время. Вскоре король послал разузнать, что подделывает беглый сын за океаном.

Королю доложили, что принцу явно нравится в Америке, потому что через месяц он женится и не думает, что его невеста горит желанием посетить Морванию. И вообще, ему больше нравится работать на сталелитейной фабрике своего будущего тестя, чем играть роль принца. Он хочет стать инженером.

Это доконало короля. Последовал страшный взрыв, и окружающие месяцами потом собирали осколки своей гордости и самоуважения. Мой отец отчасти использовал метод Эрика и вежливо, но решительно удалился в свой горный замок. Он заявил, что не хочет запугать своего сына до смерти топающим и орущим дедом.

Король больше никогда не упоминал Эрика; больше серьёзных припадков гнева на него не находило. После того как мой отец погиб в оползне, дед отправил меня в

школу, и мы почти не виделись. Разве что на пять минут раз в пять лет.

Примерно через полтора года после отъезда Эрика король приказал задрапировать все его портреты чёрным и отслужить в соборе заупокойную мессу. Он ничего не сообщил, но все поняли, что принц мёртв.

Дела тогда шли ужасно. Все достойные дворяне сидели по своим поместьям; они были изгнаны, так как похвально отзывались о сбежавшем принце.

Лаупт, Кафнер, Обердамн и им подобные воспользовались этим, и не без задней мысли. Во время войны мы сохраняли нейтралитет, и в последние месяцы перед заключением мира к нам через границу просочились многие сомнительные люди. Несожданно на севере появился Камп. Он до этого принимал участие в событиях в России.

Король был так занят, устраивая несносную жизнь для тех немногих, кто ещё сохранил ему верность, что совершенно упустил из виду различные трюки Лаупта и компании. С Кампом он обращался как с шутком и тем самым заставил его ещё теснее связаться с красными. Камп привык к тому, что аристократы дрожат при одном упоминании его имени, и равнодушные короля его уязвило, так что он проделал незаурядную подпольную работу.

В любой стране найдутся люди, которые приходят в возбуждение, когда появляется возможность что-то отобрать у богатых и отдать бедным. Но до 1930 года особых неприятностей у нас не было. Конечно, раз или два в Иннесберге случались волнения, но это обычное дело, и никто не тревожился, как пропускают мимо ушей очередную революцию в южноамериканских республиках. Привыкли. Однако угли продолжали тлеть, и Камп собирался раздуть их в хороший ревущий костёр.

Вскоре произошла забастовка на фабриках, и кос-кто

из владельцев слишком сурово принялся наводить порядок. Пришлось вызвать гвардию, и король ещё ухудшил дело, взяв на себя командование вопреки протестам офицеров. Заваруха кончилась тем, что король был застрелен. Моравийцы многое могут вынести, но у них не отнять приверженности к некоторым старомодным привычкам. И одна из них — верность трону. Революцию они могут вынести, а вот убийство короля — нет.

Камп увидел, что несколько перегнул палку. Он исчез, и Лаупт с компанией явились на пир, облизывая губы.

В ту неделю, когда король отправился в Иннесберг, я был в горах. Ты знаешь закон: наследник должен предъявить права на трон в течение месяца, иначе власть на год переходит к Совету. Закон был принят в Средние века, когда у каждого правящего герцога имелось по шесть-семь сыновей и случалось довольно много тайных убийств. Кафнер увидел в этом свой шанс и воспользовался им. К несчастью для него, среди приближенных ещё оставались люди, верные трону. Один из них предупредил меня, и я предпочёл исчезнуть.

В Рейн явился Иоганн и начал действовать. Он не понимал, что они собираются делать через год, когда не будет никакого наследника. Видишь ли, никто из нас не знал, что у Эрика остался сын. Иоганн заподозрил, что я жив, и сумел связаться со мной. Он ужасно боялся, что на трон посадят Кобенца.

Потом Кафнер буквально взорвал бомбу, сообщив Совету о твоём существовании, и Иоганн встревожился. Тебя не ненавидят, как Кобенца, ты ближе к трону, и твой отец был популярен в народе. Если ничего не помешает, я оказывался в трудном положении. Все, кто поддерживал меня, считали меня мёртвым, а стоило мне появиться, я бы сразу стал мишенью номер один для убийц Лаупта.

Так я превратился в американского репортёра. Мне требовалось время от времени появляться в Рейне, для чего это была идеальная роль. Все считали, что я пишу книгу, и это давало мне право бывать в самых неожиданных местах...

— Но разве вас не узнавали? — спросил Майкл Карл. Король рассмеялся.

— Это как раз самое простое. Все ожидают, что король должен носить яркий мундир и ездить верхом на коне, он никогда не появляется на публике без охраны, никто не может представить себе короля в деловом костюме, ро-ющимся в соборах или разрушенных замках в поисках материалов. Старая история — прячешь что-нибудь на самом видном месте.

Помогало и то, как меня воспитали. Я не бывал подолгу при дворе; до смерти отца рос в нашем горном поместье, а потом отправился сразу в военную школу в Гамбсилте, маленьком городке в верховьях Лауба. Мало кто знал, как я выгляжу. И, конечно, я мёртв, а кто станет искать мертвеца?

— Но почему американец? Вы ведь никогда не были в Америке?

Король покачал головой.

— Нет, но мой воспитатель был американцем, и я всегда им восхищался. Я всегда читал американские книги и газеты. Один солдат удачи, приставший к моей волчьей стае, научил меня современным словечкам, а в самой Морвании не много американцев, с кем меня можно было сравнивать.

Мысль об Оборотне я заимствовал из старой горской легенды. Она помогла в обращении с крестьянами и в борьбе со шпионами. Даже Иоганн не знал, что это я играю в эту игру; он считал Оборотня одним из моих прежних адъютантов.

Ульрих Карл сделал отступление, чтобы объяснить.

— Легенда об Оборотне хорошо известна в горах. Оборотень — злое существо, подобное вампиру, которое обладает способностью превращаться в волка от заката до восхода. В это время оборотень охотится на людей и пожирает их.

Существует множество способов стать оборотнем. Если напьёшься из ручья, из которого пили волки, если съешь мозг волка, если отыщешь и будешь постоянно носить некий цветок, если наденешь пояс из волчьей шкуры или если сам вызовешь духа волка, чтобы обрести его власть. Я вызвал духа волка.

— Что?

Ульрих Карл серьёзно кивнул.

— Наши горцы не дураки. Нужно быть настоящим, подделку они сразу раскусят. Да, я вызвал духа волка по указаниям одной мудрой старухи. Довольно сложная церемония, но у меня было несколько тайных свидетелей, которые разошлись по долинам и рассказали, что я стал подлинным оборотнем.

— Смотри! — распахнув рубашку, он снял пояс из гладкой белой волчьей шерсти с золотой пряжкой.

— Ни в коем случае не надевай его, — со смехом предупредил брат Майкла Карла. — Я не хочу, чтобы и ты становился оборотнем.

— Но что значит дух волка? — спросил юноша, возбуждённо сжимая пояс в руках.

Его брат посерьёзnel.

— Не знаю. Я ничего не видел и не слышал. Но ведь я совершал церемонию, только чтобы произвести впечатление на тайных свидетелей. Не могу сказать, появился ли на самом деле дух волка или нет. Но я никогда больше не стану этого делать. В большинстве горских легенд кроются зёрна истины. Возможно, дух волка существует. Но я его не видел. И я не настоящий оборотень. Смотри!

Он вытянул руки.

— Если бы я был подлинным оборотнем, ногти у меня были бы длинными и алыми, они блеснули бы на свету. Брови сходились бы на переносице. Но, видишь ли, мне не удалось установить нужную связь, и я по-прежнему человек. Но каждую ночь горцы прислушиваются к моему вою.

Волчья маска по ночам создавала впечатление волчьей головы оборотня.

— А настоящие волки? — прервал Майкл Карл.

— Те, что бежали за лошадьми? Последний мазок, верно? Их всего десять. Старый горский пастух — кстати, полагают, что он подлинный оборотень, — поймал их детёнышами и вырастил. Мы им никогда до конца не доверяли.

— А волчья стая?

— Это горцы, верные трону. Дезертиры из армии, которые готовы были последовать за мной куда угодно. И один-два солдата удачи, составившие ядро будущего иностранного легиона. Никогда ни одному принцу не служили так верно, как мне волчья стая.

— Так вот как начинался Оборотень, — проговорил Майкл Карл, разглядывая волчий пояс в руках. — Ну что ж, начнём! — неожиданно добавил он и застегнул пояс на себе. — Смотрите, как я тоже становлюсь оборотнем! — заявил он брату и немного погодя спросил: — А что вы подумали о моём появлении?

— Ну, узнав о твоём существовании, мы не знали, что делать. Иоганн хотел предоставить им возможность привезти тебя в Рейн, как они планировали, а потом избавиться от тебя, но я решил, что лучше захватить тебя и увезти в горы. Мы мало знали о тебе, не знали, что ты станешь делать, но решили, что безопасней действовать, исходя из предположения, что ты враг.

Захватить тебя на станции полпути было несложно. Кафнер, конечно же, не был готов к этому, и очень легко

оказалось остановить поезд. Но когда мои люди обыскивали его, они не смогли тебя найти. Схватив тебя, он сочли, что ты один из адъютантов принца. Мы решили припутнуть тебя и отпустить дня через два, чтобы заставить Лаупта задуматься.

А когда мы поняли, что ты — именно тот, кто нам нужен...

— То постарались запугать до полусмерти, — закончил Майкл Карл.

Его двоюродный брат печально улыбнулся.

— У меня неплохо получилось, верно? Я надеялся, что ты поймёшь намёк и вернёшься в Америку. На следующий день мы собирались предложить тебе покинуть страну...

Ульрих Карл на мгновение задумался и застенчиво улыбнулся.

— Ты мне понравился, и я не хотел сразу терять тебя. Принцы крови одинокие люди, Майкл Карл. У меня никогда не было друга моего возраста. Даже в школе мне не позволяли общаться с другими мальчиками, потому что они не равны мне по роду. А потом явился ты...

— И вы решили пообщаться со мной, — торжествующе закончил Майкл Карл. — Ну, наверно, теперь с вас хватит, — со смехом добавил он.

— Я ни разу не пожалел о твоём появлении, — медленно проговорил король, и Майкл Карл неожиданно почувствовал себя счастливым.

— Остальную часть истории, до того как мы расстались в лагере, ты знаешь. Откровенно скажу: я не думал, что у тебя возникнут сложности при взятии Кафедральной площади...

— Иначе вы не позволили бы мне туда пойти, — проницательно заметил юноша.

— Ты прав, — признался Ульрих Карл. — Неужели ты думаешь, что я согласился бы потерять тебя?

Мы без труда вошли в город. Народ был с нами, горожане знали, что такое Кобенц. И только взяв крепость, мы узнали, что основные его силы сосредоточены на Кафедральной площади. При входе на Пала Хорн мы встретили слабое сопротивление, но мои волки к таким делам привыкли, и мы быстро с ним покончили.

Жан был страшно испуган, когда мы заколотили в дверь дома. Вместе с Бреком и Кандой он готов был дорого отдать свою жизнь, защищая дверь. Никогда не забуду его выражения, когда я снял волчью маску.

— Значит, вы воспользовались тайным проходом?

— Да. Всё прошло на удивление просто. Коридор, тронный зал и оружейная оказались в наших руках, прежде чем они заметили вторжение, а некоторые офицеры, в глубине души оставшиеся верными мне, помогли с вооружением. Мы захватили крепость — не до конца, но захватили — в течение десяти минут. Кобенц был где-то в городе, а Лаупта, Кафнера и генерала мои люди не сумели найти. Я не мог направить на поиски достаточное количество людей, а там слишком много лазеек, которые мы не успели перекрыть.

Вскоре к нам подошёл Гримвич, и только тогда я вздохнул с облегчением. Не очень-то весело удерживать крепость такого размера с сотней людей. Полковник рассказал мне о сражении на площади, и я уже собрался послать тебе подкрепления, когда пришло сообщение о взятии собора.

Благодаря тебе мне оставалось только взять Кобенца и остальных под арест. А под конец ты завершил всё это дело, мирно потеряв сознание. Ты тогда сильно напугал меня, приятель.

— Значит борьба окончена? — спросил Майкл Карл.

— Если бы ты смог выйти на балкон, то по всему городу увидел бы море флагов и прочей праздничной

мишуры. Да, мы выиграли войну. Ты разочарован? Но вся заслуга взятия собора твоя, не нужно жадничать.

— А что в Львиной башне?

Ульрих Карл помрачнел.

— Мы освободили заключённых, которые несказанно обрадовались падению Кобенца. У него не хватило духу расправиться с теми, кого он ненавидел, но он держал их в заключении. Кобенц много взял от средневекового тирана.

Король прислонился к столбику кровати и провёл пальцем по рисунку на бархате.

— И чем ты собираешься теперь заняться? — спросил он, не глядя на Майкла Карла.

Юноша покачал головой. У него появилось такое ощущение, будто он создавал удивительные планы, а когда начал их осуществлять, они оказались не такими уж удивительными. Он предположил, что это называется «реакцией».

— Останешься до коронации? — спросил брат.

— Вы думаете, я не захочу увидеть вас на троне, после того как потратил столько сил, чтобы посадить вас на него? — спросил принц.

Король слегка вздохнул, может быть, облегчённо, а когда поднял голову, в глазах его снова горели весёлые огоньки.

— Ну, одной заботой меньше, — сказал он чуть торопливо. — Если мы сумеем найти Лаупта...

— Зачем он вам, ваше величество?

Ульрих Карл развернулся, а Майкл Карл сел в постели. Охранник в волчьей шкуре поднял голову с рук и холодно смотрел на них. Принц узнал чёрные глубоко запавшие глаза и тонкие жестокие губы.

— Лаупт! — негромко произнёс король.

— Совершенно верно! — с кривой улыбкой прошептал

майор. — На вашем месте я не стал бы и смотреть на шнур звонка, ваше величество. Если вы протянете к нему руку, я вынужден буду выстрелить. Не в вас, конечно, а в его высочество.

Тусклого цвета револьвер в его руке чуть повернулся и нацелился в перевязанную голову Майкла Карла.

— Я хороший стрелок, ваше величество.

— Что вам нужно? — в ровном голосе короля звенел лёд.

— Подпишите это, ваше величество, — заговорщик протянул листок бумаги, а когда Ульрих Карл заколебался, добавил: — Прочтите. Вы найдёте мои условия разумными.

Ульрих Карл быстро прочёл и передал листок брату. Это был пропуск на троих до границы и для выезда из страны.

— А если я откажусь?

Лаупт снова улыбнулся, и Майкл Карл откинулся на подушку. Смотреть на улыбку майора было неприятно.

— Не думаю, чтобы вы отказались. Если не подпишете, у меня нет ни одного шанса, и я это знаю. Для короны моя жизнь утрачена, — он говорил очень медленно, пристально глядя на Ульриха Карла. — Что же при таких условиях помешает мне выстрелить? Всего один выстрел, ваше величество, и обещаю вам, что вы не пострадаете.

— Согласен, — отчётливо сказал Ульрих Карл.

— Я так и думал, — улыбнулся Лаупт.

— Но что помешает мне отдать противоположный приказ, как только вы выйдете отсюда?

— Ничего, ваше величество. Но ничто не помешает и мне отдать некоторые указания. Несмотря на все ваши усилия, у меня ещё имеются сторонники в Барго. Если цените жизнь своего брата, вы дадите мне три часа, ваше величество.

Ульрих Карл прошёл к столу и открыл ящик. Достал оттуда ручку и полупустую чернильницу.

Тут Майкл Карл обрёл дар речи.

— Не делайте этого, — выдохнул он. — Это блеф.

— Вот как? — Лаупт нажал на курок. Послышался негромкий хлопок, что-то обожгло щеку юноши и пробило подушку.

— В следующий раз, — сказал Лаупт, — я выстрелю чуть правее.

Майкл Карл коснулся щеки. На воротник пижамы упало несколько капель крови.

— Вы не посмеете, — сказал он Лаупту.

Тот не обратил на него внимания.

— Подписывайте! — резко приказал он.

Ульрих Карл опустил ручку в чернильницу. На мгновение Лаупт отвёл взгляд. И Майкл Карл увидел. За Лауптом медленно, дюйм за дюймом, приоткрывалась дверь. Король долго возился с подписью, и юноша понял, что он тоже это видит.

Чьи-то руки стрелой метнулись из полуоткрытой двери и схватили Лаупта за горло. Услышав предупреждающий крик короля, Майкл Карл бросился лицом вниз. Пуля проделала дыру в подушке, в углублении, в котором только что находилась его голова. Мохнатая шкура мешала напавшему прочно удерживать Лаупта, и тот попытался выстрелить вторично, на этот раз в Ульриха Карла. Он действовал отчаянно. Как Лаупт и сказал королю, он понимал, что ждать милосердия ему не приходится, и ещё одна смерть для него ничего не значит.

Ульрих Карл легко нырнул на пол и провёл неожиданный захват. Тяжёлый стул упал, вместе с ним Лаупт и нападавшие на него. На полу произошла короткая схватка, потом раздался выстрел. Один из борющихся затих.

Король, отдуваясь, встал, вслед за ним солдат инос-

транного легиона. Лаупт лежал, улыбаясь им, сжимая в зубах обрывок серого мундира. Он сражался, как зверь. Ульрих Карл поднял револьвер и бросил его на стол. Тот со звоном упал.

— Он?.. — спросил Майкл Карл.

Брат кивнул.

— Да, он мёртв, и это лучше для всех. Уберите его, Лэнгли.

Солдат отдал честь и вытащил тело в коридор. В полуоткрытую дверь постучал офицер и по приказу короля вошёл.

— Исчез самолёт, ваше величество, — доложил он. — Мы отыскали мальчишку, который видел, как в него садились двое. Есть основания считать, что это граф Кафнер и генерал Обердамн.

— Спасибо, — коротко ответил король. — Разумеется, следует известить пограничные посты. Но, — добавил он скорее себе, чем офицеру, — думаю, мы о них больше не услышим.

Офицер вышел, а король повернулся к Майклу Карлу.

— Они его обманули. Он всё поставил на один шанс, и пропуск был выписан на троих. А пока он его добывал здесь, они его предали. Лаупт был храбр. Если бы он был верен трону, стал бы бесценным другом. Он мог поддерживать меня так же надёжно, как Иоганн.

Теперь Камп мёртв, Лаупт тоже. Обердамн и Кафнер ушли от нашего правосудия и, думаю, не будут торопиться вернуться. Революция закончена. Солнце согреет жёлтые розы.

— Было интересно, — слегка печально проговорил Майкл Карл, — пока это продолжалось.

Царапина на щеке всё ещё давала о себе знать.

— Я буду выглядеть настоящим бандитом на вашей коронации с этими шрамами, — он показал на свои щёки.

— Мы об этом позаботимся, — Ульрих Карл подошёл к шнуру и дёрнул за него.

Как в прежние дни, ответил Жан, но Жан преобразённый. Белый парик обрамлял его круглое лицо, а пухлые плечи обтягивал тёмно-бордовый, обшитый золотыми кружевами камзол. Он улыбался, как дружески настроенная лягушка.

— Попроси сюда доктора Вунера, — приказал король. Со знакомым кивком Жан исчез.

— При виде Жана чувствуешь себя как дома, — вздохнул Майкл Карл.

— Значит, Пала Хорн стала для тебя домом?

— Конечно.

Ульрих Карл колебался, но прежде чем он заговорил, вошёл Жан и объявил:

— Доктор Вунер.

Король поспешил навстречу человеку в сером мундире иностранного легиона.

— Мой двоюродный брат снова пострадал, — сообщил он врачу, — и мне бы хотелось, чтобы следы недавней стычки поскорее исчезли.

— А теперь помогите мне с крестом. Кажется, я никогда от него не отделаюсь.

Урич протянул ему крест святого Себастьяна. Майкл Карл взглянул на роскошную комнату, потом на собственное великолепие в соболях и золоте.

— Не так я надевал его в прошлый раз, — заметил он и наклонился к зеркалу. На одной щеке алел едва заметный розовый шрам — след пули Лаупта. Доктор Вунер заверил, что через несколько недель он совершенно исчезнет. Но никогда не пропадёт белый шрам на другой щеке, полученный во время стычки на улице.

Шрам был не единственной переменной на его лице.

Оно похудело и выглядело гораздо более взрослым. Он вырос, и не только телом.

— Восхищаешься своей красотой?

Урич вытянулся. Вошёл король в сопровождении Иоганна, как всегда, какого-то полусонного.

Майкл Карл покраснел.

— Я просто... — начал он.

— Но ты действительно выглядишь очаровательно, приятель, — король поднял воображаемый монокль и осмотрел через него юношу. — Мундир тебе очень идёт. Ты должен всегда носить чёрное.

Майкл Карл пальцами растянул углы глаз, одновременно высунув язык и состроив ужасную гримасу. Король посмотрел на него и заявил:

— Это я могу сделать гораздо лучше, — и тут же продемонстрировал.

Герцог Иоганн апатично произнёс:

— Конечно, у меня нет намерения прерывать занятия вашего величества, но в десять у нас важное дело и... — он взглянул на часы, не те, что давал Майклу Карлу — те разбились во время боя на ступенях, — а другие, которые послал ему юный джентльмен, — ...уже почти время.

— Я слышу голос своего хозяина, — рассмеялся король и, взяв Майкла Карла за руку, вывел его из комнаты.

— А в чём дело? — спросил юноша. Его двоюродный брат стал серьёзен.

— Мы будем свидетелями конца Кобенца и компании.

Они прошли широкими коридорами, и с каждой минутой свита из блестящих придворных всё увеличивалась. Часовые вытягивались и звенели оружием, и этот звон отдавался в анфиладе залов. Напудренные лакеи сгибались вдвое. Всё это действовало очень возбуждающе.

— Совсем как цирковой парад, верно? — прошептал король. — Не хватает только одного-двух слонов. Слава

Богу, что ты здесь. Не знаю, что бы я делал без этого предохранительного клапана. Вот мы и пришли.

Они миновали последнюю большую дверь, которую распахнули два лакея. Пожилой господин в чёрном сатиновом костюме с золотым жезлом в руке выступил вперёд.

— Его величество Ульрих Карл Франц Эрих Рауль, милостью Господа король Морвании, повелитель семи провинций и великий герцог Рейна!

За чёрным господином послышался приглушённый гул множества голосов. Майкл Карл видел, как в чёрной руке вторично поднялся жезл.

— Его высочество Майкл Карл Иоганн Стефан Рене Эрих Мария, принц Рейнский!

Король выступил вперёд. Лицо его превратилось в маску, и теперь он производил пугающее впечатление. Человек в чёрном сатине отошёл в сторону, и братья оказались в дверях в голове лестничного пролёта. Майкл Карл — в требуемых этикетом двух шагах за королём.

Перед ними лежал большой зал с покрытыми деревянными панелями стенами, с двумя большими нависающими балконами. По обе стороны широкого, крытого красным ковром прохода тянулись ряды резных сидений с высокими спинками, а в конце зала виднелось возвышение, и на нём единственное кресло, напоминающее трон. Немного в стороне от него и на ступень ниже стояло второе кресло, а ещё дальше — длинный стол со скамьями по обе стороны.

— Зал правосудия Рейна, — прошептал Урич.

Люди, занимавшие сидения в зале, стояли; стояли и зрители, заполнившие балконы. Спустившись по ступеням, король прошёл по проходу и занял место на троне. Майкла Карла он знаком пригласил занять второе кресло.

На столе под королевским возвышением лежал меч в

ножах, громоздкое двуручное оружие времён крестоносцев. А рядом белел простой ивовый прут, очищенный от коры. Иоганн протянул к нему руку. Король кивнул, все с шорохом уселись.

Иоганн вышел в центральный проход.

— Пусть введут обвиняемого, — приказал он.

Со стороны боковой двери послышался звон оружия, и вошли два человека в зелёных мундирах с вышитыми на них волчьими головами. Между ними шагал Кобенц. Он шёл как во сне, смотрел прямо перед собой, и одному из стражников пришлось взять его за руку и поставить перед Иоганном.

Герцог заговорил.

— В старину, когда правящий герцог Морванни разъезжал по стране и совершал правосудие, суд происходил в открытом поле, и те, кто просил справедливости, приносили с собой ивовые ветки. Желает ли ты, Генри Чарльз, предстать перед правосудием Рейна?

Как во сне, маркиз взял у Иоганна ветвь ивы и повернулся лицом к собравшимся.

— Милорды и господа, — произнёс он высоким тонким голосом, — я по праву лорда двора требую суда лордов перед верховным правосудием Рейна.

И он бросил прут на стол, так что тот коснулся меча.

С одной из скамей встал высокий человек в белом парике с локонами и развернул пергамент.

— Утверждается, — начал он читать сухим трескучим голосом, — что в течение года регентства высокого Совета Рейна Генри Чарльз, урождённый маркиз и лорд Кобенц, действовал предательски, организовал заговор против личности коронного принца и восстание, а во время этого восстания упомянутый Генри Чарльз злонамеренно и преступно убил его преосвященство архиепископа Рейна.

Человек с шумом свернул пергамент и сел.

— Что утверждает обвиняемый? — спросил герцог.

С противоположного конца стола встал другой человек в парике и мантии и хриплым голосом ответил:

— Он утверждает, что невиновен, ваша светлость.

— Обвиняемый перед Верховным Судом Рейна, готовы ли вы к суду?

Кобенц пробурчал что-то неразборчивое и бочком сел на стул. Герцог повернулся к трону.

— Обвиняемый готов предстать перед судом, ваше величество.

— Вызовите свидетелей, — приказал Ульрих Карл.

Урич склонился к спинке кресла принца.

— Будьте готовы, ваше высочество. Свидетелей вызывают в соответствии с рангом, и вы первый. Когда произнесут ваше имя, выйдите в центр прохода и повернитесь лицом к залу.

Майкл Карл едва успел прошептать «Спасибо», как Иоганн объявил:

— Его высочество Майкл Карл, принц Рейнский.

Юноша подчинился указанию Урича и вышел в центральный проход.

— Клянётесь ли честью своего рода, что будете говорить правду? — строго спросил герцог.

— Клянусь! — чуть дрожащим от возбуждения голосом ответил Майкл Карл.

— Получили ли ваше высочество приказ его величества в день взятия Рейна?

— Да.

— Повторите этот приказ перед судом, пожалуйста, ваше высочество.

— Я должен был ждать зелёной ракеты с моста, затем выступить со своими людьми и занять Кафедральную площадь. Я должен был удерживать её, чтобы пропустить подкрепления к его величеству в крепость.

— Что произошло, когда ваше высочество достигли Кафедральной площади?

— Нас попытался остановить отряд дворцовой гвардии, но мы прорвались и обнаружили, что мятежники укрепились в соборе и забаррикадировали доступ к нему.

— В результате ваше высочество атаковали баррикаду?

— Мы взяли её с большими потерями.

— Был ли маркиз Кобенц среди пленников вашего высочества в конце схватки?

— Пленников не было, — медленно ответил Майкл Карл.

При этом ответе гул пробежал по залу.

— Ваше высочество отдавали приказ не брать пленных?

Юноша покачал головой.

— Нет. Мятежники отказались сдаться и сражались до конца. Ни с той, ни с другой стороны не было просьб о пощаде.

— Что произошло после того, как ваше высочество взяли баррикаду?

— На площади появился полковник Гримвич с иностранным легионом. Полковник сообщил мне, что его величество удерживает крепость и что он доложит его величеству о событиях на площади. Он предложил мне взять подкрепление, и я принял его предложение. К тому времени у меня оставалось десять человек.

— А сколько их было у вас, когда вы выступили из горного лагеря его величества?

— Сорок.

Снова Майкл Карл услышал гомон зрителей.

— Что сделали ваше высочество, получив подкрепления от полковника Гримвича?

— Мои люди доложили мне, что маркиз Кобенц вместе со своими офицерами отступил в собор. Я постучал в дверь и предложил им сдаваться. Ответа не последовало.

Тогда я пригрозил, что буду стрелять из пушек крепости.

— И каков был результат, ваше высочество?

— Его преосвященство архиепископ, опасаясь за безопасность собора, открыл дверь. Он сообщил нам, что мятежники собрались у алтаря. Мгновенье спустя его застрелили.

— Приняли ли ваше высочество меры для захвата маркиза Кобенца и его офицеров?

— Да. Мой отряд разделился и направился по проходам к мятежникам. Они заявили, что требуют права убежища. Я ответил, что убийство его преосвященства лишило их этого права. Тогда один из них крикнул, что они обезоружили маркиза и сдаются.

— Они так и поступили?

— Да.

— А каково было поведение маркиза Кобенца, когда его подвели к вам?

Майкл Карл покраснел.

— Он не был похож на себя.

— В каком смысле он не был похож на себя, ваше высочество?

— Он казался очень испуганным.

— Какой приказ отдали ваше высочество относительно маркиза?

— Чтобы его взяли под стражу. Затем прибыл его величество и принял на себя руководство.

— Его величество благодарит ваше высочество за сотрудничество с судом. Есть ли вопросы у защиты?

Человек в чёрной мантии, заявивший, что Кобенц невиновен, поднялся с места.

— Ваше высочество, вы были ранены во время атаки на площадь?

— Я получил царапину на щеке. Ничего серьёзного.

— У вашего высочества остался шрам от этой царапины?

— Да.

Майкл Карл никак не мог понять, что адвокат с вкрадчивым голосом пытается этим доказать. Но следовало быть очень, очень осторожным.

— Палили ли ваше высочество во время схватки на ступенях собора?

— Я один раз пригнулся, чтобы избежать пули.

— Стрелял ли это один из офицеров, командовавших мятежниками?

Юноша покачал головой.

— Группа офицеров исчезла до этого.

— Ага... — адвокат с довольным мурлыканьем перевёл дух.

— Были ли ваше высочество достаточно близки к оборонявшимся, чтобы разглядеть кого-нибудь из офицеров?

Майкл Карл напряжённо думал. Видел ли он кого-нибудь из них достаточно ясно, чтобы запомнить? Нет, закрывая глаза, он видел перед собой только пять-шесть ярких мундиров, но не мог вспомнить ни одного лица.

— Сможет ли ваше высочество описать кого-нибудь из этих офицеров?

— Нет, — ответил наконец принц. — Я видел их, но не помню их лиц.

Снова адвокат издал удовлетворённое «ага».

— В таком случае, возможно, маркиз не был среди этих офицеров?

— Но он там был! — возразил Майкл Карл.

— Ваше высочество готово поклясться в этом?

— Нет, — жалобно выговорил юноша. Теперь он видел, куда клонит защитник. — Но, вероятно, это сможет сделать кто-нибудь из моих людей.

— Вы не можете отвечать за своих людей, ваше высочество.

— Если маркиза не было среди офицеров на ступенях,

как он тогда оказался в соборе? — в свою очередь спросил Майкл Карл.

— Обвинение будет задавать вопросы в свою очередь, ваше высочество, — срезал его адвокат.

— Когда выстрелили в архиепископа, видели ли ваше высочество, что стрелял именно маркиз?

Майкл Карл был вынужден ответить: «Нет».

— После пленения маркиза и его спутников не потеряли ли ваше высочество сознание от усталости?

— Да.

— Разве не правда, что в вашем состоянии, ваше высочество, вам было трудно отчётливо представлять себе события дня?

— Нет, неправда! — выпалил Майкл Карл с жаром.

— Это всё, ваше величество, — сказал адвокат и отошёл.

Ульрих Карл наклонился вперед.

— От имени короны мы благодарим ваше высочество за быстрые и полезные ответы. Ваше высочество можете сесть.

Майкл Карл поклонился, вернулся на своё место и сел.

— Я всё испортил, верно? — прошептал он Уричу.

— Ему удалось нанести большой вред нашей стороне, ваше высочество, — серьёзно согласился тот. — Однако не вижу возможности для вашего высочества отвечать по-другому.

— Но ведь король или Иоганн могут сказать что-то!

— Не могут из-за своего положения. Иоганн — наследственный обвинитель в Верховном суде, а король — судья. Ни один из них не имеет права выступать свидетелем.

— Барон Урич фон Брунн, — вызвал Иоганн.

Урич занял место в центральном проходе.

— Вы были адъютантом его высочества во время взятия Рейна?

— Да.

— Вы были с его высочеством во время схватки на ступенях собора?

— Нет.

Наступило изумлённое молчание, потом Иоганн заговорил снова.

— Может ли суд спросить, почему?

— Мятежники соорудили баррикаду, и его высочество не знал, располагают ли они пулемётами. Если бы у них были пулемёты, большинство из нас ждала бы смерть на площади. Его высочество понял это и, чтобы не рисковать жизнью своих людей, поскакал вперёд один. У мятежников пулемётов не оказалось, и лошадь его высочества перескочила через баррикаду и пронесла его вверх по ступеням.

— А его люди?

— Увидев, что его высочество миновал баррикаду, они последовали за ним.

— Но на короткое время его высочество оказался один?

— Да. Он удерживал все силы врага, пока мы не достигли собора.

— Были ли офицеры среди тех, кто напал на его высочество в тот период, когда он защищался?

— Не могу сказать.

— Были ли вообще офицеры на ступенях?

— Были. Вскоре после того как мы поровнялись с его высочеством, группа офицеров скрылась в соборе.

— Видели ли вы среди них маркиза?

— Я был слишком далеко, чтобы различать лица.

— Войдя в собор, были ли вы свидетелем убийства его преосвященства архиепископа?

— Да.

— Кто стрелял в него? — все в зале затаили дыхание.

— Один из офицеров у алтаря. Он был в зелёном мундире.

— Когда вы взяли пленных, был ли среди них офицер в зелёном мундире?

— Маркиз Кобенц.

Герцог отступил, и Майклу Карлу показалось, что он уловил нотку удовольствия в голосе, когда он поблагодарил Урича.

Потом начал задавать вопросы защитник.

— Есть ли в соборе цветные окна?

— Да.

— Расположено ли окно над алтарём так, что свет его падает на алтарь?

— Такое окно есть.

— Зелёного ли цвета это окно?

— Да.

— Были ли среди пленных офицеры в белых мундирах?

— Двое.

— Не мог ли зелёный свет окна окрасить белый мундир таким образом, чтобы он показался зелёным?

— Не знаю.

Защитник поблагодарил его, и Урич вернулся на своё место рядом с Майклом Карлом.

— У них сильная позиция, ваше высочество. Ещё сегодня утром я готов был поклясться, что у них нет никаких шансов, но теперь... откровенно говоря, не знаю. Военно-полевой суд решил бы дело надёжнее.

— Значит, вы считаете, что его могут оправдать?

— Да, ваше высочество. Даже я побоялся бы обвинить его на основании сегодняшних свидетельств. Сейчас суд отложат до второй половины дня.

Майкл Карл увидел, как встал его двоюродный брат и вместе с ним весь суд. Иоганн произнёс что-то, и толпа

начала выходить из зала. А король подошёл к Майклу Карлу.

Глава пятнадцатая

Конец Кобенца и компании (окончание)

— Если ничего не случится, они взяли верх. Совершенно определённо, — заметил Ульрих Карл, вытирая пальцы вышитым платком.

— Но зачем вам вообще этот суд? — возразил принц.

— Потому что если я не дам Кобенцу возможности оправдаться, найдётся много таких, кто будут кричать мне вслед «тиран» и тому подобные неприятные вещи. Мы ещё не победили, приятель. Общественное мнение — очень странная штука, и нам надлежит продвигаться осторожно и медленно, пока у нас не будет большей поддержки, чем сейчас.

Пока нас официально не признали ни Англия, ни Америка, и наши купцы ждут. Страна зависит от торговли, а это именно те государства, с которыми мы больше всего торгуем. Если поднимут крик, что мы казним людей без суда, Америка и Англия отзовут своих послов и наше правительство не продержится и пяти дней. Поэтому у Кобенца и появилась возможность лгать, выкручиваться и тянуть время.

— Это называется дипломатией, так? — спросил Майкл Карл.

— Да. А теперь поговорим о чём-нибудь приятном. После коронации мы переедем в летний дворец. Ты любишь теннис?

— Никогда не играл, — признался Майкл Карл.

Двоюродный брат покачал головой.

— Так не пойдёт, это никуда не годится. Иоганн

должен тебя научить. Меня он научил всему, что я знаю, хотя должен признать, что я оказался не очень-то талантливым учеником, верно, Иоганн?

— Ваше величество были бы лучшим игроком, если бы проявляли побольше благоразумия, — ответил герцог с ленивой улыбкой.

— Меня всегда упрекают в отсутствии благоразумия, — вздохнул король. — А теперь, полагая, нужно возвращаться к работе. Мне приходится стискивать зубы, всякий раз как этот гнусный защитник говорит своё «ага». Надо принять закон против этого.

Зал правосудия был заполнен до отказа. Майкл Карл подумал, как удаётся судебным приставам затолкать всех желающих на балконы. Тот, кто размещал зрителей на левом балконе, должно быть, брал уроки на фабрике, где делают консервы из сардин.

Лорды встали и сели, как волна красного и синего бархата, отороченного мехом горноста и украшенного воротниками с драгоценностями. Майкл Карл был благодарен за то, что его не заставили потеть в таком наряде.

Появился Кобенц под конвоем, но на этот раз выглядел он самоуверенным и довольным. Он понимал, что дело оборачивается в его пользу. Широко улыбнувшись каждому балкону, он занял своё место. Майкл Карл почувствовал лёгкое головокружение. Он снова видел ужасные кафедральные ступени и у двери собора жалкое тело в красном плаще. Надо было на месте расстрелять Кобенца, и к чёрту дипломатию!

Бремя обвинения лежало на герцоге. Майкл Карл повернулся и посмотрел на него. Иоганн, как всегда, выглядел апатичным, полузакрытыми глазами лениво посматривая на лордов членов суда, но было в его взгляде что-то... Иоганн знает нечто такое, что может спасти дело. Майкл Карл подумал, заметил ли брат это выраже-

ние Иоганна. Когда герцог так выглядит, на него можно положиться безоговорочно. С лёгким вздохом облегчения принц откинулся в кресле. Иоганн вытащит их.

— Полковник Гримвич, — вызвал Иоганн.

Полковник, как всегда безупречно аккуратный, появился в проходе. Майкл Карл не видел его со времени последней встречи на Кафедральной площади пять дней назад. Полковник казался таким же беззаботным и апатичным, как и сам герцог.

— Полковник Гримвич, какова ваша нынешняя должность?

— Комендант Рейнской крепости.

— В вашем ли попечении находятся следующие пленные офицеры? — Иоганн прочёл по листку бумаги список фамилий. Листок протянул ему сидевший рядом юрист.

— Карл фон Литц, Иоганн Капплеман, Детрик фон Кантман, Ялитц Тальман и Вайлхем Страппматц.

— Да. Они были переданы мне в полдень пятнадцатого числа и я взял их под стражу. Вскоре после этого Карл фон Литц попросил у меня аудиенции и заявил, что намерен дать важные показания. Я вызвал свидетелей и заключённый продиктовал текст своего заявления.

Если ваше величество разрешит, я прочту этот документ, подписанный под присягой капитаном фон Литцем.

— Пусть прочтёт его светлость, — ответил Ульрих Карл.

«Клянусь честью своего рода, что нижеследующее заявление есть истинное изложение происходившего тринадцатого, четырнадцатого и пятнадцатого дней сего месяца.

В полдень тринадцатого я был вызван на дом к его превосходительству графу Кафнеру, где встретил маркиза и других дворян. Я хорошо знаю маркиза и сразу узнал его.

Его превосходительство спросил, каково моё финансовое положение, и сообщил, что против меня выдвинуты очень серьёзные обвинения, но ради моей семьи он не предал меня трибуналу, а провёл неформальное расследование. Я заявил о своей невинности и действительно не имел понятия, в чём меня обвиняют.

Затем граф сообщил мне, что отчётность по отряду, которым я командую, представлена в неправильном виде. Я очень встревожился, потому что кроме меня ни у кого нет доступа к этим документам, и мне, таким образом, не удастся доказать свою невинность.

Доказательства против меня были выдвинуты весьма весомые, а свидетелей в мою пользу не нашлось. Однако его превосходительство, казалось, поверил мне и согласился, что здесь, вероятно, какая-то ошибка. За меня вступился маркиз Кобенц, и его превосходительство обещал подумать и ещё раз проверить. Он приказал мне явиться к нему на следующее утро.

Я вернулся к себе, но был удивлён, потому что на встрече отсутствовал мой полковник, а я знал, что такое дело — растрата фондов — больше касается его компетенции, чем его превосходительства. Я пошёл к полковнику и всё ему рассказал. Он очень удивился и сказал мне, что в моей отчётности всё было правильно. Он даже принёс бухгалтерские книги и показал мне.

Полковник не понимал мотивов действий его превосходительства и приказал после завтрашней встречи с его превосходительством прийти к нему и доложить. Утром я снова застал у его превосходительства маркиза Кобенца. Там присутствовал ещё один человек, которого они называли герром Келлерманом и который казался очень встревоженным.

Тогда маркиз Кобенц рассказал мне, что Майкл Карл, прежний коронный принц, убит разбойником, извест-

ным как Чёрный Стефан и Оборотень, точно так же, как его королевское высочество Ульрих Карл был убит год назад. В то же самое время он сообщил мне, что Чёрный Стефан набрал армию наёмников и собирается помочь коммунистам в осуществлении революции.

Оказалось, что Келлерман был в числе сторонников Чёрного Стефана и выдал его планы. Маркиз заявил, что его долг в качестве прямого наследника престола возглавить армию, которая выступит против Чёрного Стефана и коммунистов. Он намекнул, что ошибки в моих отчётах будут забыты, если я уговорю своего полковника поддержать его.

Я согласился, вернулся к полковнику и всё ему рассказал. Он приказал мне сделать вид, что я поддерживаю планы маркиза. Маркиз сделал меня своим адъютантом.

В ночь на пятнадцатое его светлость герцог Иоганн напал и захватил нас врасплох. наших людей вытеснили с моста и из Нового города. На рассвете силы его величества захватили крепость. Маркиз с небольшой группой офицеров, среди которых находился и я, занял Кафедральную площадь. Маркиз считал, что если мы помешаем подкреплению пройти в крепость к его величеству через площадь, мы ещё можем победить.

Когда его высочество напал на нас, маркиз в сопровождении своих офицеров ушёл в собор. Его преосвященство архиепископ уже находился там. Он умолял нас покинуть собор, чтобы нападающие не явились его при атаке.

Маркиз казался очень встревоженным, и когда мы собрались у алтаря, у каждого спросил, что, по его мнению, нужно делать. Двое из нас посоветовали сдать-ся, но сама мысль об этом привела его в гнев, вызванный страхом. Его преосвященство оставался у двери. Неожиданно он открыл засов и распахнул дверь.

Его высочество вошёл внутрь собора в сопровождении своих людей. Это зрелище, казалось, свело маркиза с ума. Он поднял револьвер и, прежде чем кто-либо из нас сумел ему помешать, выстрелил в сторону двери. Не знаю, стрелял ли он в его высочество или в его преосвященство.

Когда его высочество вторично потребовал нашей сдачи, мы обезоружили маркиза и согласились на условия его высочества.

Клянусь, что это правдивое изложение того, что произошло в соборе. Делаю это заявление, несмотря на предупреждение полковника Гримвича и в присутствии свидетелей.

Подписано: Карл фон Литц»

— Это заявление было сделано в вашем присутствии, полковник Гримвич? — снова спросил Иоганн, закончив чтение.

— Да.

— Спасибо, полковник. Есть ли у защиты вопросы к свидетелю?

— Да. Полковник Гримвич, до того как вы стали командиром иностранного легиона его величества, какой пост вы занимали?

— Я был бригадным генералом в республике Сан Педро.

— Известны ли вы как так называемый солдат удачи?

— Со времени поражения Белой армии в России я стал профессиональным военным.

— Как профессиональный военный, вы продаёте свои услуги тому, кто заплатит больше всех?

— Конечно, я сохраняю верность тому, кто мне платит.

— Обращались ли вы, до поступления на службу к его величеству, к маркизу Кобенцу за назначением?

— Маркиз сделал мне предложение ещё до моего прибытия в Морванию.

— Вы приняли это предложение?

— Нет. Мне оно не понравилось.

— И вы приняли предложение его величества?

— Да.

— Изучали ли вы во время службы в Латинской Америке различные методы, применяемые к пленным, чтобы заставить их говорить?

— Я никогда не применял к пленным пытку и другие методы принуждения.

— Но вы знаете о таких методах, — настаивал защитник.

— Каждый человек моей профессии о них знает.

— Это заявление было сделано в присутствии пяти свидетелей?

— Да.

— Почему все эти свидетели — офицеры иностранного легиона или других частей армии его величества?

— Когда заключённый пожелал сделать заявление, я пригласил пять оказавшихся поблизости офицеров в качестве свидетелей.

— Это всё, полковник Гримвич.

Лорды беспокойно ёрзали на своих местах, а улыбка Кобенца с каждым вопросом становилась всё шире. Защита дьявольски изобретательна, подумал Майкл Карл. Если они, роялисты, проиграют, навсегда погибнет их престиж, Кобенц и его защитник превратят их в банду палачей и лжецов. Впервые по-настоящему Майкл Карл понял, что сказал ему за ланчем король.

Они должны выиграть дело и выиграть не на поле битвы. Время битв миновало. Выиграть нужно в суде, чтобы сила, которую представляет Кобенц, была навсегда разбита и рассеяна. Законная победа будет иметь в

глазах внешнего мира больше веса, чем сотня атак на Кафедральной площади.

Были приглашены пять свидетелей заявления и под присягой подтвердили своё свидетельство. Затем пригласили и самого заключённого. Это был невысокого роста офицер с чёрными усами и походкой кавалериста. Он повторил своё заявление и энергично отрицал, что Гримвич использовал силу, чтобы заставить его дать показания, или что его подкупили. Выступил в суде и его полковник, подтвердив рассказ о состоянии документации своего подчинённого и мнимой недостатке.

Стемнело, и лакеи зажгли свет под потолком зала. Майкл Карл поменял позу, стараясь размяться. Он поражался тому, что король может сидеть неподвижно и напряжённо так долго. Урич предупредил его, что суд может продолжиться до полуночи, так как бо́льшие перерывов не будет. Сам Урич сидел на ступеньке за Майклом Карлом. Ни один адъютант не выстоял бы все эти часы.

Иоганн часто отпивал воду из стакана, и его ленивый голос стал хриплым. Время от времени слышался скрип сидений на балконах: зрители тоже меняли своё положение.

— Вызываю маркиза Кобенца, — наконец хрипло произнёс Иоганн. В воздухе неожиданно почувствовалось напряжение. Кобенцу нужно будет многое, очень многое объяснить.

Кобенц оставался сидеть. Встал его защитник. Впервые его поведение показалось неуверенным.

— Защита отказывается давать показания, — медленно сказал он. Урич схватил Майкла Карла за руку.

— Мы их прижали, — радостно сказал он. — Прижали. Король наклонился вперёд.

— Отказ давать показания, хоть это и позволено по закону, может ухудшить ваше положение, — предупредил он.

— Он предоставляет ему все шансы, — прошептал Урич.

Кобенц выглядел неуверенно, но улыбался. Он покачал головой, глядя на защитника в чёрной мантии.

— Мы всё-таки отказываемся, ваше величество, — подтвердил своё решение защитник, — но мы благодарим ваше величество за великодушное предупреждение, — добавил он, и в голосе его слышалось невольное восхищение.

— Есть ли ещё свидетели, ваша светлость? — спросил король.

— Двое, ваше величество.

Майкл Карл выпрямился. В усталом голосе Иоганна прозвучала некая нотка... Неужели он собирается преподнести сюрприз, на который намекал весь день? По-видимому, остальные присутствовавшие в зале тоже почувствовали это, и Кобенц выпрямился на стуле; его защитник поднял голову в парике, как собака, учуявшая запах дичи.

— Генрих Готтхем, — вызвал Иоганн. Вперёд уверенно выступил молодой человек в волчьей шкуре. Майкл Карл узнал в нём человека-волка, который нёс королевский штандарт как раз перед взятием собора.

— В каком качестве вы присутствовали при взятии собора?

— Его величество послал меня с сообщением к его высочеству. Я присоединился к отряду его высочества.

— Как были вооружены офицеры собора, когда они сдались?

— Они имели личное оружие. Кроме того, у алтаря мы нашли револьвер, из которого был сделан один выстрел.

Герцог подал знак и солдату предъявили на опознание револьвер.

— Этот револьвер вы нашли у алтаря собора?

— Да.

— Вы готовы поклясться в этом?

— Да. У пистолета есть небольшое красное пятно на рукоятки возле ствола.

— Когда люди Кобенца передавали его, он был вооружён?

— Нет. Они связали его.

— Желает ли защита допросить свидетеля?

Защитник за столом покачал головой.

— Профессор Рудольф Штадлитц.

Вперёд выступил маленького роста сутулый человек. Он близоруко смотрел на мир сквозь толстые очки.

— Каково ваше положение в Рейне, профессор Штадлитц?

— Я возглавляю лабораторию полиции.

— Час назад вы прислали мне записку, в которой утверждается, что у вас есть важное свидетельство. Не сообщите ли его нам сейчас?

Профессор начал холодным высоким голосом:

— Пуля, убившая архиепископа, была выпущена из этого револьвера.

Послышался рокот, подобный отдалённому гулу моря. На балконах зрители вставали, чтобы лучше видеть.

— Каждая пуля несёт на себе следы пистолета, из которого она выстрелена. Пуля, извлечённая из тела, несёт следы именно этого пистолета. Сегодня утром из этого пистолета был произведён контрольный выстрел, пулю сравнили с той, что убила архиепископа, и знаки на обеих пулях идентичны.

— Есть ли отпечатки пальцев на револьвере?

— Много. На стволе несколько смазанных отпечатков, но на рукоятки два очень отчётливых.

— Кому принадлежат эти отпечатки?

— Обвиняемому.

— Если ли вопросы у защиты?

Снова защитник покачал головой. Выглядел он реши-

тельно несчастным, а наглая самоуверенность Кобенца совершенно исчезла.

Иоганн повернулся к трону.

— Свидетелей больше нет, ваше величество.

— Мы их прижали, — возбужденно шептал Урич. — Они у нас на сковороде и знают это. Посмотрите на Кобенца.

Майкл Карл посмотрел. Предводитель мятежников обвис, как подушка, из которой выпустили перья. Лицо его приобрело жёлто-зелёный цвет, как во время сдачи в соборе.

— Защита может начать выступление, — приказал король.

— Они попытаются, — пророчествовал Урич. — Но у них ничего не выйдет, и они это знают.

Защитник произнёс блестящую речь. Если бы не показания профессора, которые невозможно было опровергнуть, он вполне мог бы и выиграть.

Иоганн от лица обвинения не стал произносить долгой речи, он удовлетворился тем, что пункт за пунктом повторил все доказательства обвинения. Закончив, он повернулся к столу и впервые за много часов сел. Встал король и, сделав шаг вперёд, взял со стола ивовый прут со счищенной корой.

— Милорды, — отчётливо спросил он, — каков ваш вердикт?

Зачитывая по большой книге, он одно за другим произносил имена, начиная со старейшего и заканчивая самым молодым. Один за другим они вставали и, прижимая руки к сердцу, отвечали: «Клянусь честью, виновен!»

И по мере того как слышались эти «Виновен», Кобенц всё больше и больше извивался в страхе. Его одутловатое лицо превратилось в такое отвратительное зрелище, что даже его собственный советник отвернулся с презрением.

Наконец сел самый младший из лордов-судей. Король помолчал и снова спросил:

— Объявляете ли вы, милорды, этого человека виновным?

Как один, лорды ответили:

— Мы признаём его виновным.

Король снова поднялся на помост, держа прут высоко поднятым. Потом переломил его. В зале стояла такая тишина, что всё хорошо расслышали треск ивы. Потом послышался тихий шелест, как будто все под сводчатой крышей одновременно вздохнули.

— Как в старину, когда герцог, творя справедливость, сидел под деревом, так и мы переламываем этот ивовый прут, ибо просить о большей справедливости ты не можешь. Собравшиеся лорды признали тебя виновным в измене против нас и в грязном убийстве. Поэтому в двадцать пятый день этого месяца тебя повесят за шею и будут так держать, пока ты не умрёшь — да смиростивится Господь над твоей душой!

Кобенц встал и стоял покачиваясь, потом с ужасным криком упал на руки стражников, и те, шатаясь под его тяжестью, вынесли его из зала.

Глава шестнадцатая

Майкл Карл присутствует на коронации

— Благодаря его светлости мятежники попали в оборот, — возбуждённо говорил Урич, глядя, как Майкл Карл поглощает поздний, но очень сытный завтрак. Урич был не просто адъютантом. С того часа, как король пригласил его в свою лесную палатку и представил будущему командиру, Урич превратился в проводника, телохранителя и, что лучше всего, в друга Майкла Карла.

Юноша решил, что без помощи Урича он никогда не справился бы со своими ежедневными обязанностями. То, ради чего он боролся, наконец произойдёт. Сегодня утром состоится коронация Ульриха Карла. Принц задумчиво жевал тост с маслом.

— Значит, мы победили?

— Американский посол и представитель правительства её величества королевы Великобритании будут присутствовать на службе в соборе и сегодня вечером на первой аудиенции представят свои верительные грамоты. Если заимствовать один из американизмов его величества, мы определённо хорошо сидим.

— У меня душа ушла в пятки, перед тем как Иоганн предъявил свой сюрприз, — признался Майкл Карл, играя кожурой апельсина, вспомнив старую привычку. Поняв, что он делает, юноша слегка нахмурился и посмотрел в длинное окно. Последний раз он делал это в доме на Пала Хорн, когда был беженцем и секретарём, а Эриксон был — он был Эриксоном, а не далёкой и грозной личностью, которую положено называть «ваше величество». Майкл Карл вздохнул и уронил на стол салфетку.

— Ну что ж, — повернулся он к Уричу. — А каковы дурные новости? К какой части шоу приставлен я?

Урич встал и тщательно разгладил складки на своём мундире. Он обожал аккуратность.

— Мне казалось, — с озорным блеском глаз сказал он, — что гофмейстер вчера сообщил вашему высочеству о вашей роли.

Майкл Карл нетерпеливо пригладил волосы.

— Он нёс какой-то вздор о латах. Но я не собираюсь надевать то, что открывают консервным ножом, и это окончательно.

Прежде чем Урич смог ответить, один из напудренных лаксеев, призрак впечатляющего, но исчезнувшего Кан-

ды, открыл дверь вымуштрованными гладкими движениями и негромко объявил:

— Его превосходительство гофмейстер с коронационным нарядом вашего высочества.

Урич подмигнул встревоженному Майклу Карлу, когда толстый маленький человек — Жан знати — вошёл с суетливой напыщенностью; за ним следовала целая свита лакеев и слуг. Он очень низко поклонился принцу, коротко кивнул Уричу, которого не одобрял, и отдал поток приказов слугам о том, как избавиться от драгоценного груза.

— Если ваше высочество будете так добры... — обратился он наконец к самому Майклу Карлу. По его сигналу лакей поднёс костюм из мягкой белой замши, сшитый в обтяжку. Майкл Карл изумлённо посмотрел на этот костюм. Он понятия не имел, что его официально представят Рейну в качестве индейца. Но это оказалось ещё не самым худшим.

Несмотря на все его протесты, поверх кожаного жилета и брюк в обтяжку на него надели тонкую кольчугу, гладкую, как шёлк, и очень лёгкую. К каблукам прикрепили золотые шпоры, а на плечи набросили шёлковую накидку и закрепили её золотыми пряжками. И в заключение Урич перепоясал его украшенным драгоценными камнями поясом, на котором в ножнах висел двуручный средневековый меч.

— Должен сказать, что вы представляете собой весьма романтическую фигуру, — заметил Урич, отступая, чтобы взглянуть на дело рук своих. Он взял Майкла Карла за руку и подвёл к длинному зеркалу на стене. — Вот, посмотрите на себя, сэр Гарет*.

Юноша посмотрел. Словно ожила одна из лежащих фигур, которые украшают могилы рыцарей крестоносцев в соборе. Только, слава Богу, его кольчуга гораздо легче. Он очень надеялся, что день предстоит нежаркий.

Думая об этой возможности, Майкл Карл повернулся к своему адъютанту.

— Надеюсь, — ядовито пробормотал он, — что вы обречены на нечто подобное, — и он указал на кольчугу и тяжёлый меч.

Урич перестал улыбаться.

— Так оно и есть, — с отчаянием сказал он и ушёл переодеваться.

Майкл Карл нервно расхаживал взад и вперёд, оставляя длинные царапины на полированном полу. В течение пятисот лет принцы его рода оставляли царапины в этой комнате Рейнского замка. Он медленно, но неизбежно терял даже то самообладание, которое у него оставалось.

Через окно-дверь юноша вышел на балкон и посмотрел вниз на город. Цветы, флаги и вымпелы украшали старинные тёмные здания. Сегодня Рейн оделся в праздничный наряд. Хотя было ещё очень рано, Майкл Карл видел множество людей, толпившихся вдоль авеню Герцога, по которой коронационная процессия проследует в собор.

Вот и конец приключений. После того как Ульрих Карл получит корону, он, Майкл Карл, может уезжать. Но почему-то ему больше не хотелось покидать мрачную Рейнскую крепость и кривые улочки города. Он печально смотрел на камни внизу.

— Ваше высочество готовы?

Майкл Карл повернулся — чуть неуклюже из-за кольчуги. В дверях стоял Урич. Подобно принцу, на нём были кожаные обтягивающие брюки, кожаный камзол и короткая кольчуга. На поясе, усаженном металлическими остриями, висели короткий меч и кинжал, а голову покрывал гладкий шлем. Он мог бы послужить иллюстрацией к «Квентину Дорварду». К бедру он прижимал

большой шлем с забралом и тремя плюмажами на вершине — жёлтым, красным и чёрным.

— Неужели мне придётся надеть и это? — в отчаянии спросил Майкл Карл, разглядывая шлем.

Урич рассмеялся.

— Боюсь, что так, ваше высочество!

Когда они вышли, то к принцу подвели великолепную кобылу, грива её раздувалась на ветру; рядом с ней солдат, который вёл её в поводу, казался карликом.

Майкл Карл неловко сел верхом с помощью Урича и ещё одного офицера, которого раньше никогда не видел. Очевидно, это послужило сигналом к отправлению, потому что экипажи и всадники начали выезжать в ворота.

Далеко внизу послышался серебристый звук горна. Марш начался. Майкл Карл подумал, где теперь брат, но потом вспомнил, что король проедет позже.

Вначале выехали всадники, затем экипажи. Урич, тоже верхом, подъехал к юноше.

— ...следующими... — только и услышал Майкл Карл. Он кивнул и дёрнул повод. Лошадь поняла и полным достоинства шагом двинулась за последним экипажем.

Они миновали отдающих честь часовых у внутренних и внешних ворот и оказались в самом начале длинной улицы. Улица была забита народом, только посредине оставался узкий проход, который с трудом удерживала полиция. Население Рейна, казалось, за ночь утроилось.

Боевая лошадь изогнула шею и пошла чуть боком. Майкл Карл решил по крайней мере насладиться поездкой. Он смотрел прямо вперёд на напудренного лакея на экипаже перед собой. Он просто не решался взглянуть на толпу.

Послышались крики:

— Принц! Майкл Карл! Да здравствует принц!

Пролетела жёлтая роза, её шины зацепились за сереб-

ристую ткань попоны, и роза повисла у его колена. Майкл Карл взял её в руку. Жёлтая роза — герб наследника трона. Возможно, это знамение. Он сунул её за пояс.

Поездка оказалась короткой. Кавалерия уже заняла своё место на Кафедральной площади. Юноша посмотрел на ступени. Он почти видел окровавленную баррикаду и людей, лежащих на ступенях.

Быстро спешившись, пока Урич держал стремя, он направился к алому ковру, покрывавшему ступени. Теперь, подойдя ближе, он действительно заметил мрачные напоминания о битве. Святые по бокам лестницы пострадали от пуль. Святой Михаил, ниша которого защитила его в бою, потерял палец ноги и половину своего каменного меча.

Внутри, в соборе, куполообразный потолок, тусклый и холодный, вздымался высоко над головой. Слышался шорох, похожий на далёкий гул моря, и тысячи свечой озаряли пёстрый ковёр из ярких мундиров и придворных платьев.

Справа от алтаря стоял высокий трон, сооружённый заново; король сядет на него после коронации. Майкл Карл преклонил колени перед алтарём и занял своё место справа от трона на второй ступени возвышения.

Где-то началось пение и появился вновь назначенный архиепископ. Принц обнаружил, что может опираться на меч. Он надеялся, что Ульрих Карл не заставит себя долго ждать. Рёв на площади заглушил голоса священников у алтаря. Майкл Карл распрямился.

По центральному проходу, в скромных зелёных мундирах и волчьих шкурах, контрастирующих с придворными нарядами, шествовал отряд волчьей гвардии короля. За ним группа высших офицеров. Юноша заметил лицо в шрамах. Полковник Гримвич.

А дальше — один — шёл король.

Майкл Карл наклонился вперёд. Лицо его двоюродного брата побледнело. Щёки избородили складки, но шёл он уверенно, почти триумфально. Он победил.

В соборе теперь всё стихло. Принц слегка повернулся, и лёгкий звон его кольчуги прозвучал неожиданно громко.

Вперёд выступил архиепископ.

— Кто пришёл к алтарю Рейнского собора? — спросил он, и его слова эхом отразились вдоль прохода.

— Тот, кто должен быть коронован, — ответил Ульрих Карл. Он по-прежнему стоял один в центре внимания толпы.

Из толпы выступил офицер. Под алыми и золотыми кружевами Майкл Карл узнал герцога.

— Тот, кто пришёл короноваться, должен быть наследником по праву. Кто скажет за тебя?

— Я скажу! — воскликнул герцог.

— Подлинный ли это наследник трона и будет ли он владеть им, как его предки-короли в течение тысячи лет?

— Он наследник и будет владеть тронном. Клянусь честью моего рода, это правда.

— Как твоё имя, сын мой? — архиепископ повернулся к Ульриху Карлу, а герцог отступил.

— Ульрих Карл.

— Ульрих Карл, клянёшься ли ты править этой страной во благо сё, будешь ли ты служить ей всей своей жизнью, будет ли всё, принадлежащее тебе, принадлежать ей, и не откажешься ли ты от своей клятвы, пока живёшь?

Наступило недолгое молчание, и затем прозвучал чистый и ясный голос Ульриха Карла:

— Клянусь! Я принадлежу Морванни!

— Ульрих Карл, приблизься к алтарю и получи, как символ твоего звания, корону королей.

С центра алтаря архиепископ поднял что-то сверкнувшее собственным ярким светом. Ульрих Карл встал коленом на бархатную подушку, архиепископ наклонился к нему и надел корону на темноволосую голову короля. Ульрих Карл встал и повернулся лицом к своему народу.

Тут же вверх взлетели все сабли и раздался громовой клич:

— Да здравствует король!

Когда крики стихли, подошёл герцог Иоганн, на руках у него лежал огромный меч — великий Государственный Меч, наследственным носителем которого он являлся. За ним следовал другой лорд со скипетром и третий с мантией.

Ульрих Карл принял всё это после благословения архиепископа и взошёл на трон. Когда он проходил мимо, Майкл Карл взглянул на лицо брата. Оно по-прежнему выглядело белой застывшей маской. Ульрих Карл, его друг и спутник, исчез, на троне сидел король Ульрих Карл. Снова слышались приветственные возгласы.

Юноша нервно облизал пересохшие губы. Приближалось время его участия в церемонии. Он крепко сжал кольчужную перчатку, которую сунул ему за пояс Урич, и зашагал по центральному проходу в сопровождении Урича. Где-то прозвучал горн.

— Его высочество принц Рейнский и защитник короля.

Майклу Карлу показалось, что он узнал тягучий голос гофмейстера. Он снова провёл языком по губам, взял покрепче в руку перчатку и произнёс:

— Того, кто посмеет заявить, что король Ульрих Карл не по праву восседает на троне Карлоффов, я объявляю лжецом и вызываю на бой, чтобы доказать его ложь и предательство. Я готов к бою!

И бросил на голые камни металлическую перчатку. Она со звоном упала.

— Защитник готов и ждёт, — трижды прозвучал тягучий голос. В тишине подбежал паж, поднял перчатку и вернул её Майклу Карлу. Тот вернулся на своё место.

И тут заговорил уже коронованный король.

— Пусть лорды и принцы принесут клятву верности от имени своих владений.

— Майкл Карл Иоганн Стефан Рене Эрик Мария, принц и лорд Рейнский, первый лорд королевства, приблизься к трону и принеси клятву верности от имени земель Каснов, Урнт, Келив, Клан, Мал, Снадро, Кор и Амал, — послышался голос.

Майкл Карл поднялся на две ступеньки и склонился перед королём. В холодные руки своего двоюродного брата он вложил собственные горячие.

— Мой господин и повелитель, прошу твоей милости для моих земель, — на мгновение он испугался, что забыл названия, — Каснов, Урнт, Келив, Клан, Мал, Снадро, Кор и Амал. Клянусь защищать их во имя короны от всех захватчиков, поддерживать тебя в войне и мире, быть верным трону и твоим наследникам, выполнять все обязанности вассала по отношению к господину. Клянусь в этом честью своего рода.

Король слегка притронулся к его плечу своим мечом.

— Милорд, моей милостью эти земли принадлежат тебе. Иди с миром.

Майкл Карл попятился. Голос уже перечислял земли Иоганна и его титулы, и тот шёл приносить клятву верности. Так и продолжалось. Подходили и уходили лорд за лордом. Майклу Карлу было жарко и тесно. Он уже начал сомневаться, что выдержит ещё хоть немного, как его локтя коснулся Урнч.

— Всё скоро закончится, ваше высочество, — прошеп-

тал он. — Ехать обратно верхом необязательно, если не хотите. Есть более короткий путь.

— Только так, — прошептал в ответ Майкл Карл. — Мне скоро конец.

Он ещё как-то умудрился распрямиться, когда король встал и пошёл вниз. Король поедет назад в карете. Повинуясь жесту Урича, Майкл Карл зашёл за трон и вслед за адъютантом скользнул к боковой двери.

— Я бы не предложил этого, — объяснил Урич, подзывая «роллс-ройс», стоявший на пустынной боковой улице, — но вы выглядите страшно усталым, и никто не заметит отсутствия вашего высочества, когда здесь король.

Майкл Карл со вздохом облегчения опустился на мягкое сидение.

— Который час?

— Четыре, — отвернув средневековую манжету, Урич посмотрел на весьма современные часы. — У вашего высочества имеются два часа на отдых и еду перед первой вечерней аудиенцией. Завтра мэр Рейна даёт государственный банкет, а вечером будет государственный бал.

Майкл Карл устало откинулся на спинку сидения и закрыл глаза.

— Ну кто в здравом уме захочет быть принцем? — спросил он.

Машина остановилась, и юноша поспешно выбрался из неё. Приветственные крики снизу обозначали проезд короля. С помощью Урича Майкл Карл прошёл через узкую боковую дверь и добрался до своих апартаментов. Лакей уже ждал, и вскоре принц освободился от кольчуги.

— На столе обед, ваше высочество, — кланяясь, сообщил лакей.

— Слава Богу. Ещё полчаса, и я бы просто скончался от голода. Куда вы, Урич? — спросил он, когда адъютант

направился к двери. — Хотя раз забудьте об этикете, садитесь и поешьте со мной. Да-да! Садитесь!

И вот вместе с Уричем, усевшимся по другую сторону стола, они принялись расправляться с едой.

— Неплохо, — заметил Майкл Карл, довольно осматривая стол. — Если вечер будет похож на утро, нам всё это очень даже понадобится.

Его крыло дворца казалось очень тихим. Даже город внизу как-то странно затих.

Адъютант заметил:

— Вам стоит передохнуть, пока есть время.

— Я воспользуюсь вашим советом насчёт отдыха, Урич, — ответил юноша, свёртывая салфетку. — Разбудите меня, когда пора будет одеваться.

Диван показался очень удобным. Но не успел Майкл Карл свернуться калачиком, как уже кто-то сильно затряс его плечо. Это был Урич, сменивший кольчугу на мундир гвардии принца.

— Ваше высочество должны немедленно встать. Мы опаздываем. Ванна ждёт ваше высочество.

Солнце зашло, и из открытого окна тянуло холодным воздухом. Майкл Карл торопливо умылся и задержал дыхание, когда лакей и Урич одевали на него тесный мундир. Застегнув пояс с саблей, Урич протянул ему перчатки и шлем. Адъютант продолжал поглядывать на часы. Он напомнил принцу Белого Кролика, который торопился на чай к герцогине*.

Пройдя по коридорам и лестницам через ряды кланяющихся придворных, Майкл Карл занял своё место в тронном зале у ступеней трона. А чуть позже объявили о прибытии короля.

Король снова вошёл один. Майкл Карл вспомнил, что однажды сказал ему брат: трон — очень одинокое место. И пожалел короля. Молодой человек в бело-серебристом мундире, садившийся на трон, был всего на несколько

лет старше него, Майкла Карла, но у короля никогда не будет настоящего друга, и, вероятно, он никогда не испытает подлинного удовольствия. Ему всегда придётся подбирать слова, обдумывать поступки, крайне осторожно относиться к своему окружению. Он пленник своего положения.

Урич возбуждённо дёрнул его за рукав.

— Чрезвычайный английский посланник и американский посол прибыли и ждут представления. Наше дело сделано.

Как Джек из коробочки, в дверях появился главный гофмейстер.

— Его превосходительство полномочный представитель её величества королевы Великобритании и его превосходительство посол Америки в Морвании.

Как по волшебству в зале образовался проход, и два спокойных человека прошли по нему к трону и протянули свои верительные грамоты; их принял герцог Иоганн, чтобы передать королю.

Эти два человека: один в вечернем костюме, другой в полном придворном мундире — стояли здесь, обозначая конец мятежа и полный успех роялистов. Монархия в Морвании укрепилась, и работа Майкла Карла была завершена.

Юноша шевельнулся и посмотрел на спокойное лицо короля. Когда он будет отпущен? Он стал слушать приветственную речь короля Морвании.

Глава семнадцатая

Майкл Карл уничтожает некий документ

Майкл Карл, принц Рейнский и владелец множества других бесполезных титулов, сбежал. Младший лейтс-

нант красных гусар сидел за столиком под вывеской Розы, усыпанным крошками завтрака, но младшие лейтенанты имеют мало общего с принцами.

Побег прошёл удивительно легко. Принц убедил Жана раздобыть для него мундир, сказав, что собирается разыграть его величество. Урич утром, когда заканчивался бал, зевал так широко, что нетрудно было убедить адъютанта, что хозяин тоже хочет спать. Переодевшись, Майкл Карл улизнул в боковые ворота.

Он не уходил навсегда, ему всего лишь хотелось немного подумать. Его раздражала невозможность остаться в замке наедине. Скомкав салфетку, он бросил на стол две овальные монеты, которые уходя сунул в карман. Надеясь, что этого достаточно (он ещё не имел возможности узнать, сколько стоит завтрак в Рейне), он встал и пошёл дальше.

Тут и там со столбов ещё свисали обрывки праздничных полотнищ, но в основном Рейн перседелся в рабочий костюм и утратил свои украшения. Коронация с её обильными церемониями закончилась. Рейном снова правит представитель династии Карлоффов, как все последние пятьсот лет. С приключениями покончено.

Майкл Карл спокойно шёл по городу. Все недели своей жизни в Рейне он по сути так и не побывал в нём. Вот он с удивлением вышел на заполненную людьми площадь. Гладкие и не очень гладкие лошади стояли рядами, как в армейском строю, иногда одну из них выводили и показывали небольшой кучке громкоголосых мужчин. Отдельно от лошадей стояли коровы, быки. Из корзин у центрального фонтана доносились голоса птиц всех разновидностей. Собаки лаем привлекали к себе внимание, они собирались сворами, ссорились, дрались, рычали друг на друга и на прохожих.

— Эй, парень! — внимание Майкла Карла привлёк знакомый голос.

Франц Ульман успокаивал нервную кобылу и улыбался Майклу Карлу из-за её спины.

— Герр Ульман!

— Правда, парень, я рад тебя видеть. Марта горевала, что с тобой что-то случилось, но мы надеялись на лучшее. Итак, ты уцелел, всё хорошо. И мне кажется, что с тебя хватит войны, а, парень?

Майкл Карл рассмеялся и слегка коснулся шрама на щеке.

— Война оставила свой знак. А что вы здесь делаете, герр Ульман?

— Это весенняя ярмарка, парень. Я получил приказ продать, что сочту нужным, поэтому привёл на торги гнедую кобылу и двух трёхлеток. Его светлость неплохо заработает. Видишь тех офицеров? — он указал на троих мужчин, идущих вдоль ряда лошадей. Майкл Карл узнал зелёный мундир волчьей стаи, чёрный — своей собственной гвардии и серый — иностранного легиона.

— Они покупают лошадей для армии, и я собираюсь продать им. Ты ещё не уходишь, парень? — Майкл Карл, опасаясь встретить знакомого, начал отходить.

— Если тебе пора уйти, приходи в гостиницу Пахаря повидаться с Мартой. Она о тебе беспокоилась, парень.

— Конечно, герр Ульман. Обязательно приду.

Трое офицеров были уже совсем рядом, и Майкл Карл едва успел скрыться за следующим рядом лошадей. Встреча с Францем Ульманом подбодрила его, и он действительно захотел увидеться с Мартой.

Чтобы добраться до противоположной стороны площади, нужно было пересечь собачьи ряды, и он делал это не торопясь. Майкл Карл всю жизнь хотел иметь собаку, тёплого друга, который всюду ходил бы за ним и жался к нему по ночам. Щенки, подпрыгивающие на неуклюжих лапах, бросающие ласм вызов всему миру, очаровали его.

— Доминде желает собаку? У меня есть очень хорошие, — к нему подскочил продавец в костюме горца. Майкл Карл печально покачал головой.

— Нет.

— Пусть доминде только взглянет. Может, и найдёт по своему вкусу, — наставлял торговец. Майкл Карл снова отказался, но не уходил. В самом конце ряда в гордом одиночестве лежал пёс, прекраснее которого Майкл Карл в жизни не видел, — огромный снежно-белый русский волкодав. Нос он глубоко зарыл в лапы.

Пёс, казалось, совершенно не интересовался окружающим, он даже не смотрел на прохожих. Торговец торопливо направился к нему.

— Это, доминде, очень хорошая собака. Господин в горах обучал её охоте на волков. Он сказал, что в его стране такие собаки именно для этого и предназначены. Когда он умер, у него была их целая стая. Собака дешёвая, доминде. В нашей земле таких не любят, хотя нескольких купил пастух. Они не торопятся становиться друзьями, но если полюбят человека, то на всю жизнь. Как, Алекс, правда?

Услышав звук своего имени, пёс поднял голову и, не обращая внимания на торговца, посмотрел прямо на Майкла Карла. Серьёзно и с достоинством встал, подошёл к юноше и сунул нос ему в руку, которую тот бессознательно протянул ему навстречу. И махнул хвостом.

— Доминде! — в голосе продавца звучало возбуждение. — Я никогда не видел, чтобы он так поступал. Он никого не замечает, а вас нашёл сам. Возьмёте его, доминде?

— Сколько? — спросил Майкл Карл, не отрывая глаз от собак.

— Доминде, он уже ваш. Я прошу пять груденов. Майкл Карл удивлённо посмотрел на него.

— Но это нелепо. Собака стоит в двадцать раз больше.

— Доминде, Алекс сам вас выбрал, разве можно в таком случае запрашивать? Для некоторых собак существует только один хозяин.

Майкл Карл смотрел на торговца с минуту, потом кивнул.

— Понимаю. Но вот сколько я заплачу, — он достал тяжёлый кошелёк и отсчитал пять банкнот. — Я думаю, это справедливая цена.

Продавец побледнел, увидев деньги.

— Доминде, вы настоящий принц! — Майкл Карл вздрогнул. — Да на эти деньги я проживу целый год. Вот... — он торопливо порылся в карманах и достал конверт. — Здесь родословная Алекса. Её нашли в документах господина, который его вырастил.

— Спасибо. Если встретишь пару для Алекса, отнеси эту карточку герру Францу Ульману в Коблен, — Майкл Карл написал несколько слов на обороте визитки, которая, должно быть, принадлежала прежнему хозяину гусарского мундира.

— Тысяча благодарностей, доминде. Алексе не понадобится поводок, — продавец наклонился и отстегнул цепь от ошейника пса. Встряхнувшись, пёс пошёл за Майклом Карлом через заполненный рынок.

Юноша расспросил о дороге и отправился в гостиницу Пахаря.

— Я хочу увидеть мадам Ульман, — сказал он улыбающейся девушке в вестибюле. Алекс свернулся у его ног, положив голову на носки сапог.

Когда Марта спустилась вниз, Майкл Карл встал.

— Мадам Марта, — воскликнул он, — я пришёл поблагодарить вас за ваши сэндвичи.

Она неуверенно всмотрелась в полутьму и негромко воскликнула:

— А, мальчик с розами!

— Кто же ещё, мадам Марта? Алекс, отойди и дай леди сесть. Герр Франц сказал, что вы беспокоились о моей недостойной особе, мадам Марта.

— Мы ничего не слышали о тебе... — объяснила маленькая женщина.

Майкл Карл поджал губы.

— Моё единственное извинение — я был очень занят.

— Это всегда так, паренёк. Но тебя что-то тревожит.

И Майкл Карл узнал, какое облегчение приносит рассказ о своих сомнениях и страхах.

— Я собираюсь усхать, мадам Марта, но мне кажется, что я этого не хочу. Я больше ни в чём не уверен.

— Но почему, скажи на милость?

— Я родился не в Морвании. Меня привезли сюда против воли, чтобы я занял место, соответствующее моему положению и званию. Но мне это не нравилось, и я хотел вернуться. Но тут я встретил своего родственника, мадам Марта. Мне захотелось остаться, но он знает, что я хотел сделать вначале. И он не просит меня остаться, а причина, чтобы находиться здесь, исчезла, и вот — я уезжаю.

— А ты уверен, что он не хочет, чтобы ты остался? — мягко спросила Марта, не спрашивая, кто такой этот загадочный «он».

— Он ничего не сказал. А я давал ему возможность. Так что, вероятно, надо прощаться, мадам Марта.

— А если бы он тебя попросил, ты бы остался с радостью?

Майкл Карл печально улыбнулся женщине.

— Разве нужно об этом спрашивать? А теперь давайте поговорим о чём-нибудь другом. Герр Франц сказал, что продаёт лошадей. Я хотел бы купить сестру Леди Злочки. Леди погибла. Её убили в бою.

Марта кивнула.

— Его светлость говорил об этом. Франц был рад, что она хорошо послужила.

Так они говорили, пока к ним не присоединился Франц, довольный выгодной продажей.

— Ты ещё здесь, парень. Отлично. Пообедаем вместе.

— Простите, герр Ульман, но мне пора идти. Прощайте, мадам Марта, — он вторично поцеловал ей руку. — До свидания, герр Ульман, и пусть солнце всегда освещает ваши розы. Пошли, Алекс.

И с улыбкой и прощальным взмахом руки он ушёл.

Он пересёк Кафедральную площадь и свернул на Пала Хорн. Дом, в котором он жил с Эриксоном, конечно, стоял на том же месте, но обстановка была уже не та: у входа стоял новый слуга и принимал письма у почтальона. Это больше не его дом. Майкл Карл миновал городской дом герцога Иоганна и повернул назад. Впервые ему пришлось в голову, что его отсутствие может вызвать тревогу во дворце.

Медленно, очень медленно он вернулся к боковому входу. Единственный часовой в ответ на пароль открыл калитку, и Майкл Карл прошёл во внутренний двор. На центральной башне развевался на ветру королевский штандарт. Алекс прижался к его ногам и негромко заснул.

Майкл Карл, почти никем не замеченный, прошёл через двор в небольшой сад, почву для которого привозили с холмов в телегах. Алекс заинтересовался и хотел было остаться, но юноша открыл дверь в стене, почти невидимую за густым плющом. Это было его собственное открытие, даже Урич об этой двери не знал. Лестница за дверью вела к его апартаментам.

Он поднялся наверх вместе с Алексом и оказался в своей спальне. Пижама по-прежнему лежала на постели,

как и положил её лакей несколько часов назад. Майкл Карл зашёл в гардеробную и сел на диван, чтобы снять сапоги. Не было никакой необходимости звать адъютанта или лакея. Голова его так отяжелела, словно была сделана из свинца. Может, если он положит её на одну-две секунды... Майкл Карл со вздохом свернулся на кушетке. Алекс внимательно посмотрел на него, потом тоже лёг.

Майкла Карла разбудил лай Алекса. Он сел и с глуповатым видом принялся тереть глаза. В двери стоял Урич. Он был не в состоянии подойти, потому что Алекс рычал на него.

— Алекс, это друг, друг, — заверил пса Майкл Карл. Пёс перевёл взгляд с Урича на Майкла Карла, потом бесшумно вернулся к дивану и сел.

— Могу я спросить, где были ваше высочество? — в голосе Урича облегчение смешивалось с гневом.

— Я выходил, — медленно ответил Майкл Карл. Вряд ли он сумеет когда-нибудь объяснить Уричу, почему уходил сегодня утром из дворца.

— Мы ищем ваше высочество уже несколько часов. Его величество очень встревожен. Он послал за вашим высочеством, но мы не смогли вас найти.

— Простите. Мне нужно было уйти. Я сейчас же пойду к его величеству.

Он тяжело встал и подошёл к зеркалу, чтобы пригладить волосы.

— Простите, Урич, — повторил он.

Офицер официально поклонился. Он всё ещё сердился. Юноша устало прислонился к краю столика. Ему хотелось принять ванну и пересодеться. Урич подошёл, он словно читал мысли Майкла Карла.

— Его величество совещается с представителями Торгового банка. Я думаю, у вас есть время пересодеться, —

он неслышно заходил вокруг, принёс мундир, позвонил, чтобы приготовили ванну. — Я сообщил его величеству перед тем, как собака вас разбудила, что вы вернулись, — добавил он.

Майкл Карл быстро переоделся. Король может послать за ним в любую минуту. Алекс признал лакея и Урича. Они ждут его хозяина, поэтому их можно терпеть.

Лакей подошёл к двери, чтобы ответить на стук, и выпусти офицера из королевской свиты.

— Его величество просит его высочество немедленно явиться в помещение Совета.

Приказав Алексу ждать вместе с Уричем за дверью, Майкл Карл вошёл в комнату, которую разглядывал через глазок из тайного прохода. В центре по-прежнему располагался большой стол, но занят был только один из стульев заговорщиков. Во главе стола на месте Кафнера, пытавшегося тогда примирить враждующие фракции своих сторонников, теперь сидел Ульрих Карл.

Юноша поклонился.

— Доброе утро, сэр.

— Вероятно, мне не стоит спрашивать причину твоего внезапного исчезновения сегодня утром? — голос звучал холодно и отчуждённо.

— Мне хотелось подумать. Но здесь я думать не могу и потому ушёл в Рейн. Не думаю, чтобы меня узнали, — собственное объяснение показалось Майклу Карлу неубедительным. Но почему Ульрих Карл так изменился? После коронации он стал совсем другим.

Король медленно встал и подошёл к окну. Остановился там спиной к Майклу Карлу.

— Думаешь, ты поступил разумно? — холодно спросил он.

— Возможно, и нет, — принца уязвил тон брата. — Но я не привык к этому... ко всему этому... — он неопределённо махнул рукой. — Иногда мне нужна свобода.

Король повернулся.

— Ты хочешь быть свободен. Поэтому я тебя и пригласил, — он подошёл к столу и взял листок плотной бумаги.
— Нужна твоя подпись на этом.

Майкл Карл подошёл, взял листок и стал читать. Неожиданно он поднял голову.

— Это отречение от моего права на трон?

Король кивнул.

— Я организовал твоё возвращение в Америку. Я надеялся... но сейчас это уже неважно. Можешь уехать в конце недели.

Не обращая внимания на этикет, Майкл Карл сел. То, чего он боялся, оказалось правдой: он не нужен брату. Не будет поездки в летний дворец, не будет таких дней, как на Пала Хорн. Он тоже надеялся... Юноша взял ручку.

«Майкл» получилось отчётливо и твёрдо, но «Карл» пошатнулось. Он был рад, что всё-таки смог подписаться. Передвинул листок по столу.

— Благодарю ваше величество за доброту. Может быть... может быть, прошедшие несколько месяцев оказались лучшими в моей жизни. Я жду ваших дальнейших приказаний.

Он направился к двери, но, положив руку на дверную ручку, повернулся. Ульрих Карл стоял, держа в руке документ и... руки его дрожали. Майкл заговорил быстро, не раздумывая.

— Я бы хотел, чтобы всё кончилось по-другому.

— Всё правильно. Короли всегда одиноки, — Ульрих Карл смотрел на листок.

Майкл Карл вздрогнул.

— Вы тоже хотели бы, чтобы получилось по-другому?

— Сейчас уже неважно, чего я хотел. Можешь идти.

Но Майкл Карл знал — он знал, что под оболочкой короля скрывается Эрикссон. Он не заметил, как вернул-

ся к столу. Может, перелетел, таким лёгким он себе показался. Неужели это он, Майкл Карл, вырвал глупую бумагу из рук брата и с таким удовольствием разорвал её?

— Нравится вам это или нет, Ульрих Карл, — заявил он, с радостью бросая обрывки на стол, — но я остаюсь.

— В самом деле? — голос короля прозвучал резко. Маска, которую он носил последнее время, спадала с его лица.

— Конечно. Без моего согласия вы ведь не можете меня выслать. А если попробуете... я... я подниму мятеж! И что тогда с вами будет?

Ульрих Карл радостно рассмеялся.

— Я лично помогу тебе, потому что ты больше никогда не уйдёшь от меня, Майкл Карл.

Принц собрал со стола обрывки бумаги и серьёзно подошёл к окну.

— Что ты делаешь? — спросил его брат.

— Смотрю, как некое отречение отправляется туда, куда и следует.

— Скатертью дорога, — добавил Ульрих Карл, наклонившись рядом с ним и глядя, как обрывки бумаги летят по ветру.

— Ты меня испугал, — признался он чуть погодя. — Когда ты подписал, моё сердце ушло в пятки да там и осталось.

— По вашему лицу догадаться об этом было невозможно. Я уезжал, потому что думал, что я вам не нужен.

— Не нужен! — то, как произнёс это Ульрих Карл, устранило последние сомнения его двоюродного брата.

Они посмотрели друг на друга, и король расхохотался.

— Теперь, когда всё это кончилось, недоразумение разъяснилось, как мы проведём наши каникулы?

— Подождите. Посмотрите, кого я купил сегодня утром, — Майкл Карл подошёл к двери и подозвал Алекса.

— Ну и ну! — воскликнул Ульрих Карл. — Где ты его взял?

— На птичьем рынке. Как он вам нравится?

— Красавец. И, наверное, он посидит в одной машине с нами?

— Конечно! — с негодованием ответил Майкл Карл и потянул Алекса за длинные мягкие уши.

— Конечно, — серьёзно подтвердил Ульрих Карл, но он улыбался, глядя на них, улыбался, как Эрикссон, и Майкл Карл наконец-то почувствовал себя дома.

Тем временем в зал Совета вошёл как всегда расслабленный герцог Иоганн. Он сонно улыбнулся.

— Я рад, сэр, что работа моих секретарей, подготовивших текст отречения, пошла прахом. Получу ли я удовольствие поучить ваше высочество теннису?

— Да, — ответил Майкл Карл. Глаза его блеснули.

Глава восемнадцатая

Вот и конец этой истории

Марта Ульман срывала засохшие лепестки с розового алтея у двери своего дома, когда щёлкнула щеколда калитки. Она удивлённо подняла голову. Посетители были редки на племенной ферме герцога.

По дорожке шагал юноша. Юноша в белой рубашке с оборванной пуговицей. Его чёрные брюки для верховой езды свидетельствовали о долгих поездках. Но пёс, следовавший за ним по пятам, выглядел явным аристократом, а лошадь, которая виднелась у калитки, была породистая и чистокровная. Юноша насвистывал, но замолчал, увидев Марту.

— Мадам Марта!

Она сделала книксен.

— Добро пожаловать, ваше высочество, — поздоровалась она, негромко ахнув.

— Значит, вы узнали меня, мадам Марта? — спросил юноша.

— Да.

— Ну, неважно, — счастливо воскликнул юноша. — Для вас я всегла буду пареньком. Так что забудьте об этом, мадам Марта. Я пришёл сказать, что я остаюсь и что мне это нравится.

— Я так и думала, паренёк, — тихо сказала Марта.

Содержание

ВЕЕР С ГЛАЗАМИ ИЗ ОПАЛА 3

Перевод Д. Арсеньева

ПРИНЦ ПРИКАЗЫВАЕТ 221

Перевод Д. Арсеньева

Андрэ Нортон
Принц приказывает

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск *Гусейнов Ильгар*
Ответственный редактор *Голованёв М. В.*
Редактор *Прилишко К. В.*

ЛР № 070157 от 02.10.91 г.
Сдано в набор 20.07.95 г. Подписано в печать 26.09.95 г.
Формат 84 x 108 1/32. Бумага книжно-журнальная.
Печать высокая. Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 21,3.
Физ. п. л. 13. Тираж 25 000 экз. Заказ № 3604.

Издательство «Сигма-пресс».
107140, Москва, Б. Краснопрудный туп. 8/12.
Издательство «Зеленоградская книга».
103489, Москва, Зеленоград, корп. 448, кв. 1.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Роскомпечати.
127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

